

ПУСТИ К СЕБЕ СВЕТ

НИК УИЛГУС

Когда мать семилетнего Ишмаэля Гуда уходит в субботу вечером и пропадает, мальчика забирают к себе дядя Ишмаэля Генри и его бойфренд Сэм. Выстраивая новую совместную жизнь, троица встречается как с поддержкой, так и с враждебностью со стороны жителей их родного городка в штате Миссисипи. У всех и каждого имеется на их счет свое мнение, высказывать которое никто не стесняется. Пока маленькая семья встает на ноги, ей угрожают внешние силы — и призраки прошлого. Для Генри, который еще не оправился после трагической смерти родителей, оказывается непросто открыть свое сердце нуждающемуся в заботе ребенку. Но как только их жизни вновь озаряет свет, возвращается мать Ишмаэля, и мир погружается в хаос.

Перевод: Cloud Berry

Глава 1

Вам лучше приехать

— Ты собираешься отвечать или нет? — спросил Сэм, хмуро глядя на меня застанными глазами. На часах было чуть больше пяти утра.

Телефон настойчиво прозвонил еще раз.

— Ну и? — сказал он.

Я взял трубку.

— Алло?

— Можно поговорить с Генри Гудом? — Голос на том конце линии явно принадлежал пожилой чернокожей женщине.

— Хен слушает, — сказал я.

— Хен?

— Мое имя — Генри, но все зовут меня Хен, — пояснил я.

— О. — Она откашлялась. Судя по хрипотце в ее низком голосе она или была когда-то, или являлась заядлой курильщицей. — Вы, часом, не родственник Иши Гуду, парнишке, который...

— Он мой племянник. Что-то случилось?

— Вот вы и скажите мне, мистер Хен. Он постучался ко мне этим утром, когда петухи еще даже не встали. Думается мне, вам лучше приехать.

— Он что, хулиганил?

— Господи, нет. Ничего такого. Его мамаша куда-то запропастилась, вот о чем я толкую вам, мистер Хен. Вечером в субботу ушла и...

— Но сегодня... погодите-ка... вторник?

— Дорогой, а то я сама не знаю. Он напуган. Услышал, верно, как я хожу у себя, вот и пришел. Видит бог, я теперь всегда подымаюсь в такую рань. В общем, лучше бы вам приехать за ним, не то мне придется кого-нибудь вызвать. У него при себе был на бумажке ваш номер. Генри Гуд. Вы кто ему, дядя?

— Так точно.

— Что-то я вас не видала.

— Мы с сестрой не особенно ладим.

— Вы бы забрали его, или мне придется...

— Уже выезжаю.

— Ушла еще когда — в субботу! — и на все время оставила его одного! Господи, и знать не хочу, что бы сказала полиция.

— Я не знаю, как вас зовут.

— Не знаете, дорогой, и не надо. Просто приезжайте и заберите его.

И она повесила трубку.

— Что за черт? — спросил Сэм.

— Сара оставила Иши одного и ушла.

— Но ему всего... сколько? Лет пять?

— Уже семь.

— И она бросила его одного?

Хмурый взгляд, который я выдал на это, был полон стыда — за себя, за свою младшую сестру, за то, что мы вольно называли «семьей».

Сэм сел на кровати и, чтобы прикрыть наготу, набросил на себя простыню. Его светлые волосы, немного потемневшие к тридцати, после сна стояли торчком.

— Уверен, что все нормально, — сказал я.

— Бросать детей без присмотра, Хен, это далеко не нормально. Иисусе! До чего же твоя сестра иногда выбешивает меня. Поехать с тобой?

— Тебе надо открывать магазин.

Я оделся, сделал свои дела в туалете.

Сэм в чем мать родила и с сумрачным выражением на лице проводил меня до двери.

— Я скоро вернусь, — сказал я и отпустил глаза прогуляться по его крепкому телу. Он больше не был тем маленьким мальчиком, с которым я столько лет назад подружился в начальной школе Винегар-Бенда, с которым мы вместе ходили в походы и на рыбалку, состояли в скаутах и хулиганили, как и все прочие малолетние озорники. Не был он и тем высоким и стройным членом команды по плаванию, который в десятом классе лишил меня девственности. Это судьбоносное событие произошло в этом же самом доме, в моей старой комнате на втором этаже.

Он стал старше, но по-прежнему был моим Сэмом.

— Не угостишь меня сахарком перед уходом, а, Генри Гуд? — спросил он.

Я наклонился и поцеловал его.

— Ты знаешь, что я без ума от тебя? — спросил он.

Я кивнул.

— А ты без ума от меня?

— Периодически, — признал я.

— Если увидишь свою сестру, засунь ей в задницу ногу и пару раз проверни.

Глава 2

Ишмаэль

Моя младшая сестра Сара жила на другом конце округа, в муниципальном жилье близ Абердина. Она вела достаточно замкнутый образ жизни — насколько это позволяли ее

частые стычки с законом. Я бы не удивился, если бы к двадцати годам она оказалась в тюрьме, однако ей исполнился двадцать один, и она по-прежнему умудрялась выходить сухой из воды. Но, похоже, на сей раз удача ей изменила.

Я припарковался и увидел стоящего на крыльце Ишмаэля. Он ждал меня и сразу побежал босиком мне навстречу.

— Дядя Хен!

Он был одет в шорты и грязную майку. Его длинные черные волосы были спутанными, засаленными, голубые глаза покраснели от слез. С шуплыми плечами и хрупким телосложением он всегда казался слишком маленьким и недоразвитым для своего возраста — его матери было всего четырнадцать, когда она его родила, и тринадцать, когда она забеременела. Когда он подрос, стало ясно, что он заторможен. Его проверяли на умственную отсталость и на нарушение способности к обучению, но врач ни к каким однозначным выводам не пришел. Что-то в бледном лице Иши подсказывало, что он не самый острый карандаш в коробке. Он шурился на мир своими маленькими, как у хорька, глазками, словно не мог постичь его до конца. Кожа у него была бледной, почти прозрачной.

Он бросился ко мне в объятия. Пахло от него просто ужасно, как будто он не мылся несколько дней. Скорее всего, оно так и было.

— Дядя Хен!

— Эй, — сказал я. — Все хорошо.

— Дядя Хен!

— Иши, я здесь.

— О, дядя Хен! О!

С каждым «дядя Хен» его вскрики становились все мучительнее.

Вцепившись в меня, он непрерывно всхлипывал, его бледные руки крепко обнимали меня за талию, маленькое испуганное лицо прижималось к моему животу. Ему было всего семь лет. Должно было исполниться восемь за пару дней до Рождества.

— Иши, все хорошо, — произнес я.

Его слезы изливались из какого-то потаенного, несчастного места.

— Дядя Хен! Я... я... я... о!

— Все хорошо, — повторил я, мягко покачиваясь с ним взад-вперед.

— Моя мама...

— Ну все, все, тише.

— Мама...

— Все хорошо.

— Дядя Хен! Мама, она ушла...

Из соседней квартиры вышла пожилая чернокожая женщина. Неодобрение на ее лице было таким густым, что его можно было бы намазать вместо масла на бутерброд, и еще осталось бы для картофельного пюре. Вне всяких сомнений, именно она мне и звонила. Женщина не сделала и попытки представиться. Выражение ее глаз недвусмысленно сообщало, что свой долг она выполнила, и на этом ее участие в деле закончено. *Мне тут не нужны неприятности с белыми*, говорили ее глаза.

Я кивнул.

Она скрылась за дверью.

Ишмаэль, пытаясь совладать с собой, сотрясался под моими руками.

— Иши, где твоя мама? — спросил я.

— Дядя Хен, я не знаю. Мама ушла.

Мы зашли внутрь, и меня ошеломило сразу несколько вещей. Во-первых, запах, а во-вторых, тот факт, что квартира превратилась в помойку. Сара, наверное, не убиралась здесь с января — с тех пор, как после рождественских праздников я сам наводил тут порядок.

— Давай-ка ты сходишь в душ? А потом мы поедем.

Он опустил голову и не сдвинулся с места.

— Иди, — сказал я. — Тебе надо ополоснуться. От тебя плохо пахнет.

— Ты никуда не уйдешь? — спросил он нерешительным голосом.

— Я тебя подожду.

— Обещаешься, дядя Хен?

— Естественно, обещаю. Ты чего?

Он остался стоять, где стоял.

— Я буду ждать прямо за дверью, — сказал я, подтолкнув его к ванной. — Есть у тебя в этом бардаке чистые вещи?

Он только пожал плечами.

Глава 3

Что-что сделала твоя мама?

— Твоей мамы нет с самой субботы? — спросил я по дороге домой.

Я все пытался уложить в голове тот факт, что Иши провел в одиночестве ночь с субботы на воскресенье, все воскресенье, потом ночь с воскресенья на понедельник, весь понедельник и ночь на вторник. Два дня. И три ночи. Для семилетнего мальчика это было черт знает как долго. А сегодня утром голод и страх выгнал его на маленькую парковку около дома, где он искал еду, участие, свою мать.

— Она встретила каких-то людей, — сказал он.

— И не вернулась?

Он покачал головой.

— Почему ты прождал столько времени, прежде чем позвонить мне?

— Мама сказала не соваться на улицу.

На сорок пятом шоссе движение немного застопорилось. Меня ждали дела по хозяйству, готовка, стрижка газонов и смена во «Всегда экономь». Ишмаэль безо всякого выражения на лице смотрел на простирающиеся за окошком поля.

— Твоя мама не сказала, куда пошла?

Он покачал головой.

— Что же ты не позвонил раньше?

— Мама сказала, нельзя. И телефона-то у меня все равно нету. Мама говорит, сначала я должен стать постаршей.

Я нахмурился. Потом опять набрал Сару, но у нее снова включился автоответчик. Я оставил еще одно сообщение:

— Сара, это опять Хен. Слушай, какого черта? Я забрал Иши и сегодня, так и быть, подержу его у себя, но ты должна как можно скорее вернуться. Господи, просто не верится! Тебе еще повезет, если твою задницу не кинут в тюрьму за то, что ты оставила его без присмотра. Что я, по-твоему, должен с ним делать? Уж не знаю, где ты находишься, но

возвращайся домой и сама разбирайся со своими чертовыми проблемами.

Я отключился, пока мой рот не успел наболтать еще что-нибудь, чего не стоило говорить в присутствии маленького ребенка. Он был не виноват, что его мама сбежала, но что, черт побери, мне полагалось с ним делать?

Обиженный или испуганный моим тоном или словами, он опустил глаза и уставился себе на коленки.

— Я не так выразился, — устыдившись, проговорил я. Но, конечно, я выразился именно так, как хотел. Просто не ожидал, что это прозвучит так прямолинейно и зло. — Я не знаю, как заботиться о тебе, вот и все. Я не знаю, что надо делать. О чем вообще думала твоя мать?

Он не ответил.

— Ну хватит, — сказал я, увидев, что он отказывается смотреть на меня. — Не веди себя так. Я не хотел.

Он закрыл руками лицо и заплакал.

— Прекрати. Я же перед тобой извинился! Господи!

Всхлипывая, он отвернулся к окну.

Глава 4

Ковбоец

Мы с Сэмом жили в двухэтажном домишке с тремя спальнями, где я вырос и где, скорее всего, мне предстояло и умереть. Он находился в трех милях от Бенда — так местные называли городок Винегар-Бенд в округе Монро, штат Миссисипи.

Когда после пятнадцатиминутной поездки мы выбрались из пикапа, к нам подбежала Шарла — гончая, которую я спас из собачьего приюта в Абердине. У нее была черная с проседью шерсть, и она прихрамывала на заднюю лапу. Шарла была большой любительницей пооблизываться, что немедленно выяснил и Ишмаэль. Она довольно быстро завоевала его симпатию, и он погрузился своими ручонками в ее шерсть, словно она была старым, обретенным после долгой разлуки другом.

Наш дом был окружен старой верандой, деревянные столбики которой поддерживали покатую крышу, правда, уже не так надежно, как раньше. На огороде с западной стороны росли в изобилии помидоры, бобы, горох, баклажаны и клубника — большую часть всей этой продукции я продавал по субботам на фермерском рынке. За домом находились крольчатники и просторный курятник. Еще там был небольшой амбар. Сарай. Старый колодец. Дрова для печи. И коза, которую я назвал Ромни. Все это стояло посреди густого леса среди сосен, дубов, магнолий и обильно разросшейся кудзу. Дорожка в лесу вела к маленькой речке, притоку большой Томбигби.

На крыльцо вышел Сэм, в костюме и галстук — он был менеджером во «Всегда экономь», продовольственном магазине в Бенде, которым владели его родители. Там же, ради дополнительного заработка, трудился в дневное время и я. Но летом основной доход мне приносили стрижка газонов и уборка на задних дворах.

— Привет, Иши, — сказал Сэм. — Давненько мы с тобою не виделись. Помнишь меня? Своего дядю Сэма?

Ишмаэль стоял, опустив глаза, пугливый и робкий. Шарла все приставала к нему, выпрашивая внимание, а он занимал себя тем, что гладил ее.

— Как ты, ковбоец? — еще раз попытался добиться ответа Сэм. — Ты помнишь своего дядю Сэма?

Ишмаэль не ответил.

— Ты так вырос. Стал прямо вылитый дядя Хен. Только не такой страшный.

Этим он заслужил крошечную улыбку.

— Ну спасибо, — сказал я.

— Ладно, вы оставайтесь, а я пошел. — Сэм легонько потрепал его по руке. — Рад снова тебя видеть, ковбоец.

Ишмаэль взглянул на него, затем быстро опустил глаза, словно вспомнив, что в прошлом его дядя Сэм уже называл его таким прозвищем.

— Может, скажешь «пока»? — предложил я.

— Пока, — тихо пробормотал он.

— Иши, я привезу тебе холодную газировку. Как тебе такая идея?

— Правда? — сказал он, и его лицо чуть-чуть посветлело.

— Конечно, ковбоец.

— О.

Сэм побрел к своему новому пикапу.

Глава 5

Домашние дела

— Хочешь познакомиться с Ромни? — спросил я, когда мы перекусили.

— Кто это? — спросил Ишмаэль.

— Увидишь. Идем.

Я отвел его на задний двор, и мы выполнили все утренние дела — накормили и напоили цыплят, кроликов, Шарлу и Ромни, которую теперь оставалось лишь подоить.

— У тебя есть коза? — спросил он недоверчиво.

— Ее надо доить два раза в день, — сказал я.

— Фу, гадость!

— Пробовал когда-нибудь козье молоко?

— Нет.

— Тебе понравится.

По его лицу было видно, что он считает иначе.

— Хочешь помочь подоить ее?

— Ну нет! — Он очень серьезно покачал из стороны в сторону головой, сбросив с глаз темные волосы.

Ромни было почти два года. Ее набухшее вымя было готово отдать молоко. Самым лучшим в Ромни являлось то, что, объедая траву вокруг дома, она держала под контролем весь двор. Правда, она имела склонность забредать далеко от дома, и ее частенько находили на соевом поле судьи Круквальда вниз по дороге.

— Показать тебе, как это делается? — спросил я, когда Ромни, почуяв дойку, вскочила на ноги.

На лице Ишмаэля отобразилось сомнение.

Я поставил под живот Ромни ведро, ухватился за один из ее сосков и мягко потянул за

него, чтобы выпустить чуть-чуть молока. Она взмахнула хвостом и заблеяла, но сразу же успокоилась, и я приступил к делу. Ишмаэль заворуженно наблюдал за тем, как ведро наполняется молоком.

— Вы его пьете? — спросил он.

— Еще и сыр из него делаем.

— Фу!

— Она не кусается, — сказал я, — но будь осторожен. Она может боднуть.

— Как это?

— Она любит толкать людей лбом. Может подкрасться сзади. Так что следи за ней.

— О.

Он протянул руку и осторожно погладил Ромни по шее, а я задался вопросом, водила ли Сара его когда-нибудь в зоопарк или в «Баффало-парк» в Тупело, где, кроме бизонов, было множество разнообразных животных.

— Ты когда-нибудь видел живую козу? — спросил я.

— Нет.

— А в зоопарке был?

— Нет.

— Хочешь сходить?

— Мама обещала сводить меня в том году, но у нее не было денег.

— Я тебя отведу.

— Правда?

— Конечно. В эти выходные и сходим.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— Не врешь?

— Зачем мне врать?

Но он не ответил.

Глава 6

С ней наверняка все будет в порядке

— Дядя Хен, я хочу пить, — вытирая вспотевший пот, сказал Ишмаэль. Вдобавок к жажде он явно устал и мучился от жары. По его груди струйками стекал пот.

— Опять?

Он кивнул.

— Холодильник сзади в пикапе, — напомнил я.

Он ушел, понурив узкие плечи.

Мы работали в маленьком дворике мисс Иды Несбит на Пятой улице в Бенде. На сегодня это был наш третий и последний двор. Я хотел разделаться с ним до обеда, чтобы у нас осталось немного свободного времени перед моей сменой во «Всегда экономь».

Я смотрел, как Ишмаэль уходит к моему маленькому пикапу и запрыгивает в кузов, чтобы достать из переносного холодильника бутылку воды. Все утро он, как потерянный, ходил за мной по пятам — печальный, растерянный, пугающийся собственной тени. Он почти все время молчал и казался встревоженным, словно боялся меня потерять.

— Отдохни, — предложил я, когда он прибрел обратно.

Он присел на край каменного бордюра, окружавшего клумбу, и стал смотреть на меня своими бледно-голубыми непроницаемыми глазами.

— Дядя Хен, у нее все в порядке?

— У твоей мамы? Уверен, что да.

— Вдруг она никогда не вернется?

— Вернется.

— А вдруг нет, дядя Хен?

Я попытался изобразить легкую, успокаивающую улыбку, но точно такие же мысли одолевали и меня самого.

— Я волнуюсь, — тихо сказал Ишмаэль.

Я присел перед ним на корточки.

— Вдруг с нею что-нибудь случилось? — не унимался он.

Я молча обдумал этот вопрос.

— Вдруг она никогда не вернется? — повторил он испуганным шепотом.

Я не знал, что сказать.

— Она любит меня! — Он произнес это с таким нажимом, словно хотел развеять все возможные возражения, которые имелись у меня по этому поводу.

— Уверен, что так и есть, — сказал я.

— Она не бросит меня, никогда-никогда!

— С ней наверняка все будет в порядке.

— Я теперь лучше учусь!

— Я в этом не сомневаюсь.

— И я стал старше!

— Тебе почти восемь, угу?

Кусая губу, он опустил глаза.

Глава 7

Мисс Ида высказывается

Из-за дома появилась мисс Ида. Она была крупной женщиной — «большой девочкой», как говорили у нас. Во время ходьбы на ней покачивалось туда-сюда великое множество всего, и не в последнюю очередь ее огромные груди. Ходьба была для нее трудоемким, времязатратным процессом. Не стану бросаться в крайности и говорить, что под ее поступью сотрясалась земля, но лишь потому, что земля в наших краях состояла из красной глины.

— Как идут дела, Хен? — спросила она своим зычным голосом.

— Хорошо, — сказал я. — Вот, заканчиваю с петуниями.

— Привел с собой друга?

— Племянника. Ишмаэль, это мисс Ида. Поздоровайся с ней.

Ишмаэль поднял глаза на эту необъятную женщину, которая к тому же была очень высокой, и предъявил слабую улыбку.

— Сарин мальчик?

— Да.

— Господи, эта твоя сестра...

— Да уж, — неопределенно откликнулся я.

— Вторую такую еще поискать надо, Хен. Уж она помотала твоей бедной матери нервы, точно тебе говорю! Он дурачок?

— Нет.

— О. Просто он выглядит... ну, ты понимаешь. Как тот паренек в «Избавлении», который играл на банджо. Оно, наверное, так и бывает, когда твоя мама рождает тебя в четырнадцать лет.

Я выдернул сорняк и ничего не ответил.

— Я думала, мисс Сару отправили...

— Она получила условно, — сказал я.

— Бедная твоя матушка. Каких только людей не носит земля. Неудивительно, что она умерла от разбитого сердца. Хен, пока ты здесь, может, поможешь мне с сеткой на задней двери? Не закрывается до конца.

— Я посмотрю.

Она умолкла.

Я поднял голову и, увидев в ее глазах искорку, морально приготовился к продолжению.

— Тебе нужна подруга, Хен.

— Мне и так хорошо.

— Вот не надо тут мне!

— Я серьезно.

— Ты просто еще не встретил ту самую, — с уверенностью сказала она. — Дал бы местным девчонкам хоть половинку шанса, знаешь, сколько из них ухватились бы за него. Господи, Хен, тебе почти тридцать.

— Мне нравится быть одному, — выдвинул я новый довод. — И потом, мне всего двадцать девять.

— Пф-ф! — фыркнула она неодобрительно, и ее большая грудь колыхнулась. — В Первой Баптистской скоро будет собрание с мороженым. Принарядись немного, Хен, надень рубашку и галстук — помяни мое слово, ты запоешь совсем по-другому, когда под боком у тебя появится женщина!

— Я хожу в церковь Святого Спаса.

— Можно подумать, католикам нельзя заглянуть, если захочется. И потом, как будто ты нашел кого из католичек у себя в Святом Спаса. Господи, Хен!

— Ценю вашу заботу.

— Одному-то плохо, поди. Ненормально так жить. Вам в доме нужна женщина, Хен. А то живете с Сэмом одни... неправильно так. Надо, чтобы за вами приглядывала женщина. За вами обоими.

— У нас все в порядке, мисс Ида.

— Я начинаю подумывать, уж не из «голубых» ли вы с ним, — сказала она со смешком. — У меня был такой дядя. Мы, конечно, помалкивали о нем, уж больно оно противоестественно и все такое, и кто-то из мальчишек Гриффина уводил его в лес, чтобы урезонить немного — ты знаешь, как оно делается. Сломали ему, если мне правильно помнится, руку, и ему еще повезло, что одну только руку. Он потом уехал в Новый Орлеан или еще куда. С тех пор мы его больше не видели, да и не надо нам в Бенде таких. Вот еще, чтобы они насмехались над Словом Божьим! Ты-то не такой, Хен, я знаю, но, видишь ли,

люди болтают...

— Уверен, что непременно кого-нибудь встречу.

Она оглядела результаты моих трудов и одобрительно улыбнулась.

— Хен, ты слыхал о том американце? Которому террористы отрезали голову. Вчера вечером показывали в новостях...

— О?

— Там, в Ираке. А этот в Белом доме сидит себе и в ус не дует, пока его народ убивают! Позор!

Я ничего не ответил.

— У нас в Бенде тоже завелись эти «песчаные ниггеры». Тот парень, у которого автозаправка... как его...

— Мистер Хасан?

— Точно. Он самый.

— Он вроде бы ничего, — сказал я.

— Он из Пакистана. Или из Греции. Откуда-то оттуда, где террористы.

— Он с семьей ходит в Святого Спаса. Они хорошие люди, мисс Ида.

— Некоторые, может, и неплохие. Мне все равно, какого они цвета, лишь бы оставались, как им положено, на другом конце Бенда. Я обеими руками за толерантность и прочую чепуху, но только не тычьте меня в это носом. И лучше бы тому «песчаному ниггеру» не высовываться, раз его народ отрезает нашему головы. Мы такого у себя не потерпим, упаси нас Господь!

— Он не мусульманин, — заметил я.

— Пф-ф! — Она вытерла своей большой ладонью лицо. — Все они одинаковы, террористы. Почему этот в Белом доме раз и навсегда не разбомбит их, я просто не понимаю.

Я испустил мысленный вздох.

— Так, Хен. А о петиции ты слыхал?

— О которой?

— Все этот новый мэр, — сварливо проговорила она.

— Что с ним?

— Вечно он мутит воду.

— Что на сей раз?

— Известно, что — «Уолмарт». Опять сочинили петицию. Ума не приложу, почему нельзя просто взять и построить это чертово здание, прости мой французский. Тошно уже ото всех этих треклятых петиций.

— Некоторые против «Уолмарта».

— Все лучше, чем кататься аж в Эмори, нет?

— Но это выбьет из бизнеса многих местных — у них не получится конкурировать.

— Так пускай понизят свои чертовы цены!

— Думаю, все не настолько просто.

— Знаю, Сэму это не нравится. А чего еще ожидать, если у его семьи все эти продуктовые магазины? Небольшая конкуренция им не повредит. Мы, знаешь ли, живем в свободной стране.

— С большими корпорациями конкурировать невозможно.

— Пф-ф!

Я захлопнул рот. Если что и могло вывести Сэма из равновесия, так это перспектива заполучить прямо в черте города «Уолмарт» — или «Уолмарте», как называли его некоторые в наших краях.

— Ладно, Хен, не забудь перед уходом посмотреть мою дверь. Видел бы ты, сколько мух залетело в дом! Боже помилуй!

— Через минуту приду.

Глава 8

Мне нужно уединение

Мы заехали домой, чтобы по-быстрому пообедать бутербродами с колбасой и сорванными прямо с грядки помидорами и огурцами.

— Ешь, — сказал я. — У меня смена во «Всегда экономь», так что домой мы вернемся не скоро.

Ишмаэль без энтузиазма смотрел на еду, и близко не такой голодный, каким он был этим утром.

— Поешь хоть немного, — сказал я.

— Сейчас не хочется, дядя Хен.

— Все равно поешь. Мы вернемся только в шесть или в семь.

Он взялся за бутерброд и чуть-чуть откусил от него.

— Мне надо сходить в душ перед работой. Ничего, если ты немного посидишь тут один?

Он пожал плечом.

— Если хочешь, можешь посмотреть телевизор.

Он ничего не сказал.

Когда я направился к ванной, он пошел за мной следом. Словно думал, что я могу убежать от него. Я усадил его на ступеньку лестницы, которая вела на второй этаж и которую я несколько лет назад перекрыл.

— Наверх не ходи, — сказал я.

Он поднял голову. Вход на второй этаж закрывала тяжелая штора, которая загораживала все, что находилось за ней.

— Ты слышал, что я сказал? — спросил я. — Наверх никто не заходит. Таково правило.

Он пожал плечами и снова перевел свой потухший взгляд на меня.

Я поспешил в душ, чтобы поскорее смыть с себя утренний пот и усталость. Закончив, я обернул вокруг талии полотенце и открыл дверь, намереваясь пойти к себе в комнату и одеться.

Ишмаэль стоял прямо за дверью и сосал большой палец. На меня он не посмотрел, как и не объяснил, что он тут делает.

— Парень, все хорошо?

Он не ответил.

— Я только оденусь, и мы сразу поедem. Окей?

Пока я шел к себе, он безмолвно следовал за мной по пятам.

— Мне надо одеться, — сообщил я опять, когда он зашел за мной в комнату. — Мне нужно уединение.

Он ничего не сказал.

— Слушай, парень, мне надо одеться. Выходи давай, ну же! Кыш! Брысь отсюда!

Он опустил глаза, сунул в рот большой палец и не двинулся с места.

— Иши! Я попросил тебя ко всем чертям выйти из комнаты!

Он все сосал свой палец.

— У тебя кукурузные початки в ушах или что? — Я начал медленно закипать.

Тишина.

— Может, отвернешься хотя бы? — спросил я.

Он просто стоял — не глядя на меня, не глядя вообще ни на что.

Я спрятался, насколько это было возможно, за дверцей шкафа и с чувством неловкости и стеснения переоделся.

— Тебе на все положить, да? — спросил я, когда вышел и встал перед ним.

Он не ответил.

— Перестань сосать палец. Ты не младенец.

Он отвернулся.

Я потянул его за руку и приказал:

— Прекрати!

Он вздрогнул, словно испугавшись, что я ударю его, но палец остался на месте.

— Господи, ты слишком взрослый для этого бреда! — сказал я.

Точно защищаясь, он втянул голову в плечи.

Глава 9

Милосерднее была бы лоботомия

Когда мы прибыли во «Всегда экономь», вокруг кассовых аппаратов крутилась, подметая пол, Дебби, старшая сестра Сэма, — по-южному хорошенькая, с копной осветленных пышных волос. В отличие от Сэма она была невысокой и благодаря двум детям и третьему на подходе с каждым днем раздавалась вширь.

— Кто этот маленький человечек? — спросила она жизнерадостно.

— Это Ишмаэль, мой племянник. Мы зовем его Иши.

— Привет, Иши, — сказала она. — Меня зовут Дэбби. Я сестра Сэма.

Он немо уставился на нее.

— Поздоровайся же! — не выдержал я.

Он как молчал, так и остался молчать.

— Все нормально, — сказала Дебби.

— Он не особо общительный.

— Сидишь с ним?

— Если это то же самое, что до смерти раздражаться, то да.

— Я, наверное, оглянуться не успею, как вы с Сэмом заведете своего малыша.

— Что-то я сомневаюсь.

— Не зарекался бы ты, Генри Гуд, — сказала она, улыбаясь глазами. — Я слышала, некоторые пары обращаются к суррогатному материнству.

— Я не стану просить какую-то там девицу одалживать мне ее дамские причиндалы!

— Ей за это заплатят. Вы с Сэмом когда-нибудь...

— Нет, — отрезал я. — У меня нет детей и нет желания ими обзаводиться.

— Из вас получились бы неплохие родители, — заявила она.

— О, я тебя умоляю!

— Но почему нет?

— Жизнь и так тяжела. Не хватало еще, чтобы рядом болтался какой-то сопляк.

— Вы хотя бы разговаривали об этом?

— Нет.

— Не сердись. Я просто спросила.

— У меня и без возни с памперсами проблем выше крыши.

— Он слишком взрослый для памперсов, Хен.

— Это была метафора.

— Это была чушь, Генри Гуд. — Она улыбнулась так, словно считала меня чертовым идиотом, которым я, возможно, и был. — Сэм в подсобке. Кажется, ему надо, чтобы ты что-то расставил по полкам.

Мы с Ишмаэлем отправились вглубь магазина.

Как очень многое в Бенде, магазин «Всегда экономь» держался на клейкой ленте с молитвой, но был приятен своей привычностью и солидностью. Подростком я вместе с Сэмом упаковывал здесь продукты. Невзирая на то, что магазин был старым и не всегда приносил доход, Сэм поддерживал в нем безупречный порядок и дружелюбную атмосферу. Вы могли сколько угодно срывать в «Уолмартс» в Эмори, но визит во «Всегда экономь» был подобен визиту к старому другу. По крайней мере, так говорил Сэм.

Подсобка была заставлена бесчисленными поддонами с бесчисленными грудями коробок на них. Там был со своим резакон Мышь — разбирал последнюю партию товара. Все называли этого пожилого чернокожего Мышью из-за его крайней немногословности. Вместо приветствия Мышь приподнимал бровь.

— Привет, Мышь, — сказал я.

Он кивнул.

— Хен, мне надо, чтобы ты разложил товар в ряду с готовыми завтраками, — сказал Сэм. — И печенье с крекерами, если успеешь. Мышь приготовил твои коробки.

— Окей.

— Иши, как жизнь?

Ишмаэль взглянул на него, покусывая губу.

— Как дела, ковбоец? Нормально? — попытался Сэм еще раз.

Ишмаэль пожал плечами.

— Ты у нас молчун, да, ковбоец? Ну, не беда. Хен легко может болтать за двоих. Иногда его не заткнуть, но, думаю, ты это и сам уже выяснил. Он тебя еще не достал? Если б людям платили за болтовню, Хен был бы миллионером, и мы все переехали бы жить в Диснейленд.

— Ну спасибо, — ответил я.

— Слышал? Опять он болтает.

Ишмаэль выдал самую крошечную из улыбок.

— Иши, у меня есть для тебя газировка. Что ты об этом думаешь?

— Правда?

— Вот от твоего дяди газировки можно не ждать. Он не верит в нее, представляешь? Говорит, от газировки толстеют. А я думаю, от нее становится веселее. Что скажешь?

Ишмаэль улыбнулся.

— Мы с тобой научим твоего дядю паре вещей, а?

Ишмаэль кивнул.

— Конечно, больше одной банки в день пить не стоит, не то у тебя вырастет здоровущее брюхо, и быть таким тебе не понравится. Идем. Твоему дяде надо работать, а мы с тобой поможем мисс Дебби. Когда-нибудь упаковывал продукты?

— Нет.

— Тогда нам придется показать тебе, как это делается, хорошо?

Я смотрел, как Ишмаэль уходит за Сэмом Рейкстро, и хмурился. Меня раздражало, до чего легко Сэм сходился со всеми и вся.

— Вот тебе крекеры, — сказал Мышь, выдав тончайший намек на улыбку.

Глава 10

Больше жизни

— Вкуснятина! — провозгласил Сэм за ужином и, улыбнувшись Иши, поставил стакан с козьим молоком обратно на стол.

Ишмаэль скорчил гримасу.

— Ты только попробуй, — стал уговаривать его Сэм.

— Нетушки!

— Это вкусно...

— Фу, гадость!

— Это еще почему?

— Оно противное.

— Хен говорит, ты помогал доить Ромни. Я впечатлен. Ты никогда не узнаешь, какое на вкус ее молоко, пока не попробуешь. Так что давай, попробуй. И не вороти нос от жареной бамии. Твоя дядя, парень, выращивает отличную бамию. Ты это знаешь?

Ишмаэль скептически оглядел горку овощей у себя на тарелке. Бамия в панировке выглядела не очень, но была достаточно вкусной.

— Ты теперь в деревне, малыш, — сказал Сэм. — Скоро будешь попивать козье молоко и закусывать поросычьей ножкой.

— Нетушки!

— Датушки, потому что так уж заведено у нас, деревенских. Ешь, и поедем.

— Куда?

— Куда-нибудь. Куда глаза глядят. Просто прокатимся. Ты никогда просто так не катался?

— Можно мы съездимся посмотреть, не вернулась ли мама?

— Конечно, ковбоец, — легко согласился Сэм. — Но сперва ты должен поесть. Мы не держим дома чипсы с батончиками, плюс сейчас лето. Что значит много-много овощей с огорода. Ты разве не любишь овощи?

— Нет.

— Неужели ты не хочешь вырасти таким же большим и сильным, как я?

— Ну...

— Никаких ну, дружок! Жуй давай. Больше жизни. Лови момент!

Ишмаэль наколот на вилку кусочек бамии, положил его в рот и медленно прожевал.

— Ну что? — спросил Сэм.

— Как, ты сказал, она называется? — спросил он.

— Твоя мама никогда не жарила бамию?

Он печально покачал головой.

— Ты даже не представляешь, что пропустил, — сказал Сэм.

Ишмаэль съел еще стручок и даже по-настоящему улыбнулся.

— Неплохо, а? — спросил Сэм, сияя на меня через стол.

— Твой дядя Сэм пытается объяснить, что мы всякую дрянь дома не держим, — сказал я. — Так что, если ты хочешь есть, ешь, пока еда на столе, и перед сном не ной, что ты голоден, потому что этим ты ничего не добьешься.

В ответ на мои слова Ишмаэль несчастно опустил глаза в стол.

— Это было довольно-таки обидно, — заметил Сэм.

— Я просто сказал все, как есть.

— Иши, если проголодаешься перед сном, загляни к своему дяде Сэму, и я тебя покормлю. Хорошо?

Ишмаэль серьезно кивнул.

Сэм смотрел на меня через стол. Его хмурый взгляд был полон неодобрения.

Глава 11

Визит домой

После ужина мы погрузились в новенький Сэмов «форд» F-150.

Когда мы доехали до Бенда, где свернули на сорок пятое шоссе и устремились на запад в сторону Абердина, уже опустились сумерки. Из приборной панели тихо лились мелодии радиостанции Wizard 106 с «Кантри-хитами дня». Ли Брайс признавался, что его «сложно любить». Как и нас всех, разве нет?

Мы миновали огромное поле, которое начиналось прямо за городом — там, где «Уолмарт» планировал построить свой суперцентр. Сэм смотрел на поле, неосознанно хмурясь и пожевывая губу. В пятницу вечером он организовывал протестное бдение при свечах в местном парке, находившемся перед мэрией. Он хотел, чтобы мэр и члены муниципалитета знали, что не всех в Бенде строительство «Уолмарта» приводит в восторг.

Было так странно ехать в машине с Сэмом — и с ребенком, сидящим между нами на переднем сиденье. Эти вечерние поездки были нашим с ним временем. Я усаживался поближе, держал его за руку, иногда немного касался его через штаны. Тут, в деревенской глуши Миссисипи, не водились гей-бары, куда мы могли бы пойти.

— Ты как, готов вернуться в школу? — спросил Сэм Ишмаэля.

— Я ненавижу школу, — признался Ишмаэль.

— А мне школа нравилась, — сказал Сэм. — Ты знал, что мы с твоим дядей вместе учились?

— Нет.

— Он был таким размазней. Ребята вечно задирали его, так что мне приходилось его защищать.

— Ой, ну конечно, — сказал я.

— Еще он был таким глупеньким, что все уроки делал за него я. Он заявлялся ко мне домой и рыдал, как младенец. «Я не понимаю, как складывать дроби. Сэмми, помоги мне! Я такой глупенький! Сколько будет два плюс два? Помоги мне, Сэмми, пожалуйста!»

— Ну и засранец же ты, — сказал я.

— Я говорил ему: «Перестань ходить в школу в памперсах, и тогда ребята перестанут тебя задирать», но он не слушал меня.

Ишмаэль хихикнул.

— Сидел в памперсе на математике у миссис Винер и сосал из бутылочки молоко. Кажется, он проходил с ней класса до пятого, если не дольше. Жалкое зрелище!

— По крайней мере, я не ковырялся в носу прямо в классе и не вытирал козявки о сидящую сзади девочку, — сказал я. — Он сидел, как заправский красавчик, с пальцем в носу и копался там, будто искал золото. А потом вытягивал одну из своих малышек наружу, поворачивался и вытирал ее о Лили Ниблик, а та начинала плакать и убегала в туалет.

— Ей это нравилось! — с жаром воскликнул Сэм.

— Да ничего подобного.

— Ты просто ревнуешь, потому что я не вытирал их об тебя.

— Ты сам-то этому веришь?

— Что плохого в хорошей козявке?

Ишмаэль усмехнулся.

— Иши, ты в каком классе? — спросил Сэм.

— Во втором.

— О, у меня второй класс был самым лучшим из всех. Кажется, именно в том году выяснилось, что мой IQ выше, чем у Эйнштейна. Меня хотели отправить в Нью-Йорк в специальную школу, чтобы я стал ученым и переехал жить в Диснейленд.

— Во втором классе ты даже шнурки завязывать не умел, — заметил я.

— Все я умел! Иши, а ты любишь футбол? — спросил Сэм.

— Не знаю.

— Не знаешь? Как это так? О, боже мой. — На его лице промелькнуло выражение притворного ужаса. — Футбольный сезон уже не за горами. Скоро мы с тобой сядем и будем смотреть «Оле Мисс Ребелс», и ты узнаешь, почему они самая лучшая футбольная команда в целой вселенной.

— Не слушай его, — сказал я. — Мы сядем и будем смотреть «Миссисипи Стэйт Бульдогс», где играют настоящие футболисты, а не кучка старушек, как в «Оле Мисс Ребелс». Удивительно, что они выходят на поле без помады и сумочек.

— А ну забери свои слова назад! — воскликнул Сэм с притворным негодованием.

— А если мы соберемся смотреть мультики, то и тогда лучше включим Cartoon Network, а не дурацких «Оле Мисс Ребелс».

— Иши станет фанатом «Оле Мисс Ребелс», — убежденно сказал Сэм. — Правда, Иши? Ты же не станешь слушать кого-то, кто до второго класса носил памперсы, а?

— Ты правда ходил в памперсах? — спросил Ишмаэль, глядя во все глаза на меня.

— О, бога ради... И надо говорить «ходил». А не «ходился».

— О, — проронил он.

У Абердина Ишмаэль внезапно затих — видимо, поняв, что мы скоро прибудем на место. Я выдал Сэму инструкции, и, когда мы припарковались у «Магнолия-плейс», Ишмаэль сместился на край сиденья, вытянул шею и начал высматривать автомобиль своей матери. Не найдя его, он насупился, закусил губу. Потом, спеша выбраться из пикапа, запрыгнул ко мне на колени, и один его кроссовок больно вдавился мне в пах.

— Иисусе, — пробормотал я, когда он ринулся к двери в квартиру.

— Что? — спросил Сэм.

— Он наступил мне на член.

Сэм выдал слабую усмешку. Мы вышли. Я открыл дверь Саринной квартиры запасным ключом, который она мне дала, и Ишмаэль забежал внутрь.

— Мама? — крикнул он — громко, нетерпеливо, настойчиво. — Мама?

Он носился из комнаты в комнату, то появляясь в коридоре, то исчезая в спальнях и ванной.

Я хмуро оглянулся на Сэма.

— Мама! — вскрикивал с неверием тоненький голос. — Мама?

Мы дождались, когда он вернется в гостиную.

— Ее нет, — объявил он несчастно. — Почему мамы тут нет?

— Может, она ушла куда-то с кем-нибудь из друзей, — предположил Сэм.

— Но так нечестно! — заскулил он. — Почему она не взяла меня? Почему, дядя Хен?

Ответа на этот вопрос у нас не было.

— Почему? — требовательно повторил он.

— А мы-то откуда знаем? — спросил я.

— Я хочу к маме!

— Ну, ты же видишь, ее здесь нет!

— Я хочу к маме!

— Перестань.

— Я хочу к маме!

— Ковбоец, ну что ты, — легко сказал Сэм и, присев, обнял его. — Все хорошо, малыш.

Ну все, ш-ш.

Глава 12

Тебе надо помыться

— Тебе надо помыться, — твердо сказал я.

Поездка в одном пикапе с ним до Абердина и обратно стала тяжким испытанием для моего носа.

— Но, дядя Хен, я уже мылся утром.

— Ты воняешь.

— Нет, не воняю, дядя Хен.

— Воняешь. От тебя плохо пахнет.

— Нет, не плохо, дядя Хен.

— Ты пользовался шампунем, когда мыл голову?

Мы стояли у двери в ванную и выясняли, чья воля сильнее.

Он опустил глаза.

— Твоя мама что, не учила тебя, как принимать чертову ванну? Господи!

— Дядя Хен, я не воняю!

— Воняешь!

— Нет, не воняю!

— Нет, воняешь, и ты прямо сейчас усадишь свою лилипутскую задницу в ванну и вымоешься. И на сей раз сделаешь это правильно.

— Я не воняю!

— А ну шевелись, — рывкнул я, выставив палец в сторону ванной.

— Не говорит с ним так. — В коридор вышел Сэм. — Что на тебя нашло?

— Он воняет.

— Может, он не умеет мыться, как надо. Его мать не совсем Марта Стюарт.

Я испустил раздраженный вздох.

— Давай я со всем разберусь, — сказал Сэм, встав между нами.

— Дядя Сэм, я не воняю, — произнес Ишмаэль затравленным, раненым голосом.

— Увы, ковбоек. Немножко воняешь. Самую чуточку. Ты пользовался шампунем? А мылом с мочалкой?

Он пожал плечами.

— Дядя Хен не собирался тебя обижать. Просто он, как и я, не хочет, чтобы люди высмеивали тебя. Показать тебе, как правильно мыться? Как мыть за ушами, подмышками, сзади и спереди, между пальцами? Пошли. Это весело. Станешь у нас чистеньким, и дядя Хен перестанет ныть — что всегда очень здорово, потому что он может все гнуть, и гнуть, и гнуть свое без конца, ты согласен? Иногда мне кажется, что неплохо бы залепить ему рот клейкой лентой. Как тебе эта идея?

Ишмаэль взглянул на меня. В его глазах стояла обида.

— Пошли, — сказал Сэм, уводя его в ванную.

Глава 13

Я не водопроводный кран

— Что за черт на тебя нашло? — спросил Сэм, пока я, стоя у раковины, мыл посуду. Ишмаэля он оставил смотреть в гостиной «Маленький домик в прериях».

— Ничего.

— Давай без вот этого, Генри Гуд.

Я остановился, положил тарелку на бортик между раковинами и посмотрел на него.

— Что? — спросил он.

— Что, черт побери, мне полагается делать с этим ребенком? — спросил я.

— Он твой племянник!

— И что?

— И то, что ты должен заботиться о нем, пока его мать не вернется домой.

— А если она не вернется, Сэм? Что тогда?

— Когда это случится, тогда и будешь думать, что делать, ну а пока совершенно незачем его обижать.

— Не обижал я его.

— Обижал!

— Я не люблю детей.

— Не будь мудаком.

— Уж извини, но это правда. У меня и так куча проблем. Не хватало еще, чтобы рядом кто-то без остановки ныл.

— Он не ноет. А если и ноет, то у него есть на то уважительная причина. Ему страшно. Он просто маленький мальчик, а его мама пропала... Иисусе, кто бы знал, что ты окажешься такой сучкой.

— Я и не думал его обижать.

— Просто дай ему подзатыльник, и дело с концом.

— О, прекрати.

— Хен, ты его дядя. Его единственный родственник. Может, попробуешь и вести себя соответственно?

— Я не знаю, о чем мне с ним разговаривать.

— Бога ради, ему всего семь. С ним можно не говорить о политике с философией.

Я вздохнул.

— Слушай, просто попытайся относиться к нему по-нормальному, вот и все. Речь всего о нескольких днях.

— Когда его чертова мамаша вернется, уж она у меня пожалеет, что удрала, — сказал я.

— Только не вымещай свою злость на нем, потому что сердисься на нее.

— Ничего я на нем не вымещаю.

— А я думаю, вымещаешь.

— Не вымещаю! И вообще, с чего ты возомнил себя таким великим экспертом?

— У меня пять сестер с братьями, если ты вдруг забыл.

— Вот сам и заботься о нем, если по-твоему это так охерительно просто.

— Может, я так и сделаю, Хен. По крайней мере, к нему будут относиться с некоторым уважением.

— Это несправедливо.

— Ты ему практически голову откусил.

— Неправда.

— Правда. Стоял в коридоре и спорил с ним, как чертов дурак.

— Он, скажем так, не самая яркая лампочка в люстре.

— Да, он не слишком сообразительный, Хен, но у него тоже есть чувства. И я не считаю, что он настолько тупой, как думаешь ты.

— Я не говорил, что он тупой.

— Ты просто стоял и поправлял его грамматику.

— Какого черта ты от меня хочешь?

— Хен, я всегда думал, что из тебя получится хороший отец, и мы с тобой обсуждали усыновление, но я не предполагал, что ты можешь быть таким злым.

Я поставил тарелку в раковину и вытер руки.

— Надо бы двинуть твоей бабуле за то, как ты со мной разговариваешь, — сказал я негромко.

— Я бы посмотрел, как у тебя это получится, — ответил он. — Так в чем дело, Хен?

— Я расстроен.

— О, ну еще бы!

— После того, как Иши родился, они с Сарой пару лет жили здесь. Пока однажды она не встала и не ушла — вот так просто, ни с того, ни с сего. И теперь хорошо, если мне дают повидаться с Иши на Рождество.

— И?

— Я так гордился тем маленьким мальчиком. Мы с ним все-все делали вместе. А потом она в один прекрасный день берет и выдергивает его из моей жизни — и все. И положить ей было на мои чувства. Теперь я практически не вижу его, и мне даже пикнуть нельзя на тему того, как она с ним обращается, иначе меня вообще к нему не подпустят. Ты прости, но все

это в некотором смысле выводит меня из себя. Я не водопроводный кран — я не умею то включать, то выключать свои чувства. Я не хотел срываться на нем, просто я дико рассержен.

— А он тут при чем?

— Я любил того мальчика, — признался я.

— И...?

— Она просто опять выдернет Иши отсюда. И мне от этого тошно.

— Значит, ты срываешься на нем...

— Давай ты прекратишь это повторять?

— Давай ты прекратишь вести себя, как бесчувственная скотина? Он ни в чем не виноват, и прямо сейчас ему нужен его дядя.

— Сэм, ты пытаешься помочь, я понимаю, но я правда взбешен.

— Да? Ну ладно. Пойду скажу несчастному мальчику, чтобы он чуток потерпел, пока ты разбираешься со своими драгоценными чувствами.

— А я-то думал, что мудака у нас я.

— Просто попытайся вести себя по-нормальному, Хен. Пожалуйста. Еще всего день или два. Это не так уж и сложно.

Я вздохнул.

Сэм был прав. Я ненавижу, когда он бывал прав. А он, этот напыщенный засранец, оказывался прав абсолютно всегда.

— Извини, — сказал я.

— Ты это не мне скажи, а ему.

— Я и так стараюсь изо всех сил.

— Старайся получше. У тебя, знаешь ли, есть люди, которым ты нужен.

— Никому я не нужен.

— Нужен — маленькому мальчику в соседней комнате. И мне тоже, Хен. Иногда мне кажется, что ты забываешь об этом.

Глава 14

Я сказал ей, что она красивая

Ишмаэль, одетый в одну из Сэмовых маек — такую длинную, что она доходила ему до середины бедер, — сидел на краю кровати в гостевой спальне, руки на коленках, глаза опущены в пол. Мы собрали столько его одежды, сколько смогли унести; сейчас она вся, включая его пижаму, лежала в стиральной машине. Мы взяли и какие-то его игрушки, а также его фотографию с матерью, которую я поставил на тумбочку возле кровати.

— Извини, что мы не нашли тебе ничего лучше для сна, — сказал я. — Твои вещи в стирке. Завтра сможешь надеть что-то свое.

Он ничего не сказал.

— Иши, извини, что обидел тебя. Я расстроен из-за твоей матери.

Он не поднял лицо и не посмотрел на меня.

— Иши, я же сказал, извини.

Когда он поднял руку, чтобы вытереть глаза, я увидел, как его плечи вздрогнули.

— Все хорошо, — сказал я, сев рядом с ним.

По его носу соскользнула слезинка.

— Эй, — сказал я. Положил руку ему на спину и начал кругами ее потирать.

Он открыл рот и издал какой-то странный, сдавленный стон.

— Почитать тебе? — спросил я, почувствовав, что должен что-то сказать.

Он не ответил.

То была тупая идея. Ему было семь, и он вырос из сказок на ночь. Или не вырос? Я попытался вспомнить, до какого возраста мама читала мне перед сном. Но вспомнил только, что был готов слушать ее бесконечно, вечер за вечером, даже если это была одна и та же история. Но сколько мне было лет? И какая книжка могла бы заинтересовать семилетнего мальчика?

— Ты в порядке? — спросил я.

Он вытер глаза. Из носа у него текло, и я принес из ванной салфетку. Потом встал возле кровати, глядя, как он вытирает нос. Он так и не лег. Он просто сидел, уставившись в пол, и по-прежнему всхлипывал — так тихо, что со стороны было не догадаться, что он еще плачет.

— Посидеть с тобой, пока ты не заснешь? — спросил я.

Он не ответил.

— Может, заберешься под одеяло?

Если он и услышал меня, то не подал виду. На лице у него застыло потерянное — до отчаянного — выражение. Хлюпая носом, он обхватил свою щуплую грудь.

Я опять сел на кровать.

— Ты как, готов лечь? Ты хочешь спать? Тебе что-нибудь принести?

Ноль реакции. Он не отрывал глаз от пола.

— Давай, — сказал я. — Ложись спать.

Он молча забрался под одеяло и повернулся ко мне спиной. По тому, как подрагивали его плечи, я понял, что он снова заплакал.

— Посидеть с тобой, пока ты не заснешь? — повторил я.

Он не ответил.

— Я останусь с тобой, — пообещал я. — И все будет хорошо.

Это, конечно, была не совсем правда. Даже не на одном футбольном поле с правдой. Но я поглаживал его спину и давал обещания, которые было невозможно сдержать. Когда я было подумал, что он заснул, он внезапно повернулся и посмотрел на меня.

— Куда она ушла, дядя Хен?

— Я не знаю, — признался я.

— Она не бросит меня!

В последний раз я видел Сару на Рождество. И был шокирован тем, как она изменилась. Так уж действует мет. Твое лицо словно начинает разваливаться. Она до ужаса исхудала и просто источала болезненность. Все время, что мы там пробыли, она курила одну за другой и смотрела на мир остекленевшим взглядом. Было ясно, что она давно перестала нормально питаться. Во время нашего визита она была в достаточно приподнятом настроении, но я не понял, от радости видеть меня или просто из-за того, что находилась под кайфом.

— Я сказал ей, я буду хорошим мальчиком. Я сказал, что буду лучшее. Я попросил у нее прощения!

— За что?

— Я не хотел разбивать окно в ванной! Я попросил у нее прощения!

— Уверен, ты не нарочно.

— Я сказал, что буду лучшее, но она сказала, что я плохой ниггер. Я сказал, честное

слово, мамочка, вот увидишь. Я его почию.

— Все хорошо. Бывает. Ты не специально.

— Я так и сказал.

— Тише.

— Я обещался, что буду хорошим, что буду лучше, что никогда больше не разозлю ее. Я сказал ей, что все почию, дядя Хен. Я сказал ей! Я попросил у нее прощения за окно.

— Все хорошо.

— Почему она ушла?

— Я не знаю.

— Я сказал ей, что она красивая.

— Ш-ш.

— Я сказал ей... я сказал, я не глупый ниггер, мама. Я буду лучше, мама.

— Ш-ш.

— Я сказал ей! Я буду лучше.

Его раздирали мучительные рыдания.

Я смотрел на него, чувствуя себя выбитым из колеи и беспомощным.

Глава 15

Нижнее белье

В спальне, которую мы делили с Сэмом, я разделся, выключил свет и забрался в кровать.

— Спишь в трусишках? — спросил Сэм, устраиваясь у меня под боком. — И как мне теперь играть с твоей свистулькой?

— Подумать только... и ведь тебе тридцать лет.

— Что плохого в играх с твоей свистулькой?

— У него могут быть проблемы со сном, — сказал я.

— Проблемы?

— Он может испугаться или еще что.

— И тебе пришлось лечь в нижнем белье, потому что...

— Он может зайти сюда. Ему может стать одиноко или же...

— Ты серьезно?

— Сэм, он ребенок.

— То есть мне нельзя спать со своим мужчиной голым, потому что в доме ребенок? Он же не смотрит. Да и нет у нас ничего такого, чего он не видел. В человеческом теле нет ничего постыдного, Хен.

— Ну и что.

— Весь Бенд давно знает, что мы с тобой трахаемся. Это не новость дня.

— Тебе обязательно называть это словом «трахаться»?

— *Занимаемся любовью.* Так лучше?

— Может, для тебя это и есть просто трах.

— Что ж ты за угрюмая сучка такая.

— Ну заплачь еще.

— И заплачу, а после оттрахаю тебя до потери сознания. Хен, у меня был тяжелый день.

Мне нужно хоть что-нибудь.

Он отвернул край одеяла и, наклонившись, начал целовать мою грудь.

— Оставь меня в покое, — сказал я.

— Ну ладно тебе, — сказал он. — Ты же знаешь, это помогает мне расслабиться.

— Я не в настроении.

— Не в настроении?

— Он может зайти...

— То есть, вот значит как? Появляется ребенок, и внезапно интерес ко мне испаряется?

Он уже спит. Хен, ну давай. После такого дня мне очень, очень нужно оказать скорую сексуальную помощь. Мне нужно *заняться любовью* со своим парнем.

— Сэм, отвали.

— Обожаю, когда ты грубишь мне в постели.

— Он перепугается, когда поймет, что мы с тобой спим. Если он зайдет, а мы будем трахаться...

— Но я хочу секса и хочу тебя. Что в этом плохого? И ты меня тоже хочешь. Я же знаю, что твоя маленькая свистулька любит меня.

— Любит, — согласился я, — и она не маленькая. Но прямо сейчас мы слегка озабочены.

Он откинул одеяло еще дальше, потом подцепил большим пальцем резинку моих трусов и попытался стащить их вниз.

— Перестань! — приказал я.

— Мне просто нужно хоть что-нибудь...

— У тебя есть рука.

— Предлагаешь мне подрочить?

— Если иначе никак.

— Я мужчина, и у меня есть потребности.

— Я принесу тебе «клинекс».

— Как романтично.

— Переживешь.

Я повернулся к нему спиной.

— Серьезно? — сказал он. — Никакой мне сегодня любви? Ты разве не уважаешь святость брачного ложа? Ты понимаешь, что, поскольку ты мой супруг, то удовлетворять мои нужды — твой предписанный Господом долг? Что ты за муж такой?

Он свернулся калачиком у меня за спиной и, втираясь в меня своим стояком, положил руку на перед моих трусов.

— Господи, какой же ты похотливый ублюдок, — сказал я.

Глава 16

Ты утратил свой свет

— Можно сказать тебе одну вещь? — позже спросил меня Сэм.

— Какую?

— После смерти родителей ты перестал быть собой.

— Спасибо.

— Хен, это была не претензия. Ты закрылся. Отгородился от всех. Ты больше не поешь. И не пишешь песен. Не играешь на гитаре, кроме как в церкви. Мы с тобой миллион лет не

устраивали джем.

— И в чем суть твоей мысли, если она вообще есть?

— Ты всех отталкиваешь. Ты, по-моему, уже лет сто не заводил новых друзей, а со старыми мы теперь совсем не общаемся. Мы только и делаем, что работаем. Я не жалею, но ты не тот парень, которого я полюбил. Ты утратил свой свет. Хен, прошло три года с тех пор, как они умерли.

— Ну извини, что я не умею скорбеть с нужной тебе быстротой.

— Я не это имел в виду. Просто мне хочется, чтобы мой парень вернулся. Тот парень, с которым было так весело. Который что угодно был готов сделать на спор. Который любого мог перепить. Который запросто догола раздевался. Когда мы в последний раз ходили в голый поход? Или сажались посмотреть вместе порно? Или напивались в дрова, чтобы все вокруг заблевать? Или трахались при луне на заднем крыльце, как похотливые кролики?

Я вздохнул.

— Хен, я просто хочу, чтобы мой парень вернулся. Я знаю, он где-то здесь.

— Мне кажется, в тот день мама с папой забрали с собой и меня...

— Нельзя, чтобы это влияло на тебя до конца твоей жизни.

— Доктор Рейкстро, честное слово, я больше не могу выносить ваш психоаналитический бред.

— Не хочу тебя доставать, но у меня такое ощущение, словно наши жизни поставили на паузу.

— Не сомневаюсь, что ты уже давно бы оправился.

— Я не представляю, чтобы я бы сделал на твоём месте.

— Вот именно. Не представляешь.

— Я просто хочу, чтобы все стало, как раньше. Сколько мне еще ждать?

— Можешь не ждать. Можешь взять свою чертову похотливую задницу и отправиться вместе с нею за дверь хоть прямо сейчас — мне все равно.

— О чем и речь. Раньше ты никогда бы такого мне не сказал.

— Извини, Сэм. Столько всего навалилось.

— На тебя одного?

Глава 17

Где тебя черти носят?

У меня не получалось заснуть.

Выбравшись из постели, я взял телефон и ушел в гостиную. По ночам, когда в доме становилось темно и тихо, мне все напоминало о маме. И о папе порой, но чаще о маме. Это был ее дом, ее мебель. Земля, почва, грязь, кровь, кухонный стол, комоды, стулья, ковры — все пришло с ее стороны семьи. На окнах до сих пор висели сшитые ею шторы. Безделушки, которые она собирала, купленные на гаражных распродажах броские картинки, большое распятие над кухонной дверью, связанное ею покрывало на спинке дивана — все это были мамины вещи. Ее предки жили в округе Монро на протяжении двенадцати поколений.

Она до сих пор была здесь, в этом доме, среди дорогих ее сердцу вещей. Сами половицы, казалось, вздыхали, оплакивая ее.

Сэм хотел продать этот дом и купить вместо него что-то свое, что-то полностью наше, не населенное призрачными тенями моих родителей. Я не мог заставить себя сказать ему,

что не смог бы продать его, даже если бы захотел.

Я сел в кресло возле окна, нашел в сотовом Сарин номер, нажал на кнопку звонка и оказался переведен на автоответчик.

— Сара, где тебя черти носят? Быстро тащи свою задницу обратно домой. Ты не можешь уйти от своего ребенка. Я тебе не позволю. Не вздумай так поступить, черт бы тебя побрал! Только не после того, что случилось с мамой и папой. Я знаю, ты где-то там, занимаешься своей обычной херней... просто позвони и скажи, где находишься, и я присмотрю за Иши, пока ты не вернешься. Но если ты не ответишь на этот чертов звонок мне придется принять меры. И вообще, какого хера я должен делать с этим ребенком?

Я отключился и бросил телефон на диван.

Не находя себе места, я пошел в прачечную, вытащил из сушилки Ишмаэлевой вещи, отнес их на кухню и начал складывать, думая о том, сколько раз мама складывала нашу одежду на этом же самом столе — всегда терпеливо, с любовью, никогда не жалуясь ни на что и не подозревая о том, каким ужасным будет конец.

Глава 18

Весь жар моей любви

Наутро меня разбудил донесшийся с кухни смех. Я заснул в мамином кресле, под ее покрывалом. В воздухе витал аромат бекона, а из окон лился утренний свет.

— Я показываю ему, как делать тост-солнышко, — с гордостью сообщил Сэм, когда я зашел на кухню.

Сэм с Ишмаэлем — к счастью, оба в нижнем белье — стояли возле плиты. К счастью — потому что Сэм был нудистом, особенно дома. Я по образу мышления являлся скорее католиком. «Ты хочешь сказать, самоненавистником», — поправлял меня Сэм. И был, вероятно, прав.

Ишмаэль оглянулся на меня и неуверенно улыбнулся.

— Круто, — сказал ему я.

Потом оглядел их работу. На одной чугунной сковороде шипел, поджариваясь, бекон. На другой лежал ломтик хлеба с вырезанным в середине кружком, куда они залили яйцо. Тост-солнышко.

— Добавить кленового сиропа, и будет божественно! — с энтузиазмом провозгласил Сэм. — Согласен, ковбоец?

Ишмаэль кивнул.

— Слово «пижама» тебе о чем-нибудь говорит? — спросил я.

Сэм закатил глаза.

Я сходил в ванную, принял душ.

— Мне надо заняться делами, — сказал я, вернувшись на кухню.

— Сядь и поешь вместе с нами, — распорядился Сэм. — Завтрак — это самый важный прием пищи за день.

— Мне надо подоить Ромни.

— Ее титьки вполне потерпят еще десять минут, Генри Гуд. Сажай давай свою задницу.

Ишмаэль хихикнул.

Поскольку я уже встал, Сэм включил радио и настроил его на ритм-энд-блюзовую радиостанцию, вещавшую из Тупело. На всю кухню заиграли The Emotions со своим «Всем

жаром любви», и Сэм, подхватив вместо микрофона лопаточку, начал им подпевать.

— О-оу, весь жар моей любви — для тебя, — пел Сэм высоким фальцетом. Отплясывая по кухне в трусах, он выглядел по-дурацки, но имел большой успех у публики в лице Ишмаэля.

— Давай, пой со мной, — приказал, глядя на меня, Сэм.

— Еще слишком рано, — буркнул я.

— О, ну давай же, старый пердун! — воскликнул он и подтолкнул меня бедром. — Ты теперь совсем не поешь.

— Твое солнышко сейчас пригорит, — заметил я.

— О-о-о-о, — запел он мне в лицо, — любовь моя-я.

Я подошел к плите и стал присматривать за его завтраком.

Глава 19

Иисус не был местным пьянчужкой

Пока я приводил в порядок двор мисс Оры Дэмпси, Ишмаэль не выходил из пикапа. Мисс Ора жила на Блэккет-роуд, в трейлере на высоком холме. Такие дворы, как у нее, заставляли меня мечтать о газонокосильной машине. У меня ноги отваливались от хождений с косилкой то вверх, то вниз по холму, и я мгновенно насквозь пропотевал. Если и существовала работа, от которой мне хотелось бы отказаться, то это была работа у мисс Оры, но мне нужны были ее сорок долларов дважды в месяц на протяжении лета. Другие запросили бы больше, но из-за отсутствия всего необходимого оборудования я был вынужден держать низкие цены и соглашаться на любые гроши.

Эта работа была как раз из таких.

— Кто твой маленький помощник? — спросила мисс Ора, когда я закончил. Ее взгляд был устремлен на пикап, где неподвижно, как статуя, сидел Ишмаэль.

Я вытер с лица и груди пот.

— Сарин мальчик.

— Как у нее дела, Хен? Давно ее не видала.

— Нормально.

— Ты слышал об истории со спиртным?

— Да.

— Позорище!

— Ну, не знаю, — уклончиво проговорил я.

— Никому в Бенде спиртное не нужно, — сказала она. — Хотите купить выпивку — езжайте в Нитлтон или в Абердин. Зачем торговать ею здесь?

— Считается, что это полезно для бизнеса.

— О, я тебя умоляю! Гарольд Дэмпси говорит, что это дьявольский промысел, и он прав.

Не так давно инициативная группа, называющая себя Друзьями Бенда, разворошила осиное гнездо, публично заявив о своем желании провести голосование на тему, следует ли в Бенде продавать алкоголь или нет. Сухой закон царил у нас со времен моисеевых заповедей или как минимум с тех пор, когда Иисус изобрел белый хлеб. По словам группы, пришла пора догнать современный мир. Если бы ресторанам разрешили подавать спиртные напитки, то оно не только привлекло бы новых клиентов, но и помогло бы городу справиться с

финансовым кризисом. И кроме того, почему весь доход от продажи лицензий на торговлю алкоголем получал Нитлтон с Абердином? Почему и Бенду нельзя было получить часть этих денег? Редко случалось так, чтобы целый город оказался поставлен на уши и разделен на два лагеря. Это было чуть ли не хуже истории с «Уолмартом».

Мистер и миссис Дэмпси испокон века состояли в Первой Баптистской, поэтому мне можно было не объяснять, как они относятся к идее продавать в Бенде спиртное.

— Ты же не подписал их петицию? — презрительно скривившись, спросила она.

Я подписал, но ответил, что нет.

— Я не хочу, чтобы на улицах, по которым наши дети ходят в школу, шаталась пьянь. Гарольд Дэмпси говорит, что наверняка подскочит преступность, и он прав.

— Не думаю, что дойдет до такого.

— Промысел дьявола, Хен! Будь уверен: если мы хотим, чтобы Господь благословил нашу общину, то мы должны быть верными Его Слову.

— Я знаю, — ответил я, надеясь, что она сама вспомнит о деньгах и не станет вынуждать меня просить ее заплатить.

— Ты смотри, Генри Гуд, если они устроят голосование, то не отдавай им свой голос.

— Все будет нормально.

— Ума не приложу, зачем им понадобилось заваривать кашу. А этот священник из Первой Конгрегационной... ты видал, какое письмо он написал в газету? Тоже мне, духовное лицо, называется. Скорее приспешник Сатаны, вот кто он такой.

— Иисус пил вино.

— Да, но он-то был сыном Божьим, — с жаром заявила она, — а не местным пьянчужкой. Он не был моральным выродком, который спускает всю зарплату на выпивку и лапает официанток по кабакам, пока его дети сидят дома голодные. Он не блевал на улицах, чтобы другие потом за ним подтирали.

— Мисс Ора, я знаю. Но у людей есть свои собственные соображения.

— И это их право, я знаю, но зачем мутить воду? Если им здесь не нравится, пускай перебираются в Мемфис. Может, им открыть еще и бар с голыми титьками?

— Мисс Ора, мне пора идти на другую работу...

— Что-что, дорогой?

— Я немного опаздываю. Мне надо бы...

— О. Ну ладно тогда. Всего тебе хорошего, Хен. — Она повернулась и пошла к дому.

— Мисс Ора? — Я внутренне съезжился, потому что ненавидел говорить о деньгах.

— Хен?

— Хм... вы не собираетесь выписать мне...?

— О! Господи. Совсем вылетело из головы. Я попрошу Гарольда Дэмпси выписать чек. И конечно, мы будем рады снова видеть тебя на Блэкет-роуд. Ты очень хороший работник.

Глава 20

Вторжение похитителей тел

Вернувшись к пикапу, я выпил из холодильника в кузове холодной воды. Еще и десяти утра не было, а я уже вспотел, как свинья. Загружая обратно газонокосилку, я увидел, что через зеркало заднего вида на меня глядит Ишмаэль. Его бледно-голубые глаза были печальными и пустыми.

Я подошел к его окошку с твердым намерением приободрить его.

— Хочешь, съездим сегодня в «Баффало-парк»?

Он пожал плечами.

— У них там много-много разных животных, — добавил я.

Он уставился на свои коленки.

— Если нет настроения, то ничего. Поедем в другой день.

— А можно мы съездим и поглядимся, не вернулась ли мама?

— Можно. Ближе к вечеру съездим.

Его окутало разочарование, такое густое, что хоть горох промойвай.

— Если ты поможешь мне сегодня с работой, то в обед мы ходим в «Соник» и купим молочный коктейль. Что скажешь?

Его лицо чуть-чуть посветлело.

Это был, определенно, прогресс. Подкуп себя оправдал.

— А можно мне шоколадный? — спросил он нерешительно.

— Конечно, можно.

— Только себе? Я не хочу делиться. Мама всегда заставляет меня поделиться, а я не хочу.

— Без проблем. А если ты мне улыбнешься, то я, может, даже куплю тебе немного картошки-фри.

Он закусил губу.

— Ты же умеешь улыбаться, ведь так?

Он продолжал смотреть на меня своими печальными, пустыми глазами.

— Как насчет одной крошечной, малипусечной улыбочки? Она тебя не убьет. Знаешь, какая вкусная там картошка-фри. Может, мы только ею и пообедаем — если, конечно, ты не хочешь поехать домой за фасолью и репой.

— Гадость!

— И не забудь про козье молоко.

— Фу!

— Ну, так что скажешь? Получу я улыбку или нет?

— Я не хочу улыбаться. Это глупо.

— Но у тебя такая замечательная улыбка. Я видел ее разок или два. В общем, лично я не хочу есть репу. Терпеть ее не могу. Это как жевать свои собственные трусы.

— Дядя Хен, ты такой странный!

— Не страннее тебя, знаешь ли. Я еще не встречал маленьких мальчиков, которые не умели бы улыбаться. Это неестественно. Как во «Вторжении похитителей тел». Похоже, в тебя вселилась инопланетная форма жизни, которая не умеет улыбаться, и захватила твой мозг. Признавайся, ты мой племянник или какой-то мерзкий инопланетянин из космоса?

— Я не инопланетянин из космоса, дядя Хен.

— А может, ты зомби как в «Ходячих мертвецах». Ты точно у нас не мертвец?

— Я не мертвец, дядя Хен.

— Я буду стоять тут и приставать к тебе, пока не увижу, как ты улыбаешься. А если этого не случится, значит ты точно из космоса, и мне придется заявить о тебе в полицию, и тогда тебя наверняка отправят в ООН.

— Что это?

— Бог его знает. Но они будут ставить на тебе опыты.

— Какие опыты?

— Не знаю, но тебе точно будут делать много-много уколов большими и длинными иглами...

— Нетушки!

— Датушки! Огромными, жуткими иглами... размером с садовый шланг, и одну такую иголку они воткнут тебе прямо в лоб и накачают тебя радиоактивным...

— Им нельзя так делаться.

— Еще как можно. Они же правительство. Им можно делать все, что захочется. А еще один шланг они засунут тебе прямо в грудь и накачают твое тело гелием так, что ты надуешься как воздушный шарик и улетишь обратно в космос. Будешь болтаться с большим-пребольшим пузом среди облаков. Ты же не хочешь, чтобы это случилось?

— Ты такой глупенький, дядя Хен. — Он пытался сохранить серьезность, но на его губах играла улыбка.

— Может быть, — согласился я. — Но я заставил тебя улыбнуться.

— И имя у тебя тоже глупенькое.

— Спасибо. О, глядите-ка... он опять улыбнулся! Боже! Смотрите, какие зубы. Я и не знал, что они у тебя есть.

Он хихикнул.

— Теперь мне придется купить тебе еще и гамбургер, да?

— Дядя Хен, почему ты такой странный?

— Все Гуды странные. Ты разве не знал?

— Я-то не странный.

— Странный.

— Не странный!

— Во-первых, ты гном.

— Я не гном, дядя Хен.

— Еще какой гном! Малюсенький гномик с малюсенькой головкой и крошечным ротиком. Можно посадить тебя в огороде, и люди будут думать, что ты картошка.

— Нет, не будут.

— Будут-будут. Ты давно смотрел в зеркало? Думаю, они даже не заметят тебя — вот, насколько ты маленький. Им придется встать на четвереньки и копать в земле. И если они не воспользуются увеличительным стеклом, как у Шерлока Холмса, то и тогда тебя не найдут.

— Очень даже найдут!

— Когда я в следующий раз пойду на работу, то посажу тебя в задний карман и буду носить там весь день, чтобы ты не вляпался в неприятности.

— Я не влезу к тебе в карман, дядя Хен.

— Или можно посадить тебя в кассовый аппарат. Прямо в отделение, куда складывают монетки.

— Я слишком большой.

— Правда, там довольно темно, и тебе будет страшно, так что придется выдать тебе малюсенький фонарик.

Он хихикнул, представив себя блуждающим с фонариком внутри кассы.

— Так что, будешь сегодня мне помогать? Ты можешь толкать газонокосилку.

— Но я еще не такой большой, чтобы толкать косилку.

— Вот видишь. Я же говорил, что ты гном.

— Я не гном, дядя Хен.

— Ну, тогда ты можешь ходить по двору и собирать палочки и прочий мусор. Согласен? Уж с палочками-то управится даже гном, верно? Плюс это поможет тебе вырасти таким же большим и сильным, как я.

— Хорошо.

— А потом пойдем в «Соник».

— Хорошо.

Глава 21

Мы обязаны с ними бороться

— Всем привет, — сказал Сэм, когда мы пришли на мою дневную смену во «Всегда экономь». — Как делишки, ковбоец? — добавил он, шутливо хлопнув Ишмаэля по плечу. — Газировку хочешь?

Ишмаэль кивнул.

— Идем со мной, босс. Хен, и ты тоже. В подсобке есть пара стендов, которые надо установить.

Мы пошли за ним через хлебный отдел. По дороге он оглянулся через плечо и выдал мне выразительный взгляд.

— От Сары новостей нет?

— Она не звонила, — ответил я.

Он посмотрел на часы, словно напоминая мне, что время уже на исходе.

— Если до сегодняшнего вечера она не объявится, то утром ты пойдешь в полицейский участок и сообщишь о ней, — сказал он. — Хорошо?

— Хорошо, — сказал я.

— Хен, я серьезно.

— Утром мы съездим к ней домой и посмотрим. Если ее там не будет...

— То ты сообщишь в полицию.

— Сообщу, — пообещал я.

— Если не сходишь ты, то я пойду сам. Я не шучу, Генри Гуд. Сэмстер такими вещами не шутит. Ты должен сказать полиции, что она пропала.

— Я знаю.

— Быть может, она мертва. Мы должны о ней сообщить.

— Хорошо!

В подсобке стояли два комплекта рекламных стендов для нового бренда запеченных бобов. Они пришли с инструкциями касательно размещения вывески, товара и всего остального. Мышь уже открывал коробки, его темное лицо было невозмутимым.

— Привет, Мышь, — сказал я.

Он покосился на меня и приподнял бровь.

— Я хочу поставить стенды по бокам прилавка с консервированными овощами, — сказал мне Сэм, — только так, чтобы они не перегораживали проход. Лицом к нему. А потом, когда все установишь и разложишь, поработай с Дебби на кассе. Джорджина сегодня вечером не придет, так что, возможно, тебе придется остаться здесь до закрытия.

Магазин закрывался в семь. Титьки Ромни расстроятся, но не чрезмерно.

— Будет сделано, — сказал я.

— Ты поговорил с сестрой Асенсьон насчет бдения в пятницу? — спросил он.

— Она придет. И еще сколько-то человек из Святого Спаса. Молодежная группа готовит для тебя плакаты и свечи.

— Отлично! — воскликнул он. — Утром мэру нос. Ни дня не проходит, чтобы я не пожалел о том, что его избрали.

— Паршиво иметь демократию, — заметил я.

— Он адвокат, — горячо воскликнул Сэм. — А все адвокаты — изворотливые ублюдки.

— Пока, естественно, они не понадобятся тебе самому.

— Ты знаешь, о чем я. Я бы не удивился, если бы оказалось, что его избирательную кампанию спонсировал «Уолмарт». Деньги — это единственное, что его беспокоит, а местный бизнес пусть проваливается к чертям.

У меня самого идея иметь неподалеку «Уолмарт» не вызывала такого уж отвращения, но зайкнись я об этом, у Сэма лопнула бы голова.

— Значит ли это, что тебя бесит и история со спиртным? — спросил я.

— Это совершенно другое дело, — резко ответил он.

Я улыбнулся.

— По крайней мере, спиртное принесет кому-то из местных доход, — прибавил он.

Я продолжал улыбаться.

— И принесет прибыль в город.

— Разумеется.

— Не смотри на меня так, Генри Гуд.

— Я просто спросил.

— Бывают хорошие перемены, а бывают плохие. Мы будем не первым городом, который скажет «Уолмарту» убираться куда подальше. Такие перемены нам здесь не нужны.

— Ты проповедуешь уже обращенному.

— Хен, это происходит все чаще и чаще. Они приезжают в какой-нибудь маленький городок, и бизнес там начинает разваливаться. Аптеки, хозяйственные, продуктовые — они не могут с ними тягаться. Черт! Они даже цветочные магазины выживают из бизнеса. Я не хочу, чтобы Бенд стал очередным городом с мертвым центром, где нет ничего, кроме сетевых общепитов вдоль дороги к «Уолмарту», который загребает все деньги, предлагая при этом единицы паршиво оплачиваемых рабочих мест — настолько паршиво, что большинство работников живет на продовольственные талоны и держит своих детей на «Медикейд». *(государственная программа медицинской помощи нуждающимся — прим. пер.)* В Бенде нам такого не нужно.

— Сэм, тебе не меня надо убеждать.

— И мы не хотим, чтобы мэр и члены муниципалитета отдавали миллионы долларов «Уолмарту», уничтожая тем самым нашу местную экономику.

— Говори это им, а не мне!

— Хен, я серьезно. Мы обязаны с ними бороться.

— Мы и боремся, — заметил я.

— Надо поговорить с тем священником из Первой Пресвитерианской, — пробормотал он, но уже самому себе. — Покажем мэру Райли что почем.

— Может, вам потолковать с братом Флинтсом? — предложил Мышь.

Сэм умолк и обернулся к нему.

Брат Флинт был пастором Миссионерской Баптистской церкви Винегар-Бенда. Пока все белые посещали Первую Баптистскую, черные ходили в М.Б.

— У нас в общине тоже не все довольны, — сказал Мышь своим низким, глубоким голосом. Под «общиной» он подразумевал чернокожее население, а не весь Винегар-Бенд, поскольку, несмотря на интеграцию и пятьдесят лет гражданских прав, далеко не все черные чувствовали себя его частью.

— Я об этом как-то и не подумал, мистер Чарльз, — признался Сэм. В отличие от всех остальных, Сэм всегда использовал настоящее имя Мыши — то есть, мистер Чарльз Бин.

— Ясное дело, — ответил Мышь, но беззлобно. — Не поймите меня неправильно, рабочие места нам нужны, но вы правы насчет «Уолмартса». Они появляются, несколько человек получают работу, но почти весь бизнес вылетает в трубу. Так вышло с моим братом Эрлом в восточном Теннесси. Он держал минимаркет с заправкой — ничего особенного, пара колонок. Рядом с Мемфисом, в часе езды. Потом у них появился «Уолмартс», и через год он больше не мог платить по счетам. Так что, мистер Сэм, нам все про это дело известно.

— Я поговорю с ним, — согласился Сэм. — Нам пригодится любая помощь, мистер Чарльз.

— Тут вы правы, — сказал Мышь.

Сэм протянул Иши руку.

— Ты можешь помочь Дебби на кассе. Что скажешь?

— Хорошо, — сказал Иши.

— Тогда пошли.

Глава 22

Камень за пазухой

Когда я уже готовился закрывать вторую кассу, пришла тетя Ширли и из дверей направилась сразу ко мне. Тетя Ширли была старшей сестрой моей мамы. В последнее время мы с нею встречались нечасто, чему я был рад.

Было почти семь вечера. В магазине осталось всего несколько человек, которые в последнюю минуту забежали за покупками по дороге домой. Ишмаэль вместе со мной стоял около кассы, играл с держателем пластиковых пакетов. Он решил, что упаковка продуктов — занятие вполне неплохое.

— Давненько не виделись, Хен, — объявила она.

— Как поживаете, тетя Ширли?

— Поживала прекрасно, пока не услышала об этом мальчике.

— О каком?

— Не «какомкай» тут мне, молодой человек. Ты знаешь, о ком я.

Тетя Ширли всегда полагала, что люди обязаны знать, что в точности она имеет в виду. Я покосился на Ишмаэля. Ее взгляд последовал за моим, и она выгнула брови.

— Нехорошо это, Хен.

— Прошу прощения?

— Он живет у тебя, а ты... этот самый, короче. По-твоему, это нормально?

— Он просто поживет с нами, пока мы не найдем Сару.

— А я предупреждала твою мать насчет этой девчонки. Некоторым можно становиться

родителями, а некоторым нельзя. Я не хочу сказать, что им надо делать аборт, вовсе нет, но хорошо бы они раздвигали ноги пореже и не вели себя как обычная подзаборная шваль. Блудницы вавилонские, иначе не скажешь! Хуже сучек во время течки, которые готовы подставить хвост любой безголовой псине в округе. Когда Господь сказал «плодитесь и размножайтесь», он говорил не о том, чтобы штамповать ублюдков со скоростью машинки с попкорном.

Если тетя Ширли показалась вам довольно консервативной, то вы не ошиблись.

— До меня дошел слух, что Сара сбежала, и теперь ее мальчик живет у тебя. Это неправильно, Хен. Ты ведь один из этих... не стану говорить из кого, но ты знаешь, о чем я. — Словно делая мне одолжение, она понизила голос и зашептала: — *Мужчины на мужчинах делают срам.* (цитата из «Послания к Римлянам» — прим. пер.) Срам, Хен! Мальчик должен жить с порядочной родней, а не с такими, как ты, и я говорю так не из злости, но лишь потому, что это чистая правда. Что ты знаешь о том, как растить детей? Господи, помилуй! Ты же сам понимаешь, людям только дай почесать языком. И прямо сейчас они болтают о тебе и об этом маленьком мальчике. Живешь с ним один в том старом доме. Это неправильно!

— Я живу с Сэмом, — напомнил я.

— По-твоему, это меняет дело в лучшую сторону? Чтобы двое мужчин жили с маленьким мальчиком! С невинным ребенком! *Творя срам!* Хен, ты что, спятил? Мне все равно, чем вы там занимаетесь между собой — хотя Господь свидетель, я этого не одобряю, — но маленькие дети с вами жить не должны. Что подумают люди?

— Тетя Ширли, мне пора считать выручку и закрываться. Спасибо, что заглянули, но у нас все будет нормально. И кстати, нас слушают любопытные уши.

— Мы с твоим дядей Хорасом можем взять этого ребенка к себе.

— Этого не будет, тетя Ширли.

— То есть, ты собираешься позволить людям распускать о твоей семье сплетни? — спросила она.

— Люди всегда распускают сплетни.

— Что они скажут насчет того, что он живет в одном доме с таким человеком, как ты? Господи, удивительно, что еще никто не позвонил куда надо. Позор! У меня, знаешь ли, есть репутация, о которой надо заботиться — хотя, куда тебе знать, когда у тебя ее нет.

Она посмотрела мимо меня, впервые заметив, что за мной прячется маленький мальчик.

— Ну разве ты не прелестный малыш? — сказала она. — Наверное, скучаешь по маме, но без нее тебе будет лучше...

— Тетя Ширли!

— Что? Это правда, и ему, видит Бог, не повредит узнать правду. Не можешь заботиться о ребенке — значит, не заводи его, а ей, когда она родила, было всего четырнадцать, и теперь она сбежала и опозорила всю семью.

— Тетя Ширли, прошу вас...

— Не знаю, куда она делась, но лучше пусть там и останется. Бросить своего ребенка совсем одного и не вернуться — это что за мамочкой надо быть? Я говорила твоей матери, и не один раз, что ничего путного из этой девчонки не выйдет. Слишком распушенной она была с самого детства. Это все Гудовы гены. Когда твоя мать выходила замуж, я предупреждала ее, но она слушала меня не больше твоей сестры, и вот теперь она убежала...

— Тетя Ширли, пожалуйста! — воскликнул я громко.

— Как будто нам мало того, что сделали твои мама с папой, но это, Хен, уже чересчур. Зачем вам приспичило позорить семью, я просто не представляю.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к вам.

— Не забывай, Хен, что дом, где ты живешь, принадлежит *моей* семье, поэтому меня касается все, что там происходит. Если бы папа узнал, что в этом доме живет какой-то гомосексуалист...

— О, Бога ради!

— Ты подумай, о чем я сказала, — прошипела она, прищипливая меня к месту своим фирменным взглядом. — И знай, Генри Гуд, если придется, я не испугаюсь побороться с тобой за опеку над этим ребенком. Думаешь, я позволю тебе выставить нашу семью на посмешище? Думаешь, я соглашусь с тем, чтобы какие-то извращенцы-гомосексуалисты жили в моем доме и вытворяли невесть что с невинным ребенком?

Она фыркнула и, не попрощавшись ни с кем из нас, удалилась. Типичная тетя Ширли. Ни тебе «здравствуйте», ни «как вы» и «что у вас нового». Сразу к делу с изяществом отбойного молотка по коробке с котятками и нередко с похожими результатами.

— Кто это? — тихо спросил Ишмаэль, который, вытянув шею, смотрел ей вслед.

— Сложно сказать, — ответил я, — но думаю, она в родстве с невестой Чаки. *(отсылка к одноименному триллеру — прим. пер.)*

Глава 23

Боевые шрамы

— Марш! — сказал я и показал на ванную.

— Но я не хочу мыться!

— Ванну надо принимать каждый день.

— Мама никогда не заставляла меня мыться.

— В этом доме ты должен мыться.

— Ну пожалуйста.

— Марш.

— Ну пожалуйста.

— Парень, я не такой, как твоя мама. Когда я что-то говорю, то говорю это серьезно и не собираюсь туда-сюда менять свое мнение. Я не треплю языком просто так. Ты меня понял?

— Но...

— Никаких «но».

На его лице появилось печальное выражение поражения.

— А теперь марш, какашка ты маленькая, — сказал я.

— Дядя Хен, я не какашка.

— Я знаю, но пахнет от тебя уже как от какашки.

— Я не какашка!

— Марш. И помой за ушами. И если не хочешь, чтобы я побрил тебя налысо, то будешь мыть волосы каждый день. У меня нет желания ловить на твоей черепушке вшей. Твой дядя Сэм научил тебя мыться, так что иди и мойся, но только как следует, иначе я возьмусь за тебя сам, и вряд ли тебе это понравится.

Он скорчил несчастную физиономию.

— Налить тебе ванну? — предложил я.

Он кивнул, но с таким убитым лицом, что я почувствовал себя виноватым.

Я наполнил ванну водой, усадил его внутрь, вымыл как следует ему голову.

Пока он играл в воде, я попытался обустроить его спальню. Закончив складывать его вещи, я спрятал их в шкаф, а пижаму положил на кровать. Потом откопал в кладовке старый ночник и включил его в розетку. И еще поставил на тумбочку его Супермена, решив, что знакомая фигурка его успокоит.

Он вернулся, волоча за собой полотенце и капая на деревянные половицы водой.

— О, ну в самом-то деле! — рявкнул я. — Ты что, не знаешь, как вытираться?

Он встал, раскрыв рот, точно птица, пытающаяся срыгнуть.

Я забрал у него полотенце, необъяснимо злой из-за воды, которой он закапал мой пол. В конце концов, это была просто вода. Развернув его, чтобы вытереть спину, я увидел пересекающие его левую ягодицу рубцы — четыре темно-красные, уже поблекшие полосы. Сара, судя по всему, хорошо его приложила, раз остались такие следы.

— Что это? — потребовал я ответа.

Он задрожал.

— Что случилось? — спросил я.

Он повернулся ко мне с затравленным выражением на лице.

— Твоя мать что, побила тебя?

— Я сделал плохое, — признался он. — Мама сказала, я плохой ниггер.

— Не говори так.

— Это правда.

— Не употребляй такие слова.

— Но это правда!

— Мне без разницы. В моем доме такие слова запрещены.

— Извини, дядя Хен. — Внезапно губы у него затряслись, и он ударился в слезы.

— Перестань, — сказал я.

Он стал несчастно тереть глаза.

Я завернул его в полотенце, взял на руки и отнес к кровати, где посадил его к себе на колени.

— Перестань, — повторил я, но уже мягче. — Все хорошо. Я не сержусь на тебя. Я просто хочу узнать, что случилось.

— Я сделал плохое, дядя Хен.

— Что случилось?

— Я разбил окно в ванной. Я попросил у нее прощения. Я сказал, мама, я стану лучше. Я сказал, что больше не буду.

— Иши, все хорошо.

— Я сказал ей, но она не слушает меня, никогда.

— И она выпорола тебя?

— Я попросил у нее прощения.

— Все теперь хорошо.

— Я хочу домой, дядя Хен, — сказал он с беспредельным отчаянием.

— Я знаю.

— Я хочу к маме.

— Какое-то время тебе придется пожить вместе с нами.

— Мне тут не нравится.

— Скоро привыкнешь.

— Я хочу домой!

— Извини, но домой тебе пока что нельзя.

— Я не хочу мыться.

— Так надо.

— Мама никогда не заставляла меня.

— Я не твоя мама, парень. И потом, разве тебе не приятней теперь, когда ты весь чистенький, а твои волосы вкусно пахнут?

— Мне тут не нравится.

— Я знаю, что нет.

Он втянул соплю в нос и потер глаза.

— Давай-ка высушим тебя. Уже пора спать.

Пока я вытирал ему голову и помогал с пижамой, Иши молчал.

Забравшись под одеяло, он поднял взгляд на меня.

— Можно мне поспать с тобой?

— Ты должен спать у себя. Мы будем рядом, дальше по коридору.

Он насупился.

— Я поставил тебе ночник, чтобы не было слишком темно. И еще поставил вот сюда твоего Супермена — он будет присматривать за тобой.

— Я не люблю Супермена.

— А я думал, любишь. Я думал, потому-то он и есть у тебя.

— Мама не слушает меня, никогда. Я сказал, что хочу Капитана Америку, а она сказала, что они одинаковые, раз одеты в одинаковые цвета, но они разные. У Супермена нету щита. Я так ей и сказался.

— Капитан Америка довольно крутой, — согласился я.

— Я тоже хочу такой щит. Его просто бросаешь в кого-нибудь — *бам!* — и все. И еще он американский, а Супермен прилетелся из космоса.

— О.

— Мама больше не вернется, да, дядя Хен?

— Вернется.

— Правда?

Я вздохнул.

— Она не вернется, да?

— Не знаю, — признался я. — Поживем и увидим, что будет.

— Но почему, дядя Хен?

— Твоей маме надо кое с чем разобраться. И ты в этом не виноват. Иногда взрослые чуть-чуть сходят с ума. Может, ей просто нужно немного времени. Я не хочу, чтобы ты волновался. Дай ей немножко времени, хорошо?

Он заворочался на подушке.

— Спи. Мы с Сэмом рядом. Если что, просто позови нас, договорились?

Он закусил губу.

Я хотел поцеловать его в лоб, но смутился, почувствовал неуверенность.

Он лег на бок, повернувшись ко мне спиной.

Глава 24

Буду через минуту

— Ты идешь в постель или нет? — прошептал Сэм, пока я стоял у двери в Ишмаэлеву спальню и смотрел на него.

— Через минуту, — ответил я.

— Полчаса назад ты говорил то же самое.

— Просто хочу убедиться, что у него все нормально.

— У него все прекрасно. Идем.

— Я буду через минуту.

— Идем. Я хочу секса.

— Ты всегда хочешь секса.

— Но сегодня особенно.

— Сэм, отстань. Ну ей-богу.

— Ты мне нужен.

— Тебе нужна хорошая порка.

— И она тоже, но только если ты пообещаешь шлепать меня по-настоящему сильно.

— Сэм, прекрати.

— Что именно?

— Я не в том настроении.

Сэм раздраженно выдохнул.

— За каким чертом ты стоишь и пялишься на него? — спросил он после продолжительного молчания.

— Я не знаю.

— То есть, у нас появился ребенок, и я сразу стал пустым местом?

— Только не говори, что ревнуешь.

Вместо ответа он развернулся и пошел прочь.

Глава 25

Разговор с шефом Калкинсом

— Итак, Хен, что привело тебя к нам? — спросил шеф Калкинс, когда на следующее утро я сел за его стол, чтобы заявить об исчезновении Сары.

Хотя я знал главу полиции Винегар-Бенда достаточно хорошо, друзьями я бы нас не назвал. Ему было известно про маму и папу. Большую часть работы во время расследования он выполнял сам, затравливая меня бесчисленными вопросами, словно вина за то, что они сделали, каким-то образом лежала на мне, или я должен был это предвидеть или остановить, или словно я что-то утаивал, или...

— Не знаю, с чего и начать, — нерешительно проговорил я.

— Тогда с самого начала и начинай, — предложил он. — Как вы там с Сэмом живете, нормально?

— Вроде бы.

— Нечасто тебя стало видно.

— Просто много работы, — ответил я.

— Сэм хороший парень, — заметил он.

— Это да.

Шеф Калкинс был лыс. На его блестящей макушке неизменно торчали солнцезащитные очки. Лицо у него было круглым, полным, мясистым, а карие бульдожьи глаза словно видели человека насквозь. Они смотрели не то чтобы недружелюбно — хотя умели быть и такими, — но сообщали, что повидали на свете практически все, однако не удивятся, если увидят нечто еще более неприглядное. Тем не менее, Калкинс был приятным в общении человеком и профессионалом своего дела, знал всех по именам, знал, кто где живет и к какой церкви приписан, кто закончил нашу местную школу, а кто недоучка, у кого имеются приводы, кого по субботам поколачивают спьяну мужья, кого ловили на воровстве во «Всегда экономь» и так далее.

— Так что тебе нужно? — спросил он.

— Я насчет Сары.

— Твоей сестры?

— Она теперь живет в Абердине. В субботу вечером она ушла и не вернулась.

— Хочешь подать заявление на ее розыск?

— Вот даже не знаю. Вообще, я скорее переживаю за ее сына.

— Он тоже пропал?

— Нет. Она его бросила.

Он откинулся в кресле, его рот сжался в мрачную линию. Он ничего пока что не говорил, ждал от меня подробностей.

— Ее сыну семь лет. Она оставила его дома совсем одного. Во вторник утром мне позвонила женщина, которая живет по соседству. Сказала, чтобы я приехал за ним, что я и сделал. С тех пор я оставил Саре примерно миллион голосовых сообщений, но она так и не перезвонила. Я не представляю ни где она, ни что теперь делать.

— Ее нет с субботнего вечера?

Я кивнул.

— И она оставила мальчика одного?

Я снова кивнул.

Он еще сильнее нахмурился. Потом выпрямился, положил руки на стол и сцепил пальцы в замок.

— И где он теперь?

— У нас с Сэмом.

У него стал такой вид, словно я вывалил на стол коровью лепешку и ткнул его в нее носом.

— Не люблю я, когда вмешивают детей, — в конце концов покачал головой он. — Дети это святое. С ними нельзя обращаться, как иногда обращаются. Меня оно всегда задевает. До самого сердца. Ты не знаешь, куда делась твоя сестра?

— Нет.

— Она встречается с кем-нибудь?

— Она не заходит, так что не знаю. У нее вечно то один, то другой. Я даже не знаю, кто отец Иши.

— Иши... это ее мальчик?

— Он Ишмаэль, но мы зовем его Иши.

— Он сейчас с тобой?

— Ждет за дверью.

Он тяжело вздохнул, достал пачку бумаги и карандаш, сделал пару заметок.

— Вот, что я сейчас сделаю, Хен, — наконец проговорил он. — Я позвоню в офис шерифа, введу их в курс дела. Кто знает, может у них есть какие зацепки. Есть мысли, куда она могла бы поехать?

— Вы же знаете Сару, — ответил я.

Этого объяснения было достаточно. Калкинс не раз забирал ее — за наркотики, бродяжничество, домогательство, проституцию. Сара могла быть с кем угодно и где угодно, в нашем штате, не в нашем — черт ее знает, куда она подевалась.

— Она ведь сейчас на условном сроке? — спросил он.

Я кивнул.

— И мы предполагаем, что она с кем-то сбежала? Все верно?

— Я не знаю, на что еще думать, — ответил я.

— Она могла ввязаться в какие-нибудь неприятности. Так бывает с теми, кто употребляет наркотики.

Я нахмурился. В его словах был резон. Перед моим мысленным взором возникла картинка: Сара, лежащая в канаве или в овраге где-то в лесу. Содрогнувшись, я отмел ее прочь.

— После того, как я дам делу ход, — сказал Калкинс, — сюда вмешается ДСЗ (*департамент социальной защиты — прим. пер.*). Ты как, готов заботиться об этом ребенке? Вы с Сэмом... живете там вместе... ты должен понимать, что людям все это не понравится.

Я ничего не сказал.

— Я не цепляю тебя, — прибавил Калкинс. — Но вы готовы ко всему этому?

— Наверное, — сказал я.

— ДСЗ начнет искать ближайшего родственника, какое-то место, куда можно пристроить ребенка. Этим ближайшим родственником окажешься ты. Тебе назначат испытательный срок, чтобы посмотреть, как у вас получается, как вы все уживаетесь, но решение останется за судом по делам несовершеннолетних, и очень может быть, что в итоге тебе придется судиться с сестрой за опеку.

— Хорошо, — сказал я, слегка ошарашенный количеством информации.

— Лучше убедись, Хен, правда ли тебе это нужно. Ребята из соцзащиты будут задавать вам с Сэмом вопросы, крутиться у вас и совать нос в ваши дела, и ты понимаешь, что я имею в виду.

Я ничего не ответил.

Глава 26

Южный джентльмен

Работа в то утро у меня была только одна: двор мистера Коттона Пикла, большое, растянутое пространство на Восьмой улице. Пока я косил газон, Ишмаэль подбирал веточки, которые нападали с многочисленных деревьев мистера Коттона. Мы пропололи клумбу, которая шла параллельно крыльцу, подравняли траву возле подъездной дорожки и тротуара и подмели за собой.

Поскольку уже спустилась жара, я ходил с голым торсом, как и нравилось мистеру Коттону.

Иши, пока мы работали, молчал, погруженный в себя.

Коттон Пикл был местной знаменитостью. Тех, кто не знал о том, что он написал один из величайших в истории диско-хитов под названием «Я верю в буги», быстренько просвещали. Его песни исполняли, среди прочих, Донна Саммер и Лу Ролз, и в свое время он, очевидно, отменно играл на басу. Если его разговорить, он мог поведать, как одной — по-видимому, очень разнузданной — ночью в Атланте переспал со всей группой «KC and the Sunshine Band». В детали он особенно не вдавался, но там присутствовало большое количество ЛСД, а так же бэк-вокалист «Grateful Dead».

По крайней мере, так говорил Коттон Пикл. А он много чего говорил.

Когда мы закончили, я отправился к заднему крыльцу и зашел в дом. Ишмаэля я попросил ждать меня во дворе, потому что мистер Коттон, прославленный автор-песенник, был заодно старым развратником, о чем весь город тоже был в курсе. Время от времени он делал мне недвусмысленные предложения, обещая заплатить за определенного рода услуги — обычно за то, чтобы я ему подрочил после того, как помогу принять ванну. Брать деньги за подобные вещи было неправильно, но иногда из жалости к нему я разрешал уговорить себя на кое-какую «помощь». Мы, в принципе, никому не причиняли вреда. Поскольку он был парализован и прикован к инвалидному креслу, я не обращал внимания на его глупости. Большую часть времени дома находилась его сестра, так что его авансы давно стали достаточно робкими. Да и сложно было не испытывать жалость к человеку, вынужденному всю жизнь разгуливать с именем Коттон Пикл. Плюс у Коттона Пикла имелось свое обаяние.

Мистер Коттон сидел на террасе и наблюдал за нами через окно. Сквозь дверной проем виднелась гостиная, стены которой были увешены плакатами и золотыми пластинками.

— Ох, сколько же загара к тебе прилипло, — сказал он, улыбаясь и восхищенно оглядывая мою голую грудь.

— Вы бы посидели на улице, — посоветовал я. — Солнце пойдет вам на пользу.

— На меня и близко не так приятно смотреть. Ты сегодня привел помощника, да?

— Он мой племянник.

— Симпатичный мальчонка.

Я оставил это без комментариев.

— Как у вас дела, мистер Коттон? — спросил я. — Все хорошо?

— Хорошо... насколько возможно, — протянул он со своим медленным стариковским выговором. — Конечно, мне стало бы лучше, если б ты помог мне принять ванну, но сестра Бетти крутится тут целое утро, как ненормальная. Ты же знаешь, какая она.

Я выдал намек на улыбку.

— Твой чек у нее, Хен, — прибавил он. — Ну и жарень стоит, да?

— Июль.

— Напоминает мне об Атланте, такая жара, — произнес он рассеянно. — Неплохо мы тогда повеселились в Атланте, тут можешь не сомневаться. Я когда-нибудь рассказывал тебе, как провел ночь с «KC and the Sunshine Band»?

— Вы правда переспали с ними со всеми?

— Такие были времена, Хен! Казалось, будто все на свете возможно. Понимаешь, мы верили в буги. Потому-то я и назвал свою песню «Я верю в буги». Раньше мы все во что-то да верили. А сейчас люди, похоже, совсем ни во что не верят. Ходят постоянно смурные и только. Я рассказывал тебе, как «Я верю» чуть было не получила «Грэмми»?

Всего миллион раз...

— Мы думали, что изменим мир, — прибавил он. — Был 1980-й. Единственный год,

когда «Грэмми» давали за диско. Проиграл «I Will Survive». Забавно, да? Там был Род Стюарт с «Do Ya Think I'm Sexy». Донна Саммер с «Dim All the Lights». Майкл Джексон — одной из своих ранних вещей. С такими конкурентами даже номинироваться было великой честью. Но Глория Гейнор надрала нам всем задницы и совершенно заслуженно. Хотя она не сама сочинила ту песню. Ее написали Фредди Перрен и Дино Фекарис. Я рассказывал тебе, как однажды повстречал Дино в «Рокси»?

Всего миллион раз...

Погруженный в воспоминания, он испустил тяжкий вздох.

— Слушай-ка, Хен, ты не мог бы помочь мне с подножкой?

Уловка была не новой, однако я решил сделать ему одолжение. Он собирался притвориться, что его ноги стоят на подножке как-то не так, и, пока я с ними вожусь, пощупать меня.

Присев на корточки, я стал осматривать его ноги, не забыв при этом придвинуться достаточно близко, чтобы он мог до меня дотянуться. Его рука почти сразу упала на мою голую спину — словно ради поддержки.

— Добрый ты парень, — заметил он, пока его хрупкие пальцы порхали на моей коже.

Я поправил одну его ногу, поставив ее в наиболее подходящее по моему мнению положение. Он наклонился, его рука принялась блуждать по моей спине.

Я сделал вид, будто продолжаю возиться с его ногой.

По какой причине я это делал, я понятия не имел. Сэм говорил, что это ужасно. Я отвечал, что мистер Коттон просто безобидный старик, которому время от времени хочется немного внимания.

Сэм в таких вещах особой чуткостью не отличался, но Сэм был отчасти шлюшкой, так что я пропускал его слова мимо ушей.

Поправив вторую ногу мистера Коттона, я встал около инвалидного кресла, а он положил свою левую руку мне на живот и стал маленькими кругами его потирать, глядя на меня своими стариковскими слезящимися глазами, словно он был моим сахарным папочкой и имел на то полное право.

— Ты не такой, как все, — пробормотал он тихо. — Ты всегда очень добр ко мне.

— Людям бывает одиноко, — заметил я.

— Ох, не то слово, — отозвался он.

— Вы давно ходили к врачу?

— Нет для меня от них проку, Хен. Только деньги будут тянуть, пока не помру. Эти врачи... они, если хочешь знать мое мнение, как пиявки, все до последнего. Врачи и еще адвокаты. Как запустят в тебя свои когти, так и выдоят досуха. Засядут, как цепни, в кишках и давай потихоньку сосать твою кровь. И агенты такие же. Помереть и оставить все свои деньги тебе — вот, что мне надо бы сделать, Хен.

Его ладонь соскользнула на ткань над моим пахом. Поглаживая выпуклость там, он прикрыл глаза, точно при медитации. Он часто намекал, что оставит мне деньги, на что я тоже не обращал внимания.

— Вам что-нибудь принести, пока я здесь?

— Лучше наведай меня чаще, — ответил он. — Только и получается заманить тебя в гости, если надо подстричь траву, или окно починить, или еще что-нибудь. А мне ведь так нравятся твои визиты.

— Скабрезный вы старикашка, — сказал я, но без злости.

— Я такой, — признал он с улыбкой. — В мои времена все было иначе. Чтоб раньше кто-то жил, как живете вы с Сэмом... господи боже! Люди бы этого не стерпели. Только не в наших краях!

— Жизнь меняется, — ответил я.

— Жаль только я этого уже не увижу. В том-то и состояла вся прелесть диско, Хен. В нем можно было увидеть любовь. Все танцевали, обжимались, любили друг друга... Не было ни черных, ни белых, ни геев, ни натуралов. Мы собирались изменить мир. Но люди, похоже, больше не верят в то, что мир может перемениться. Ты еще пишешь песни?

— После маминой смерти не написал ни одной.

— Ничего, скоро напишешь, — заверил меня он. — Нелегко это, написать песню, если сердце к ней не лежит. Но скоро твое сердце снова проснется. Сочинительство всегда было моей первой любовью.

— Берегите себя, мистер Коттон, — сказал я. Потом наклонился и полюбнял его, позволив ему на несколько секунд ощутить мою кожу, коснуться меня, приложиться лицом к моей голой груди.

— Твой чек у сестры Бетти, Хен, — сказал он, когда я отстранился.

— Увидимся через пару недель, мистер Коттон.

— Я буду здесь, — пообещал он. — Если только проклятые врачи меня не прикончат. А ты знаешь, эти сукины дети только того и хотят.

Глава 27

Монашка на лестнице

— Сестра Асенсьон, это Ишмаэль, мой племянник. Мы зовем его Иши.

— Привет, — сказал Ишмаэль, поднимая взгляд на сестру Асенсьон, которая была маленькой и хрупкой, как птичка. Очки с толстыми стеклами и строгое выражение на узком лице придавали ей сходство с огромным кузнечиком.

Была среда, и мы пришли в церковь на вечернюю мессу.

Сестра Асенсьон была нашим приходским священником — по крайней мере, в моем представлении. Когда отец Гуэрра не мог приехать из Оксфорда, чтобы провести мессу, его замещала сестра Асенсьон и справлялась с делом прекрасно.

— Твой дядя много рассказывал о тебе, — сказала она Иши. В ее голосе слышался сильный бронкский акцент. — Тебе очень повезло иметь такого дядю, как Хен. Он уже поручал тебе доить Ромни?

Ишмаэль улыбнулся.

— Ты следи за ним, а то не успеешь и оглянуться, как будешь выполнять за него всю работу. Может, ты и здесь начнешь помогать? Ты любишь мыть окна? У нас много витражей, которые требуется перемыть, и нам пригодилась бы маленькая обезьянка, вроде тебя, чтобы лазать по лестницам. Что скажешь?

— Нетушки!

— Что ж, попробовать стоило. Сама я никогда больше и близко не подпущу свой зад к этой лестнице. В прошлый раз кто-то сфотографировал меня и поместил фото в газету. Никто не хочет смотреть, как монашка стоит на лестнице с болтающимся на ветру задом. Ты точно не хочешь помочь?

Ишмаэль хихикнул.

— Я надеюсь, в воскресенье ты придешь на мессу пораньше. Тогда ты сможешь поиграть с другими детьми из молодежной программы. Я думаю, тебе будет весело. Мы, разумеется, стараемся сильно не веселиться — все-таки, как-никак, мы баптисты, — но ты понимаешь, как оно происходит. Ну что, ты не против прийти и повеселиться с нами?

— Хорошо, — сказал Ишмаэль.

— Вот и умничка! — провозгласила она. — Твой дядя приносит нам козье молоко. Мы с сестрой Лурдес пьем его, потому что не хотим его огорчать. А тебя он заставлял его пить?

— Гадость!

— Противное, да? Будто жирафье. «Вот, сестра, я подоил вам жирафа. Попробуйте! Такая вкуснятина!» Но таков уж твой дядя, и именно потому мы любим его. И знаешь, в целом, козье молоко совсем не плохое. Оно даже начинает мне нравиться. Все лучше, чем пить ту двухпроцентную чепуху, которое сестра Лурдес приносит из гастронома. Божечки! Меня словно наказывают за мои грехи, а их, святые свидетели, было немало.

Ишмаэль смотрел на нее сияющими глазами. Сестра Асенсьон всегда производила на неподготовленных зрителей подобный эффект.

— В общем, приходи в молодежную группу. Они как раз ищут еще одного игрока для футбольной команды. Иши, ты любишь футбол?

— Я никогда в него не игрался, — признался он.

— О, там нет ничего сложного, — заверила она его. — Просто бегай, пинай мяч, кричи, вопи, снова бегай, пропотей хорошенько, и через два часа они решат, кто победил, а кто проиграл. А потом вы пойдете в кафе и выпьете по большущему шоколадному коктейлю, в чем, если хочешь знать мое мнение, и есть суть игры. Я права?

Он улыбнулся.

— Есть какие-нибудь новости, Хен? — спросила сестра, повернувшись ко мне.

— Нет, — тихо ответил я.

— Видимо, нам остается только молиться. Вы как, уже обустроились?

— У нас все нормально.

— С детьми бывает непросто, но я не сомневаюсь, ты справишься.

— Вообще, я до смерти перепуган.

— Почему это?

— Я ничего не смыслю в том, как их надо воспитывать.

— Что там смыслить? Корми и пои их, и ставь раз в неделю под душ. И желательно не теряй — я слышала, это важно. Полиция подобные вещи не одобряет.

— Интересно, что об этом скажет мисс Стелла.

Сестра Асенсьон огорченно поджала губы. Что поделаешь — казалось, говорила она.

Мисс Стелла Кросс, муж которой одно время работал в муниципалитете, недавно спросила приходской совет, нормально ли, по их мнению, то, что «практикующий гомосексуалист» не только вопреки всем церковным законам получает в их церкви причастие, но вдобавок играет на гитаре во время мессы. Поскольку она была президентом совета, отмахнуться от ее вопросов было нельзя.

Отец Гуэрра пообещал «разобраться».

— Что поделаешь, — сказала сестра Асенсьон.

— Мне лучше пойти настраиваться.

Спой новую песню

Пока я вместе с Анной и Келли стоял перед микрофонами, Ишмаэль взирал на меня с каким-то благоговением на лице. Он так увлеченно смотрел на нас, что вряд ли уделял много внимания самой мессе.

Он напомнил мне меня самого в детстве, когда я точно так же глазел на хор, на гитаристов, на органиста и пианиста, замороженный воспроизведением музыки. Она казалась мне чем-то величественным и прекрасным — чем-то мистическим, таинственным, удивительным. Мою первую гитару папа подарил мне в семь лет, и потом я провел не одно и не два воскресенья на переднем крыльце Дона Уилка, когда приходил к нему учиться играть.

Пока мы стояли на коленях во время молитвы, я спросил Ишмаэля, принимал ли он Первое Причастие.

— Что такое «перчастие»? — спросил он.

— Твоя мама что, никогда не брала тебя в церковь?

Он помотал головой.

— Когда мы пойдем причащаться, просто приложи руки к груди. Так священник поймет, что тебя надо благословить.

— Хорошо.

Когда пришло время идти к алтарю за причастием, отец Гуэрра, увидев рядом со мной Ишмаэля, бросил на меня какой-то подозрительный взгляд.

Глава 29

Микробы

На дорожку, озарив светом фар наши окна, свернула машина, и Шарла залаяла.

— Это, наверное, Ларри, — сказал Сэм. Ларри был одним из его младших братьев.

Мы смотрели «Остров Гиллигана». Недавно Сэм купил цифровую антенну, которая ловила в том числе и канал со старыми сериалами. У нас не было ни кабельного, ни «Нетфликса». Мы с Сэмом довольно бережно относились к деньгам и не тратили их на вещи, за которые не могли заплатить. Сэм всегда мог обратиться за деньгами к родителям, но ему не давала гордость. У меня же не было за душой и ночного горшка, хотя имелось несколько окон, откуда я мог выплеснуть его содержимое.

Я был счастлив видеть, что Гиллиган и его банда полностью захватили внимание Ишмаэля, и он отвлекся от мучительных мыслей о матери. Он свернулся калачиком на диване рядом со мной, используя мое бедро как подушку.

Влетев в дом, Ларри сразу направился к раковине, где тщательно вымыл руки, после чего со стыдливой улыбкой на лице вернулся в гостиную.

— Микробы? — спросил я.

— После руля, — пожал он плечами. — На этой неделе не было времени вымыть пикап изнутри. Такая мерзость! У вас нет влажных салфеток?

Ларри всерьез загонялся на тему микробов.

— Лежат на столе, — сказал я.

— Знаете, что я слышал? — спросил он, вытирая руки.

Я вздохнул. С Ларри угадать было сложно.

— Про обезьян-капуцинов, — сказал он. И, умолкнув, стал ждать, когда кто-нибудь из

нас выкажет интерес.

— Что с ними? — спросил Сэм, зная, что у нас нет выбора.

— Они здороваются друг с другом, предъявляя свои эрекции. Так что, если я зайду сюда с голым членом, знайте: я всего лишь пытаюсь быть дружелюбным.

— Может, не стоит говорить такие вещи перед ребенком? — спросил я.

— Но Хен, я думал, ты уже вырос.

— Я не себя имею в виду.

— Ну, у Иши тоже есть член, разве нет?

— Ларри, пожалуйста.

— Так вы идете завтра на это свое «мероприятие»? — спросил он.

— Естественно, да, — ответил Сэм. — И ты тоже там будешь. Я не желаю слышать ни слова о том, что в толпе у тебя начинаются панические атаки.

— Но, Сэмстер, я же не вру, — сказал Ларри. — Большие толпы — главная причина распространения заболеваний. Люди трогают все подряд, потом притрагиваются друг к другу... И еще дети... Бог знает, где побывали их руки. Страшно даже представить.

— Ты придешь, — строго сказал Сэм.

— Я просто сказал.

— Это важно, Ларри, — сказал Сэм. — Чертов «Уолмарт» может выдавить нас из бизнеса, и как тогда ты будешь платить за свой колледж?

— Да приду я, приду! Господи... Я просто захотел сказать, что Калкинс ворчит на эту тему.

— Ворчит?

— Он считает, что протесты и все такое выставляют город с плохой стороны. Он не хочет «иметь в своем городе такие мероприятия».

— У нас демократия, Ларри.

— Я просто сказал.

— Выражать свое мнение — наше законное право.

— И никто его не оспаривает. По крайней мере, такова официальная политика партии.

— И хватит называть это «мероприятием». Это протестная акция. Используй, хотя бы, правильный термин. Так что они говорят, шеф Калкинс и его приятели?

— Что ты выставляешь город в дурном свете.

Ларри сделал паузу, чтобы поскрести свою бороду.

— Тебе когда-нибудь говорили о том, сколько микробов живет в бороде? — спросил я.

— Это миф, — отпарировал он.

— Как скажешь.

Ларри прищурился на Ишмаэля.

— Что, черт побери, у него за имечко — Иши?

— Ларри! — сердито воскликнул я.

— Я просто шучу. Как твоя мама, приятель? Насколько я ее помню, штучка она была жаркая!

— Ларри!

— Что?

— Для студента ты иногда ведешь себя, как полный кретин, — заметил Сэм.

— Но это правда, — принялся защищаться Ларри. — Видел бы ты ее в шортиках.

— Возможно, сейчас не лучшее время ударяться в воспоминания, — сказал Сэм. —

Поскольку она... ну, ты знаешь.

— О, — сказал Ларри. — Я и забыл. Они уже нашли... что-нибудь?

— Пока нет.

— В воскресенье у мамы день рождения, — сменил тему Ларри.

— Я помню, — ответил Сэм.

— И ты приведешь своего любовничка?

— Если захочу — приведу, — твердо ответил Сэм.

— Поли, знаешь, это не нравится.

— Поли может поцеловать меня в задницу.

— Это будет инцест. Мама сказала, о вас ходят слухи...

— Слухи?

— Хен всюду водит за собой этого малыша. Люди, знаешь ли, начинают болтать.

— Иши его племянник.

— Не заводись. Я просто рассказываю. Людям интересно...

— Что именно?

— Что вы с ним собираетесь сделать.

— И что, по-твоему, мы собираемся сделать? Принести его в жертву языческим божествам? Посадить в подвале на цепь? Продать на блошином рынке?

— Ты же знаешь, какими могут быть люди.

— Просто отсоси, Ларри. Окей?

— Спасибо, Сэмми, но я воздержусь.

— Слишком много микробов? — предположил я.

— Если ты не против, я бы предпочел не умирать от СПИДа, — отпарировал он. —

Плюс это тоже будет инцест, а я не по этому делу. Ребят, у вас есть что поесть?

— Незараженного СПИДом — нет, — ответил я.

— Ты такой юморной, Генри Гуд, — сказал Ларри. — Тебе надо стать комиком. Будешь нашим южным эквивалентом Джоан Риверз. Только вместо «Монологов вагины» будешь толкать «Монологи пениса».

— Я начну с монолога о твоём пенисе. «Пенис, которого нет».

— А потом прочитай о своём. «Хер с горы».

— Прекратите уже, а? — потребовал Сэм. — Ну ей-богу.

— Мы просто общаемся, — сказал я. — Раз он собрался подвергнуть себя риску заражения нашими многочисленными микробами, нам стоит, по крайней мере, перекинуться с ним парой шуток перед тем, как мы сядем ждать, когда он умрет.

— Ребят, серьезно, — сказал Ларри. — У вас есть какая-нибудь еда? Я весь день ничего не ел.

— Мы тебе не гребаная гостиница, — огрызнулся Сэм.

— Ты сказал плохое слово, — осуждающе проговорил Иши.

— Вот такой я плохой, — согласился Сэм.

— У вас нет каких-нибудь батончиков, пончиков или плюшек? — спросил Ларри.

— Ты же знаешь, шлюшек мы тут не держим, — напомнил я.

— Ты такой остряк, Гуд, я сейчас лопну от смеха.

— Это меньшее, что ты можешь сделать, — сказал я. — Но у нас есть много козьего молока.

— Ты знаешь, какое оно грязное? Вы же не пастеризуете его. И микробы... Господи

боже мой, и как вы только можете пить эту дрянь?

— Оно вкусное, — сказал я. — Ты попробуй.

— Из-за тебя меня сейчас вырвет.

— Лучше наружу, чем внутрь, только, пожалуйста, не на ковер.

— Это молоко — настоящая мерзость. Надеюсь, ты не накачиваешь им бедного мальчика. Иначе он умрет от какой-нибудь кишечной инфекции, или от стригущего лишая, или бог знает еще от чего. Господи, речь идет о козе. Ты знаешь, что у семиста сорока миллионов людей на земле есть глисты? Откуда, по-твоему, они их подцепили?

— Он всегда был таким? — спросил я у Сэма.

— Если у вас нет еды, то я пошел к маме, — объявил Ларри.

— Я думал, ты и так живешь со своей мамой, — сказал я. — В духовке осталось немного жареной курицы.

— Хен, ты лучше всех.

— Не за что, попрошайка. Может, ты не откажешься и от нашего пива?

— Спасибо. Думаю, не откажусь. Только я налью себе сам.

Ишмаэль хихикнул, глядя, как Ларри побрел к нам на кухню.

Глава 30

Я хочу к маме

— Дядя Хен?

— Да?

— Что будет, если мама никогда не вернется?

Я посмотрел Ишмаэлю в глаза и постарался не выдать то, насколько этот вопрос испугал меня.

— Я не знаю, — ответил я наконец максимально бесстрастно, пока укрывал его.

— Я останусь жить с вами? — спросил он.

— Если захочешь. Ты хочешь?

— Я хочу домой.

— Знаю. Мне жаль.

— Я хочу к маме.

— Знаю, хороший мой.

Эти два слова вырвались у меня прежде, чем я успел их остановить. Я покраснел, почувствовав себя неловко и необъяснимо глупо. Но он, кажется, не заметил.

— Почему она ушла?

— Я не знаю, — признался я.

— Она разозлилась на меня?

— Уверен, что дело было не в этом.

— Я сказался ей, что стану лучшее.

Он начал плакать, и оно кольнуло меня, достало до самого сердца.

— Мне жаль, — сказал я, поглаживая его по щеке, убирая волосы с его глаз, пытаюсь утешить его, но не зная, как. Он даже не плакал, а горестно всхлипывал, словно, хоть и был измотан своим несчастьем, но сопротивляться слезам просто не мог.

— Я же сказался ей, дядя Хен, — простонал он.

Я сидел с ним до тех пор, пока он не заснул изнуренным сном.

Глава 31

Теперь будем ждать

— Ну? — опершись локтем о подушку, сказал Сэм. — Ты поговорил с Калкинсом?

— Да, — ответил я.

— Значит, теперь будем ждать.

— Ждать чего?

— Станем ли мы родителями.

— Родителями?

— Почему нет? Мы станем классными папами.

— Ты, может, и да, — сказал я.

— И ты тоже, — сказал он с нажимом.

— Я не уверен, хочу ли я.

— Что? — Его тон был возмущенным.

— Я не знаю, правильно ли будет так поступать.

— А что будет правильней? Сдать его в сиротский приют?

— Его мать может вернуться хоть завтра, так что я не вижу смысла беспокоиться на эту тему.

— Если она вернется, ее задницу арестуют, Хен. И отправят в тюрьму. И лишат родительских прав. Если ты не возьмешь его, все может кончиться тем, что он попадет в детский дом.

— Может, так для него будет лучше.

— Ну и говнюк же ты, Генри Гуд!

— Просто пытаюсь быть честным.

— Скорее, пытаешься быть мудаком.

— Может, удосужишься притормозить и подумать о том, чего могу хотеть я?

— Что ты хочешь?

— Я никогда в жизни не представлял себя ответственным за такого ребенка. Сэм, он едва разговаривает, и отчего-то я сомневаюсь, что он умеет читать и писать. Я понятия не имею, водила ли Сара его в школу. Ты говоришь о ребенке с кучей проблем.

— То есть, он недостаточно хорош для нас, так?

— Я не это имел в виду.

— А что же?

— Сэм, ты вообще его видел?

— Естественно, да.

— У него не совсем все винтики вертятся, нет? Мисс Ида интересовалась, не дурачок ли он.

— При чем здесь это?

— У него много проблем, Сэм.

— И что?

— Я не знаю, годимся ли мы с тобой для того, чтобы помогать такому ребенку. Нельзя вводить его в свою жизнь, когда мы даже не знаем, не расстанемся ли через пару лет, не говоря уже о том, будем ли вместе до конца наших дней.

— Вау, — тихо проговорил Сэм с таким лицом, словно я ударил его.

— Ты, знаешь ли, шлюшка, — сказал я. — Последние четыре года, пока ты живешь здесь, тебе — предположительно — удавалось удерживать член в штанах, но это же не продлится вечно, ведь так?

— Серьезно? Опять начинаешь?

— Прости, но это правда. Лично я, Сэм, за всю жизнь спал только с тобой, но вот ты... Господи! Тебя не просто так прозвали Пенисом Оксфорда, штат Миссисипи.

— Да, в колледже у меня было несколько увлечений. Подумаешь, большое дело. В итоге я осознал, что ты мой единственный. Ты всегда был моим единственным. Просто я этого не понимал.

— Я был бы счастлив тебе поверить.

— Так что же не веришь?

Я не ответил.

— Я думал, мы договорились больше не поднимать эту тему, — сказал он.

— Если хочешь знать правду, я только и делаю, что сижу и жду, когда тебе станет скучно, и ты меня бросишь. Иногда мне хочется, чтобы это уже случилось, и все.

— Хен, мы обсуждали это сто миллионов раз. Этого не случится. Я не виноват, что ты не хочешь мне верить.

— Напротив, очень хочу.

— Так почему же не веришь?

— Не знаю.

— А я знаю. — Он придвинулся ко мне и поймал мою руку. — Я знаю о тебе и о твоих комплексах все. И нахожу их очаровательными.

— Я не шучу.

— Я знаю. Я тоже не шучу, и когда-нибудь ты увидишь, что ты — мой единственный, Генри Гуд. И был им всегда. Просто мне понадобилось время, чтобы это понять. И кстати, Пенисом Оксфорда меня называл только Ларри, и он преувеличивал. Я переспал с шестью парнями — и только. Не совсем Мария Магдалина, по-моему. Им всем было до тебя далеко, но я был молод, озабочен и глуп.

— Ты влюбил меня в себя, а потом бросил и свалил в колледж. Тоже мне, истинная любовь называется.

Он улыбнулся.

— По-твоему, это смешно? — спросил я.

— Обожаю, когда ты начинаешь ворчать.

— Что бы ты сам почувствовал, если бы я уехал и переспал с шестью парнями?

— Если бы оно добавило тебе счастья, мне было бы все равно.

— Это просто слова.

— А может, я люблю тебя, среди прочего, еще и за твою верность. Я знаю, что ты не станешь ходить от меня налево.

— Мне бы такую уверенность.

— Ты обретишь ее. Но все это не помогает решить нашу проблему.

— Какую? — спросил я.

— С Иши.

— О.

— Я думаю, что мы с тобой станем замечательными родителями.

Я ничего не ответил, только покосился на его горящие безбашенностью глаза. Ишмаэля

могла ожидать куда более ужасная участь, чем родители в нашем лице. Мы, по крайней мере, будем любить его.

— Я не знаю, смогу ли, — признался я.

— Мы с тобой словно молодая женатая парочка, где девушка внезапно узнает, что беременна. Так что... мы поступим ровно так, как поступают все остальные.

— И как же?

— Сделаем вид, что все хорошо, Хен. Поплывем по течению и так далее. На самом деле, к появлению детей нельзя подготовиться. Ты либо оказываешься на высоте, либо нет.

— Ты правда этого хочешь, да?

— Я думаю, это будет занимательный опыт.

— Занимательный?

— Я никогда не представлял себя отчимом, но мне кажется, я справлюсь с этой ролью отлично. А ты что думаешь?

— Я думаю, что тебе нравится бросаться в воду, не разбирая броду, и плевать на последствия. Но речь идет о жизни ребенка. Мы не можем позволить себе облажаться.

— Я восхищаюсь твоей чувствительностью.

— Не издевайся.

— Я и не издеваюсь. Из нас двоих ты всегда был самым практичным, и я этим твоим качеством восхищаюсь.

— О, да иди ты.

— И все-таки нам придется принять решение.

— Мы даже не понимаем, во что мы ввязываемся.

— В жизнь, — твердо ответил он. — Вот во что, Генри Гуд. А жизнь — штука сложная.

— Легко тебе говорить.

— Мы же обсуждали усыновление.

— Это были обычные разговоры.

— Хен, оно пойдет нам на пользу. И мы нужны этому малышу. Только не говори, что ты настолько бессердечный ублюдок, что отправишь его в приют.

— Никогда.

— Тогда в чем проблема?

Я обхватил руками коленку и уставился на свои пальцы.

— В чем? — не уступал он.

— Ты сам знаешь, в чем, Сэм. Прошло три года, и я до сих пор пытаюсь прийти в себя, но никак не могу. Бывают дни, когда я даже не поднимаюсь с постели. Ты это знаешь.

— Тебе стоит снова начать принимать те таблетки.

— Они мне не по карману.

— Я миллион раз говорил, что буду счастлив помочь тебе заплатить за них.

— Я не хочу от тебя благотворительности.

— А я не хочу прийти домой и увидеть, что ты повесился на потолочной балке.

Я ничего не ответил.

— Мы со всем справимся, Генри Гуд, — сказал он, обнимая меня. — Вот увидишь. У тебя же есть Сэмстер, а Сэмстер так легко не сдастся. Мы пройдем этот путь вместе, и когда дойдем до конца, ты увидишь, что я по-прежнему стою рядом с тобой.

— Ты просто так говоришь.

— Я люблю тебя.

— О, заткнись.

— Даже когда ты ворчишь, мое сердечко от тебя обмирает. И не сегодня-завтра однополые браки в великом штате Миссисипи станут легальными, и мы с тобой пойдем к алтарю и соединим наши судьбы, и именно так все и будет. А на медовый месяц мы отправимся в Новый Орлеан, и съедим пропасть лобстеров, и выкурим тьму косяков, и помочимся в залив, и вернемся домой мистером и мистером Сэм Рейкстро.

— Да неужели?

— Ты возьмешь мою фамилию. Да-да, и ты сам это знаешь, поэтому не изображай мне тут возмущение. Ты будешь моим, а я буду твоим — пока смерть не разлучит нас, — так что привыкай давай заранее к этой идее. И еще у нас будет сын, поскольку мы усыновим Иши, и все станет официально. Будем как в «Американской семейке».

— Скорее, как в «Женаты... с детьми». И вообще, для шлюшки-изменщицы ты слишком самоуверен.

— Самоуверенность — это мое второе имя. Ну все, где там твоя свистулька? Я хочу с ней поиграть.

— Оставь мою свистульку в покое.

Он дотянулся до моей талии.

— Вот, откуда я знаю, что ты меня любишь, — сказал он.

— Откуда?

— Стоит мне к тебе прикоснуться, и ты становишься твердым, как камень.

— Ты такой романтичный.

— Просто знаю, откуда берется мой хлеб с маслом — и все. А теперь будь паинькой и ложись на спину, потому что большой папочка голоден.

Глава 32

Пчелы начинают жужжать

В пятницу вечером мы с Ишмаэлем вышли пораньше, чтобы помочь с последними приготовлениями к митингу. Сестра Асенсьон уже находилась на месте, у тротуара стоял ее церковный фургон — дверцы открыты, пачка плакатов лежит наготове. Неподдалеку качались на качелях дети из молодежной группы. За одним из столиков для пикника сидела Дебби с детьми и мужем. По дорожке гуляла пожилая пара.

— Надеюсь, люди придут, — сказала сестра Асенсьон, возясь с переносным холодильником в задней части фургона. Она привезла бутылки с водой на случай, если кому-нибудь захочется пить. — Как поживает наш маленький человечек?

— У нас все в порядке, — ответил я.

— Хен, ты уже думал о том, чтобы записать его в школу?

— Нет, — признался я. — А надо?

— Пора бы. Через пару недель начнутся занятия.

— Черт, — пробормотал я. — Я не знал. И прошу прощения за мой французский.

— Не переживай за свой французский, Хен. На самом деле, мне нравятся люди, которые чертыхаются. Обычно они оказываются более честными. Кажется, у малышей первый день будет девятого августа. Так что впереди у вас прогулка по магазинам! Иши, ты как, готов к школе?

Он выдал озадаченный взгляд.

Сестра Асенсьон замолчала и, поджав губы, посмотрела на меня сквозь толстые стекла своих очков.

— Зря я об этом заговорила. Он, наверное, не осознает...

— Все нормально. Мы подумаем. Насчет того, как поступим... в случае, если... вы понимаете...

— Так ничего и не слышно...?

— Нет, — сказал я.

— Надо бы тебе все-таки записать его, просто на всякий случай. Что-то подсказывает мне, что лучше вам подготовиться.

— Ларри сказал, шеф ворчит на наш счет, — сказал я.

— Как и многие горожане, благослови Господь их сердца! Но у нас есть разрешение, и протест будет мирным. Иметь свое мнение — не преступление. По крайней мере, пока. К тому же, не похоже, что у нас будет огромная аудитория.

Оглядевшись, я понял, что она права. Было почти семь вечера пятницы, и многие магазины позакрывались. У некоторых магазинов стояли машины, еще несколько были припаркованы около мэрии, где горел свет, но и только. Если не считать время от времени проезжающих мимо грузовиков и машин, мы были одни.

Слева от мэрии находился полицейский участок, и нам был виден стоящий напротив патрульный автомобиль шефа Калкинса. Вне всяких сомнений, за нашими действиями наблюдали.

— По-моему, в Бенде еще ни разу не было митингов, — заметил я.

— Людям в Бенде не нравится, когда мутят воду — за три года здесь я это уяснила. Но мне кажется, пришли времена, когда немного помутить воду не помешает.

Я нервничал, поскольку никогда еще не участвовал в «митингах», и не знал, чего ожидать. В Бенде такими вещами не увлекались. Народ здесь был достаточно миролюбивым, разрешал разногласия за закрытыми дверями и во внешний мир сор не выносил. В маленьких городках умели хранить секреты.

Сестра Асенсьон, напротив, была хорошо знакома с протестами, правами трудящихся, межрасовой напряженностью и необходимостью митинговать, выдвигать требования, формировать общество, в котором человек сможет жить, а не просто безропотно принимать подачки от вышестоящих. Выросшая в Бруклине, она кое-что знала о беспорядках, борьбе за социальную справедливость и о том, как иметь дело с властями. Это она вдохновила Сэма организовать протестную акцию и сделать так, чтобы, несмотря на непопулярность его точки зрения, его голос слышали.

Она была бесстрашной в этом отношении.

Я же — не очень.

Сестра положила руку на плечо Иши.

— Хочешь пойти познакомиться с детьми из молодежной программы?

Ишмаэль боязливо взглянул на меня.

— Все хорошо, — сказал я. — Иди веселись.

Я смотрел, как сестра уводит его, и что-то тянуло меня за сердце. Ишмаэль был таким маленьким, таким хрупким на вид, таким *нездоровым*. Не умственно отсталым. Не неполноценным. Просто... *нездоровым*. Он был из тех детей, которые никого не удивляли, когда у них обнаруживалось какое-нибудь странное заболевание вроде дислексии, или рассеянного склероза, или бог знает, чего еще. Я не знал, насколько регулярно Сара

показывала его врачу. То была еще одна вещь, которую мне предстояло проверить.

Постепенно, как и надеялась сестра Асенсьон, в парк начал подтягиваться народ. Появились, конечно, Сэм с Ларри и некоторые их братья и сестры, но кроме них пришли и другие. Часть собралась вокруг фургона сестры, а остальные встали напротив здания мэрии, на ступеньках которой появился мэр в компании всех членов муниципалитета. Смеясь и болтая друг с другом, они в своих строгих костюмчиках снисходительно наблюдали за нашими приготовлениями.

Довольно скоро к нам присоединились небольшие делегации из ряда церквей. Пришел со своими братьями Мышь, и мы все — черные и белые — свободно перемешались, что в Бенде происходило нечасто, разве что на публичных мероприятиях вроде парадов или возвращений на родину. Это казалось естественным, ведь нас объединяло общее дело, и все же я знал, что некоторым, особенно пожилым жителям Бенда, соседство с черными неприятно. Почему — я, в общем, не представлял. Наши родители росли в другую эпоху — таково было стандартное объяснение. И хотя они сделали огромный шаг вперед в преодолении расовой нетерпимости, их мнение так до конца и не изменилось.

Сестра Асенсьон раздала плакаты. Молодежная группа раздала свечи. Когда наступило семь, сестра собрала всех для короткой молитвы.

— Давайте не проявлять агрессию, — напутствовала она нас. — Не перегораживайте тротуары. У нас есть разрешение. Нам можно находиться здесь с семи до восьми, и мы пришли сюда с единственной целью: чтобы наши голоса были услышаны. Не стойте на тротуарах и пешеходных дорожках. Давайте покажем, что мы хорошие горожане и достойно распоряжаемся многочисленными дарами Всевышнего. Насколько я помню, молодежная группа собиралась исполнить нам несколько песен?

Молодежная группа уловила намек и запела а капелла «О, благодать». *(известный христианский гимн — прим. пер.)*

Всего нас было около тридцати душ.

Поначалу мимо парка проезжало не так много машин — все-таки была пятница, — но затем, очевидно, из-за распространившихся слухов, нами было отмечено значительное увеличение числа транспортных средств, которые приползли на низкой скорости на главную улицу, чтобы на нас поглазеть. Кроме того, вскоре появился со своей камерой Марк Фусберг из «Новостей Винегар-Бенда». Он встал посреди улицы и в показушной манере защелкал затвором, периодически записывая имена и делая в блокноте пометки. Потом он отвел сестру Асенсьон в сторону для интервью.

Ишмаэль стоял рядом со мной и Сэмом. Мы пели. Держали плакаты. Одни водители, проезжая мимо, гудели нам, другие хмурились в нашу сторону, и все это время члены муниципалитета во главе с мэром стояли у мэрии и, улыбаясь, переговариваясь, поглядывали на нас. У меня возникло смутное ощущение, что они осуждают нас, оценивают наши силы, записывают имена, строят козни. Это было неприятное ощущение.

Закончив фотографировать, Фусберг стал работать с толпой и вскоре сосредоточил внимание на Сэме, как на одном из главных зачинщиков. Мы с Ишмаэлем отошли в сторону, пока Фусберг брал у него интервью в манере, которая показалась мне недружелюбной и агрессивной.

А потом все закончилось — так же быстро, как началось. Наступило восемь часов. Вернув плакаты и свечи в фургон сестры Асенсьон, народ стал прощаться с соседями и друзьями и расходиться.

Когда почти все ушли, члены муниципалитета с мэром Райли прогулочным шагом двинулись через парк в нашу сторону.

— Вот и они, — с улыбкой произнесла сестра Асенсьон. — Постучишь по улью — и пчелы начинают жужжать.

Ощущая нервозность, я смотрел на приближающихся людей. Ишмаэль взял меня за руку.

— Добрый вечер, — добродушно поздоровался с нами мэр Райли.

— И вам, мистер мэр, — сказала сестра.

— Мне вот интересно, сколько времени вы собираетесь все это продолжать.

— Что именно? — невинно спросила сестра.

— По своему обыкновению мутить воду. Я говорил о вас с епископом Чарльзом, — сообщил мэр и умолк, наблюдая за сестрой ястребиным взглядом. Епископ Чарльз был епархиальным епископом в Джексоне, и наш приход находился у него в подчинении.

— В самом деле? — бодро отозвалась она. — И как его самочувствие? Еще побаливает нога?

— Похоже, вы заработали себе репутацию возмутительницы спокойствия, — сказал мэр.

— Я рассматриваю помощь менее удачливым как часть своего служения Господу. Иногда это значит помочь им обрести свой голос и донести до властей правду. Такой человек, как вы, уж конечно способен понять всю необходимость эффективного управления и удовлетворения потребностей тех, кому вы служите.

Мэр наградил ее долгим взглядом.

— В этом городе мы предпочитаем решать дела мирно, сестра, — с нажимом произнес он. — И нам не нравится вмешательство со стороны пришлых лиц.

— Я пришлая? — спросила она.

— Насколько я понимаю, вы родились не в Бенде.

— Я просто желаю местным жителям того же, чего желаю всем людям, вне зависимости от того, где они проживают или какие у них обстоятельства — или где они родились. Вы за «Уолмарт». Чудесно. А некоторые против. И у них есть право донести до вас свое мнение. У них есть право заметить, что иметь в городской черте подобные вещи — не в интересах Бенда. Многие предприниматели беспокоятся и не хотят пускать в город «Уолмарт». Появятся ли новые рабочие места? Разумеется! Но старые рабочие места пропадут, потому что значительная часть малого бизнеса разорится. Мне кажется, суть дела достаточно проста, чтобы ее сумели понять даже вы, мистер мэр, и вы, джентльмены. — Она выдала улыбку членам муниципалитета. — Вы хотите взять на себя ответственность за крах мелкого бизнеса в Бенде? Да или нет, мистер мэр?

— Вы видите один негатив, — заметил он. — Есть и положительные моменты.

— Да, но для кого? Для бизнесменов, которые разорятся? Для людей, которые потеряют работу? Мы не первый город, который отказывает «Уолмарту», — и не последний.

— Собрание городского совета в мэрии — вот надлежащее место для высказывания своей точки зрения, а не парк, где вы, позоря город, устроили публичное представление. Мы проводим собрания в первый и третий вторник каждого месяца, и...

— Я знаю о ваших собраниях все, мистер мэр. Я присутствовала на них не раз и не два, о чем вам прекрасно известно.

— Я просто напоминаю вам, что есть вещи, которые лучше решать в более частном порядке.

— Благослови вас Господь, мистер мэр! В частном порядке — то есть исключительно вами и вашими друзьями с небольшим или нулевым участием жителей этого города. Буду иметь в виду.

— Мы представляем всех жителей Бенда, — настойчиво отпарировал мэр.

— Радует, что вы это осознаете, поскольку я тоже являюсь жителем этого города. Так что вы собираетесь предпринять ради жителей вроде меня, которые не хотят, чтобы «Уолмарт» уничтожил наш город?

— Он не уничтожит наш город! — рявкнул мэр.

— Перепроверьте свои сведения, мистер мэр, — легким тоном сказала она. — Если вы соизволите пригласить на одно из своих собраний «Уолмарт», мы будем счастливы посетить его и сказать все, что мы о них думаем. Возможно, они смогут нам объяснить, что за льготы вы им предлагаете.

— Это конфиденциальная информация.

— Вот как?

— Это распространенная практика при развитии экономики. Компании не хотят, чтобы их шаги освещались во всех новостях.

— Чтобы они могли приходить и договариваться с вами в частном порядке, а вы — предлагать им всевозможные льготы, в то время как жители города — налогоплательщики, которые оплачивают городские счета — лишены права знать, что вы там обещаете? Это вы хотите сказать?

— Все не так.

— А как, мистер мэр?

Мэр Райли, похоже, занервничал. Он перевел взгляд на Сэма.

— Не думаю, что твои родители одобряют твое участие в этой истории, Сэм, — процедил он. — За прошедшие годы я часто сотрудничал со «Всегда экономь». И не я один. Мы всегда можем перенести наш бизнес к другим.

Лицо Сэма побагровело.

— Прибегаете к угрозам? — спросила сестра Асенсьон. — Кто еще позорит наш город.

— Вы здесь пришлая, сестра Асцендент, или как там вас звать.

— Меня зовут сестра Мэри Асенсьон. Было приятно побеседовать, мистер мэр.

Трепеща ноздрями, он долго сверлил ее взглядом.

— Всем хорошего вечера, — выдал он наконец, после чего развернулся на каблуках и размашистым шагом ушел.

— Господи боже мой! — пробормотал я в наступившей после его отбытия тишине.

— Не переживай на его счет, — сказала сестра. — Думаю, мы все заслужили по шоколадному коктейлю. Что скажете, а? Иши, хочешь в кафе?

— Круто! — просиял он.

Глава 33

Визит Дарлин Уилсон

В субботу утром, когда фермерский рынок, сделав меня на восемьдесят долларов богаче, готовился закрываться, на тротуаре появилась стильно одетая женщина. Она сразу вычленила взглядом меня, обозначив тем самым, что знает, кто я такой.

— Генри Гуд? — спросила она, приблизившись к столу, за которым на складных

матерчатых стульчиках сидели мы с Ишмаэлем.

— Он самый, — сказал я, вставая.

— А это, видимо, Ишмаэль, — прибавила она, внимательно глядя на Иши.

— Чем можем быть полезны?

— Меня зовут Дарлин Уилсон. Я из соцслужбы округа Монро.

Что-то у меня в животе сделало кувырок.

Она сунула руку вперед и пожала мою. Хватка у нее оказалась стальной.

Все в ее облике заявляло об уверенности и профессионализме. На остроскулом лице сидели очки без оправы. Короткая, взерошенная стрижка была подчеркнута несколькими светлыми прядями. Крой брючного костюма ясно давал понять, что она закупается не в «Уолмарте».

— Полагаю, вы пришли насчет Иши, — сказал я.

— Сэм сказал мне, где вас найти.

— Вы были у нас дома?

— Да, — сказала она. — Я пообщалась с Сэмом. Он разрешил мне у вас осмотреться Генри, вам сейчас будет удобно поговорить?

— Мы почти закончили.

Она отошла к ближайшему дереву и встала в его тени, чтобы мы могли побеседовать наедине.

Не зная, чего ожидать, я пошел за ней следом.

— Просто, чтобы вы знали: ваше дело поручено мне. Насколько я понимаю, у матери Ишмаэля есть судимость?

— Да.

— И она на условном сроке?

— Да.

— И бросила своего сына?

— Похоже на то.

— Вы его ближайший родственник?

— Да.

— У вас есть братья или сестры, помимо Сары?

— Нет.

— Хорошо. — Она достала из сумочки визитную карточку и дала ее мне. — Сэм сказал, вы не совсем уверены, что собираетесь делать. Я могу взять Ишмаэля под опеку, если желаете.

— И что потом?

— Потом выясню, есть ли другие родственники, готовые взять его, и так далее. Нам придется подождать и посмотреть. Много зависит от того, как будут развиваться события с его матерью. Рано или поздно, тем или иным способом, но она объявится. Мне же, тем временем, нужно удостовериться, что Ишмаэль находится в безопасной среде. У вас имеются родственники, которые могли бы захотеть о нем позаботиться?

Я подумал о тете Ширли и нахмурился. Откровенно говоря, я не знал, что хуже: попасть под крыло тети Ширли или отправиться в сиротский приют. Они с дядей Гарольдом были уже в годах, и их четверо отпрысков разъехались и не особенно часто навещали их не без причины.

— Думаю, мы с Сэмом хотели бы попытаться, — сказал я. — Просто я ничего не

смыслу в заботе о детях. Все это несколько ошарашивает.

— По-моему, вы справляетесь довольно неплохо.

— Мило, что вы так говорите, но большую часть времени я настоящая бестолочь. Еще мы с Сэмом геи, и отчего-то я сомневаюсь, что благочестивые ребята из ДСЗ захотят, чтобы мы присматривали за Иши, если есть и другие кандидатуры.

— Почему вы так говорите?

— Просто честен с вами, и все.

— Генри, вы словно остались в двадцатом веке. Если Ишмаэль счастлив с вами и Сэмом, то я не вижу причин, по которым ДСЗ может быть против. Времена, знаете ли изменились.

— О.

— Мне просто надо понять, есть ли у вас желание попытаться.

— Есть, — сказал я, чувствуя, как ветер раздувает мои паруса. — В смысле... мы с Сэмом... мы хотим попытаться. Конечно.

— Рада слышать. Как вам кажется, Ишмаэлю это понравится?

— Об этом лучше спросить его самого.

— А можно?

— Что можно?

— Задать ему пару вопросов.

— Конечно. Наверное.

Мы вернулись к столу, где стоял Ишмаэль, и она долго рассматривала его. Я знал, она не могла не заметить на его лице заторможенность, и то, как косились на нее его глазки. Его тонкие, как тростинки, конечности, торчащие из шорт с майкой. Он опустил глаза и встал поближе ко мне.

— Как у тебя дела, Ишмаэль?

Не поднимая взгляда, Иши пожал плечами.

— Ты гостишь у своего дяди Генри, да?

Он кивнул.

— У вас все хорошо?

Он снова кивнул.

— Тебе весело?

Он не ответил.

— Я знаю, ты скучаешь по маме, — прибавила она. — Мы ее ищем. Но пока мы ее не нашли, о тебе будет заботиться твой дядя Генри. Что ты об этом думаешь?

Он снова пожал плечами, но подошел еще на шаг ближе ко мне, словно needing в утешении или защите. Я обнял его худенькие плечи.

— Тебе хорошо с дядей Генри?

Он пожал плечами в такой неопределенной манере, что мне стало неловко.

— Твой дядя Хен, он хороший человек?

Ишмаэль кивнул.

— Что ты думаешь о том, чтобы жить с дядей Генри? Не только сейчас, но и в будущем. Как считаешь, тебе это понравится?

Он пожал плечами. Вопрос, казалось, не имел для него смысла.

— А что насчет мистера Сэма? — продолжила она. — Он тебе нравится?

Ишмаэль выдал крошечную улыбку.

— Мистер Сэм сказал, что ты его ковбоец. Это правда?

Он кивнул.

— Как думаешь, тебе понравится жить с мистером Сэмом?

Он снова кивнул.

Дарлин Уилсон повернулась ко мне и заговорила — негромко, чтобы Ишмаэль не услышал.

— Что вы можете рассказать мне о Саре? — спросила она. — В прошлом она убегала?

— Не знаю. Мы уже давно не близки.

— Насколько я понимаю, она рано ушла из дома.

— В семнадцать. Связалась с каким-то типом. Иши тогда было три.

Она сделала паузу, и я буквально увидел, как в голове у нее завертелись колесики, пока она вычитала возраст Иши из возраста Сары.

— То есть, она родила в подростковом возрасте, — спокойно заключила она. — Ваша сестра была хорошей матерью?

Я пожал плечами, не желая поливать ее грязью, но будучи не в состоянии прямо солгать.

— Она явно хорошо знакома с органами правопорядка.

— Можно и так сказать.

— Вы замечали с ее стороны жестокое обращение с ним?

— Для этого я слишком редко с ней виделся. В последний раз я приезжал к ним на Рождество. Она выглядела кошмарно. Первого января я вернулся, чтобы навести в ее квартире порядок, потому что там был настоящий свинарник. Да, я был несколько обеспокоен. Но «жестокое обращение»? Не уверен. Пренебрежение — вот, наверное, слово, которое вы ищете.

— Она пренебрегала своими обязанностями в отношении его нужд?

— Она точно не Марта Стюарт.

— Я лишь пытаюсь составить о голове ее образ, — сказала она. — Поскольку у меня есть только отчеты полиции, а они в этом смысле не особенно помогают. Насколько я поняла, ее разыскивают для допроса в качестве подозреваемой по делу об убийстве. Что-то во время наркосделки в Алабаме пошло не по сценарию.

Я ничего не сказал.

— Что ж, Генри, вот, как будут развиваться события. Похоже, Ишмаэль в хороших руках. Я хотела убедиться на этот счет и убедилась. Я могу на некоторый срок оставить его у вас, чтобы вы посмотрели, как все пойдет, и поняли, что хочется вам и что хочется Ишмаэлю. Далее суд по делам несовершеннолетних может предоставить вам временную опеку, но за постоянной придется обратиться в вышестоящий суд. Там дело будет решено официально и окончательно.

— Если вы решите претендовать на постоянную опеку, и Сара вернется до того, как это случится, вам следует попробовать склонить ее подписать отказ от родительских прав, что будет означать, что она поддерживает вашу претензию на опеку, и тогда суд не станет настаивать на слушании дела. Вы можете представлять свои интересы *pro se*, однако я советую нанять адвоката.

— Мне, скорее, придется нанять его, чтобы он перевел все, что вы сейчас мне сказали, — признался я.

Она улыбнулась.

— Серьезно, — сказал я. — Я не понял ни единого слова.

— Генри, давайте я скажу по-другому. *Pro se* значит представлять свои интересы самостоятельно. Или наймите себе адвоката, или сходите в суд и покопайтесь в архивах — они все сейчас занесены в электронную базу. Посмотрите, что предпринимали другие. Тамошние секретари вам помогут, если вы объясните, что пытаетесь сделать. Вы можете взять похожее дело и просто заполнить пробелы своей информацией.

— О.

— Но проще будет нанять адвоката. Суть в том, что сейчас опекунство — у ДСЗ. Формально за Ишмаэля несу ответственность я. Мне нужно или найти его родственника, готового взять на себя заботу о нем, или поместить его в приемную семью, или что-то еще. Нам надо подождать и посмотреть, что случится, когда появится его мать. *Если* она появится, потому что она может пропасть навсегда. Чем дольше ваша сестра отсутствует, тем больше усугубляется ее положение. Детей нельзя вот так оставлять. И она нарушила правила условного срока. Поэтому ее ждут проблемы, и мы должны что-то решить на счет Ишмаэля, поскольку она заботиться о нем больше не сможет. Суд по делам несовершеннолетних может сделать вас временным опекуном, но постоянное опекунство оформляется в вышестоящем суде, где проследят, чтобы все точки над «и» были расставлены, после чего вопрос будет улажен, и вам больше не придется ни о чем беспокоиться. Я понимаю, процесс непростой, поэтому вам, вероятно, захочется нанять адвоката, чтобы он помог вам его пережить.

— Хорошо, — сказал я, по-прежнему не вполне понимая, о чем она говорит.

— Так что вы чувствуете насчет всего этого?

— Страх, — вырвалось у меня, прежде чем я успел придумать что-то получше.

— Согласна, это и впрямь страшновато.

— Я не вполне тяну на родителя, — заметил я.

— А кто из нас тянет? — спросила с улыбкой она.

— И у меня проблемы с деньгами.

— Мы оформим ему «Медикейд», если у него еще не оформлено. Вы можете рассчитывать на помощь, Генри. Вот, что я хочу до вас донести. Идеальным вариантом для Ишмаэля будет остаться в семье, и мы готовы во многом помочь вам, чтобы это случилось.

— Я не о деньгах переживаю. Просто у него особые потребности. Я думаю о школе, о других подобных вещах.

— Мы со всем разберемся, — заверила меня она.

У меня голова шла кругом. Как, черт подери, я буду заботиться о ребенке, если у меня едва получается заботиться о себе?

Мисс Дарлин наградила нас долгим, внимательным взглядом.

Возникло ощущение, что меня оценили, взвесили и измерили.

— Что ж, Генри, будем на связи, — сказала она наконец.

Глава 34

Субботняя рыбалка

— Ты правда никогда не рыбачил? — с недоверчивым изумлением спросил Сэм.

Ишмаэль покачал головой.

— И никогда не катался на квадроцикле?

Ишмаэль совсем оробел.

— Парень, чем твоя мама занималась с тобой все эти годы? Так просто нельзя! Я еще не встречал пацана, который не считал бы рыбалку самой фантастической вещью на свете. Ну, за исключением футбола и «Оле Мисс Ребелс». Ты идешь?

Сэм был одет в кроссовки и обрезанные джинсы. Он загорел и со своими гладкими мышцами и подтянутой талией выглядел донельзя соблазнительно. Не спрашивайте меня, почему, но когда я смотрел на него — даже сейчас, хотя знал его всю свою жизнь и последние четыре года каждую ночь спал с ним в одной постели, — то всегда чуточку обмирал от страсти. Я и представить не мог, как испытываю то же самое к другому мужчине, каким бы красавцем он ни был. Мощь этого чувства порой пугала меня. Если Сэм бросит меня или разлюбит... то были мысли, которые я в буквальном смысле не мог выносить. Я не хочу сказать, что ни разу не вожделел кого-то другого. Просто я знал, что никто не даст мне то, что изо дня в день давал Сэм. Мы были словно библейские Давид и Ионафан, наши души сплелись в единое целое.

Я смотрел, как он подшучивает над Ишмаэлем, и улыбался.

Субботняя рыбалка была в нашем доме традицией — по крайней мере, в летние месяцы. Не знаю, чем Сэм наслаждался больше — самой рыбалкой или возможностью на несколько часов уединиться от мира и посидеть у реки. Сэм был большим фанатом природы. Рыбалка, купание в речке, походы, даже охота — он не упускал ни единого шанса провести время на воздухе. Какое-то время он увлекался походами нагишом, и я ходил вместе с ним. Мне нравилось видеть его счастливым, пусть перспектива подцепить на свою задницу клеща и не соответствовала моим представлениям о приятном отдыхе. В отличие от меня, Сэм ощущал себя совершенно комфортно нагим, но ведь он был таким сексуальным зверюгой.

— Поехали со мной, — сказал Сэм, забираясь на квадроцикл. — Заведем эту крошку, сынок!

Усевшись ему за спину, Иши оглянулся на меня со счастливой улыбкой во все лицо. Я последовал за ними на втором квадроцикле, и мы поехали через лес, через овраги с полянами, окруженные ароматами трав и деревьев, лиловых и желтых цветов, которые смешивались с мускусными запахами коры и земли.

Мы направлялись к изгибу реки, где течение перед поворотом на юг было спокойным. То было отличное место для купания, рыбалки, кемпинга, распития пива, выкуривания травы и всех прочих глупостей, которыми занимались подростки у родителей за спиной. Господь свидетель, здесь зачали не одного и не двух юных жителей Бенда.

Самым лучшим здесь был уступ над рекой. Оттуда было так здорово нырять в воду. Когда ты стоял на краю и смотрел вниз, на прохладную глубину, он казался намного выше своих двадцати футов.

— Парень, поверить не могу, что ты ни разу не бывал на рыбалке, — сказал Сэм, вручив Ишмаэлю удочку. — Сейчас я покажу тебе, как это делается. — Сэм повел его по мягкому, поросшему травой берегу к месту, где вода была глубже всего. Я повез за ними все принадлежности: коробку со снастями, пенопластовый контейнер с червями, удочки, сеть, подушки, чтобы сидеть на них, и переносной холодильник с колодой и льдом.

Ишмаэль внимательно наблюдал за тем, как Сэм насаживает наживку, поморщившись, когда крючок пронзил несчастного извивающегося червяка.

— Обед подан! — объявил Сэм и показал Ишмаэлю, как закидывать удочку, как правильно сматывать леску и подсекать.

Мы с Сэмом уселись на берегу, а Ишмаэль встал у самой кромки воды. Полностью сосредоточившись на рыбалке, он неотрывно смотрел на точку, где его леска уходила под воду, — ожидая движения, рывка, клева, рыбы.

— Хорошо, — сказал Сэм.

— Да, — согласился я.

— Я заметил, что ты больше не целуешь меня, потому что боишься, что он нас увидит.

Тут он меня подловил.

— И больше не даешь покувыркаться с собой на рассвете, потому что боишься, что он может зайти. Как будто стыдишься нас.

— Не стыжусь.

— Некоторые, между прочим, любят хороший минет по утрам.

— Я просто стараюсь быть осторожным. И говори о таких вещах тише. Не хочу, чтобы он слышал.

— Ты говорил ему, почему мы спим вместе?

— Нет.

— Почему?

— Не было удобного случая.

— Для маленьких детей такие вещи не имеют значения, Хен. Окей, у мамы появился дружок. Или подружка. Подумаешь. Им все равно. Им важно, чтобы эти двое людей любили друг друга.

— Рад, что у тебя в голове все так стройно.

— Я лишь говорю, что мы должны быть собой. Нам не надо скрывать, кто мы есть, или переставать быть парой, потому что рядом ребенок. Хен, если мы хотим стать семьей, то должны жить, как семья.

Я ничего не сказал.

— В какой-то момент, — прибавил он шепотом, — нам придется сказать Иши, что он останется с нами. Навсегда. Или, по крайней мере, на какое-то время. Надо придумать, как рассказать ему. Хватит затягивать. Он должен знать.

— Я не хочу причинить ему боль...

— Ему в любом случае будет больно. Мы скажем ему вместе. Это как пластырь... надо просто содрать его, и дело с концом.

Я молчал.

— Что? — спросил Сэм, почувствовав мое настроение.

— Как только мы ему скажем... назад дороги не будет, — сказал я. — Все будет кончено.

— Что именно?

— Его жизнь, Сэм.

— В каком смысле?

— Сейчас он надеется, что его мама вернется. Но стоит сказать ему... и все будет кончено. Потом нам придется объяснить ему, что даже если она и вернется, то жить с ней он больше не сможет. Для него раз и навсегда все изменится. Я не знаю, как он это воспримет.

— Он испугается. Но рядом с ним будем мы.

— Будем ли?

— Естественно, будем.

Сделав паузу, я посмотрел на его красивое лицо. Оно было озарено солнечным светом,

отчего казалось, что ему снова двадцать.

— Мы справимся, — заверил меня он, словно мог читать мои мысли, видеть все мои сомнения и все страхи.

— Это поможет? — спросил я, наклоняясь и целуя его.

Когда Ишмаэль обернулся на нас, Сэм в преувеличенной манере застонал.

— Возможно, — сказал он с усмешкой. — Чего смотришь, ковбоец?

— Ты поцеловал дядю Хена.

— Верно, потому что он секси, и я люблю его.

Ишмаэль улыбнулся неуверенной, смущенной улыбкой.

— Твой дядя Хен — мой бойфренд, — объяснил Сэм.

Ишмаэль выпятил губы и нахмурился.

— Но не волнуйся, — продолжил Сэм. — Я и тебя могу поцеловать, если хочешь.

— Гадость!

— И вовсе не гадость! Будешь так говорить, я точно тебя поцелую.

— Фу!

Сэм вскочил на ноги.

— Я тебе пофукаю тут, маленький ты засранец.

Хихикнув, Ишмаэль уронил удочку и повернулся было, чтобы убежать, но Сэм подхватил его на руки и звучно, смачно поцеловал его в щеку.

Глава 35

Учимся плавать

— Я не умею плавать, — сказал Ишмаэль, глядя на меня испуганными глазами.

— Это не сложно, — сказал я. — Я тебе покажу.

— Но мне страшно.

— Тут нечего бояться.

— Дядя Хен, у меня нету плавок.

— Поплаваем в трусах. Мы с Сэмом постоянно так делаем. Хотя вообще нам больше нравится нагишом.

— Как это?

— В чем мать родила — вот как, ковбоец, — объявил Сэм, раздеваясь до нижнего белья. — Я собираюсь прыгнуть с того пригорка. Хочешь со мной?

— Нет, — твердо отказался Ишмаэль.

Сэм прошелся по берегу и взобрался на невысокий уступ над глубоким местом реки.

— Вы готовы? — крикнул он.

— Прыгай уже, — отозвался я.

— Иши, хочешь прыгнуть вместе со мной?

— Нет! — крикнул он.

— О, ну давай же...

— Нетушки, дядя Сэм.

Сэм отошел назад для разбега, устроив из этого целое шоу. Потом с громким воплем спрыгнул с пригорка. Ишмаэль, стоя с бледным, испуганным лицом, смотрел, как он, подняв фонтан брызг, бултыхнулся в воду, а затем, картинно фыркая и отплевываясь, вынырнул на поверхность.

— Хочешь поплавать? — спросил я.

Мы стояли где-то по колено в воде.

— Я не умею.

— Я тебя научу. Не волнуйся.

— Нет!

Он отпрянул от меня и быстро пошел к берегу, к надежности твердой земли под ногами.

— Давай же, ковбоец! — крикнул Сэм, пытаясь заманить его в воду.

— Нет, — твердо заявил он. — Я не стану плаваться, дядя Сэм. Это глупо.

— Не надо бояться. Я буду рядом, — пообещал Сэм. — Мы оба будем рядом с тобой.

— Нет!

— Ты же большой мальчик. Что ты...

— Дядя Сэм, нет.

— Все нормально, — сказал Сэм. — Эй, ковбоец... все хорошо. Не хочешь плавать — не плавай.

Ишмаэль промаршировал обратно к костру и уселся там спиной к нам.

Я посмотрел на Сэма и нахмурился.

Глава 36

Нам надо кое о чем тебе рассказать

В тот вечер у нас был на ужин жареный сом, пойманный Сэмом и Иши, кукуруза в початках, кукурузный хлеб и стручковая фасоль. Мы расселись вокруг обеденного стола, взялись за руки и прочли благодарственную молитву, что напомнило мне о временах, когда мы с Сарой сидели за столом с мамой и папой. Мама всегда настаивала на молитве. Не в пример прочим баптистам, наша никогда не менялась и была, слава богу, короткой.

— Нам надо кое о чем рассказать тебе, Иши, — сказал Сэм, когда мы поели, и я встал, чтобы убрать со стола.

У меня упало сердце.

Иши вопросительно поднял лицо.

— Нам обязательно делать это прямо сейчас? — спросил я.

— Да, — твердо ответил Сэм.

Ишмаэль перевел взгляд с него на меня, и в его глазах заплескалось внезапное беспокойство.

— Мы разговаривали с социальным работником, которую зовут мисс Дарлин, — сказал Сэм. — Твою маму еще не нашли, и никто не знает, где она. Но даже если ее найдут, то у нее будут большие проблемы из-за того, что она тебя бросила. Иши, ее посадят в тюрьму.

— Нет, — в ужасе простонал он.

— Сэм! — воскликнул я.

— Что?

— Полегче.

— Он должен знать.

Ишмаэль перевел глаза на меня. Потом выдернул свою ладошку из руки Сэма и сунул большой палец в рот.

— Мне жаль, ковбоец, — произнес Сэм. — Она поступила нехорошо, когда вот так тебя бросила. Ты ведь еще ребенок.

— Но она не хотела, — не вынимая пальца, пробормотал он.

— Это не имеет значения. Когда ее найдут, у нее будут проблемы.

Ишмаэль выглядел потрясенным.

— Дело в том, Иши, что ты останешься с нами. Со мной и Хеном. Мы будем заботиться о тебе. Ты будешь жить вместе с нами, пойдешь здесь же в школу. Мы будем как семья. Хорошо, ковбоец?

— Но я хочу домой.

— Я знаю.

— Но я хочу к маме.

— Мне жаль.

— Нет, — провозгласил он сердито. Вскочил на ноги, бросился, поскуливая, к кухонной двери и выбежал наружу.

— Да... прошло как по маслу, — проговорил я.

— Мы были обязаны ему рассказать.

Ишмаэль со всех ног мчался по тропке к реке. Он был быстрым, но я нагнал его на первом же повороте. Поймал за руку и заставил остановиться.

— Нет, дядя Хен! — крикнул он. — Нет!

— Мне жаль, малыш, — сказал я.

— Нет!

— Все хорошо.

— Отпусти меня. Я тебя ненавижу.

— Перестань, Иши. Все будет хорошо.

— Я тебя ненавижу.

— Неправда.

— Я не хочу оставаться у вас.

— Но так надо.

— Я не хочу.

— Но, Иши, так надо.

— Почему? — пытаюсь высвободиться, требовательно спросил он.

— Я знаю, что тебе страшно.

— Я хочу к маме.

— Знаю, малыш.

— Я хочу домой. Я хочу к маме!

— Мне жаль.

— Я хочу домой, дядя Хен. Я хочу к маме. Пожалуйста, дядя Хен, ну пожалуйста!

Он безуспешно пытался вывернуться. Куда, как он думал, понесут его ноги, я не знал. Наконец его лицо словно обрушилось, и он разразился судорожными всхлипами.

Вместе с ним я сел на бревно и притянул его поближе к себе. Его мучительные стоны уплывали в тишину леса.

— Я держу тебя. Дядя Хен с тобой, Иши. Все будет хорошо.

Он плакал навзрыд, уткнувшись мне в грудь.

Мы просидели так достаточно долгое время.

Сэм наблюдал за нами издали. На его лице было выражение ужаса.

Наконец Ишмаэль отодвинулся и, вытирая слезы, спросил:

— Куда ушла мама?

— Мы не знаем, малыш.

— Но почему она ушла?

— И этого мы тоже не знаем.

— У нее все хорошо?

— Уверен, что у нее все в порядке.

— Но почему она не приходит домой?

— Я не знаю. Но пока она не вернулась, ты можешь остаться со мной и со своим дядей Сэмом. Хорошо? Нам будет весело вместе. Будем ходить с тобой на рыбалку. Запишем тебя в школу. Ты заведешь новых друзей. Вот увидишь... все будет хорошо. Для тебя в нашем доме всегда будет место. Мы станем настоящей семьей. Знаешь, другие дети тоже через это проходят. Иногда случаются вещи, которые можно лишь пережить. Этим мы и займемся. Переживем их.

Он глядел на меня своими узкими глазками-щелочками так, словно не доверял мне, словно не мог осмыслить, что я сказал.

— Все будет хорошо, малыш. Вот увидишь.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— Ты не уйдешься?

— Ни за что, малыш. Я никогда не брошу тебя. Не волнуйся. Мы с Сэмом хотим заботиться о тебе. Мы станем твоими папами.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— И не врешься?

— Не вру.

Он засунул большой палец в рот и склонил голову мне на грудь.

Глава 37

Мисс Стелла высказывается

Когда утром после воскресной мессы мы вышли в церковный холл за кофе и пончиками, я наткнулся на мисс Джейн Стэтлер, свою бывшую учительницу математики в начальной школе. Эта миниатюрная женщина, которая ныне ходила, опираясь на трость, прославилась своим язычком. Только Иисус со святыми знали, что слетит с него в следующий раз. Она всегда была прямолинейной, но, если раньше у нее имелась хоть какая-то сдержанность, то к старости она бесследно исчезла.

— Генри Гуд! — воскликнула она, когда мы встали возле кофе-машины.

— Мисс Джейн, как поживаете?

— Замаялась вконец, Хен, вот как я поживаю.

— О?

— Сегодня утром мне позвонила внучка и сказала, что завезет ребенка, чтобы я с ним посидела, — причем таким тоном, словно она делает мне одолжение! *Завезет*, нет, ты подумай! Даже не спросила, свободна ли я. Как будто мне больше нечем заняться, кроме как присматривать за ее сопляком.

— И что вы ответили ей?

— Что оставлю на пороге коробку, а она пускай положит его туда и гуляет, сколько ей

вздумается, а весь мир пусть присматривает за ним — вот, что я ей ответила.

— Не может быть!

— Еще как может. Взгляни на меня. Я что, похожа на ясли? В общем, а маюсь я, потому что у меня кишки молчат с самого вторника — попробуй понянчи кого-нибудь, когда у тебя одно желание: сесть на толчок и выжать из себя все, что возможно. Господь испытывает меня, Хен, не иначе. Нормальная работа кишечника — разве я о многом прошу?

— Вы не думали записаться к врачу?

— В прошлый раз доктор Смитсон воткнул трубку мне в анус и вымыл оттуда всю чертовщину. Скажу тебе откровенно, сидеть с трубкой в заднице мне совсем не понравилось. Хоть бы Господь поскорее прибрал меня, пока я не пополнила список тех, кто умер верхом на толчке. Если на следующей неделе я пропущу мессу, ты знаешь, где я буду — у себя в туалете, мертвая, как дверной гвоздь. *Умерла на своем посту!* Казалось бы, от жизни можно ожидать и побольше. Немного достоинства в преклонном возрасте — разве я о многом прошу?

— Наверняка в аптеке есть лекарство, которое может помочь.

— Я уже все перепробовала, но там внизу все зажато плотнее, чем ноги Девы Марии. Я сказала внучке, что со вторника не могу сходить в туалет. А она ответила, что заедет помочь мне. И как же ты мне поможешь? — спросила я у нее. Возьмешь садовый шланг и сделаешь мне промывание? Прочистишь меня граблями? Ей-богу, у этой девчонки в голове и пары извилин не наберется. Помогать она мне собралась! Я тебя умоляю. Идиоты, Хен! Кругом одни идиоты. Бог знает, сколько я выучила их за все эти годы, так один теперь возомнил себя мэром. Если я кого и не выношу, так это добросовестных идиотов, и это чистая правда. Так, там не вдова Руби? Прошу прощения, Хен. Мисс Руби!

И мисс Джейн устремилась навстречу вдове Руби.

На протяжении всего разговора Ишмаэль стоял возле меня и крепко держался за карман моих брюк, словно боясь, что я могу его бросить.

— Хочешь пончик? — спросил я.

Он кивнул.

Пока мы мучились, не зная, какой пончик нам выбрать, рядом внезапно появилась мисс Стелла. На ее губах играла странного рода улыбка.

Стелла Кросс была худой, точно рельса, костлявой и красивой классической, суровой красотой женщиной. Она родилась в богатой семье, вышла замуж тоже за деньги. Любые сомнения на сей счет были призваны развеять унизывающие ее пальцы бриллианты и жемчуга вокруг шеи. В приходском совете она заседала не первый год и считалась одной из самых уважаемых, самых добропорядочных жительниц Бенда, однако обладала невыносимо назойливым нравом.

— Как поживаешь, Генри? — спросила она.

— Хорошо, — ответил я озадаченно. У мисс Стеллы нечасто возникало желание поговорить с «практикующим гомосексуалистом», коим являлся я. В тех редких случаях, когда это происходило, она никогда не использовала мое прозвище, но всегда звала меня Генри, словно формальность этого обращения удерживала меня на расстоянии вытянутой руки, а то и дальше.

— Я слышала о Саре, — сообщила она.

— О.

— А это, видимо, ее сын Ишмаэль.

— Да. Это он. — Знакомить их я не стал.

— Есть новости о том, где она?

— Пока нет.

— Поверить не могу, что она бросила...

— Я тоже.

— Она всегда была немного распушенной, да?

Я ничего не сказал.

— Как ты намерен поступить с Ишмаэлем?

— Пока не знаю, — ответил я, не желая обсуждать эту тему.

— Знаешь, — конфиденциальным шепотом заговорила она, — есть учреждения, где о нем смогут нормально заботиться. Позор, конечно, но там он, по крайней мере, будет в хороших руках.

— Где, в детском доме?

— Там умеют управляться с детьми. Там проследят за его образованием и за здоровьем... Кто знает, Генри, может, его усыновят хорошие люди. Господь обязательно за ним приглядит. Судя по тому, что я слыхала о Саре, его жизнь только улучшится.

— Действительно, — сказал я. — Оказаться в приюте — разве не мечта любого ребенка?

— Все не так. Сейчас для таких детей существуют очень неплохие дома.

— Мисс Стелла, у меня тоже есть дом.

— Но он не может остаться с тобой.

— И почему нет?

— Ты сам знаешь, почему нет. Это неприлично. Если он останется у тебя, бедам не будет конца.

— Каким, например?

Она поджала губы, словно вдруг поняла, что по-хорошему со мной не получится.

— Генри, я не сужу тебя за сделанный тобой выбор, но не тыкай нас в него носом. Существуют правила, и этим правилам следует подчиняться. Есть пристойные вещи, а есть непристойные, и растить ребенка в таком доме, как ваш... Это неправильно. Он заслуживает лучшей жизни. Нормального, достойного дома с нормальными матерью и отцом. Что вы с Сэмом понимаете в детях?

— Извините, не знал, что это, оказывается, ваше дело.

— Генри, когда ты приводишь ребенка к нам в церковь, то дело автоматически становится нашим. Я слыхала, ты собираешься записать его в школу. Уму непостижимо! Чем ты занимаешься у себя дома, это одно, но втягивать сюда и ребенка... о чем только ты думаешь? Я спросила у шефа Калкинса, когда ты собираешься передать Ишмаэля властям, а он ответил, что ты планируешь оставить его. Ты подумай — и хорошенько, — прежде чем так поступать. Ты что, всерьез веришь, что в штате Миссисипи найдется судья, который передаст заботу о мальчике в твои руки? Ты думаешь, тебя сочтут подходящим на роль отца после того, что сотворили твои родители? Серьезно, подумай хорошенько, прежде чем что-то решать.

У кофейника, прервав наше маленькое тет-а-тет, появилась сестра Лурдес.

— Как поживаете, сестра? — натянутым голосом спросила мисс Стелла.

— Благодарю вас, прекрасно, — отозвалась сестра Лурдес. — Сегодня была чудесная служба. Спасибо тебе за это, Хен. А ты, должно быть, и есть тот самый маленький мальчик,

о котором мне столько рассказывали. Как дела, Иши?

Ишмаэль высунул из-за моей спины нос.

— У тебя очень библейское имя, — заметила она. — Так звали сына Авраама от его рабыни Агари.

— В самом деле? — спросила мисс Стелла.

— У тебя все хорошо? — проигнорировав мисс Стеллу, спросила сестра Лурдес у Ишмаэля и сверкнула яркой, теплой улыбкой.

Ишмаэль кивнул.

— Сестра Асенсьон говорит, ты будешь играть в футбольной команде. Ты очень им пригодишься. У нас скоро игра с молодежной группой из Первой Баптистской. Ух, как же мне хочется утереть их баптистские задницы!

— Сестра! — воскликнула мисс Стелла.

— Но это правда. Неужели они не устали вечно выигрывать?

— У них очень хорошая команда, — дипломатично сказала мисс Стелла.

— Как и у нас, — легко сказала сестра. — Разве нет? — Сестра Лурдес перевела взгляд с мисс Стеллы на меня. Ее глаза сообщали о том, что она прекрасно знает, о чем шел разговор до ее появления, и хочет напомнить нам, что, как бы там ни было, мы с мисс Стеллой в одной команде. — Пора их немного встряхнуть, — продолжила сестра Лурдес. — А то они стали слишком заносчивыми. Всегда считают, что выиграют, думают, будто они лучшие и умнее всех. Было бы неплохо преподать им урок. Что думаешь, Хен?

— Я согласен, — прямо ответил я.

— У нас, может, и маленькая церковь, но это не значит, что наш удел — только малые дела, — прибавила она, взглянув на мисс Стеллу.

Мисс Стелла умолкла.

— Иши, кажется, у ребят на улице началась тренировка. Ты бы присоединился к ним. Давай я провожу тебя и познакомлю со всеми. Что скажешь?

— Хорошо, — тихо сказал Ишмаэль.

— Тогда пошли. — Она протянула ему ладонь. — Уж мы утрем их баптистские задницы, верно?

Я смотрел, как Иши уходит, держась за руку сестры Лурдес.

— Наш разговор, Генри Гуд, еще не окончен, — объявила мисс Стелла. — Мы не позволим тебе щеголять перед нами этим своим образом жизни.

Она развернулась на каблуках и удалилась.

Глава 38

Не в моем доме

— Мама, это Иши, — сказал Сэм, когда мы встали на крыльце дома его родителей.

Миссис Рейкстро как-то полухмуро, полуоцепенело посмотрела на Ишмаэля. Ее дыхание слегка отдавало то ли виски, то ли водкой.

— Привет, Иши, — негромко сказала она.

— Привет, — сказал Иши.

— Полагаю, вам лучше зайти. Мы только что сели за стол. Иши, ты любишь жареного цыпленка?

Он кивнул.

— Ну, тогда моего жареного цыпленка ты точно полюбишь. Все его любят. В смысле, разве женщина может называться женщиной, если не умеет готовить курицу, я права? Нам же не надо забивать свои хорошенькие головки чем-то серьезным. И не надо получать в колледже ученую степень, чтобы корячиться у плиты и жарить цыпленка. И сегодня у меня день рождения. Вот такие дела! Любой повод, чтобы напиться, приветствуется, особенно в этом доме. Ну же, заходите давайте.

Мы проследовали за ней в семейное гнездо Рейкстро, очень большой, очень красивый дом, в прошлом принадлежавший плантатору. Комнаты здесь были просторными, потолки — высокими, деревянный пол — бережно восстановлен, и всюду витал дух богатства и привилегированности. В маленькой постройке на заднем дворе когда-то жили рабы. Теперь там хранились садовые инструменты.

На ходу миссис Рейкстро немного пошатывало.

Сэм, взглянув на меня, закатил глаза.

Как гомосексуалист, Сэм был в семье паршивой овцой. Мистер и миссис Рейкстро не были чрезмерно религиозны. Номинально они относились к Первой Баптистской, но лишь потому что так было лучше для бизнеса. Ориентация Сэма, в целом, их не заботила, однако тот факт, что он никогда не женится на представительнице какого-нибудь другого уважаемого семейства и не воспроизведет сыновей и наследников, был для них большим местом. Рейкстро гордились своими генами и хотели поделиться ими с достойнейшими и богатейшими семьями Бенда. Сэм поставил на этой возможности крест. Помимо старшей сестры Дебби, у него было еще две младшие сестры и два младших брата, которые могли взять эту обязанность на себя.

— Всем привет, — сказал Сэм, когда мы зашли в столовую и застали его семью сидящей за большим, красиво накрытым столом.

— Рассаживайтесь, — без предисловий сказал мистер Рейкстро. — Мы поставили дополнительную тарелку. Ишмаэль, верно?

— Мы зовем его Иши, — сказал я.

— Какое забавное имя. Иши, садись. Еды хватит на всех.

Иши выбрал пустой стул рядом с Ларри.

— Если ты будешь сидеть рядом со мной, то соблюдай одно правило, — сварливо заговорил Ларри. — Его у нас знают все. *Мою еду трогать нельзя!* Я не хочу на своей еде никаких микробов от Иши. Усек?

— Хорошо, — сказал Иши и с замешательством на лице взглянул на меня.

— Твой дядя Ларри немного со странностями, — сказал я.

— Я просто предупреждаю, — ответил Ларри. — Не трогай мою еду, и мы будем друзьями. Окей?

Иши пожал плечами.

— Иши, на тебе нет микробов, — сказала со своего конца стола миссис Рейкстро. — Не обращай на Ларри внимание. Он невыносимый болван. Прошу простить мой французский.

Она потянулась к бокалу, и муж бросил на нее неодобрительный взгляд. *Не рано ты начинаешь?* — казалось, спрашивал он.

— На детях полно микробов, — категорически заявил Ларри. — Они как ходячие чашки Петри. Бактерии, вирусы, кал, моча, выделения... Бог знает, где побывали их руки и что они подбирали, тыкали, чесали и с чем игрались...

— Господи боже, Ларри, может, хватит уже? — с усталым раздражением произнесла

миссис Рейкстро. — Ты был вполне себе счастлив, пока не записался на курс биологии в «Оле Мисс». Ну, в самом-то деле! Ты не умрешь. («Оле Мисс» — разговорное название Университета Миссисипи — прим. пер.)

— Мама, я просто рассказываю. Ты знаешь, что в каждом фунте арахисового масла можно найти до ста пятидесяти фрагментов насекомых и пять волосков грызунов? Нет, ты знала об этом? Мерзость! Как люди едят эту дрянь, я просто не представляю. Весь мир кишит вирусами.

— Нам обязательно говорить о Ларри и его идиотских микробах? — спросила Мэри Бет.

— Это моя сестра Мэри Бет, — сказал Ларри Иши. — Она любит ковыряться в носу, так что не пожимай ей руку, если не хочешь быть весь в козьявках.

— Ты такой дурак, — ответила Мэри Бет и, потрянув головой, отбросила с глаз свою белокурую челку. — Неудивительно, что тебе никто не дает.

— Мэри Бет, пожалуйста. Не за столом, — одернула ее миссис Рейкстро.

— А это Присцилла. — Ларри показал пальцем на самую младшую из своих сестер, ученицу выпускного класса. В отличие от остальных у нее были темные волосы, темные глаза и бледная кожа. Она не была симпатичной, по крайней мере не в общепринятом смысле. Ее пристрастие к черному цвету — черной одежде, черным теням, черному лаку — только усугубляло дело.

— Присцилла вампирша, — вполголоса продолжал Ларри. — Остерегайся ее. Когда в прошлый раз к нам приходил маленький мальчик, Присцилла связала его, посадила у себя в спальне и каждую ночь пила его кровь, пока он не умер. Она поступает так со всеми своими маленькими друзьями. Поэтому не поворачивайся к ней спиной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ишмаэль круглыми глазами уставился на нее, словно не зная, верить ему или нет.

— Отвали, — сказала Присцилла.

— Дети, у нас все-таки гости, — произнесла миссис Рейкстро. — И сегодня мой день рождения. Можно хотя бы один день в году не ссориться и не показывать свои задницы?

— Как идут дела в мире гомосексуалистов? — спросила Мэри Бет, накладывая себе салат.

— Я бы хотел, чтобы ты не называла нас этим словом, — сказал Сэм.

— Но вы же гомосексуалисты, разве нет? — возразила она.

— Нет никакого «мира гомосексуалистов».

— Как скажешь.

— Мы обычные люди.

— Как скажешь.

Нас прервало появление их младшего сына Пола. Или, как все его называли, Поли. Он был милостивым молодым человеком, хоть и страдал от лишнего веса.

— Вы начали без меня? — возмутился Поли, сядя рядом с матерью. Меня он не удостоил и взглядом.

— Ну, — произнесла его мать, — нам хотелось есть. И у меня день рождения, так что мы будем делать все, что я захочу. Таковы, знаешь ли, правила дома.

— Вы прочитали благодарственную молитву?

Миссис Рейкстро вздохнула и потянулась за бокалом вина.

— Вы не считаете, что мы обязаны поблагодарить Господа Бога за пищу, которой он

столь щедро нас обеспечил? — спросил Поли.

— Насколько мне помнится, пищей нас обеспечил я, — заметил мистер Рейкстро.

— Разве ты посылал дождь на посевы, папа?

— Давайте уже помолимся, — сказала миссис Рейкстро. — Иначе он никогда не заткнется.

Поли начал читать молитву, многословно благодаря Бога за нашу еду, за погоду, за друзей и товарищей, за церковь, за наши права и свободы, за наши семьи, за безопасность, за великую страну, в которой нам посчастливилось жить, за многочисленные жертвы, принесенные, чтобы спасти нас от террористов...

— Поли, если бы молитва продлилась еще хоть секундой дольше, то еду пришлось бы разогревать, — сказала миссис Рейкстро, когда он закончил.

— Что плохого в том, чтобы благодарить Господа? — спросил Поли. — Мама, тебе не стоит пить в воскресенье. Это день отдыха.

Миссис Рейкстро, хмыкнув, потянулась к бокалу.

Присцилла бросила на младшего брата сумрачный взгляд.

— В Поли столько Иисуса, что ничем, кроме клизмы, его из организма не выведешь, — заявил Ларри.

— Смейся надо мной, сколько влезет, — сказал Поли. — Вы все только этим и занимаетесь.

— Поли, мы счастливы за тебя, — сказал мистер Рейкстро, — но нам обязательно постоянно говорить о религии?

— Ты хочешь, чтобы я молчал, пока моя семья, веселясь и упиваясь спиртным, движется к горячей пропасти ада?

Сэм, сидящий напротив меня, улыбнулся. *Начинается*, говорила его улыбка.

— Ты еще не познакомился с Иши, — сказал Сэм. — Иши, это Поли, мой младший брат.

— Иши, ты был спасен? — спросил Поли.

— Поли! — воскликнула миссис Рейкстро.

— Как еще дети придут к Господу, если мы их Ему не представим?

— Бога ради, ему всего семь. Поли, ну в самом-то деле! Кроме того, Хен католик, а католики не считают Иисуса своим личным спасителем и всем таким прочим.

— В глазах Господа нет ничего драгоценнее, чем невинность ребенка, мама. Детей надо воспитывать правильно, согласно Писанию. И мы должны ловить их в младенчестве, пока мир не успел их растлить. Хотя я не удивлюсь, если Сэм с Хеном уже к этому приступили. Ты же знаешь, какие они. Надеюсь, они не планируют воспитывать его. Мало того, что он остался без матери, но расти с двумя гомиками в роли «папочек»...

— Почему это они не могут оставить его? — спросила миссис Рейкстро.

— Мама, им нельзя находиться рядом с детьми. Ты же знаешь, они при первой же возможности его развратят.

— Поли, пожалуйста, — взмолилась миссис Рейкстро. — Сейчас не время и не...

— Это мерзость в глазах Божьих, когда, цитируя апостола Павла, *мужчины на мужчинах делают срам*. А если они приведут в свой дом ребенка...

— Может, мне вывести тебя на улицу и надрать твою толстую задницу? — будничным тоном спросил его Сэм.

— Ты не можешь следовать Божьему слову, ибо правда не на твоей стороне, — отпарировал Поли.

— Неудивительно, что в прошлом таких, как ты, жгли на кострах, — сказал Ларри. — В смысле, как еще нам спокойно поужинать в воскресенье?

— *И пришел Он к своим, но свои Его не приняли*, — вновь процитировал Писание Поли. Судя по всему, в воскресной школе он слушал, а не считал ворон.

— А как, кстати, дела у твоей девушки? — спросил, улыбаясь, Сэм.

— У меня ее нет.

— О. Точно. Двадцать лет и до сих пор девственник. Интересно, как оно так получилось?

— Если тебе хочется осквернить себя всеми видами сексуальных грехов и извращений, это еще не значит, что и остальные люди такие же, — огрызнулся чопорным тоном Поли.

— Или ты просто маленький занудный говнюк, и девушки тебя не выносят, — отпарировал Сэм.

— По крайней мере, я не мерзость в глазах Божьих!

— А может, ты гей и не можешь принять себя, — прибавил Сэм. — Такое бывает.

По лицу Поли распространилось выражение вящего ужаса.

Сэм улыбнулся мне.

Хотя напрямую ничто не указывало на то, что Поли был геем, вероятность такого расклада не выходила за границы возможного. Он всегда был «чувствительным», достаточно тихим и не слишком общительным. В присутствии девушек он откровенно робел. Это не делало его геем, но...

— Дети, пожалуйста, — взмолилась миссис Рейкстро. Она повернулась к мужу и прищипила его к месту страдальческим взглядом. — И ты еще удивляешься, почему вдруг я пью.

— Только взгляни на него, мама, — горячо провозгласил Поли. — Он приводит сюда своего *любовничка*, чтобы тот ел нашу еду и оскорблял нас своим присутствием. А теперь они планируют вместе растить ребенка. Это неправильно.

— А еще это не твое дело, — спокойно сказал мистер Рейкстро.

— Господь накажет общины, которые не противостоят проискам гомосексуалистов, — ответил Поли. — Меня тошнит от того, как они выставлены и издеваются над Господом Богом.

Мистер Рейкстро отложил куриную ножку, которую он пощипывал, вытер руки полотняной салфеткой и снова положил ее на колени, затем повернулся к Поли лицом и не заговаривал, пока тот не опустил наконец-то глаза.

— Повторяю вам в самый последний раз, молодой человек, — тихо произнес мистер Рейкстро. — Это мой дом. Или ты следуешь моим правилам, или уходишь. Я не дам тебе портить все семейные ужины в моем доме своей непрерывной болтовней о религии. Ты меня понял?

Поли, резко выдохнув, скорчил гримасу.

— Сэмюэл — твой старший брат, и ты будешь относиться к нему со всем заслуженным им уважением. Чем он занимается за закрытыми дверьми своей спальни — не касается ни меня, ни тебя, ни кого бы то ни было. Это не наше дело, сын. Ты обозначил свою позицию достаточно четко и проговорил ее такое количество раз, что нас, если честно, уже тошнит от твоей трескотни. А теперь пожалуйста — боже, пожалуйста! — ты не мог бы, к дьяволу, наконец-то заткнуться?

— Извини, папа, но я люблю свою семью, и не хочу, чтобы вы были прокляты. Это

настолько неправильно? Это что, преступление — хотеть, чтобы твои братья и сестры не попали на веки вечные в ад? Чтобы наша мать не допилась до проклятия? Ты хочешь сказать, я не имею права свободно исповедовать свою религию?

— Ты более чем волен ее исповедовать, сын. Ходи в любую церковь, в какую только захочешь, молись хоть весь день напролет — тебе никто и слова не скажет. Но я не считаю, что требую слишком многого, когда один раз в неделю во время семейного ужина прошу тебя придержать свою религию при себе. Особенно сегодня, когда у нас гости.

— Неужели тебе все равно, спасется Сэм или нет? Разве это не твоя прямая обязанность? Разве ты не глава этого дома?

За столом, где и так было тихо, воцарилась полная тишина. Поли ступил на опасную почву. В традиции южного баптизма мужчина, стоящий во главе семьи, заботился о духовном благополучии своих близких. Во всяком случае, должен был.

— Если ты не следишь за своей семьей так, как следует... что ж, значит, это должен взять на себя кто-то другой, — прибавил Поли, дабы зацементировать свою точку зрения.

Мистер Рейкстро, глядя на Поли в упор, откинулся на спинку стула.

— О, боже, — проговорил Ларри.

— Пожалуйста, мы можем не продолжать? — спросила миссис Рейкстро. — Так, мне нужно еще чуть-чуть выпить...

— Мне тоже, — вставила Мэри Бет.

— И думать не смей, Мэри Бет Рейкстро!

— Бога ради, мама, мне двадцать лет.

— Я не стану преломлять хлеб с теми, кто пренебрегает учением Божьим, — объявил Поли. Он оттолкнул свою тарелку и встал. — Я не стану сидеть тут в присутствии гомосексуалистов, которые призывают на нашу страну Божий гнев. И я точно не стану сидеть тут и слушать их разговоры о воспитании невинного мальчика, которого они развратят всеми видами пороков и скверн. Бог знает, чему они собираются научить его или с ним сделать. Он невинный ребенок! Не удивлюсь, если они уже изнасиловали его.

Мой рот распахнулся и остался в таком положении.

Миссис Рейкстро испустила почти задумчивый вздох и снова взялась за бокал. Еда на ее тарелке так и осталась нетронутой.

Сэм поднялся на ноги и медленным шагом обошел стол.

У Поли округлились глаза.

— Выйдем? — совершенно нормальным голосом предложил Сэм.

— Отстань от меня!

Сэм поймал брата за руку.

— Прекрати! — приказал Поли.

Сэм оттащил его от стола. Поли вырвался, но Сэм успел схватить его за рубашку, и тогда Поли, потеряв равновесие, некрасиво и тяжело шлепнулся на блестящее дерево пола.

— Встань! — крикнул Сэм.

— Пап! — заорал Поли.

— Поднимай свою жирную задницу, — приказал Сэм. — Ты хотел мне что-то сказать? Говори! Я тебя так отделаю, мелкий вонючий говнюк, что ты на неделю сляжешь, и даже не думай, мать твою, что я не посмею.

— Мальчики! — несчастно воскликнула миссис Рейкстро. — Я не затем выпустила вас из утробы, чтобы вы постоянно ругались. Можем мы или нет в мой чертов праздник

спокойно и мирно поужинать в этом чертовом доме? Гос-споди ты боже мой!

— Обязательно, мама, — ответил Сэм, — но сперва я вколочу в Поли столько Иисуса, что следующие пару лет он будет ссаться пассажирами из Библии.

Поли, защищая руками лицо, съежился на полу.

Мистер Рейкстро встал на ноги, подошел к сыновьям.

— Пол, встань, — приказал он.

Сэм почтительно отступил.

— Видишь, папа, — сказал Поли, — он сумасшедший. Они все одинаковы... им лишь бы кому-нибудь навредить. А стоит их уличить в этом, бросаются в драку. Только на такое они и горазды.

— Сын, я попросил тебя встать.

Поли медленно поднялся на ноги.

— А теперь вон с моих глаз.

— Но папа!

— Не «папкой» мне.

— Не дай им себя запугать. Мы имеем право исповедовать свою рели...

— ПОЛ РЕЙКСТРО, Я СКАЗАЛ, ПОШЕЛ ВОН ИЗ МОЕГО ДОМА! — закричал мис Рейкстро так громко, так зло, что Ишмаэль, сидящий рядом со мной, весь съежился и прижался ко мне.

Ноздри Поли затрепетали, губы зашевелились, словно у него был миллион возражений. Однако, увидев в глазах отца убийственную решимость, он торопливо вышел из комнаты.

Сэм пошел было за ним, но мистер Рейкстро поймал его за руку.

— Просто *nineu*, — произнесла Присцилла, попивая свой сладкий чай и улыбаясь.

— Отец, если он еще раз назовет меня педофилом, — сказал Сэм, — я засажу свой член ему в задницу так глубоко, что он будет пользоваться ей вместо фары.

— Он невежда, сын, — мягко сказал мистер Рейкстро, возвращаясь к столу.

— Невежда... твою ж мать, — пробормотал Сэм.

— Выбирай, пожалуйста, выражения. Хен, Иши, извините нас, — сев, сказал мистер Рейкстро.

— Все нормально, — проговорил я, чувствуя, что должен что-то сказать.

— Нет, не нормально, — возразил мистер Рейкстро. — Мы все принадлежим церкви и знаем, что значит вера. Бывает, люди становятся несколько одержимыми. Но Поли... честно говоря, я беспокоюсь.

— В каком смысле? — удивленно спросила миссис Рейкстро. — Ему просто надо найти себе хорошую девушку. Вот увидишь, дорогой, он сразу угомонится.

— Он хочет бросить «Оле Мисс», перейти в Университет Боба Джонса и стать священником, — сказал мистер Рейкстро. — В Университет Боба Джонса! Ради степени по богословию или еще по какой чертовщине. Я хочу, чтобы мой сын получил образование, а не евангельское промывание мозгов. За такое я платить не собираюсь.

— Но он хочет стать священником, — возразила она.

— Тогда пускай платит за себя сам. Уверен, если бы Иисус разговаривал с людьми так, как Поли, то никакой церкви не было бы и в помине. Я воспитывал в своих детях уважение к церкви, ко всем церквям и ко всем людям. Я не учил их тому, чтобы они, сидя за моим столом, оскорбляли меня и говорили мне, что моя семья отправится в ад. Такого поведения я в своем доме не потерплю.

— Он, чтобы вы знали, гей, — проронила Присцилла.

— Он кто? — потрясенно воскликнула миссис Рейкстро.

— Маленький педик. Все это знают, — сказала Присцилла. — Думаешь, хоть одна из моих подруг захочет пригласить *его* на свидание? Я тебя умоляю!

— Твой брат не гомосексуалист, — твердо произнесла миссис Рейкстро.

— Сэм-то гей, — возразила она.

— И одного такого нам в семье более, чем достаточно, благодарю.

— Спасибо, мама, — сказал Сэм.

— Ну если это правда, — сказала она.

— Сэм, Хен, я считаю, вы поступаете правильно, — сказал мистер Рейкстро. — Принять этого мальчика... ему нужен дом, и я уверен, с вами он его обретет. Он будет мне вроде как внуком.

Сэм нахмурился, словно не мог поверить в то, что услышал.

— После всего, через что он прошел по вине своей матери, я знаю, вы, парни, справитесь на отлично. Вообще, оно может пойти вам на пользу. Ребенок в доме... с его появлением все меняется. Начинаешь смотреть на вещи иначе. Трезвее. Просто любите его, и все будет в порядке.

— Что ж... спасибо, — несколько недоверчиво произнес Сэм.

Миссис Рейкстро, судя по виду, было не по себе от перспективы занять еще одного цепляющегося за завязки ее передника внука.

— Он же не их ребенок, — заметила Мэри Бет.

— По рождению нет, — сказал мистер Рейкстро. — Но в какой-то момент они могут усыновить его. Все дети заслуживают иметь дом и семью.

— А Сэм ну прямо-таки прирожденный отец, — с усмешкой произнесла Мэри Бет.

— У тебя возражения? — спросил Сэм.

— Я просто сказала.

— Если я захочу стать отцом, то стану. Это не высшая математика.

— Ребята, вам же теперь, наверное, придется ходить одетыми, — заметила она. — Так когда вы разошлете открытки о рождении малыша?

— Мэри Бет, пожалуйста, прекрати, — пробормотала миссис Рейкстро.

— Просто я никогда не представляла Сэмми в роли отца, вот и все. Он хоть подгузники-то умеет менять?

— Ему семь, а не год, — огрызнулся Сэм.

— Вы бы перестали говорить о нем так, словно он не сидит вместе с нами, — сказал мистер Рейкстро. — Иши, ты как, готов к школе?

Ишмаэль, похоже, не знал, что ответить, и как воспринимать этих людей со всеми их криками, спорами, взрослыми разговорами.

— Он очень тихий, да? — произнесла в наступившей тишине миссис Рейкстро. — Сэм, не передашь мне салат? Попробую чуть-чуть поклевать. Не знаю, куда подевался мой аппетит.

Глава 39

Собирая прошлое

По пути в Абердин погода испортилась. Небо заволокли большие, сердитые тучи,

которые медленно ползли на восток. Но они и вполтину не волновали меня настолько, как штормовые тучи у Ишмаэля в глазах. Он сидел между нами, напрягшись всем телом и сжав губы в мрачную линию. Его настроение было заметно подавленным.

Ларри с Присциллой, сидевшие сзади, не прекращали дурацкую братско-сестринскую трескотню.

Наконец Сэм припарковался у входа. Пока мы шли к двери, Ишмаэль молча держал меня за руку.

— Ну и дыра, — сказала Присцилла и, наморщив нос, оглядела разгромленную прихожую.

Ишмаэль повернулся ко мне, обхватил меня руками за талию и уткнулся лицом мне в живот, словно не хотел все это видеть, не хотел заходить.

Присцилла, взглянув на меня, нахмурила брови над своими готическими глазами. Она словно вдруг осознала, что в мире есть настоящая темнота — несколько не привлекательная и ни капли не модная.

— Итак, что нам делать? — спросил Ларри, натягивая большие резиновые перчатки вроде тех, в которых моют посуду. Меня удивило, что он согласился помочь.

— Нам надо забрать отсюда их вещи, — сказал я. — Хозяин скоро придет за ключом. Уже конец месяца.

— Большую часть нужно отправить прямиком в мусорный бак, — сказал Ларри. — Это место похоже на гигантский сортир. Кстати, вы знаете, что сила туалетного смыва распыляет частицы фекалий на двадцать шагов? Вспомните об этом, когда в следующий раз будете чистить зубы щеткой, которая стояла в трех шагах от толчка.

— Ларри, пожалуйста, — устало произнес Сэм.

— Это словно Господь... ты не видишь его, но знаешь, что он существует. Он всюду. На стенах, на раковине, на полу. В воздухе, которым ты дышишь. Ты моешь руки, потом прикасаешься к крану — и вуаля! Опять весь в дерьме. Честное слово, если бы люди знали, что на самом деле представляет из себя мир, если бы они понимали, что нас окружают бактерии...

— О господи, Лар, давай ты заткнешься? — рявкнул Сэм.

— Я не понимаю, как это может не волновать тебя, Сэмстер.

— А я не понимаю, почему тебе не насрать. Цилла, возьми на себя Сарины вещи? Раз уж ты девушка...

— По крайней мере формально, — вставил Ларри.

— Ты бесишься, потому что у тебя сиськи больше моих, — сказала Присцилла. — И мое имя — *Присцилла*.

— Неважно, — ответил Сэм.

— Ненавижу, когда меня зовут Цилла. Я не ребенок.

— Как скажешь.

— Полный отстой.

— Слушайте, у нас мало времени, — сказал Сэм. — Если мы не хотим платить за следующий месяц, нам надо вывезти все отсюда сегодня. Так что давайте братья за дело.

— Вот еще на тему дерьма, — не унимался Ларри. — Если бы люди после посещения туалета мыли руки не только водой, но и мылом, то случаи диареи сократились бы вдвое.

— Включая словесный понос? — спросил я.

— Ты такой юморист, Хен, обделаться можно.

— Пахнет так, словно ты уже это сделал, — сказала Присцилла.

— Неудивительно, что ты сдвинулся на микробах, — сказал я. — Я бы тоже ими увлекся, если б мне пришлось всю жизнь смотреть на свой пенис через увеличительное стекло.

— Откуда ты знаешь, большой у меня член или нет? — всполошился он.

— Сэм мне все рассказал, — заверил я Ларри. — Про твое «Одноглазое чудо» — это ведь чудо, если у кого-нибудь в принципе получится его разглядеть. Сэмстер, кстати, сейчас, если как следует присмотреться, его можно и на гугл-карте увидеть. Они научились фотографировать такие крохотули из космоса.

— Нет, вы серьезно обсуждаете пенисы в присутствии маленького ребенка? — спросила Присцилла и, закатив глаза, взяла Ишмаэля за руку. — Идем, Иши. У нас есть дела поважнее, чем слушать треп этих лузеров.

Она увела его.

Я пошел за ними в комнату Ишмаэля, и мы затолкали его вещи в большие пластиковые мешки. Не то чтобы их у него было много: мешок одежды и еще мешок с парой игрушек, его любимым покрывалом, несколькими раскрасками и школьными принадлежностями.

Когда мы перешли в соседнюю спальню, Присцилла, осмотрев Сарины вещи, заметила:

— Да твоя сестра настоящая фанатка «Уолмарта».

— Всю одежду можешь не собирать, — сказал я. — Только то, чтобы ей было во что переодеться, когда она вернется домой.

— Когда? Ты имел в виду «если»?

— Не знаю.

— Если б мне надо было возвращаться *сюда*, то я даже не знаю, вернулась ли бы. Тебе не приходит в голову, насколько семьи безумны?

— Иногда, — признал я.

— Раньше я думала, что мои родители — катастрофа, но они и в подметки не годятся твоим. Ты когда-нибудь думаешь об этом? О том, что сделали твои мама с папой?

— Иногда.

— Ладно, это не мое дело. Прости.

— Ничего.

— Никогда не угадаешь, что у людей в голове, да? — Она сделала паузу, чтобы посмотреть на меня своими густо накрашенными глазами.

— Наверное.

— Тебя разве это не бесит?

— Ну, точно не веселит.

— Бенд по идее должен быть таким идеальным тихим маленьким городком. Ха! Он больше похож на вампирское логово. Вот доучусь этот год и наконец-то отсюда уеду. Скорей бы уже. Иногда кажется, будто весь город тонет, а я — единственная, кто знает об этом.

— Странная аналогия.

— Ты меня знаешь. Я и сама странная. Вы правда собираетесь заботиться об Ишмаэле?

— Хотим попытаться. А что?

— Ничего. Просто, по-моему, это так мило. Я бы не отказалась от родителей-геев. Они наверняка были бы не хуже тех, что у меня есть сейчас. И уж точно не хуже *твоих*.

В ее словах был резон.

Присцилла заглянула вглубь шкафа.

— Я что-то нашла. — Она достала с верхней полки обувную коробку и какой-то альбом. Присев на кровать, она открыла его. Он был набит вырезками из местных газет. С первой страницы смотрело мамино фото. Заголовок сверху гласил: «Трагедия в округе Монро».

— Не показывай ему, — приказал я.

— Всему Бенду известно, что с ними случилось. Рано или поздно он тоже узнает. Они же, в конце концов, его дедушка с бабушкой.

— Если ты не против, я бы предпочел не рано, а поздно.

Она закрыла альбом.

— В один прекрасный день, знаешь ли, тебе придется об этом заговорить.

— Ну, сегодня точно не этот день.

— Как знаешь.

Я взял обувную коробку, снял крышку. Внутри лежало перепачканное тряпье и одинокая гильза от дробовика. Я отложил коробку в сторону, гадая, какого дьявола Саре понадобилось держать у себя в шкафу эту дрянь.

Глава 40

Законный опекун

— Вы его опекун?

Миссис Керли — директор начальной школы Винегар-Бенда — оторвалась от бумаг на столе и посмотрела на меня теплым взглядом своих темных глаз. Поскольку за плечами у этой чернокожей женщины был диплом колледжа Лиги плюща, считалось, что с ней нашему маленькому городку до крайности повезло. С другой стороны, она выросла в Бенде, а значит была одной из своих. Многие полагали, что ей стоит заведовать образованием всего округа, — когда она станет постарше. А на данный момент ей было всего немного за тридцать.

Был понедельник, утро, и я пытался записать Ишмаэля в школу.

— Не знаю, — признался я честно. — Так далеко еще не зашел. Мать его бросила, так что сейчас им занимаюсь я. Я и Сэм.

— Сэм?

— Сэм Рейкстро. Мы живем вместе. Он менеджер во «Всегда экономь». Его родители...

— Я знаю, кто он такой, мистер Гуд. У меня учатся Присцилла и Мэри Бет.

— Зовите меня, пожалуйста, Генри.

— Хорошо. Генри. Мне нужно знать, являетесь вы его законным опекуном или нет.

— Я забочусь о нем. Суд по делам несовершеннолетних дал мне временное опекунство.

— А его мать...?

— Она моя сестра. Сара Гуд. Она, по-видимому, в бегах. Ушла и бросила его одного.

— Вы сообщили в полицию?

— Да.

— Я могу сделать об этом пометку, но, чтобы принять его в школу, мне нужно что-то официальное. У вас есть адвокат?

— Мы его ищем.

— Насколько я понимаю, его отец не принимает участия в его жизни.

— Я даже не знаю, кто он.

— Но он может объявиться в какой-то момент?

— Не знаю.

— А его мать... если она вернется, могут возникнуть сложности. Вам лучше поскорее оформить полное опекунство. Уверена, люди из ДСЗ могут все объяснить.

Я молча поразмыслил над этим.

— Вы его единственный родственник?

— Да.

— Братья и сестры?

— Нет.

— А ваши родители, конечно, оба скончались.

— Да.

— Это было ужасно.

Я ничего не сказал.

— Генри, я не могу принять его прямо сейчас. Мне нужно запросить какой-нибудь документ из суда. У вас есть его свидетельство о рождении?

— Я не знаю, где оно может быть.

— Вам потребуется сходить в отдел записи актов при совете по здравоохранению и сделать повторное. Причем как можно скорее. Я не могу зачислить ребенка без подтверждения того, что у него есть гражданство Америки.

— Но оно у него, естественно, есть.

— Я должна увидеть официальное подтверждение. Вы же знаете, как все устроено. С учетом развития дел, удивительно, что паспорт не требуют от эмбрионов.

— Возможно, Сара отдала свидетельство маме. Я попрошу, чтобы Сэм его поискал.

Мы провели долгую и довольно запутанную беседу о прививках, о необходимости забрать из его старой школы его медицинскую карту, затем об оплате — у меня на счету хватало денег для школьного взноса, но после нам какое-то время предстояло пожить на сэндвичах с помидорами и огурцом.

— А Сэм, он... ваш партнер? — спросила она.

— Да, — сказал я, зная, что лгать смысла нет. Все в Бенде знали, что мы с Сэмом «вместе».

— Вы осознаете, что другие родители могут...

— Осознаю, — сказал я.

— У нас учатся дети из самых разных слоев, — легко сказала она. — Уверена, Ишмаэль, отлично к нам впишется. Я лишь не хочу, чтобы для вас стали неожиданностью... возможные осложнения.

— Например?

— Например, некоторые родители могут проявить недовольство, а кто-то из детей — начать смеяться над ним. Такое случается, и мы сделаем все, чтобы это пресечь.

— Я не понимаю, какое отношение ко всему этому имеет моя интимная жизнь.

— Я тоже.

Глава 41

Пусти к себе свет

Сегодня мне не надо было стричь никакие газоны, так что мы с Ишмаэлем весь день провозились дома. Он безмолвно следовал за мной по пятам, пока я занимался стиркой,

прибирался в ванной, мыл утреннюю посуду и наводил порядок в гостиной.

У него в комнате я убрал часть вещей, чтобы освободить место для его одежды с игрушками. Он сидел на кровати, и щуря на меня свои печальные глазки, наблюдал за тем, что я делаю.

— Теперь это твоя комната, — сказал я. — Она тебе нравится?

Он пожал плечами.

— Если держать окошко открытым, то здесь будет свежо и приятно, — заметил я.

Он ничего не ответил.

— Ты несчастлив, я знаю, — сказал я, сев рядом с ним. — И мне очень жаль. Тебе, наверное, по-настоящему страшно.

Он безучастно опустил глаза на колени. Выражение на его худом, как у эльфа, личике было зажатым.

— В тебе больше нет света, — проговорил я.

— Как это, дядя Хен?

— Ну... Понимаешь, когда человек счастлив, он будто бы светится. У него сияет лицо. Но ты... в тебе света нет. Словно кто-то пришел и отнял его у тебя. Ты должен снова пустить к себе свет, малыш.

— О.

— Вот что тебе нравится делать?

Он пожал плечами.

— Ты любишь играть?

— У меня нет друзей, дядя Хен.

— Еще заведешь. Вот увидишь. Но чем тебе нравится заниматься?

— Не знаю.

— Смотреть мультики?

Он пожал плечами.

— Играть во дворе?

— Не очень.

— Ладно.

Мы замолчали. В конце концов я взял его за руку и улыбнулся. Я хотел, чтобы он знал, что мы переживаем все это вместе.

Глава 42

Визит мисс Гвен

— Значит, у вас появился ребенок, — сказала следующим вечером Гвен. Она заехала посмотреть, как наши дела. — Я и не знала, что у вас имеется matka.

— На меня не смотри, — сказал Сэм.

Гвен смерила Ишмаэля оценивающим взглядом.

— Какой хорошенький пирожочек. Он уже разговаривает?

— Иши, это наша подруга Гвен, — сказал я. — Она живет за твоей новой школой. Давай-ка с ней поздороваемся.

— Привет, — пробормотал он.

— Иши, как тебе Бенд? Нравится здесь?

Он пожал плечами.

— А ты не болтушка. Мне нравится это в мужчинах. Мужчин, я считаю, должно быть видно, но только не слышно. Иши, мы с тобой станем друзьями. Что скажешь?

Он снова пожал плечами.

— Ему уже можно пить пиво?

— Не думаю, — сказал я чопорным родительским тоном.

— Жаль, а то мы бы с ним по-настоящему подружились. Ладно, я просто шучу. Господи, Хен, ты теперь такая заботливая мамаша, да? Вообще я заехала, потому что привезла кое-что для вашего малыша.

— Я не малыш, — оскорбленно заявил Ишмаэль.

— Ну разумеется, нет, — смеясь, ответила Гвен. — Тебе сколько уже? Три с половиной?

— Мне почти восемь. Скажи ей, дядя Хен.

— Такой взрослый? Божечки! Ну и дела. Что ж, мистер Взрослый Мужчина, я привезла тебе кое-что интересное. Хочешь увидеть, что именно? Может, я даже дам тебе поиграться с этой штуковиной, раз уж ты уже не малыш.

— Хорошо, — сказал он с нарастающим любопытством.

Зная Гвен, нашу дружественную соседку-лесбиянку, это могло быть все, что угодно, — от ружья до коробки с салютом и квадроцикла.

— Гвен, — предостерегающе произнес я.

— *Мамочка*, не волнуйтесь, — сказала она. — Господи, ты прямо вылитая наседка. Наседка Хен!

— А знаешь, это прозвище может прижиться, — сказал Сэм со смешком. — Как жизнь, Наседка Хен?

— Заткнись, — сказал я.

— Наседка Хен!

— И ведь тебе тридцать лет.

— Как несется, Наседка Хен?

Мы пошли за Гвен к ее пикапу. Шарла тоже побежала за нами, а Ромни, которая то и дело наклонялась, чтобы пощипать траву, осталась бродить по двору.

— Он старый, но еще ездит, — сказала она, выгрузив из багажника детский велосипед и поставив его на землю. — Мы покупали его для мальчика Шелли. Думаю, он ему больше не нужен, раз уж он теперь в колледже. Ты знаешь, какие пошли сейчас дети. А вот Иши, мне кажется, он понравится.

Улыбка Иши была настолько широкой, что я подумал, как бы у него не треснули щеки.

— У меня никогда не было велосипеда, — шепотом проговорил он. — Смотри, дядя Хен!

— Ты умеешь ездить на нем? — спросил я.

Он покачал головой — медленно и очень торжественно.

— Я тебя научу, — сказала Гвен. — Усаживай свою тощую задницу на сиденье, и погнались, сынок!

— Разве ему не нужен шлем? — спросил я.

— Наседка ты наша, он же не на «Формулу 1» собирается, — сказала Гвен, закатывая глаза.

Ишмаэль сел на сиденье и, сияя смешанным с ужасом удовольствием, взялся за ручки с таким лицом, словно они были сделаны из чистого золота.

— Держись крепче, маленькая козявка, — сказала Гвен.

— Я не козявка!

— Ну конечно же нет. Тебя послушать, так можно подумать, что ты вырос в Аппалачских горах. Теперь поставь ноги на педали. Да, вот так. Я буду придерживать тебя, пока не приноровишься. Готов?

Ишмаэль с энтузиазмом кивнул.

Я пошел следом, боясь, что он упадет, что он расшибется, что Гвен выкинет что-нибудь глупое или опасное. Иначе она не была бы Гвен.

— Слушай, Наседка Хен, — сказала Гвен через плечо, — я вырастила пару-тройку детей, так что знаю, что делаю.

— Я просто не хочу, чтобы он упал, вот и все.

— Желаю тебе с этим удачи. Только закупись заодно бинтами и йодом, потому что падать он будет. И часто. Твоя работа — быть рядом и помогать ему встать.

Гвен прошла за ним всю подъездную дорожку, поддерживая его, пока он не научился удерживать равновесие. Наконец он сделал дерганый поворот и выкатился во двор. Ромни, наострив уши, заблеяла, словно недовольная тем, что он сминает ее драгоценную траву.

— Осторожнее! — крикнул я, когда его повело в направлении дома.

Он дернул рулем и резко повернул в сторону выезда на дорогу.

— Расслабься, — произнес Сэм.

— Смотрите! — прокричал Ишмаэль и, гордый собой, оглянулся на нас.

— Ковбоец, ты молодчина! — крикнул Сэм.

— Следи внимательней за тем, куда едешь, — наказал я.

— Смотри, дядя Сэм!

Ишмаэль довилиал до дороги и, едва не царапнув бок моего маленького пикапа, повернул в нашу сторону. Затем сделал крутой поворот обратно во двор, но скорость была слишком большой, и он неуклюже свалился с велосипеда.

Он мигом вскочил, готовый к новой попытке, но Ромни — на которую он чуть не наехал и которую испугали его выкрутасы, — наклонилась и начала наступать на него со спины.

— Осторожно! — закричал я. — Ромни сейчас...

Бам!

Ромни боднула Ишмаэля под зад и повалила его ничком на траву.

Гвен зашлась хохотом.

Сэм усмехнулся.

А я с сердцем, застрявшим в горле, бросился к Ишмаэлю.

— Ты цел? — взволнованно спросил я, помогая ему встать на ноги.

По его щекам текли слезы. Он стрельнул сердитым взглядом в сторону Ромни. Та выдала долгое «ме-е-е» и снова принялась жевать траву.

— Хороший мой, ты в порядке? — спросил я.

Он вытер глаза.

— Ты не поранился?

Он покачал головой и повернулся к велосипеду, полный решимости попробовать снова.

— У тебя здорово получалось, маленькая ты козявка, — провозгласила, подбежав к нему, Гвен.

— Я не козявка!

— Я зову всех своих маленьких приятелей «маленькими козявками», но только тех, кто

мне нравится. Но если тебя это злит, тебя называть так не стану. Окей?

Он поднял глаза и, похоже не понимая, о чем она говорит, смахнул с лица слезы.

— Давай, великолепный ты наш мужичок, — сказала она. — Хочешь попробовать еще раз?

Он кивнул.

— Только больше не разгоняйся. Здесь главное — ритм. Чтобы сбросить скорость, пользуйся тормозами. Найди правильный ритм, парень, и все будет отлично, и ты доедешь до самого Мемфиса — если твой дядя Хен не уследит.

Гвен снова помогла ему в самом начале, и на сей раз Иши поехал медленнее, осторожнее, но гораздо ровней и увереннее. Сделав круг по двору, он направился к нам.

— Смотри, дядя Хен! — гордо прокричал он. — У меня получается!

— Ты молодец! — крикнул я.

Мы понаблюдали за ним еще пару кругов.

— У вас есть что-нибудь выпить? — спросила Гвен. — И я имею в виду вообще что угодно. Ну, кроме мятного шнапса. Последним человеком, пытавшимся напоить меня мятным шнапсом, была однорукая лесбиянка с Тасмании, которая хотела грин-карту, — и мне бы стоило ей отказать. Мы называли ее Флиппером — за глаза, — но я вам этого не говорила.

Глава 43

Одежда свыше

— Мы с сестрой Лурдес попросили пожертвование от твоего имени, — сказала сестра Асенсьон. — Все ради благого дела.

Она выложила на обеденный стол горку вещей: синие джинсы, рубашки, футболки, нижнее белье, носки, две пары кроссовок, рюкзак и школьный пенал — все необходимое для семилетнего второклассника, который готовился отправиться в новую школу.

Я посмотрел на одежду и закусил губу, внезапно разволновавшись и ощутив что-то похожее на стеснение.

— Что такое? — спросила сестра Асенсьон, хмурясь на меня сквозь свои толстые линзы.

— Это очень мило с вашей стороны, — вымучил я.

— Ты не выглядишь радостным.

— Нет, я рад, — сказал я.

— Хен, мы лишь пытались помочь.

— Дело не в этом. Просто... Для него это будет иметь такое большое значение. Я и не знал, как дороги детские вещи, пока не попал в магазин. Иисусе! В смысле... в общем, вы понимаете. А в секунд-хенде одежда была такой вонючей и старой... я не хотел, чтобы он это носил.

— В наши дни все стоит бешеных денег. Но из-за чего ты расстроен на самом деле?

Я воспринимал сестру Асенсьон — пусть она и была вдвое старше меня — как сестру. Настоящую. Не как мать. И не как мать-настоятельница, фигуру авторитетного типа. Она была человеком, который меня понимал. Который слушал меня и любил безо всяких условий. Когда она была рядом, секреты, казалось, сами собой слетали у меня с языка.

— Я сегодня проснулся и в каком-то смысле впал в ступор, — признался я. — У меня

дома — ребенок, который завтра отправится в школу. Нет, я знал, что школа скоро начнется, но не осознавал этого. В смысле, по-настоящему. И вдруг... все стало реальностью. И как обрушилось на меня.

— Да, это сложно осмыслить.

— Суд по делам несовершеннолетних выдал мне временную опеку, но оказалось, что все не так просто. Теперь нам надо идти в вышестоящий суд и добиваться постоянной опеки. Я разговаривал со всеми теми людьми, искал его свидетельство о рождении, медицинскую карту и все в таком духе. Я не понимал, насколько все сложно. Это слегка выбивает из колеи.

— Я представляю.

— И потом еще Сара... она доводит меня до безумия, но ведь она моя родная сестра. И я интуитивно чувствую, что она уже не вернется, что я никогда больше ее не увижу, что наши с нею дела никогда не наладятся. Кто знает, может она уже умерла.

Я умолк, почувствовав, что сказал слишком много.

Сестра Асенсьон не делала попыток ускорить беседу, не говорила мне, что я веду себя глупо.

— До меня вдруг дошло, — сказал я, — что я не знаю, как надо растить ребенка. Сэм думает, что все это очень весело. Одно большое «ха-ха». Говорит, что мы станем замечательными родителями, и прочую чепуху. Но мне страшно... так страшно.

— Может, по чашечке кофе?

— Я не хочу вас задерживать.

— Глупости. Что мне делать? Пойти домой и собирать с сестрой Лурдес пазл? Ох, знал бы ты, как она надоела мне с этими пазлами. Все не хватает духа признаться, что нет такой вещи, которая ввергала бы меня в скуку сильнее ее скучных пазлов. Но мы ведь монахини. Не то чтобы мы взамен могли пойти, например, на свидание. Да и все равно из нас песок уже сыплется.

Сестра сделала две чашки кофе.

— Господь любит делать сюрпризы, — мягко сказала она, садясь рядом со мной. — Как, по-твоему, чувствовала себя Дева Мария, когда в четырнадцать лет перед нею появился архангел и сказал: «О, кстати, скоро ты забеременеешь, а отцом будет невидимый человек»? Как бы ты объяснил такое родителям? «Папочка, я беременна, но, честное слово, он был невидимкой». Ты можешь себе это представить? Но у Господа есть чувство юмора, и если он завел тебя в подобную ситуацию, то он же и проведет тебя через нее.

— Я знаю, — ответил я.

— Пример так себе, но Хен, что еще тут можно сказать? Я убеждена, что у Господа есть некий план, некая цель, причина, которую мы пока что полностью не понимаем. И скажу тебе откровенно, исходя из того что я слышала, я предпочитаю видеть Иши с тобой, нежели с Сарой. Мне очень жаль, но это правда. Ты только представь. Из всех родителей мира Господь выбрал для этого мальчика не кого-то, а именно вас.

— Не уверен я, что Господь знает, что делает.

— Я тоже, — сказала она со смешком. — Но вещи порой принимают причудливый поворот. Поимей чуть-чуть веры. Я знаю, что нам поможет.

— Что?

— Разумеется, шоколад. Нет такой проблемы на свете, которую нельзя было бы частично облегчить большим количеством шоколада. Есть он у вас?

- Шоколадное мороженое подойдет?
- А Папа католик?

Глава 44

Ночь перед школой

Лицо Иши, пока он примерял новые вещи, горело радостным возбуждением. Особенно ему приглянулись черные кроссовки — настолько, что он не снял их, даже переодеваясь в пижаму. Судя по всему, он планировал в них же и спать.

- Пора ложиться, — сказал я, расправляя его постель.
- Дядя Хен, можно мне поспать вместе с вами?
- Ты уже большой мальчик. И должен спать в своей комнате.
- Ну пожалуйста.
- Ты должен спать у себя, мой хороший.
- Ну пожалуйста. Мама мне разрешала.
- Я не твоя мама.
- Дядя Хен, ну пожалуйста.
- Но почему?
- Мне страшно.
- Чего ты боишься?
- Не знаю.
- Ты должен спать у себя.
- Ну пожалуйста.
- Иши...
- Пожалуйста.
- Ох, ну ладно. Но только сегодня.

Я был вознагражден счастливой улыбкой.

- Но обувь придется снять, — заметил я.
- Я хочу спать в кроссовках.
- Не в моей постели.
- Ну пожалуйста.
- О, ну в самом-то деле.

Он со смехом убежал в мою комнату.

— Дядя Сэм, а я буду спать вместе с вами! — объявил он и, запрыгнув на кровать, усмехнулся.

- В кроссовках? — изобразил ужас Сэм.
- Я не запачкаю постель, дядя Сэм. Обещаюсь.
- Ты очень странный маленький мальчик. Ты это знаешь?
- Это потому что я Гуд. Так сказал дядя Хен.
- И он прав. Только не стягивай с меня одеяло, какашка ты маленькая.
- Дядя Сэм, я не какашка.
- Еще какая. Но ты *моя* маленькая какашка. Кстати о какашках... В постели не пукать.
- Я никогда не пукаюсь, дядя Сэм.
- Пукаешь. Постоянно. И если б твоя грамматика могла разговаривать, то, наверное, сказала бы тебе, что хочет совершить суицид.

— Что такое «уицид», дядя Сэм?

— Ну все, прекращайте, — сказал я. — Нам завтра в школу. Выключайте свет. Пора спать.

— А мне обязательно ходить в школу?

— Да, — сказал я. — Тебе там понравится. Не волнуйся. Ты заведешь кучу друзей. Вот увидишь.

— А кто меня туда отвезет? Ты, дядя Хен?

— Примерно в семь тридцать за тобой приедет школьный автобус.

— Меня отвезет автобус?

— Да.

— А ты меня потом забереешь?

— Нет. Тебя привезет тоже автобус. А я буду ждать тебя дома.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— Ты будешь здесь, когда я приеду домой?

— Ну разумеется. А как же иначе?

— Правда-правда?

— Конечно. А почему ты спрашиваешь?

— Не знаю.

Я забрался в кровать, и он, свернувшись рядом со мной, забросил поперек моей груди руку, словно заявляя на меня право собственности. Перед тем, как выключить свет, я оглянулся на Сэма. Сэм улыбнулся.

— Мы не прочитали молитву, — заметил я.

— А дядя Сэм тоже молится?

— Конечно, да. Правда, Сэм?

Сэм сдвинул брови.

Я опять включил свет, и мы встали с кровати, преклонили колена и прочли «Аве Мария». Сэм, будучи баптистом, эту молитву не знал, но смог достаточно убедительно притвориться, чтобы удовлетворить Иши. Затем мы снова легли, и я опять выключил свет.

— Дядя Сэм? — сказал Иши.

— Да?

— Мне надо пукнуть.

— В постели не пукать, козявка ты маленькая.

Иши хихикнул, и мы слышали тихий звук.

— О боже! — воскликнул с притворным ужасом Сэм, обмахиваясь краем одеяла, как веером.

— Хорошо получилось, — сказал Иши гордо.

— Ты нас прикончишь, — сказал Сэм.

— Вы перестанете или нет? — спросил я. — Нам завтра в школу.

— Если он будет продолжать в том же духе, то прожжет в матрасе дыру.

— В себе держать еще хуже, — сказал я. — А теперь засыпайте.

— Спокойной ночи, дядя Хен, — сказал Иши, прижимаясь ко мне.

— Спокойной ночи, малыш.

— Спокойной ночи, дядя Сэм, — сказал он.

— Спокойной ночи, ковбоек.

— Спокойной ночи, Сэм, — сказал я.
— О, ну хватит вам, мы же не чертовы Уолтоны! — воскликнул Сэм.
— Что такое «Уолтоны»? — спросил Иши.
— Отлично! Он даже не знает, кто такие Уолтоны!
— Они вроде смурфов, — объяснил я, — только в церковь ходят почаще.
— А что это — смурфы? — спросил Иши.
— Ты вообще, что ли, телевизор не смотришь? — спросил Сэм.
— Спице, — сказал я. — Завтра у нас важный день.
— Дядя Хен?
— Что?
— Мне надо пописать.
Он в спешке перелез через Сэма и убежал в туалет.
— Черт! — ойкнул Сэм.
— Что?
— Он наступил мне на член.
— Это он может, — откликнулся я.

Глава 45

Первый день школы

Не знаю, кто из нас больше нервничал, но к половине восьмого у меня внутри поселилось напряженное, тяжелое ощущение.

— Дай-ка мне посмотреть на тебя, — сказал я, когда мы встали с ним на крыльце.

Ишмаэль выглядел необычайно красивым в своей голубой рубашке, заправленной в новые джинсы. Я аккуратно причесал его волосы, убрав их со лба. Его черные кроссовки были готовы к бою. И все же под его бледно-голубыми глазами залегла темнота.

Шарла, которая крутилась у наших ног, лизнула его ладонь и завилыла хвостом.

— Ладно, — сказал я, — давай пробежимся по списку. Зубы почистил?

— Да. — В доказательство он подышал мне в лицо.

— Чистые трусишки надел?

Он хихикнул.

— Тетрадки, учебники, ручки — ничего не забыл?

— Они в рюкзаке.

— Обед взял?

Он показал ланчбокс с Капитаном Америкой, который мы купили в «Уолмарте» в Эмори, потому что нигде в другом месте я такой ланчбокс не нашел. Я взял с него слово не рассказывать Сэму, что мы туда ездили.

— Как меня зовут и какой у меня телефон?

Он выпалил и то, и другое.

— А живем мы?

Тут он запнулся. Я напомнил ему, что наш адрес записан на карточках, прикрепленных внутри и рюкзака, и ланчбокса.

— Ханисакл-роуд, — сказал я. — Все знают, что Гуды живут на Ханисакл-роуд.

— Хорошо.

— Ты сегодня будешь послушным? — спросил я.

Он пожал плечом.

— Я хочу, чтобы ты хорошо провел время, завел новых друзей и слушался учителей.

Договорились?

— Окей.

— Обещаешь?

— А мне нельзя остаться дома вместе с тобой?

— Нет.

— Ну пожалуйста.

— Прости, мой хороший, но нет. Ты должен учиться. Потерпи пару дней. Вот увидишь, тебе там понравится.

— Но я не хочу.

— Почему?

Он не смог объяснить.

— Днем, когда ты вернешься домой, я буду ждать тебя прямо здесь, на крыльце. Честное слово. Я буду скучать по тебе. Мне нужно сделать кое-какие дела, но днем я вернусь, чтобы встретиться с тобой. Так что не надо переживать, хорошо?

Он закусил губу и опустил глаза вниз.

— Ну же, малыш. — Я наклонился, чтобы увидеть его лицо. — Я буду здесь. Ничего плохого не случится, честное слово.

— Ты будешь здесь, когда я приеду?

— Буду. Я никуда не уйду.

— Мама давала мне ключ, чтобы я сам мог зайти.

— Вот как?

— Мне это не нравилось, но она говорила, что занята. Ничего, если тебя тут не будет. Я не ребенок. Так всегда говорила мне мама.

— Не волнуйся. Я буду здесь.

— Дядя Хен?

— Да?

— Мне страшно.

— Все будет хорошо, малыш. Вот увидишь.

— Правда?

— Конечно.

С чувством смущения и неловкости я поцеловал его в щеку, посчитав, что меня, будь я на его месте, этот отцовский жест мог бы утешить.

Но он почему-то расплакался.

— Что с тобой? — спросил я встревоженно. Я не хотел, чтобы он сидел в автобусе с залитым слезами лицом.

— Не знаю, — сказал он несчастно.

Шарла потерлась о него, чуть не сбив его с ног.

— Ну все, больше не надо, а то скоро приедет автобус. Давай-ка высушим твои глазки. Ты со всем справишься, и все будет в порядке, и тебе там понравится, а когда ты вернешься, я буду ждать тебя дома. Договорились?

Он еле уловимо кивнул.

Я стер с его щек слезы, похлопал его по спине.

— Ты же Гуд, парень. А значит, боец. Никогда не показывай другим свои страхи.

— Хорошо, — сказал он.

Мы слышали школьный автобус еще до того, как он появился вдали. Мы подошли к дороге и стали ждать. По какой-то непонятной причине я и сам был на грани того, чтобы заплакать.

— Скажи Шарле «пока», — сказал я.

— Пока. — Он выдал Шарле натянутую улыбку.

— Хорошего тебе дня, малыш, — сказал я, когда Сесил Харрингтон, водитель автобуса, притормозил напротив нашего почтового ящика и открыл двери.

— Пока, дядя Хен.

— Пока.

Не оборачиваясь, он вяло вскарабкался по ступенькам в автобус.

Я посмотрел на Сесила. Он выдал ободряющую улыбку — наверное, уже не первую за это утро.

— Веди осторожно, Сес, — сказал я, воспользовавшись его прозвищем из школьных времен, когда он играл в футбольной команде, а я был одним из ботаников духового оркестра.

— Обязательно, Хен, — откликнулся он, и двери закрылись.

Несколько секунд я с комом в горле смотрел автобусу вслед.

Потом, хотя обещал себе так не делать, бросился в дом, взял ключи от пикапа и выехал за автобусом. Я держался на отдалении — не хотел смущать Ишмаэля, если дети заметят, что я еду следом.

Когда мы приблизились к школе, я свернул, срезая дорогу, и увеличил скорость, чтобы успеть припарковаться на расстоянии, после чего встал через дорогу и стал наблюдать за прибывающими детьми.

Автобус номер девять остановился у школы. Сес открыл двери, и наружу посыпались дети — шумные, радостные, готовые к новому учебному году.

Почти в самом конце появился и Ишмаэль. Он шел медленно, опустив глаза вниз, и выглядел неуверенным в себе и испуганным. Но мисс Керли, которая стояла у главного входа и встречала учеников, взяла его за руку и повела за собой.

Когда они скрылись внутри, у меня сжалось горло. Я поспешил вернуться к пикапу.

Глава 46

Кое-кто соскучился по мне

Когда пришло время обеда, я встретил Сэма у двери, одетый лишь в звуки радио.

— Вижу, ты рад меня видеть, — сказал он с усмешкой.

— Заткнись и поцелуй меня.

Было что-то неоспоримо сексуальное в том, чтобы стоять в чем мать родила, пока он, будучи в костюме и галстуке, обнимал меня прямо на пороге нашего дома.

— Кое-кто соскучился по мне, — заметил он, опустив глаза на мои причиндалы.

— Мне кажется, у меня тикают биологические часы. Если ты не займешься со мной любовью прямо сейчас, мне придется найти кого-нибудь, кто...

— Не переживай, Генри Гуд, — сказал он. — Я знаю в точности, что тебе нужно.

Он увел меня обратно в гостиную, посадил толчком на мягкое кресло.

— Ну что, — сказал он, быстро снимая одежду, — ты, видимо, чувствуешь себя

виноватым за то, что две недели не уделял мне внимания, пока играл со своим новым другом.

— Я был слегка занят, — признал я.

— Но кто еще может сделать вот так? — спросил он, становясь на колени и забирая мое хозяйство в рот.

— О боже, — пробормотал я.

Я не знал, почему я так возбужден, почему он так сильно мне нужен.

— Ну как, помогает? — с улыбкой спросил он, подняв глаза на меня.

— Сам знаешь, что да, грязный ты старикашка.

Позже мы нагишом сидели на кухне и ели сэндвичи с помидорами и колбасой.

— Так хорошо, — сказал Сэм. — Как в прежние времена. До того, как *все это* началось.

— Да.

— Ты в порядке?

— Да не особенно.

— Что случилось?

— Я сегодня расплакался после того, как отослал его в школу.

— С чего вдруг?

— Не знаю. Просто внезапно навалилось столько эмоций. Он такой маленький. Я чувствовал, будто отправляю его в большой, плохой мир, где люди бог знает как его примут.

— Просто ты большой старый добряк.

— Возможно.

— Не успеешь опомниться, как начнешь кормить его грудью.

— Вот еще!

— По-моему, он намного крепче, чем ты о нем думаешь. Почему ты так на меня смотришь?

— Потому что люблю тебя.

— Я это знаю.

— Иногда, Сэм Рейкстро, мне так не кажется. Я так сильно люблю тебя. И извини меня.

— За что?

— Да за все. За Иши. За школу. За кучу расходов. Я знаю, что прошу слишком много...

— Не пори чушь, Хен. Мне нравится, что он живет с нами. Я ощущаю себя его отчимом. И Сэмстер, чтобы ты знал, находит это ощущение замечательным. Так что завязывай со своими дурацкими извинениями. Мы семья. Ты, я и наш маленький мальчик.

— О.

— И знаешь, что? Мне нравится, как это звучит. Мне уже тридцать, Хен, и тебе почти тридцать. Мне нужно нечто большее, чем переписки с развлечениями. Я хочу, чтобы мы с тобой что-то создали. Дом. Семью. Настоящую жизнь. Чтобы не быть парочкой геев, которые все время только и делают, что веселятся.

— Ну, если ты так считаешь...

— Я так считаю.

— В общем, я еще не вносил плату за школу. Как у тебя с деньгами?

Глава 47

Как прошел твой день?

Было почти полчетвертого, когда я услышал, как по Ханисакл-роуд гроыхает школьный автобус. Мы с Шарлой стояли снаружи. Шарли лизала мне руку, а я испытывал поистине родительскую тревогу. Сколько раз мама стояла вот так на крыльце и ждала, когда мы с Сарой вернемся домой? Волновалась ли она о том, как сложился наш день, завели ли мы новых друзей, не ввязались ли в потасовки и не попали ли в неприятности? На обеденном столе нас всегда ждало что-нибудь вкусное. Обычно мама оставляла печенье. Бисквиты. Яблочное пюре или крекеры с сыром. «Но чтобы до ужина больше не крошки», — говорила она — и не шутила.

Сесил остановил автобус напротив ведущей к нашему дому дорожки и помахал мне через открытую дверь, пока Ишмаэль понуро спускался вниз по ступенькам. Потом автобус уехал, и я вышел Иши навстречу.

— Как прошел твой день? — спросил я.

Он смотрел в землю, не отвечая, не поднимая глаз.

— Дружок, все хорошо? — спросил я, когда, приноровившись к его шагу, пошел рядом с ним в сторону дома.

Его губы сложились в мрачную линию. Мне показалось, он сдерживал слезы.

— Иши? Все хорошо?

Он резко остановился, и плотину слез прорвало.

— Эй, — встревожился я. — Что случилось?

Но он, затерявшись в своем собственном мире, словно не слышал меня.

Я сел на корточки, взял его за руки.

— Малыш, что стряслось?

Он зажмурился, чтобы не смотреть на меня.

— Все хорошо, — сказал я, обнимая его. — Что бы там ни было, мы все исправим.

Договорились?

Он надрывисто всхлипнул.

Я забрал у него ланчбокс и рюкзак, завел его в дом и пошел за ним в спальню, где он с убитым лицом сел на кровать.

— Малыш, ну будет тебе. Не может быть, чтобы все было так плохо. Хочешь рассказать, что случилось?

— Я хочу к маме, — простонал он.

— Я знаю.

— Я хочу к маме.

— Знаю, малыш, но ее здесь нет.

— Я хочу к маме!

Я сел рядом с ним, не зная ни что сказать, ни что сделать. Я обнял его, и он ко мне прислонился. Спустя несколько беспокойных минут он затих.

— Давай-ка переоденемся, — предложил я.

Я помог ему снять школьные вещи, напомнил положить грязное в корзину около двери.

— Твоя домашняя одежда лежит в среднем ящике, — сказал я, выдвигая его. — Что ты хочешь надеть?

Он пожал плечами.

— Раз уж тебе грустно, может, наденем вот это? — Я показал ему синие шорты и синюю майку.

Он снова пожал плечами.

— Ты голоден? У меня есть для тебя кое-что вкусное.

На кухне он сел за стол и уставился на тарелку с печеньем, которую я там оставил. Потом взял одно и медленно надкусил. Я налил стакан козьего молока и поставил его перед ним. К моему удивлению, он сделал большой глоток — без единого недовольного слова.

— Так как прошел твой день? — спросил я, садясь.

Он не ответил.

— Тебе понравилась твоя учительница?

Он еле заметно кивнул.

— Завел новых друзей?

Он пожал плечами.

— Ну, это ведь был первый день. Новая школа — тут любой испугается. Все эти новые дети. Новые учителя. Но, хороший мой, все наладится. Я в этом уверен.

Он доел печенье и потянулся за следующим. Видимо, его аппетит пробудился к жизни.

— Шарла скучала, пока тебя не было, — сказал я. — Весь день крутилась возле крыльца, гадая, куда ты уехал. Ей было так грустно! Но потом она услышала, что едет автобус, и так обрадовалась! Ты скучал по ней?

Он кивнул.

— Хочешь с ней поиграть?

Он не ответил.

Потом произнес:

— Дядя Хен?

— Что?

— Мама уже не вернется, да?

Мне хотелось солгать. Сочинить большую, прилизанную, жирную ложь. Предложить полуправду.

— Думаю, нет, мой хороший, — ответил я, чувствуя, как по горлу поднимается ком. — И мне очень жаль. Я знаю, ты скучаешь по ней. Я тоже скучаю. Она ведь моя родная сестра. Но она вряд ли вернется. Мне жаль. Я понимаю, как тебе, наверное, тяжело.

— Кейден спросил, почему я живу с тобой и дядей Сэмом.

— О.

— Он хотел знать, где моя мама. И папа. Я сказал, что не знаю, и он надо мной посмеялся. Он сказал, как можно не знать, где твоя мама и где твой папа? Это глупо.

— Кейден твой друг?

Он пожал плечами.

Глава 48

Какая мне разница?

Нас прервала Шарла, залаявшая на подъехавший автомобиль.

— Это твоя двоюродная бабушка Ширли, — сказал я, хмуро глядя в окно. — Останься здесь. Я выйду поговорить с ней.

Я вышел на крыльцо.

— Хен, я слышала, этот мальчик сегодня был в школе, — объявила тетя Ширли. Шумно дыша, она поднялась по ступенькам и смерила меня цепким взглядом своих карих глаз, который, казалось, пробуравил меня до самой души.

— Сегодня был его первый день, — осторожно подтвердил я.

— Мне звонила мисс Лили. Она, как ты знаешь, работает в школе. Поверить не могу, что ты отдал его в школу.

— А что мне оставалось делать?

— Неправильно это, Хен!

— Что неправильно?

— Что ты знаешь о том, как заботиться о ребенке? Сколько всего я выслушала в бридж-клубе. После того, что сделал твой папа, после того, как Сара забеременела в нежном возрасте тринадцати лет будто какая-то подзаборная потаскуха, после того, как твоя мама смолчала и не вмешалась, а потом из-за этого убила себя... а теперь еще я должна слушать разговоры о том, как мой племянник-гомосексуалист и его так называемый друг растят в этом доме ребенка. Боже помилуй, я не знаю, куда катится этот мир.

Эта женщина так меня утомила, что я не знал, что сказать.

— Хотелось бы напомнить тебе, что я выросла в стенах этого самого дома, — сказала она. — Мой дорогой папа построил его своими собственными руками. Почему он отдал его твоей матери, я понятия не имею, но он бы перевернулся в гробу, если б он узнал, что вы творите. Мне задают вопросы в бридж-клубе. И в женском комитете. Да что там, даже в Абердине, когда я зашла в аптеку, доктор Моррис спросил меня, что происходит. Мало позора вы принесли нашей семье, да, Генри Гуд? Ты считаешь, это нормально — чтобы такой человек, как ты, растил ребенка в доме моего папочки? Ты считаешь, у меня нет права иметь свое мнение на этот счет? Если да, то ты глубоко заблуждаешься.

— Он мой племянник, — твердо ответил я. — Я пытаюсь поступить правильно.

— И давно Гуды стали поступать правильно? В воскресенье к нам на ужин придет пастор с женой. Что, по-твоему, я должна им сказать?

— Что хотите, то и скажите. К вам, тетя Ширли, это никакого отношения не имеет, так что какая вам разница?

— Какая мне разница? — повторила она возмущенно. — Своим образом жизни ты позоришь нашу семью, а мне должно быть без разницы? Ты в каком мире живешь? Может, католикам и плевать на подобного рода скандалы, но лично мне — нет.

Я ничего не сказал.

— Позволь напомнить, что если с тобой что-то случится, этот дом вернется ко мне и моей семье. Мой папочка, отдавая его твоей матери, выразил свою волю достаточно четко. Тебе нельзя его продавать, и когда вы все перестанете жить здесь, этот дом и вся собственность вернется к моей семье. Так что не надо рассказывать мне, будто все, что здесь происходит, не моего ума дело. Все, что касается этой семьи, — мое дело. Не забывай это. А еще не забывай, что по папиной линии я в родстве с судьей Хузером. Думаешь, такой человек, как он, доверит ребенка гомосексуалисту? Я уже сообщила ему, что мы с Гарольдом подумываем подать заявление на опеку, чтобы положить этому вздору конец. Думаешь, он откажет нам с Гарольдом и отдаст опеку над этим ребенком тебе?

— И что вы с ним сделаете? — спросил я.

— Что бы мы с ним не сделали, все будет лучше того, что творите с ним вы, и это чистая правда. Ребенок не должен расти в такой обстановке.

Она развернулась и зашагала обратно к машине.

Я зашел назад в дом.

— Она мне не нравится, — прошептал Ишмаэль, когда она вырулила на дорогу.

— Мне тоже, дружок.

Глава 49

Ко мне заходила мисс Стелла

— Как жизнь, Хен? — спросил шеф Калкинс.

— Нормально, — ответил я.

— Вижу, ты со своим маленьким помощником.

— Да, — сказал я, чувствуя себя неудобно.

Ишмаэль, который стоял рядом со мной, сразу замкнулся, словно ему видеть людей в униформе ему не понравилось.

Субботний фермерский рынок был в самом разгаре. Мы с Ишмаэлем заправляли раскладным столиком, которых здесь было с дюжину, и на нашем лежала груда стручковой фасоли, помидоры и коробочки со свежей клубникой. Шеф полиции Винегар-Бенда восхищенно оглядел наш товар.

— Мама обожает твою клубнику, — сообщил он доверительным тоном. — Может, отложишь пару коробочек для меня? Я при исполнении, так что сейчас купить ее не могу, но загляну после работы.

— Без проблем, — сказал я.

Он долго рассматривал меня каким-то оценивающим взглядом.

— Я так понимаю, новостей по-прежнему нет, — сказал я, чтобы заполнить молчание.

Он покосился на Ишмаэля.

— Как ветром сдуло, — проговорил он рассеянно. — Он пошел в школу?

— Вчера был его первый день.

— Как он справляется?

— Ничего, — сказал я.

— Ко мне заходила мисс Стелла, — приподняв бровь, выдал он.

— О.

— На твоём месте, Хен, я бы держал ухо востро.

— Почему это?

— Она сказала, что если я ничего не сделаю, то за дело возьмется она сама.

— Вот как?

— Ты понимаешь, о чем я.

К сожалению, я понимал.

— Я ответил ей, что нет такого закона, который запрещал бы дяде заботиться о племяннике, — продолжил он. — Но она, похоже, убеждена, что в свете обстоятельств суд может решить по-другому. Ты ведь... сам понимаешь. Я сказал ей, что, если она так считает, то у нее есть право им сообщить. Не знаю, стоит ли волноваться, но я подумал, что тебя надо предупредить.

— Они могут нам что-нибудь сделать?

Он невесело улыбнулся.

— Что это значит? — спросил я.

— Вы с Сэмом не единственная... такая... пара с ребенком. С учетом обстоятельств, я не считаю, что это имеет какое-либо значение, но ей будто шлея попала под хвост. Просто подумал, что тебе стоит знать. Иногда люди вбивают себе что-нибудь в голову и нипочем не

хотят отступить. Я полагаю, ты обнаружишь, что большинство в Бенде относится к вам толерантно, но кто-то, возможно, и нет. Главное, как я уже говорил, не давайте мне повода наведываться в ваш дом. Я, знаешь ли, не забыл прошлый раз.

Я вздохнул несколько тяжелее, чем собирался.

— Помидоры тоже выглядят ничего, — заметил он.

— Могу отложить вам и их, — сказал я.

— Пару фунтов?

— Конечно.

— Как дела, партнер? — обратился он к Ишмаэлю.

Ишмаэль опустил глаза и ничего не ответил.

— Ну, увидимся, — сказал шеф и ушел.

Глава 50

Мисс Ида высказывается

— Божечки, какая клубника! — провозгласила мисс Ида, остановившись напротив нашего столика. — Хен, ты такой садовод, прямо хоть в «Гринпис» тебя продавай.

— Клубника сегодня расходуется быстро, — допустил я.

— Сезон ведь почти закончился, нет?

— Его можно продлить. Требуется немного лишних усилий, но оно того стоит.

— У тебя своя секретная технология?

— Что-то вроде того.

— А у меня клубника никак не хочет расти. Положи-ка мне сегодня четыре коробочки. Сделаю домашнее мороженое для завтрашней церкви. Мне тебя, кстати, не хватало на службе. Ты, верно, думаешь, будто я не заметила, да? Вы с Сэмом, должно быть, заняты со своим новым другом.

Виновато улыбнувшись, я положил четыре коробочки ягод в пакет.

— Ты бываешь на автозаправке «Тексако»? — спросила она, бросив на меня острый, многозначительный взгляд.

— Да уже давненько не заезжал, — сказал я.

— Вот и правильно.

— Почему?

— Ну, Хен, не сочти за злословие, но нам такой народ в Бенде не нужен. Если ты понимаешь, о чем я.

— Прошу прощения?

— Я о «песчаных ниггерах».

— Мисс Ида, серьезно, вам не следует называть...

— Люди их сторонятся, Хен... вот, что я слышала. Оно и понятно. Лично я туда ни ногой. Всегда заправлялась и буду заправляться у Карла. Он и его мальчики, вот они обращаются с тобой по-настоящему хорошо.

— О.

— В том смысле, чего можно ждать от людей, которые рубят другим людям головы?

— Мистер Хасан — католик, — заметил я.

— Так он говорит. Как бы там ни было, от таких людей одни беды.

— Но он католик...

— Ты вспомни, что они сделали 11-го сентября. Направили самолеты в дома... это просто неслыханно! Если они так к нам относятся, то почему не уберутся домой? В свою Монголию, или Тимбукту, или откуда понаехали все эти террористы. Просто в голове не укладывается.

Пока мы разговаривали, подошла очень беременная Вики Лэнс. Она толкала перед собой прогулочную коляску, а следом плелся ее старший ребенок — дочь Грейси Линн.

— Боже, вы только посмотрите, какая фасоль, — улыбнулась мне Вики.

Ее дочь подошла прямо к прилавку, который доставал ей примерно до носа. Она посмотрела на меня поверх горки фасоли и насупилась, словно моя фасоль была так себе. Потом покосилась на Иши и открыто смерила его взглядом.

— Снова ты, — сказала она Ишмаэлю.

Ишмаэль улыбнулся.

— Как вы, мисс Вики? — спросил я.

— Хорошо, Хен. А ты?

— Вроде нормально. Ребенок скоро появится?

— На следующей неделе, — сказала она и, нахмурившись, повернулась к мисс Иде. — Мисс Ида, как поживаете?

— Замечательно, милочка. Ты только взгляни на себя — большая, как дом!

— Я знаю.

— Последняя неделя тяжелее всего, правда, милочка? Когда я носила Говарда, своего первенца, то думала, что он никогда не родится. Наверное, ему было там так хорошо и уютно, что он не хотел появляться на свет.

— Да уж, — без особого энтузиазма ответила Вики.

— А потом — боже правый! — когда он наконец-таки решил появиться, то пошел попкой вперед. Ох, как же мы испугались. Я сказала врачу, что в жизни не решилась бы на ребенка, если б знала, что он пойдет попкой вперед. Но это был Говард, и потом он еще не раз делал все задницей наперед. Господи, ну и намучилась я с этим мальчишкой. Когда он сказал, что перебирается в Мемфис, я вздохнула от облегчения. Конечно, потом он вернулся с поджатым хвостом...

Вики, вздохнув, стесненно мне улыбнулась.

— Милочка, ты в порядке? — спросила мисс Ида.

— Если честно, мисс Ида, мне до смерти надоели разговоры о детях.

— О.

— Я будто ходячая матка. Матка с руками, ногами и головой. Люди глядят на меня, но видят перед собой только матку. Надо, наверное, лечь на стол да раздвинуть ноги, чтобы вы все могли обращаться к ней напрямую, а мне дали передохнуть.

— О, — повторила мисс Ида, и ее брови озабоченно сдвинулись.

— Хотите верьте, хотите нет, но для разнообразия я бы с радостью поговорила о чем-то другом. То, что у меня в матке завелся ребенок, еще не значит, что это всеобщее дело.

— Ох, милочка, — сказала мисс Ида. — Ничего. Малыш скоро родится, все закончится, и, вот увидишь, тебе станет легче. Просто у тебя сейчас большой стресс, но скоро все придет в норму. Что может сравниться с запахом новорожденного малыша, а? Ты должна с нетерпением этого ждать.

— Это девочка, — выдала Грейси Линн из-за горки фасоли. — У меня уже есть один братик. Если у меня будут два братика, то меня точно стошнит. Мальчишки такие придурки.

— Твой брат не дурак, Грейси Линн, — одернула ее мать.

Грейси Линн закатила глаза. Потом посмотрела прямо на Ишмаэля, словно он служил тому доказательством.

— Привет, — тихо проговорил Ишмаэль.

Она скорчила рожицу.

— Я просто не представляю, что буду делать с тремя малышами, — сказала Вики.

— Я уже большая, — взвилась Грейси Линн.

— Тогда веди себя, как большая. Джо Боб думает, будто я завод по производству детей.

Он так счастлив. «Мы снова беременны!» Каждый раз, когда я это слышу, мне хочется врезать ему по лицу. Мы беременны. Я вас умоляю! Что-то не видно, чтобы он день за днем таскал в животе шар для боулинга и ходил в трикотажных штанах, потому что его задница растолстела до размера медвежьей берлоги. Мы беременны. Беременны? Да идите в мою жирную задницу!

— Божечки! — схватилась за сердце мисс Ида.

Вики обычно никогда не ругалась.

— Ты когда-нибудь был беременным, Хен? — спросила Вики.

Я сконфуженно улыбнулся.

— Тебе, по крайней мере, можно не беспокоиться, что какая-нибудь дурочка от тебя залетит. Впору тебе позавидовать.

— Хен теперь присматривает вот за этим маленьким мальчиком, — сказала мисс Ида. Шокированная беседой, она, похоже, отчаянно пыталась направить ее в более знакомое русло.

— Это правда?

— Он мой племянник.

— А сестра твоя где?

— Бог ее знает, — признался я.

— Говорят, она пустилась в бега. Иногда я думаю, а не сделать ли мне то же самое. Взять и сбежать, а свою матку оставить на переднем крыльце, чтобы Джо Боб мог наделать себе еще малышей.

— Ну... — нерешительно протянул я.

— Не стоит мне так говорить, — сказала она, — но если этот ребенок не вылезет в срок, то я не знаю, что сделаю. С Грейси я переходила на две недели, и если так же будет и с этим... не хочу даже думать. Хен, сколько я должна тебе за фасоль?

Глава 51

Что такое карманные деньги?

— Мы богачи, — сказал Ишмаэль, с восхищением наблюдая, как я пересчитываю заработанные нами шестьдесят восемь долларов.

Упаковавшись после закрытия рынка, мы сидели в моем маленьком пикапе.

— Вот твоя доля. — Я протянул ему пару долларов. — Спасибо за то, что был таким хорошим работником. Я бы хотел дать тебе больше, но нам надо платить по счетам.

Он смотрел на два доллара с изумлением, не решаясь их взять.

— Бери, — сказал я. — Ты их заслужил.

— Это правда мне?

— Мальш, тут всего лишь два доллара.

— Но...

— Бери же.

Он взял две купюры и уставился на них в полном молчании.

— Когда тебе что-то дают, надо всегда говорить «спасибо», — напомнил я.

— О.

— Так что надо сказать?

— Спасибо, дядя Хен.

— Пожалуйста, Иши. И знаешь, что?

— Что?

— Я еще не давал тебе карманные деньги.

— Что это?

— Каждую субботу родители выдают своим детям немного денег. У вас дома так не было?

Он покачал головой.

— Пусть это будет пять долларов, — сказал я и вручил ему еще три. — Вот. Это тебе на неделю.

Он, казалось, был поражен самим фактом, что ему дали деньги.

— Правда?

— Твоя мама никогда не давала тебе карманные деньги?

— Нет.

— Это за то, что ты помогаешь по дому, прибираешься, моешь посуду и все в таком духе. Можешь потратить их, как тебе хочется.

— Правда?

— Правда.

— Ого!

— Круто, да?

— Да.

— Лучше спрячь их в карман, так будет надежнее.

Очень бережно он сложил деньги вдвое и с безмерно довольной улыбкой убрал их в карман своих красных шорт.

Глава 52

Это мое!

Мы нашли Сэма на заднем дворе. Он подготавливал квадроциклы, потому что днем мы собирались отправиться на рыбалку. На нем были шорты, которые свободно болтались на бедрах, открывая резинку белья — что напомнило мне о кампаниях под девизом «Подтяните штаны», которые вот уже несколько лет бушевали в городках вроде Бенда, — пара старых кроссовок и все, и при виде его нагой загорелой груди, литых мышц и сильных ног во мне вспыхнула страсть и странная гордость за то, что мне принадлежит такой мужчина, как он. Не то чтобы я сам был несимпатичным — люди, по крайней мере, всегда говорили обратное, — но Сэм... он был очень, очень, очень горяч.

— Всем привет, — окликнул нас Сэм, пока мы выгружали пустые ящики и поддоны.

— Дядя Сэм, а мне кое-что дали! — гордо сказал Ишмаэль. — Показать?

— Конечно, ковбоец.

Ишмаэль выудил из кармана свои пять долларов, и Сэм сразу выхватил их из его маленькой ручки.

— Вот спасибо, ковбоец.

— Они мои! — закричал Ишмаэль. — Отдай, дядя Сэм!

— Сначала поймай меня, — сказал Сэм, пятясь назад.

— Дядя Сэм! Нет! Они мои. Дай сюда!

Они понеслись по двору. По крикам, которые издавал Ишмаэль, было неясно, сердится он или смеется. Сэм позволил поймать себя, и они рухнули на траву. Я поморщился, надеясь, что Ишмаэль не разобьет себе голову и не переломает костей. Крича и хихикая, они стали бороться. Сэм перевернулся на спину, а Иши уселся ему на грудь, требуя назад свои деньги, которые Сэм после долгого ворчания и мычания в итоге вернул.

Победно сияя, Ишмаэль примчался обратно ко мне.

— Он забрал мои деньги, — сказал Сэм обиженно, шагая к нам по двору. — Дядя Хен, он забрал мои деньги.

— Они мои, дядя Сэм, — твердо возразил Ишмаэль и засунул деньги поглубже в карман.

— Дядя Хен, пусть он отдаст! — надул губы Сэм.

— Вы перестанете или нет? — сказал я. — Господи! У меня словно не один ребенок, а два. Мы на рыбалку ехать готовы?

— Я хочу есть, — сказал Ишмаэль.

— Я взял сосиски, — ответил Сэм. — Разложим костер и нажарим гору хот-догов — что скажешь, ковбоец?

— Хорошо, — сказал Ишмаэль.

— Ты поедешь с Сэмстером или со своим дядей Хеном? Предупреждаю: Хен водит как старая бабушка. Если поедешь с ним, то доберешься на место не раньше завтрашнего утра, а там уже придет пора идти в церковь.

Иши хихикнул.

— Поезжайте вперед, — сказал я. — А я пока возьму наши купальные шорты.

— Они нам не нужны, — сказал Сэм.

— Нужны, — сказал я. — И солнцезащитный крем. Твой дядя Сэм всегда его забывает. Он, очевидно, считает, что нам нравится разгуливать красными, как вареные раки.

— Поехали, парень, — позвал его Сэм.

Они уселись на квадроцикл и покатали к реке, но не раньше, чем Сэм сделал лихой поворот.

Я снова поморщился, надеясь, что квадроцикл устоит, и они не...

Мы съели сосиски, потом долго рыбачили, потом пошли плавать. Я заставил Сэма надеть купальные шорты.

— Они нам не нужны, — огрызнулся он, пока мы переодевались. — Хен, мы должны быть собой.

— И мы будем — как только разберемся с опекой. А до тех пор, Сэм Рейкстро, ты будешь держать своего жеребца на конюшне. Теперь все изменилось. Да и потом, мир, по моему, уже достаточно насмотрелся на твою пипку.

— Ладно, мамочка, — тяжело вздохнул он. — Все равно ему не нравится плавать.

— Это ведь мне предстоит отвечать перед судьей.

— Я тоже там буду.

— Ему будут задавать вопросы о нас, знаешь ли.

— Знаю.

— Ну и я не хочу, чтобы кто-нибудь вроде мисс Стеллы пришел и сказал: «О, кстати, я слышала, что они купаются нагишом».

— Что плохого в общении с матерью-природой?

— Сэм, не начинай.

— По-моему, это идиотизм. Радовались бы, что мы выводим его на свежий воздух, и он не сидит целыми днями на заднице, толстая и играя в видеоигры.

— Сэм, просто помоги мне сейчас, хорошо?

— Бэби, я с тобой, ты же знаешь. Я просто говорю свое мнение. Скоро, наверное, заставишь меня еще и в церковь ходить, да?

— Тебе бы не повредило.

— Не понимаю, зачем вообще ты туда ходишь.

— Только не говори, что ревнуешь к моему *невидимому* другу.

— Как по мне, ты только время зря тратишь.

— Слушай, давай не будем, — сказал я.

— Но это нелепо!

— Окей, ты не веришь. Ну и отлично. Дело твое.

— Мне это не нравится, — прямо сказал он. — Они только и делают, что шипят на тебя и называют больным. Как можно с этим мириться?

— У меня есть право отвечать перед своей собственной совестью. Они могут быть не согласны, но это их проблема, а не моя. И я, знаешь ли, не совсем Мария Магдалина.

— Они считают ровно наоборот.

— Я не собираюсь опять заводить этот спор. Иди насади своему сыну червяка на крючок и скройся уже с моих глаз.

Глава 53

Мы заигрались

Когда мы наплавались, я расстелил возле угасающего костра покрывало, намереваясь прикрыть глаза и чуть-чуть подремать. Когда я снова открыл их, время уже близилось к ужину, а солнце садилось.

— Почему вы не разбудили меня? — спросил я, садясь и потирая глаза.

— Мы заигрались, — ответил Сэм.

Они разожгли новый костер. На огне, потрескивая и распространяя по воздуху аромат, лежал большой окунь, частично завернутый в алюминиевую фольгу.

— Хочешь есть? — спросил Сэм.

Я хотел.

— Скоро будет готово.

Лицо и грудь Ишмаэля были красного цвета.

— Ты что, больше не мазал его? — спросил я.

— Ему не нужен солнцезащитный крем.

Я сказал Ишмаэлю стоять смирно и, ворча совсем как когда-то мама, смазал кремом его лицо, спину и грудь.

— Ты будешь проклинать своего дядю Сэма, если это превратится в ожог, — сказал я.

Ишмаэль сел рядом с Сэмом и уставился на него с чудесной улыбкой во все лицо. Они быстро сдружились, говорила эта улыбка. Из нас двоих Сэмстер был добрым дядей.

— Может, споешь что-нибудь? — предложил Сэм.

— Я больше не пою, — сказал я.

— Я уверен, Иши с удовольствием бы послушал тебя. Правда, Иши?

Ишмаэль энергично кивнул.

— И думать забудь.

— Ну пожа-алуйста. — Сэм сделал умоляющее лицо. — Ты разве не помнишь, как раньше мы пели возле костра? Как приносили гитары, делали музыку, сочиняли мелодии...

Я насупился.

— Дяде Хену больше не нравится веселиться, — доверительным тоном объяснил Ишмаэлю Сэм. — Он становится *стареньким*.

— Просто желания нет, вот и все.

— Он утратил свой свет, — продолжал Сэм. — Как-то раз он стриг газон у мисс Иды и переехал свой свет газонокосилкой. Или его слопала мисс Ида. Господь свидетель, она ест все, что не прибито.

Ишмаэль засмеялся.

— И теперь от него осталась только пустая, грустная оболочка...

— Может, хватит уже? — сердито прервал я его.

— Мамочка, ну встряхнись же ты. Прошло столько времени с тех пор, как они...

— Я не хочу обсуждать это перед ним.

— Хен, это история вашей семьи. У него есть право знать.

— Серьезно? Ты собираешься просветить его прямо сейчас?

— Все равно дети в школе ему разболтают. Ты не считаешь, что мы должны...?

Когда от меня не поступило дополнительных возражений, Сэм повернулся к Иши.

— Мама и папа дяди Хена умерли несколько лет назад. Ты это помнишь?

— Немного, — признал он.

Сэм, слава богу, опустил все менее поучительные детали.

— Они были твоими бабушкой с дедушкой.

— Я знаю.

— Тебе тогда было годика три или четыре. Ты помнишь их похороны?

Иши пожал плечами.

— В общем, с тех пор Хену грустно. Раньше у нас с ним была своя группа. Мы сочиняли песни, и пели их, и устраивали концерты. Но теперь ему больше не хочется петь.

— Почему?

— Не знаю, Иши. Он не говорит, почему.

— Он грустит?

— Угу.

— О.

Ишмаэль посмотрел на меня.

— Я не грущу, — сказал я. — Просто... ну, надо же нам платить по счетам. Я должен работать. У меня нет времени валандаться с группой.

— С таким настроением не стать рок-звездой, — сказал Сэм.

— Желанием стать рок-звездой счета не оплатишь. На случай, если у тебя плохо с

памятью, напомним, что большинство наших концертов были благотворительными, и нам не платили. Невозможно платить по счетам, занимаясь благотворительностью.

— Но у нас только-только начало получаться. Мы могли бы поехать в Мемфис, в Нэшвилл, записать демо-альбом...

— Могли бы — как миллион других маленьких групп. А потом — как они же — могли бы умереть с голоду.

— Я всегда находил твой оптимизм очень бодрящим.

— Сэм, если ты облажаешься, то всегда сможешь вернуться домой. Твоя мама оставила твою комнату в точности, какой она была, когда ты ушел. А мне, если я облажаюсь, идти некуда.

— Ты можешь жить у моей мамы вместе со мной.

— Очень смешно.

— Видишь, о чем я? — сказал Сэм Ишмаэлю. — Он испугался, что у нас ничего не получится, и теперь вообще не желает петь. Даже крохотулечную песнюшечку для своего крохотулечного племянника. О, нет! Разве можно! Она же убьет его.

— Отвянь, — сказал я.

— Ты хорошо поешь, дядя Хен? — спросил Ишмаэль.

— Хорошо ли поет дядя Хен? — словно не веря своим ушам, повторил Сэм. — Шутишь? Иши, да он настоящий болотный бог рока. Он залезает на сцену и начинает рычать о топях, о гулящих женщинах, о курении сигарет, и у людей сносит крышу. Он типа нашего болотного Джастина Бибера. Я тебя умоляю! Ангелы сбросили его с неба, потому что завидовали его уменью петь. Сама Адель звонила ему и упрашивала дать урок вокального мастерства. Хорошо ли поет дядя Хен? Господи, Иши!

— Думаю, ты несколько преувеличиваешь.

— А я думаю, что ты задолжал своему племяннику песню. Уж одну-то спеть можно, согласен? Самую маленькую.

— Сэм, я знаю, что ты пытаешься сделать. Я уважаю тебя за старания и знаю, что у тебя самые благие намерения, но если ты не заткнешься, я засуну тебе в задницу ногу так далеко, что ты будешь сосать мой большой палец.

— Не выражайся перед детьми, дорогой. Речь идет всего лишь о коротенькой песенке. Я спою вместе с тобой.

Ишмаэль поднял глаза на меня и предвкушающе улыбнулся.

— Нет, — сказал я и встал. — А теперь оставьте меня в покое.

Я ушел к краю воды и сел к ним спиной.

Глава 54

Почему ты плачешь?

Чтобы побыть в одиночестве, я добрал до песчаной отмели вниз по течению, где долго стоял, обхватив свои плечи, и в подавленном настроении наблюдал за водой.

Я услышал за спиной тихие шаги.

— Дядя Хен?

Обернулся и увидел там Ишмаэля.

— Дядя Хен, ты что, плачешь?

Устыдившись, я просто пожал плечом.

— Ты сердишься на меня?

— Нет, мой хороший. Нисколько.

— Что с тобой?

Я покачал головой, вытер глаза и попытался взять себя в руки.

— Это из-за твоих мамы с папой? — спросил он, становясь рядом и поднимая глаза.

Я кивнул.

— Тебе грустно, потому что ты скучаешь по ним?

Я снова кивнул.

— Я скучаю по маме, — признался он.

Я обнял его одной рукой за голые плечи и притянул к себе.

— Дядя Хен, а ты мой брат?

— Нет, малыш. Я твой дядя. Твоя мама — моя сестра.

— Я знаю. Но мама сказала, что ты мой брат.

— Я не твой брат.

— Но мама сказала...

— Хороший мой, я твой дядя.

— Я знаю. Но я спросился у мамы про папу, и она разозлилась.

— И?

— Она сказала спросить у тебя, раз ты мой брат. Она сказала, ты знаешь.

Я нахмурился, пытаюсь разгадать этот ребус.

— Она так сказала? — спросил я наконец.

— Она сказала, ты знаешь.

— Не понимаю.

— О, — удрученно проговорил он.

— Я твой дядя. — Я сжал его плечи. — Теперь ты будешь жить с нами, так что заодно я буду тебе вроде папы. В тебе, конечно, плавает часть моих генов, но это не делает меня твоим братом. Я твой дядя.

— Но мама сказала...

— Ты, наверное, неправильно понял.

— Я спросил, где мой папа, и она сказала спросить у тебя, раз ты мой брат и все знаешь.

Я снова нахмурился. Его настойчивость настораживала. Зачем Сара ему это сказала? Была под кайфом, наверное, вот и не соображала, что говорит. Можно было не сомневаться, что она наплела ему множество чепухи.

— Я не твой брат. Я твой дядя. Это похоже на брата, только я сильно старше.

— Хорошо, — сказал он.

По его лицу было ясно, что ответ не удовлетворил его.

— Дядя Сэм сказал, пора есть, — проговорил он, беря меня за руку.

Глава 55

Глисты

— Ребята, у вас есть что поесть? — спросил Ларри, убегая от входной двери к раковине, чтобы вымыть там руки.

— Разве у тебя нет своего дома? — спросил Сэм. — Я думал, ты еще живешь с мамой и папой.

— Так это, по-твоему, называется? — сказал Ларри.

Был вечер. Мы сидели на диване и смотрели «Стар Трек». У капитана Кирка были проблемы с трибблами. Ишмаэлю, похоже, казалось, что ничего смешнее он в жизни не видел.

— Знаете, что я сегодня услышал? — спросил Ларри с кухни. — Примерно половина населения мира заражено, цитата, дьявольской троицей.

— Дьявольской троицей? — повторил Сэм, закатывая глаза.

— Именно, — сказал Ларри, возвращаясь в гостиную и по пути тщательно протирая руки влажной салфеткой. — Хотите узнать, что это?

— Не особенно, — сказал Сэм.

— Аскариды, анкилостомы и власоглавы — вот, что называется дьявольской троицей. Нет, ты только представь! У тебя в кишках сидит глист. Паразит, который растет и растет, — их измеряли, они бывают и двух, и трех, и десяти, и двадцати футов длиной. Господи Иисусе!

Ишмаэль, сдвинув брови, вытаращил на Ларри глаза.

— Может, не стоит говорить об этом при нашем ребенке? — предложил я.

— Он должен знать, в каком мире живет, — горячо возразил Ларри. — Если тебя не прикончат нацисты Второй поправки со своими пистолетами и решениями, или ты не расшибешься в лепешку в аварии, то это сделает армия паразитов — вирусы, бактерии, эбола, — ради всего святого, они так и ждут шанса убить тебя. Ужас!

— Почему бы тебе не оставить свои ужасы при себе? — спросил я.

— У Иши внутри может жить двадцатифутовый глист! Одним прекрасным утром ты придешь разбудить его, но под одеялом будет лежать не он, а двадцатифутовый глист, который сожрал его заживо!

— Ты прекратишь или нет? — с нажимом сказал я.

— Ему нужно знать.

— Ларри, пожалуйста, — сказал я ровным, пропитанным предостережением голосом. — Он еще маленький.

— Ты бы проверил его, — настаивал Ларри.

— И как это сделать? Посветить ему фонариком в горло?

— Врач знает, как.

— Кстати, а врач тебя еще принимает? — с улыбкой спросил его Сэм.

— Нет, — печально ответил Ларри. — Он говорит, я попусту трачу его время.

— Не исключено, что он прав, — сказал Сэм. — Слово «ипохондрик» тебе о чем-нибудь говорит?

— Я предпочитаю называть себя хорошо информированным, — чопорно сказал Ларри. — Когда знаешь правду о мире, лучше быть подготовленным ко всем потенциальным угрозам.

— Ты когда-нибудь болел хоть одним из тех таинственных заболеваний, о которых ты столько читаешь? — спросил Сэм.

— Это еще не значит, что я не должен себя подготавливать. Прямо сейчас среди школьников по всему Среднему Западу распространяется загадочная респираторная инфекция. Какой-то энтеровирус. Никто не знает, что это. Так оно, знаешь ли, и начинается.

— Что именно? — спросил я, хотя знал, что не стоит.

— Конец света, — ответил он просто. — Мечь матери-природы за наше высокомерие,

за гордыню и за насилие над живым миром. Появится какой-нибудь крохотный древний вирус, который мы не сможем убить, — и наступит конец.

— Зомби-апокалипсис?

— Возможно, — ответил он. — Почему, ты думаешь, зомби так популярны? Все знают, что они скоро придут.

— Что за чуши тебя учат в колледже? — начал терять терпение Сэм.

— Ребята, у вас есть еда? Я так голоден, что съел бы целую лошадь.

— И подвергнул себя опасности заразиться глистами? — спросил я.

— У вас есть салат?

— Завел бы ты девушку, — сказал Сэм. — Тебе нужно с кем-нибудь переспать.

— Знаешь, сколько бактерий участвует в обмене телесными выделениями?

— Мы могли бы не обсуждать телесные выделения при моем ребенке? — спросил я.

— Почему это он только твой? — сказал Сэм. — Он и мой тоже. Правда ведь, Иши?

Иши кивнул.

— Хорошо. Он *наш* ребенок. Мы могли бы не обсуждать телесные выделения при *нашем* ребенке?

— Ладно, — сказал Сэм. — Ларри, так почему ты не занимаешься сексом? Чтоб ты знал, за такие вещи можно платить, если не получается найти нормальную девушку.

— Я сейчас умру с голоду, — сказал Ларри. — Ребята, у вас что, дома совсем нет еды?

— Мы поели возле реки, — сказал я. — Тебе известно, что существует такая вещь, как рестораны? У них на фасаде висят яркие неоновые вывески. На двери будет еще одна — со словом «Открыто». Внутри подают еду и все прочее. Можно заказать все, что хочешь. Тебе приготовят и принесут прямо на стол. Потрясающее нововведение.

— Сегодня очередь Циллы готовить, — выдал он в качестве объяснения.

Сэм засмеялся.

— Ты бы не смеялся, если б тебе пришлось есть то дерьмо с тофу, которое она любит, — сказал Ларри.

Ишмаэль захихикал, когда капитан Кирк поднял перегородку и оказался в окружении маленькой армии трибблов. Было так приятно слышать, как он смеется, видеть, как он улыбается от уха до уха.

— Ребята, серьезно. Я голоден, — повторил Ларри.

— Ты в духовке не пробовал поискать? — спросил я. — По какой-то непонятной причине там лежит рыба. Готовая и еще теплая. Мы будто знали, что ты к нам зайдешь.

— Спасибо, Хен. Ты лучше всех, — сказал он и потопал обратно на кухню.

Глава 56

Остров сокровищ

— Стой смирно! — распорядился я, покрывая спину Иши толстым слоем солнцезащитного крема.

— Я же не собираюсь на солнце, — жалобно сказал он. — Я иду спать.

— Это чтобы ночью у тебя не горела кожа, — ответил я.

— Ты прямо как пожилая мамаша-наседка, — сказал Сэм, заходя в комнату Иши. В руках у него была книга «Остров сокровищ». — Наседка Хен!

— Не называй меня так.

— Наседка Хен!

— Рейкстро, заткнись.

Ишмаэль, увидев, что Сэм принес книгу, радостно улыбнулся.

— Ты считаешься мне, дядя Сэм?

— Почитаюсь, — ответил Сэм.

— *Почитаю*, — поправил я. — Не поощряй его разговаривать как деревенщина. Мы живем не в Теннесси, знаешь ли.

— Давай, ковбоек, — сказал Сэм, доставая пижаму и помогая Ишмаэлю переодеться. — Пожелай своему дяде Хену спокойной ночи и попутного ветра, потому что мы с тобой будем читать «Остров сокровищ».

— Спокойной ночи, дядя Хен, — сказал Ишмаэль.

Я наклонился и с чувством неловкости чмокнул его в макушку.

— Спокойной ночи, малыш. Не сидите слишком долго.

Ишмаэль счастливо забрался под одеяло, и Сэм сел рядом с ним. Несколько дней назад они начали читать «Остров сокровищ». Иши был очарован пиратами, кораблями и поисками потерянного сокровища.

Пока Сэм читал, я стоял под дверью и слушал.

В отличие от меня, Сэм не стеснялся показывать свою привязанность и любовь. Он то и дело крутил Иши нос, или же щекотал его, или ерошил его шевелюру, или, смеша его, терся своим щетинистым подбородком о его грудь и живот.

Когда пришло время выключать свет, он поцеловал Иши в щеку и сказал — легко, без усилий:

— Я люблю тебя, парень. Ты это знаешь?

— Да, — счастливо сказал Ишмаэль. — Я тоже тебя люблю, дядя Сэм.

— И дядя Хен любит тебя. Очень-очень.

— Я знаю.

— А ты его любишь?

— Люблю.

— Ты будешь хорошим мальчиком?

— Да.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— На мизинчиках поклянешься?

— Как это?

— Мы должны сцепиться мизинцами и принести клятву. Если ты нарушишь ее, тебя сожрут тысяча чудищ — заживо, начав прямо с пятка.

— Нетушки!

— Ну так что, поклянешься? — спросил он, вытянув палец.

Они сцепились мизинцами.

— Клянусь, — торжественно сказал Ишмаэль.

— Молодчина, — похвалил Иши Сэм и снова поцеловал его. — Если что, ты знаешь, где нас найти, верно?

— Да, дядя Сэм.

— Спокойной ночи, малыш.

— Спокойной ночи, дядя Сэм.

Сэм встал.

— Дядя Сэм?

— Да?

— Почему ты спишь с дядей Хеном?

— Потому что люблю его, — сказал Сэм. — Он мой партнер.

— Это значит твой бойфренд?

— Вроде того. Мы вместе уже давно и очень любим друг друга. Мы познакомились в твоём возрасте, когда пошли в начальную школу.

— А вы поженились?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что не можем.

— Почему?

— Потому что в великом штате Миссисипи мальчикам не разрешают жениться.

— Почему?

— Баптистам это не нравится. Но, возможно, когда-нибудь это станет законно, и мы с твоим дядей Хеном поженимся. А теперь спи, хорошо?

— Хорошо.

Глава 57

Это я!

Ночью в какой-то момент я услышал, как около дома притормозила машина. Хлопнула дверца, и Шарла залаяла. Машина сразу уехала.

Встревожившись, я выбрался из постели и побрел в темноте через дом. Было около часа ночи. Стук во входную дверь был внезапным, почти шокирующим.

— Хен, открой! — крикнул голос. — Это я.

Я посмотрел на дверь, и все у меня внутри перевернулось.

Это была Сара.

Глава 58

Призрак из прошлого

Сара влетела в дом, швырнула рюкзак на диван и пошла сразу на кухню, где начала пить из-под крана.

— Иисусе! — волочась за ней, пробормотал я.

— Пить хочу, — сказала она, прервавшись, чтобы глотнуть воздуха.

— Где тебя черти носили?

— О, отъебись. — Она снова припала к крану.

Она выглядела... ужасно. Была грязной. Всклокоченной. Неопрятной. С кожей нездорового серого цвета. С безумным огнем в покрасневших глазах. С чернотой под ногтями. Она стала невероятно худой, почти истощенной. Ее длинные темные волосы были засаленными, свалывшимися.

— Сара, боже ты мой, — проговорил я. — Где ты была?

— У вас есть что поесть? — спросила она. Потом — прямо как делала в детстве —

подошла к холодильнику и распахнула его.

— Нельзя вот так просто врываться и...

— Да иди ты, Генри! — огрызнулась она. — Ты мне не гребаный папочка. И даже не чертова мамочка, хотя бог его разберет, с тем, как ты сохнешь по мужикам, у тебя наверняка есть вагина. Еще сосешь члены, педик?

— Где ты была?

— Кому есть до этого дело?

— Ну, полиции, например.

— На хуй полицию.

— Туда отправишься ты, когда они тебя схватят. Ты оставила своего...

— Бла-бла-бла! — перекрывая мой голос, громко сказала она и, тоже как в детстве, зажала уши руками. — Иисусе, что за кошмар.

Она обшарила шкафчики в поисках чего-нибудь, что по ее мнению было съедобным, и наконец нашла пачку сушек, которую Сэм купил для нашего пикника у реки и которую мы не открыли.

— Неужели так сложно купить в этот публичный дом немного нормальной еды? — рассеянно спросила она. — Я хочу есть, а сушками не наешься.

Я смотрел на нее, и у меня закипала кровь.

— Ты хоть представляешь...

— Мне нужны деньги, Хен.

— Ты думаешь, я дам тебе деньги?

— Просто дай мне чуть-чуть, и я сразу свалю.

— На что?

— Тебе-то какая разница?

— Если я даю тебе деньги — большая.

— Прямо как мамочка с папочкой, — презрительно сказала она.

— Тебя ищет полиция.

— Вот спасибо, Хен. Вам обязательно надо было им сообщить, да?

— Ты оставила Иши совсем одного.

— Я собиралась вернуться.

— Какого черта ты хотя бы не позвонила?

— Я была занята.

— Занята? — не веря своим ушам, повторил я.

— Да, занята. И у меня были проблемы. Господи, ты прямо как мама.

— Сара, где ты была?

— Надо было кое с кем встретиться. Тебе-то какое дело?

— Такое, что у тебя есть ребенок, о котором надо заботиться.

— Да плевать.

— Ты на испытательном сроке.

— Ты теперь что, гестапо заделался?

— Просто невероятно!

— Слушай, Хен, мне нужны деньги. Просто дай мне чуть-чуть. Ну пожалуйста.

— Ну дам я их и что дальше?

— Я сразу свалю.

— Что, и все?

— Да. И все.

— А сын пошел к черту?

— О, я тебя умоляю.

— Тебе совсем на него наплевать?

— Не читай мне нотации, *папочка*.

— Ты его бросила. Одного, на несколько дней.

— Ну, он ведь выжил, не так ли?

— Как ты можешь быть такой бессердечной?

— Как ты можешь быть таким нудным?

— Он твой ребенок!

— Окей, я облажалась. Просто дай мне немного денег, и я сразу уйду.

— Ты не хочешь увидеть его?

— Кого?

— Своего сына. Сара, да что с тобой?

Она плюхнулась на стол и вздохнула. Выражение ее лица словно спрашивало: «Боже ты мой, неужели нам обязательно все это обсуждать?» Мне захотелось избить ее.

— Без меня ему будет лучше, — рассеянно сказала она.

— Лучше быть брошенной своей родной матерью, да?

— Почему никто не удосужился спросить у меня, хочу ли я рожать гребаного ребенка, когда мне было гребаных четырнадцать лет? Господи боже ты мой! Я сама еще была как ребенок.

— Об этом надо было думать до того, как раздвигать ноги.

— Что ты об этом знаешь? — спросила она, сузив глаза. — Что ты, блядь, знаешь об этом? Хен, ты как был бестолковым болваном, так и остался.

— Ты не можешь просто взять и бросить его.

— Тебе обязательно проесть мне мозги? Хен, мамы здесь больше нет, показывать, какой ты замечательный и распрекрасный, больше некому, так что хватит выпендриваться, чванливый пиздюк.

— Ты понимаешь, что тебя снова посадят?

— Пусть сначала поймают меня, — сказала она с надменной, насквозь фальшивой бравадой.

— Единственное, что у тебя можно поймать, это вшей, — сказал я.

— Я не раз и не два отмазывалась от тюрьмы, отсосав офицеру, так что заглохни.

— Думаешь, шеф Калкинс отпустит тебя, если ты ему отсосешь?

— Отъебись, Генри, — сказала она злым, громким голосом. — Иисусе! Ты отстанешь от меня или нет? Я пришла сюда не за лекциями от своего брата-педика. Господи, давай ты заткнешь свой гребаный пидорский рот? Думаешь, после всего, через что я прошла, мне охота сидеть тут и слушать твой чертов пидорский голос?

— Мама? — раздался вдруг тоненький голосок.

Я оглянулся и увидел в проеме двери Ишмаэля.

— Мама! — Он бросился к ней.

— Да что б вас, — вырвалось у нее.

— Мама, — простонал Ишмаэль. Его лицо уже было мокрым от радостных слез. — Почему ты ушла?

На кухню влетел одетый в одни подштанники Сэм.

— Я услышал голоса, — сказал он встревоженно. Он, похоже, испытал шок, увидев здесь Сару. — Сара, где, черт возьми, ты была?

Ишмаэль плакал навзрыд у матери на плече.

— О, господи, Иши, — рывкнула Сара. — Не задуши меня.

— Мама! — воскликнул он, вцепившись в нее еще крепче.

— Иши, все.

Она отлепила его от себя. Мне было видно, что там, где она вдавила свои пальцы в его красную кожу, остались белые пятна.

— Хватит ныть! Иисусе.

Его лицо будто схлопнулось. Он закусил губу, отчаянно пытаясь сдержать слезы.

— Не кричи на него, — сказал я.

— Не говори мне, что делать.

— Он всего лишь ребенок.

— И этот ребенок все нервы мне вымотал, нытик проклятый!

— Сара, прошло почти две недели. Мы от беспокойства чуть с ума не сошли.

— Мама? — проговорил Ишмаэль.

— Что? — зло сказала она.

— Мама, я буду хорошим, — тихо сказал Ишмаэль. — Я люблю тебя, мама. Мама, пожалуйста! Я люблю тебя. Я больше не буду плохим. Я стану лучше. Я не плохой ниггер.

— Иши, ты отстанешь с меня или нет? Сгинь с глаз долой. Мама устала. Только этого дерьма мне сейчас не хватало. И сколько чертовых раз тебе повторять, что нет такого слова «лучше»? Господи боже, когда уже ты скроешься с глаз? Ты же знаешь, я терпеть не могу, когда ты так лезешь.

Он отступил от нее, опустил глаза.

Я взял его за руку.

— Да что ты за человек? — гневно воскликнул я, внезапно возненавидев ее раскаленной добела ненавистью.

— Хен, просто дай мне немного денег, и все. Это меньше, что ты можешь сделать.

— И что это должно значить?

Она медленно покачала из стороны в сторону головой.

— Когда-нибудь ты прозреешь и увидишь, что у тебя перед носом. Мне бы очень хотелось попристутствовать рядом, когда до тебя наконец-то дойдет, что твоя распрекрасная ебаная семья — не более чем распрекрасная липа. Господь свидетель, ты делаешь все, чтобы это не замечать.

Я молчал.

Ишмаэль повернулся ко мне и уткнулся лицом мне в живот, плача так тихо, словно боялся, как бы его не услышали.

— Как ты можешь так обижать его? — спросил я.

— Хен, какой же ты бестолковый.

— Я не понимаю.

— Я знаю. И так было всегда. Ты видишь только то, что тебе хочется видеть.

— И что это значит?

— У меня нет времени на гребаные двадцать вопросов. Ты дашь мне немного денег или что?

— А как же он?

— Мне плевать. Ты меня слышишь? Срать я хотела. Сунь его в пластиковый мешок и утопи в чертовой речке вместе со всеми остальными детьми, которые нахер никому не нужны.

— Как ты можешь так говорить? Он твой сын!

— Нет, не мой.

— Сара, какого черта?

— Он никогда не был моим. Лично я вообще ничего этого не хотела.

Я в замешательстве уставился на нее.

— Хен, меня изнасиловали. И мама настояла, чтобы я родила. Это *ей* было нужно. Ей и папочке, но не мне. Меня никто не спросил. И у меня сил больше нет притворяться. Я больше не стану мириться с этим дерьмом. Извини, но с меня хватит. Осуждай меня, сколько влезет. Мне все равно.

— Ты никогда не говорила, что тебя изнасиловали. И он в этом не виноват.

— Я знаю, что нет, и мне очень жаль, но я больше не могу выносить этот ад.

— Почему ты мне не сказала?

— Что именно? Что я хотела утопить своего ребенка в толчке, потому что видеть его не могла? Что я должна была тебе рассказать?

— Мы могли бы помочь.

— Хен, ты просто не понимаешь. Вообще ничего. Я хочу, чтобы все кончилось, чтобы этот ебанный бесконечный кошмар, который длится уже восемь лет, наконец-то закончился. Так что просто дай мне немного денег, и я сразу уйду.

— Ты не говорила, что тебя изнасиловали.

— Ну так я говорю это сейчас, разве нет?

— Почему ты не сказала нам сразу?

— Я не могла, Хен. Не могла, понимаешь? Он сказал, что убьет меня.

— Мы могли бы помочь.

Она покачала головой — как-то печально, сердито.

— Я не понимаю, — повторил я растерянно.

— Ты ничем не мог мне помочь, — после долгой паузы сказала она. — И никто не мог мне помочь.

Она подняла лицо, и я, к своей неожиданности, увидел в уголках ее глаз слезы. Обхватив себя, она рассеянно почесывала открытую кожу.

— Иши может остаться у нас, — сказал я. — Мы договоримся о помощи для тебя. Необязательно жить такой жизнью.

Она покачала головой.

— Почему ты отказываешься?

— Ты дашь мне, наконец, деньги? — вставая, спросила она.

— Сара, пожалуйста. Он не видел тебя две недели. Он с ума сходил без тебя.

— Прости, Хен, — сказала она, и ей, кажется, было искренне жаль. — Я бы очень хотела все объяснить, но ты должен додуматься сам. Да и все равно ты не поверишь, если я расскажу.

— Расскажешь мне что?

Она достала сигаретную пачку.

— У нас дома не курят, — сказал я.

— Да похер. — Она прикурила и выпустила длинную струю сигаретного дыма. — Так

ты дашь мне немного денег?

— А как же Иши?

— Хен, сколько раз еще повторить, что мне поебать? У тебя что, кукуруза в ушах? Мне насрать! Ты меня слышишь?

— Ты так не считаешь.

— Не смей говорить мне, что я считаю, или чувствую, или думаю, или пытаюсь открыть мне глаза хоть на что-то еще в этом растреклятом, гребаном мире. Последнему человеку, который попробовал рассказать, что я чувствую, за его беспокойство жопу снесли.

Я умолк. Оглянулся на Сэма, губы которого были сжаты в мрачную линию.

— Так что насчет денег? — не унималась она.

— Мы ничего тебе не дадим, — сказал Сэм.

— Гомосек, я, по-моему, не к тебе обращаюсь.

— Сара, тебе нужна помощь, — проигнорировав ее грубость, произнес он.

— От тебя мне ничего не нужно.

— Мы вызываем полицию, и мы со всем разберемся, — продолжал Сэм, его голос и поведение были профессиональными, деловыми.

— Может, лучше отлужишь мне? Или так, или деньги. Выбирай. Я не могу торчать тут всю ночь.

— Ты в этом уверена? — спросил Сэм.

— Слушай, заткни свой ебанный рот, — огрызнулась она, становясь агрессивной. — Я пришла сюда не затем, чтобы болтать с тобой, гомосек! Не твое проклятое дело, чем я там занимаюсь. Кто ты такой вообще, гребанный педик? Хен мой брат.

— Можешь называть меня педиком сколько угодно — меня это не задевает. Ты просто демонстрируешь свое собственное невежество, вот и все. Так что продолжай в том же духе.

— Обязательно, говномес. Много задниц отлизал в последнее время?

— Тебе что за дело?

— Какие же вы мерзкие, чертовы педики.

— Будет проще, если ты сама сдашься полиции, — сказал Сэм.

— Сдамся за что?

— Хотя бы за пренебрежение родительским долгом.

— Слушай, Хен. — Она повернулась ко мне. — Мне нужны деньги. И мне надо закинуться. Хотя бы чуть-чуть. Прямо сейчас. Мне очень, очень нужно сделать это прямо сейчас. Хен, ну пожалуйста. Помогите. Ну нет у меня времени на всю эту мутотень. Просто помогите мне, и я сразу исчезну. Ты мне брат или нет?

Я ничего не сказал.

— Тебя никогда не было рядом, когда мне было надо, — горько произнесла она.

— Ты заблуждаешься, если думаешь, будто мы дадим тебе деньги, чтобы ты купила наркотики, — сказал Сэм.

Я взглянул на него. Он, похоже, нарочно выводил ее из себя. Увидев, что я смотрю, он без слов выгнул бровь. *Подыграй*, говорила она.

— Тебе-то что? — бросила Сара.

— На наркотики я тебе денег не дам, — сказал я.

— Мне просто нужно немного закинуться, вот и все! — с жаром провозгласила она. Обнимая свою щуплую грудь, она нервно, несчастно расчесывала голую кожу. — Хоть чем-нибудь. Хоть чуть-чуть, чтобы немного поправиться. У меня сейчас тяжелые времена. Да

только всем наплевать. Но мне надо, хотя бы немного... Хен, пожалуйста, черт побери, я тебя умоляю.

— Ты должна бросить, — сказал я.

— Да что ты об этом знаешь? — закричала она.

— Говори потише. Ты пугаешь его.

— Мне поебать! — рывкнула она. — Ты меня слышишь, а? Хоть кто-нибудь в этом чертовом доме слушает, что я говорю?

Ишмаэль все смотрел на нее, на его лице был испуг.

— Чего уставился? — окрысилась она. — Не смотри на меня, убьешь ты маленький!

Ишмаэль зарылся лицом мне в живот.

Я крепко обнял его, показывая, что все хорошо, что я его защищу.

— Сара, ты должна сдать полицию, — произнес Сэм. — И обратиться за помощью.

Есть люди, которые могут помочь тебе.

— Мне никто не может помочь.

— Тебе нужна помощь.

— Мне нужно немного гребаных денег. Господи, я не шучу!

Внезапно она сорвалась с места и побежала в гостиную, к рюкзаку, словно собиралась выхватить оттуда оружие или сделать что-то столь же нелепое.

Сэм мигом метнулся за ней и успел поймать ее за руку до того, как она добралась до рюкзака.

— Отстань от меня! — закричала она.

— Тебе нужна помощь, — повторил он ровным, серьезным тоном.

— Хен, скажи ему, чтобы он убрал от меня свои чертовы руки.

— Мы вызываем полицию, — сказал Сэм.

— Хера с два ты их вызовешь.

— Я им уже позвонил. Ну и что ты теперь будешь делать?

Она извивалась, вырываясь из его хватки, пока Сэм насильно укладывал ее на диван.

— Отцепись, кусок говна ты обконченный. Хен, убери от меня своего ебучего педика.

Господи! Гомосеки проклятые.

— Не подпускай ее к рюкзаку, — встревоженно оглянувшись, предостерег меня Сэм.

Я взял рюкзак и приставил его к стене, подальше от Сары.

— Блядь, я убью тебя Хен! — Она безуспешно пыталась выбраться из-под Сэма. —

Убери от меня своего педика. Господи боже мой! У меня, чтоб ты знал, есть права.

Я смотрел, как они борются на диване. Сара — в ее плачевном состоянии — не была для Сэма соперником. И тем не менее, это было уродливо, то, как он доминировал, силой удерживая ее.

— Сэм, — предостерегающе заговорил я. — Не надо...

— Полиция уже едет. Я уже вызвал их, — сказал он через плечо. — Включи на крыльце свет.

Не успел я добраться до двери, как увидел вдали мельтешение синих огней.

— Ты вызвал гребаных копов? — ошеломленно спросила Сара. — Ты, блядь, сдаешь меня?

— Тебе нужна помощь, — сказал Сэм прежним терпеливым, собранным голосом.

Она закричала. Но не обычным криком. В нем было что-то первобытное, звериное, лютое.

Ишмаэль в ужасе вцепился в меня.

— Хен, помоги! — крикнул Сэм, снова оглянувшись через плечо.

Я схватил Сару за правую руку и, пытаясь помочь усмирить ее, потянул вниз, но она была сильной, поразительно сильной. Она визжала и выла, как если бы умирала.

— Мама! — простонал у меня за спиной Ишмаэль. — Мама.

— А-а-а-а-а, — завывала она, содрогаясь в попытках подняться с дивана. На ее губах проступила пена, лицо стало мертвенно-белого цвета.

Внезапно в дом ворвался шеф Калкинс со своими помощниками.

Ишмаэль кинулся ко мне. Я обнял его, преисполненного страдания, и отвернул в сторону, чтобы он не видел, как его мать уводит полиция.

Глава 59

Не будьте слишком уверены

Когда мою сестру увели, Калкинс и один из его помощников — тромбонист Тим Миллер, с которым я всю школу просидел рядом в классе оркестра и который не особенно жаловал гомосексуалистов — остались, чтобы нас опросить.

Я держал на коленях Иши. Он всхлипывал, уткнувшись мне в шею, и его слезы все текли и текли, словно их источником был бездонный колодец.

Мы прошлись по всему, что я вспомнил — не один и не два раза, а три. Судя по всему, Калкинс выискивал информацию. Какую — я понятия не имел. Видимо, пытался определить, с кем была Сара, с кем контактировала, где именно и кого еще можно арестовать.

Допрос напомнил мне о том, как он приходил сюда после смерти мамы и папы. Много раз и всегда задавая вопросы — одни и те же, только по-разному сформулированные, потому что мои ответы явно не удовлетворяли его, и взгляд его глаз говорил, что здесь произошло нечто большее, нежели я утверждаю.

— Я поговорил с социальным работником, которого к нему приписали, — сказал Калкинс, когда они собрались уходить. — С той Дарлин Уилсон.

— Ясно, — ответил я, гадая, зачем он счел нужным об этом упомянуть.

К этому моменту Ишмаэль забылся измученным сном.

Тим Миллер настороженно наблюдал за мной с табуретки. Мне не нравилось то, как он смотрел на меня. И не нравилось, как он периодически косился на Сэма. Я прямо-таки слышал, как у него в голове скрипят шестеренки.

— Ничего еще не закончилось, Хен, — негромко проговорил Калкинс. — Я имею в виду, что на вашем месте я бы не стал сильно привязываться.

— И что это значит? — спросил я.

— Ну, вы с Сэмом живете тут вместе...

Он умолк, словно это было достаточным объяснением.

— Я его дядя, — сказал я.

— Просто есть вещи, насчет которых пока ничего непонятно, — ответил он.

— Кроме меня, у него практически никого больше нет, — заметил я.

— Иногда им нравится вмешиваться в подобные вещи, — сказал он.

— Кому «им»?

— Хен, я лишь пытаюсь сказать, чтобы вы придержали надежды. Не привязывайтесь к

нему. Они могут решить, что Ишмаэлю будет лучше не здесь, а где-то еще. В конечном итоге это судье предстоит решать, что случится и что по его мнению лучше всего.

— И почему же ему будет лучше где-то еще?

— Не думаю, что это следует объяснять.

— А я думаю, следует, — с нажимом ответил Сэм. — Ни для кого не секрет, что мы с Хеном трахаемся с десятого класса. Все это знают. Но я не понимаю, какое отношение это имеет к чему бы там ни было.

— Судья может посчитать по-другому, — выдал Калкинс.

— К вам снова приходила мисс Стелла? — спросил я.

— С чего ты решил, что ко мне ходит только она? — с грустной улыбкой проговорил он.

Глава 60

Тост-солнышко

— Я сделал тост-солнышко, — сказал я. — Будешь?

Ишмаэль не ответил. Он сидел, уставившись в стол, и в нем не было ни жизни, ни энергии, ни самой маленькой искорки. Он казался потерянным, дезориентированным.

— Ну же, ковбоек. — Сэм потрепал его по плечу. — Перед тем, как идти в церковь, нужно поесть.

Он молчал.

— Ради своего дяди Сэма?

Тишина.

Сэм взглянул на меня. Его глаза были полны беспокойства.

Я положил тост на стоящую перед Иши тарелку и придвинул кленовый сироп так, чтобы он мог до него дотянуться.

— Давай, мой хороший. Ты должен поесть. Иначе ты заболеешь.

Он продолжал смотреть в стол.

— Может, сегодня останетесь дома? — предложил Сэм.

— Мы пойдем на мессу.

— Может, у него не то настроение, чтобы...

— Мы пойдем на мессу, — повторил я.

Глава 61

У тебя имеется друг

— Слышал о твоей сестре, Хен, — сказал после мессы Джо Гэллант, пока мы с Ишмаэлем пытались пробраться к выходу. — Вот беда-то, да?

Джо Гэллант был олдерменом четвертого округа и не относился к тем людям, которых я рассматривал, как возможных друзей. Мы посещали одну и ту же церковь, изредка обменивались любезностями и как-то раз сидели рядом на церковном обеде — таков был масштаб нашего взаимодействия. Насколько я знал, мистер Джо — хотя ему было под сорок — ни разу не был женат, хотя часто появлялся на службе с той или иной «подругой» под ручку. Он был немного коротковат, со слегка выпученными глазами и слишком мясистым ртом, но непривлекательным я бы его не назвал. Броские часы на запястье и массивное золотое кольцо на мизинце намекали, что он был при деньгах.

Я опустил гитару и переключил внимание на него.

— Калкинс взял ее за хранение. Кажется, льда, — прибавил он.

— Где вы об этом слышали?

— В Бенде происходит не особо много такого, о чем я бы не знал, — допустил он. — И, конечно, ей вменяется пренебрежение родительскими обязанностями. Плюс владение огнестрелом. Список можно продолжить.

— У нее было оружие?

— Пистолет. Как я слышал.

Я опустил глаза.

— В общем, Хен, я подошел не затем, чтобы почесать языком, а чтобы сказать, что у тебя имеется друг — на случай, если он тебе нужен.

Я не знал, что делать с его заявлением, и потому промолчал.

— Насчет него есть кое-какие вопросы, — прибавил он. Покосился на Ишмаэля, затем вновь повернулся ко мне. — Сам-то я думаю, что людям не следует лезть в чужие дела. Но опять же, я их олдермен, так что они, как правило, звонят мне, когда им что-то приходит на ум.

Я правда не знал, что на все это ответить. Он, похоже, прощупывал почву, но с какой целью, я понятия не имел.

— Много, наверное, на тебя навалилось, — допустил он.

— Вот ты где, Иши! — Сестра Асенсьон, выхватив Иши взглядом, направилась к нам через широкий церковный вход. — Нам в молодежной группе тебя не хватало.

Ишмаэль закусил губу.

— Что случилось? — Сестра, нахмутив брови, перевела взгляд на меня.

— Сару арестовали, — ответил Гэллант.

— О, боже, — воскликнула сестра. — Ишмаэль, ты в порядке?

Он насупился и отвернулся.

Из ближайшей к нам двери вышла мисс Стелла Кросс. Она перехватила мой взгляд.

— Я слышала о... в общем, о том, что случилось, — сказала она срывающимся от расправившей ее энергии голосом. — Теперь, возможно, ситуации можно будет придать более приемлемый поворот.

— Прошу прощения? — сказала сестра Асенсьон.

— Пора принимать меры, — заявила мисс Стелла.

— Они *уже* приняты, — сказала сестра.

— Он должен жить в нормальных условиях.

— Он уже живет в нормальных условиях, — возразила сестра.

— В приличном доме, — продолжала мисс Стелла. — Наверняка найдется приятная пара, которая...

Сестра фыркнула.

— О нем уже заботится приятная пара.

— Я считаю, что мы обязаны руководствоваться интересами мальчика. С учетом того, что его мать в тюрьме, суду придется принять решение. Все зашло чересчур далеко. И события прошлой ночи только усугубили дело. Ребенок не должен видеть, как его мать уволакивают офицеры полиции.

— Я не знал, что Сара приедет, — сказал в свое оправдание я.

— Ты обязан был понимать, что однажды она объявится. Она или ее дружки, или бог

знает кто еще, если вспомнить, с кем она водится. Ребенку небезопасно находиться в подобной среде. Не хочу никого оскорбить, но я на самом деле считаю, что мы должны действовать, исходя прежде всего из интересов ребенка. После того, что сотворили твои родители, и с учетом того, кто ты такой... и того образа жизни, который ты выбрал... Хен, серьезно, о чем ты только думаешь?

— Не знаю, о чем думает Хен, — сказала сестра, — но я думаю вот что: мы должны научиться поддерживать друг друга в трудные времена и предлагать любую посильную помощь.

— Я и пытаюсь помочь, — сказала мисс Стелла. — И я думаю об учении церкви касательно семьи и правильного воспитания детей, за что не собираюсь приносить извинений. Мы игнорируем ее постулаты себе же в ущерб. На свете есть миллион матерей-одиночек, которые скажут вам то же самое. Ребенку нужен приличный дом с нормальной матерью и нормальным отцом. Церковь никогда не говорила другого.

— Семьи бывают разные, — возразила сестра. — Есть приличные, есть не очень, но те, и другие заслуживают, чтобы им помогали.

— Сестра, я знаю, у вас либеральные взгляды, но, если не брать в расчет «Монашек на автобусе» и все в таком духе, я не верю, что мы помогаем людям, когда потворствуем поведению, которое явно противоречит учению церкви. (*«Монашки на автобусе» — так называется группа радикально настроенных монахинь, которые придерживаются взглядов, не совпадающих с официальной позицией Ватикана /на аборты, повторные браки, гомосексуализм и так далее/ и, путешествуя на автобусе по США, выступают против социальной несправедливости — прим. пер.*)

— Каким образом то, что Хен заботится о племяннике, противоречит учению церкви?

— Вы знаете, что я имею в виду.

— О да, мисс Стелла, боюсь, тут вы правы.

— Отец Гуэрра не разделяет ваших либеральных взглядов на дело.

— Отец Гуэрра, вне всяких сомнений, волен иметь свое мнение.

— Другими словами, вы считаете, что я педофил, — сказал я, внутренне съезжившись от неловкости и какого-то ошеломленного недоверия.

— Честно говоря, я не знаю, что еще думать, — заявила она. — Генри, ты ведь и сам понимаешь, насколько ты непригоден. Таким, как ты, нельзя находиться рядом с детьми. Это же ясно, как день.

— И что, так думают все? — спросил я.

— Конечно же нет, — отрезала сестра Асенсьон.

— Естественно, да! — гневно возразила мисс Стелла.

К этому времени вокруг нас собралась небольшая толпа прихожан, привлеченных нашими сердитыми голосами. Даже отец Гуэрра переместился поближе. Его облачение, пока он шел, колыхалось, словно по церковному крыльцу гулял ветерок.

Мне было до крайности не по себе. Хотелось, чтобы бетонные ступеньки разверзлись и поглотили меня. Я открыл было рот, чтобы что-то сказать, как-то ответить, постоять за себя — но смог воспроизвести только короткий стон.

— Мисс Стелла, это так недостойно, — сказала сестра Асенсьон — резко и очень не по-христиански разгневанно.

— У меня есть своя точка зрения, и я имею право заявить о ней вслух. Я говорю лишь то, что очень многие думают, но боятся сказать. Мальчику нужен нормальный дом, а не

парочка «голубых», которые бог знает что планируют с ним сотворить. У нашего терпения есть предел. Отец, я права?

— Дамы, — сказал отец Гуэрра с этим своим легким акцентом. — Такие вещи, пожалуй, следует обсуждать не при всех.

— Я говорю то, о чем все прочие думают, но боятся сказать.

— Мисс Стелла, при всем уважении, но мне думается, что вы ошибаетесь, — внезапно сказал мистер Джо.

Я забыл, что он на моей стороне.

— Лично я ничего такого не думаю, — продолжил он, сильно, по-южному растягивая слова. — И мне думается, что найдется много народу, который тоже так не считает и которому не особо понравился бы тот тон, каким вы разговариваете с этим молодым человеком. Вы, мисс Стелла, похоже, предполагаете, будто бы одно то, что этот парень гомосексуалист, делает его заодно педофилом. Я бы напомнил вам, что научного подтверждения вашему заявлению нет.

— Мистер Джо, я понимаю, что вы олдермен, и я уважаю вас за службу нашему городу, но мне не кажется, что вы компетентны в данном вопросе. Мы говорим об учении церкви, а не о каких-то там либеральных тезисах, которые вы вычитали в «Нью-Йорк Таймс». Мы говорим о том, что либеральная пропаганда разрушает семьи нашего города и нашей страны, и я, например, этого не потерплю. Я не стану молча смотреть, как этого мальчика развращает заблудший дурак, который считает, что люди должны принимать его и одобрять все его глупости.

— Как по мне, мисс Стелла, семью тут разрушаете вы, — с улыбкой ответил он.

— Я пытаюсь спасти это дитя.

— Спасти от чего? От жизни с людьми, которые любят друг друга и хотят принять его в свою семью?

— Они извращают традиционные семейные ценности, и нам нельзя с этим мириться. — Она разве что не кричала.

— Семьи, мисс Стелла, бывают самые разные.

— Ущербные семьи, — огрызнулась она. — Да-да, именно так! В мире много самых разных ущербных семей — благодаря вот таким вот людям, как вы, которым не хватает смелости постоять за порядок.

— Дамы и господа, пожалуйста, — вмешался отец Гуэрра, поднимая ладони. — Я все-таки полагаю, что мы, будучи братьями и сестрами во Христе, должны обсуждать такие вопросы в частном порядке.

— Прекрасно! — огрызнулась мисс Стелла. — Как скажете. Вы сообщили Генри, что на следующем собрании приходского совета мы собираемся обсудить его участие в хоре? Я лично прослежу, чтобы этот вопрос был рассмотрен в надлежащем порядке, что пора сделать уже очень давно. Генри, собрание состоится в пятницу вечером, и я думаю, тебе стоит там быть.

Сестра Асенсьон бросила на меня несчастный, страдальческий взгляд. Отец Гуэрра не смотрел в мою сторону.

Я молча подобрал с пола гитару, взял Ишмаэля за руку и ушел.

Глава 62

Тишина в кафе

— Как ты, малыш?

Ишмаэль не ответил. Как и я, он держал в ладонях шоколадный коктейль. Я пытался успокоиться и собраться с мыслями.

Он не хотел говорить ни о своих чувствах, ни о вчерашней ночи, ни о своей матери, ни о том, где она, что с нею будет, в чем ее обвиняют, где держат и какие у него по этому поводу чувства. И я понятия не имел, что он вынес из разговора на церковных ступеньках.

— Хочешь поговорить об этом? — спросил я.

Он покачал головой — едва уловимо. Я не заметил бы, если б не смотрел на него. *По крайней мере, он слушает. По крайней мере, он меня слышит. Когда он будет готов, тогда и заговорит.*

— Люблю я эти коктейли, — сказал я, чтобы завязать разговор.

Он, словно отвечая, прихлебнул из стакана.

— Твоя мама больна, — как бы между прочим проговорил я. — Ты ведь знаешь об этом, верно? Ей плохо. Она сейчас не в своем уме. Когда люди связываются с плохими вещами вроде наркотиков, они становятся чуть-чуть сумасшедшими. Твоя мама... то, что она сказала вчера... Иши, это неправда. Она не понимала, что говорит. Я надеюсь, что скоро она попадет к врачу. Быть может, он ее вылечит.

Он ничего не сказал.

— Я знаю, что она тебя любит.

Тишина.

— Ты в порядке? Вкусный коктейль?

Он еле заметно пожал плечом.

Глава 63

До чего дошло дело

Во время ужина Шарла залаяла, и я пошел к двери посмотреть, кто приехал.

Калкинс припарковал свой патрульный автомобиль — сбоку на нем было написано: «Шеф полиции Джим Калкинс» — рядом с моим маленьким побитым пикапом, медленно вылез наружу и наградил меня долгим взглядом.

— Ну, Хен... — сказал он.

Видишь, до чего дошло дело, казалось, говорил его взгляд.

— Да, — согласился я.

— У Сары большие проблемы.

— Я знаю, — ответил я.

— Твоя сестра — бегунок.

— Кто?

— Наркокурьер. Перевозила наркотики через границу штата и в Алабаму. Она клянется, что ничего про это не знала, просто ехала с тремя мужчинами, с которыми познакомилась в баре. Так оно или нет, но она и ее приятели устроили в Маскл-Шоалс потасовку. В итоге человек был застрелен. Мы получили запись с камеры наблюдения, на которой есть и она, и подозреваемые, и жертва. Они встретились в магазине. Это случилось две недели назад. Может, потому она и ушла тем вечером и не вернулась.

Я слушал все это в полном молчании.

— Еще мы взяли ее на хранении. Предположительно льда.

— Она умоляла помочь ей деньгами, чтобы купить себе что-нибудь, — сказал я. —

Почему она не приняла то, что у нее было с собой?

— Не знаю, — просто ответил он. — Может, она сидит не на льде.

— Я даже не знаю, что это — лед, — признался я.

— Элитная версия метамфетамина. От него дольше эффект. Он чище, как они говорят, не то, что всякая разбодяженная чепуха. И намного дороже.

— О.

— Когда придут результаты анализов на токсины, нам станет яснее, что именно она употребляет. Конечно, она десятью разными способами нарушила свой испытательный срок. Добавь сюда обвинения в пренебрежении родительскими обязанностями и создании угрожающей ситуации для ребенка, и получится полный абзац. Просто подумал, что стоит держать тебя в курсе дела. Завтра утром ей будет предъявлено обвинение, и я не удивлюсь, если за нее назначат сто тысяч залога, а то и больше. Если захочешь с ней повидаться, то она будет в окружном изоляторе.

— Спасибо.

— Как ее мальчик? Нормально?

— Ну, сегодня он немного тише обычного.

— Мне очень жаль, Хен. Честное слово. Не люблю, когда вмешивают детей. Дети бесценны. И тем не менее. Лучше принять меры сейчас, пока он еще маленький.

Посвятив меня в курс дела, он, однако, не спешил уходить.

— Что-то еще? — спросил я.

Он сделал глубокий вдох.

— Знаешь, Хен, дело твоих родителей... оно ведь еще открыто.

— Еще открыто?

— Я не удовлетворен, Хен.

— Чем именно?

— Думаю, ты сам знаешь, чем.

— Шеф Калкинс, я понятия не имею, о чем вы. Моя мать убила отца. Потом убила себя. Я пришел домой и нашел тела. Вот и все, что я знаю.

Он пристально посмотрел на меня этими своими бульдожьими глазами, словно прикидывая, верить мне или нет.

— Я не имею ни малейшего представления о том, что вы имели в виду и что пытаетесь выведать. Может, просто скажете прямо?

— Одной из тем, возникших по ходу наших с Сарой бесед, была личность отца ее мальчика, — выдал он.

Ничего больше он не сказал, и его слова остались висеть между нами точно наживка.

— И? — сказал я.

— Ты не знаешь его?

— Она никогда нам не говорила.

— Хен, к чему тебе играть в эти игры?

— Сэр, ни в какие игры с вами я не играю. Я предполагал, что она родила от какого-то знакомого парня и не захотела создавать ему неприятности. Я миллион раз спрашивал ее, кто отец. Я умолял, чтобы она рассказала, обещал помочь выбить из него алименты. Ну или чтобы Иши, по крайней мере, знал, кто его папа. Но она так и не рассказала. Насколько я

знаю, ни мне, ни другим. Она точно не говорила, что ее изнасиловали. И вообще, я не понимаю, какое отношение это имеет к маме и папе?

— О, Хен, я думаю, очень большое.

Он все смотрел на меня, будто ждал, когда же я проболтаюсь... но насчет чего, я не знал.

— Я не знаю, что еще вы хотите услышать, — сказал я устало. — Правда не знаю. Если б я знал, кто отец, то нашел бы ублюдка и как минимум заставил бы его платить алименты. Окей, ты сделал кому-то ребенка, отлично, но поведи себя как мужчина. Объявись и помоги ей. Не будь до конца своих дней проклятым козлом.

— Ты правда не знаешь? — спросил Калкинс.

— Я правда не знаю. Сколько раз вам еще повторить? Если знаете вы, то, может, скажете мне? Что, это какой-то огромный секрет? Я так не думаю, если только папаша не человек вроде вас.

Он тяжело вздохнул.

— Ну? — надавил на него я.

— Хен, отцом был твой папа, — наконец сказал он.

— Мой папа?

— Так сказала нам Сара.

Мне вдруг стало нехорошо.

— Она забеременела от папы? — не веря своим ушам, вымолвил я.

— Мы всегда это подозревали, — признал он.

Я опустил в кресло-качалку. Из меня словно вышел весь воздух.

— От моего папы? — снова сказал я.

Калкинс смотрел на меня, словно пытаюсь решить, не устраиваю ли я представление.

— Она забеременела от папы? — Я стиснул руки и, чувствуя, как мой мир начинает разваливаться, зажал их между колен. Я никак не мог заставить себя поверить в то, что я слышу. — От моего папы? Какого черта мне никто не сказал? — Меня окатило волной дикого ужаса.

— Твоя мама привела Сару в участок, — продолжил он. — Она хотела знать, кто отец. Хотела выдвинуть обвинения. Саре было всего тринадцать, когда она забеременела, и четырнадцать, когда ребенок появился на свет. Это было преступление, Хен. Мы все это знали. Думаю, у твоей мамы, как и у меня, были свои подозрения, но Сара не сказала нам, кто был отцом. Не проронила ни слова. А потом в один прекрасный день твоя мама стреляет в твоего папу. Вот так, ни с того, ни с сего. Безо всякого повода. Понимаешь, к чему я клоню?

— Мама узнала? — сказал я.

— Дело в том, Хен, что твоя мама была невысокой. И если бы она на самом деле стреляла в твоего папу, то траектория выстрела была бы другой.

— Не понимаю.

— Твоя мама была пять футов три дюйма ростом. Тот, кто стрелял в твоего отца, был дюймов на семь выше ее, если только во время выстрела, что маловероятно, он не встал на колени. Когда ты сидишь на полу и стреляешь в кого-то, то траектория будет направлена вверх под углом почти в сорок пять градусов. А когда ты стоишь — как оно чаще всего и бывает, — то угол не может быть таким острым. Теперь понимаешь?

Я никак не мог уложить в голове эту бессмыслицу об оружии и траекториях, и, если

честно, на все эти тонкости мне было плевать.

— Скажу по-другому. Я не думаю, что убийцей твоего папы была твоя мать. Мне кажется, что в тот день в доме был кто-то еще. А теперь смотри. Ты тот выходной провел в Оксфорде. Сэм был в колледже, и ты поехал с ним повидаться. Сара неделю как съехала. Она поссорилась с твоими родителями и хлопнула дверью. Ты сам мне рассказывал. Твое алиби полностью подтвердилось. Я съездил в Оксфорд и просмотрел записи с камеры наблюдения в общежитии Сэма. На них был ты. Вместе с Сэмом, как ты и сказал. Но что касается Сары... у нее алиби не было. Она заявила, что была с ребенком на новой квартире, но никто не смог это подтвердить. Понимаешь, к чему я?

— Вы думаете, что папу убила Сара?

Калкинс слабо мне улыбнулся.

— Хен, и вот еще что, — прибавил он. — Во время обыска мы нашли всего одну гильзу. А из того дробовика, как нам известно, стреляли два раза. Поэтому мне всегда не давал покоя вопрос... куда подевалась вторая?

Я качал головой, будучи не в состоянии осмыслить всю эту информацию. Это было уму непостижимо. Абсурдно. Нелепо и возмутительно.

И все же...

Я вспомнил, как ночью Сара назвала меня бестолковым болваном. Как сказала, что ждет не дождется, когда я пойму, насколько ужасной была на самом деле наша семья. Что ее изнасиловали. Что тот тип грозился убить ее, если она кому-то расскажет.

В этом была определенная логика.

— Боже мой, — пробормотал я и закрыл руками лицо.

Калкинс сел в соседнее кресло-качалку.

Мне потребовалась долгая минута, чтобы привести мысли в порядок.

— Ты правда не знал? — спросил он негромко.

— Естественно, нет! — рявкнул я.

— Я пытался разговорить ее, Хен. Правда пытался. Твой отец был уважаемым, добропорядочным человеком. Быть может, она считала, что ей не поверят. Ребенку в такой ситуации тяжело. А она, Хен, была малым ребенком. Но когда твоего отца застрелили, ей было уже восемнадцать. По закону она была взрослой. И если она убила твоего отца, ей нужно сознаться.

— Вы хотите вдобавок повесить на нее и убийство?

— Хен, я хочу открыть людям правду.

— Зачем?

Он ответил не сразу. Долго мялся, покусывая заусенец на пальце. И наконец произнес:

— Сынок, будь здесь с самого начала хоть немного честности, то ничего этого, возможно, и не случилось бы. Твоя мама и папа могли бы остаться живы. У Ишмаэля могла бы быть совсем другая жизнь. Твоя сестра, возможно, не скатилась бы на самое дно. Секреты умеют уничтожать жизни людей.

Я молчал. Если все сказанное было правдой, то Ишмаэль был не только моим племянником, но и моим младшим братом. Он ведь прямо так и сказал...

Я спросил, где мой папа, и она сказала спросить у тебя, раз ты мой брат и все знаешь.

Разве можно было выразиться яснее?

— Спасибо, что зашли, — сказал я и встал.

Я был потрясен и нуждался во времени. Чтобы подумать, переварить все это, уложить в

голове.

— И самое главное, Хен, — сказал он, тоже поднявшись и взяв меня за руку. — Мне надо, чтобы ты мне помог. Мне надо, чтобы ты уговорил свою сестру рассказать правду. Ты сможешь мне?

Моим первым порывом было сказать ему «нет».

Но я пообещал попытаться.

Глава 64

Догадаться было никак невозможно

Было полночь, и мне не спалось. Стоя у двери в комнату Ишмаэля, я наблюдал в свете луны за тем, как он спит.

В коридоре послышались тихие шаги Сэма. Ради приличия он даже накинул халат.

— Хен, тебе нужно лечь. Завтра школа.

— Знаю, — ответил я.

— Хен, пожалуйста. — Он потянул меня за руку.

— Оставь меня одного.

— Он никуда отсюда не денется.

— Сэм, я просто не понимаю, как папа мог совершить подобный поступок. Правда не понимаю. И почему Сара мне не сказала?

Сэм вздохнул. Все эти вопросы я уже задавал сотню раз.

— Сэм, он мой младший брат. Что мне полагается чувствовать?

— Идем спать. Пожалуйста. Уже поздно.

— И все это время я ненавидел маму за то, что она сделала. Я был в таком бешенстве! Даже на похороны идти не хотел. Я просто не понимаю...

— Хен, идем.

— Я не могу заснуть.

— Ты *должен* поспать.

— Я совсем ничего не понимаю.

Глава 65

Укрывательство террористов

— Наконец-то они начали сбрасывать бомбы, — заявила мисс Ида, опустошая тележку на мою транспортную ленту. Пока я работал на кассе, Ишмаэль складывал покупки клиентов в пакеты, а в перерывах возился с домашней работой, ожидая, когда я закончу, и мы сможем вернуться домой.

— Прошу прощения? — сказал я.

— На этих, на «песчаных ниггеров» в Сирии! — провозгласила она. — Нет такого бардака, с которым не разберется парочка бомб. Смотрела про это сюжет в новостях. Наконец-то этот человек в Белом доме перестал сидеть сложа руки и выполнил свой долг. Хотя всем, конечно, известно, кто он на самом деле: один из них.

Когда люди использовали фразу «этот человек в Белом доме», я знал, что таким образом они пытаются не выдать свое истинное отношение к тому неловкому факту, что во главе страны встал чернокожий. Слова «президент Обама» не смели срывать с их уст — словно

вербализация могла сделать их еще реальней, чем есть.

— А теперь этот человек в Белом доме бросает на свой народ бомбы, — прибавила она.

— Он президент, — сказал я.

— Если он бомбит свой же народ, то представь, что он сделает с нами, — резко отозвалась она.

— Я, видимо, пропустил какие-то новости, — озадаченно проговорил я.

— Хен, ты что, телевизор не смотришь? Господи боже мой! Ты слышал про людей, которым отрубили головы сламисты из группы ИГИЛ, или как там они себя называют? Вот их-то сейчас и бомбят. В Сирии, где бы она ни была. Вроде, в Ираке. Пусть хоть с землей это место сравнивают. Уверена, никто бы не возражал.

— Сирия — это страна, — заметил я.

— Разве она не в Ираке, или с чем я ее перепутала? С Афганистаном?

— Затрудняюсь сказать.

— Короче говоря, где-то там. — Она махнула своей хрупкой лапкой, показывая, что существенной разницы нет. — А потом я слушала радио и услышала, что через границу в Техасе хлынули «мокрые спины» (*нелегальные мексиканские иммигранты — прим. пер.*). Контрабандисты, Хен! Тайно перевозят людей! Террористов! А этот человек в Белом доме хочет, чтобы мы верили, будто граница надежно защищена. Понятия не имею, куда катится мир.

— Как и я.

— Думаешь, эти наркокартели волнует, какого сорта народ они к нам отправляют? И, Хен, мы ведь не так далеко от границы. Только подумай! Боже ты мой! От Мексиканского залива до нас всего ничего. А куда они отправятся, когда доберутся сюда, как не к своим друзьям? А кто у нас в Бенде владеет заправкой?

— Мистер Хасан?

— Господи боже, ты понимаешь, о чем я!

— Нет, — сказал я. — Не вполне.

— Хен, а вдруг он укрывает кого-то их них? Что мы тогда будем делать?

— Мистер Хасан и его родные — католики.

— На словах.

— Мисс Ида, не думаю, что мистер Хасан станет укрывать террористов. Вам правда не следует...

— Но точно-то нам не известно, разве не так? Мы не знаем, на что эти люди способны. В том-то и суть. Говоря откровенно, многие беспокоятся.

Я промолчал.

— Вот, что я скажу тебе, Хен: конец уже близок.

— Конец?

— Господь заберет нас отсюда, и со всем этим вздором будет покончено. Куда ни глянь, везде войны или слухи о них, а этот человек в Белом доме... если он не Антихрист, то я не знаю, кто он такой. Надеюсь, Хен, ты готов. Ты же не хочешь остаться здесь, когда мир начнет рушиться.

Мне хотелось сказать, что я с нетерпением жду, когда они все вознесутся, чтобы оставшиеся могли нормально пожить, но я промолчал.

Мисс Ида плюхнула на ленту три упаковки содовой.

— У вас опять заканчивается содовая по скидке, — сообщила она. — Черта с два я

поеду аж до самого «Уолмарта» в Эмори, чтобы платить по одиннадцать баксов за упаковку, когда у вас она продается по десять. Я покупаю ее в основном ради внуков, ну ты знаешь, когда они приходят меня навещать. А как поживает твой мальчуган? — Она бросила пытливый взгляд на Ишмаэля.

— У нас все нормально, — ответил я.

— Я слыхала о Саре. Господи, Хен! Куда катится мир? Сколько страху, наверное, натерпелись вы с этим бедняжкой, когда его мама заявилась посреди ночи да еще в таком состоянии.

Я не ответил. Полиции, по моему мнению, следовало помалкивать о подобных вещах и не распускать по всему городу слухи.

— Ее правда объявили в розыск в Алабаме? — Мисс Ида выдала полный ужаса взгляд, как если бы она переживала за Сару, а не стремилась удовлетворить свою жажду сплетен и любопытство.

— Насколько я знаю, да, — сказал я.

Мое нежелание вдаваться в подробности заметно разочаровало ее.

Пока Ишмаэль пытался погрузить ее содовую обратно в тележку, она наградила его еще одним взглядом.

— Господи, Хен, вам нужна няня! Он что, будет помогать тебе каждый день?

— Этот вопрос мы пока не решили, — сказал я. — Но уверен, скоро решим. Он делал уроки.

— Что за уроки могут поручить такому несчастному малышу? Господи, сейчас детей чересчур нагружают. В моем детстве все было не так. Я, конечно, собрала свою долю хлопка, работая в поле рядом с папиными людьми, но так уж было заведено в те времена. Ты когда-нибудь собирал хлопок, Хен?

— Таким похвастаться не могу. С вас тридцать шесть долларов и двадцать четыре цента.

Глава 66

Что стряслось с Шарлой?

После того, как мы вернулись домой, я подоил Ромни, а Ишмаэль напоил и накормил кроликов в клетках, после чего насыпал цыплятам, столпившимся вокруг него в вихре перьев и писка, пшена.

— А где Шарла? — спросил он, остановившись рядом со мной и потеряв Ромни по боку, пока она туда-сюда вертела хвостом.

— Не знаю, — ответил я. — Может, поищешь ее? Она наверняка где-то неподалеку.

Он убежал и, выкрикивая ее имя, сделал круг вокруг дома.

— Я нигде ее не нашел, — вернувшись, сообщил он.

— Под крыльцом посмотрел?

— Да.

Я унес молоко Ромни в дом, помыл руки.

— Не похоже это на Шарлу, вот так пропадать, — сказал я.

— Она убежала?

— О, нет. Ей у нас хорошо. Может, она где-то в лесу.

У Шарлы не было склонности бродить вне двора — ни в лесу, ни где бы то ни было. Фактически, я не смог припомнить ни единого случая, когда после того, как я возвращался

домой, она не бегала бы за мной по пятам, из чего следовало, что она или заболела, или попала в беду.

Взяв квадроцикл, мы спустились к реке, куда она скорее всего могла бы уйти. Я ехал медленно. Мы внимательно смотрели по сторонам, оглядывая кусты и деревья, но назад поехали с пустыми руками.

— Где она, дядя Хен? — спросил из-за моей спины Ишмаэль.

— Мы найдем ее, — пообещал я с неприятным ощущением в животе. Шарла жила у нас года три. Я взял ее из приюта вскоре после смерти родителей. Мы с Сэмом отправились туда за щенком, но когда я увидел Шарлу — уже старую, брошенную, несчастную, с хромой лапой, которая гарантировала, что ее никто не возьмет, — мое сердце немедленно к ней прикипело. Она возвращала нашу любовь в стократном размере. Но чтоб убежать... такое поведение было совсем на нее не похоже, хотя здесь водилось бог знает сколько опоссумов, кроликов и другого зверья, за которым можно было гоняться, если бы такая идея вдруг пришла ей на ум.

Я объехал дом, затем выехал на дорогу. Ездить на квадроцикле по шоссе, в принципе, не разрешалось, но здесь этим правилом нередко пренебрегали. Я проехал около полумили, оглядывая поля и канавы и переживая, что Шарлу сбил какой-нибудь автомобиль. Не увидев ее, я повернул в обратную сторону.

Ее нигде не было.

Вернувшись на подъездную дорожку, я заглушил мотор, и мы слезли.

Во внезапно наступившей тишине я услышал нечто похожее на слабый, скулящий стон.

— Ты слышал? — спросил я.

Иши кивнул и повернул на восток, где ограда с колючей проволокой и деревья отделяли наши владения от земли судьи Круквальда.

Он шел впереди, я за ним следом.

Мы нашли Шарлу запутавшейся в колючей проволоке. Каким-то образом ее здоровая задняя лапа попала в ловушку, а колючки проволоки, впившись в кожу, пустили кровь. Почти повиснув на проволоке, она пыталась поддерживать себя передними лапами, поскольку ее здоровая задняя лапа была поранена, а от второй не было толку.

— Ох, Шарла, — опустившись на корточки, проговорил я.

— С ней все в порядке? — спросил Ишмаэль.

Шарла поскуливала от боли и выглядела совершенно измученной. Невозможно было сказать, сколько времени она провела в плену проволоки. Возможно, весь день. Она подняла на меня полные боли глаза.

— Мне нужны кусачки, — сказал я Ишмаэлю. — Ты знаешь, как они выглядят?

Он покачал головой.

— Побудь с ней, а я за ними схожу.

— Я не останусь с ней.

— Я отойду всего на минуту.

— Она умрет?

— С ней все будет в порядке.

— Я не хочу с ней оставаться.

— Иши, ты нужен ей. Ты ее друг.

— Но я боюсь.

— Просто побудь с ней, и все.

— Я не знаю, что говорить.

— Иши, тебе не надо ничего говорить. Просто будь ее другом. Погладь ее. Ей, наверное, по-настоящему страшно. Ты же ее друг, разве нет?

Ишмаэль покосился на Шарлу, на потеки крови, запятнавшие ее шерсть, на то, как странно и неуклюже она висела на проволоке.

— Я отойду всего на минуту, — повторил я. — Только возьму кусачки и сразу вернусь.

— Дядя Хен, но мне страшно.

— Милый, ей тоже. И мне, но мы пройдем через это все вместе, окей?

Прежде, чем он успел выдвинуть новое возражение, я убежал. Вернувшись, я увидел, что он стоит перед ней на коленях и гладит ее.

— Она так сильно поранилась, — проговорил он испуганным голосом.

— Мы отвезем ее к ветеринару, — сказал я, осматривая ограду, чтобы понять, как перерезать проволоку и не причинить Шарле еще больших страданий.

— Она умрет, да, дядя Хен?

— Не думаю. Она немного поранилась, вот и все.

— Я не хочу, чтобы она умерла.

— Хороший мой, она не умрет.

— Правда?

— Мы отвезем ее к ветеринару.

— Но у нее идет кровь.

— Все будет хорошо.

— Почему она это сделала?

— Что ты имеешь в виду?

— Почему она сделала это с собой?

— Уверен, это вышло случайно. А теперь поддержи ее голову, потому что сейчас я разрежу проволоку, и она опустится вниз. Я не хочу, чтобы она поранилась, когда упадет. Хорошо?

Ничего не ответив, он бережно взял ее голову в руки.

Одной рукой поддерживая ее, я перерезал проволоку и, опустив Шарлу вниз, положил ее на бок.

Она в тихой, изнуренной агонии заскулила.

— Иши, сходи за каким-нибудь покрывалом и положи его на сиденье пикапа. Я ее принесу. И еще захвати ключи... они на обеденном столе. Давай же, беги. Подготовь покрывало, чтобы я мог ее положить.

Он убежал.

А я как можно осторожнее взял Шарлу на руки.

Глава 67

В клинике Шелли

Шелли, многолетняя подруга Гвен, встретила нас на подъезде к их дому. Шелли была невысокой и очень худой, с длинными, завязанными в хвост кудрявыми волосами. Как и Гвен, ей было за сорок, и ее жесткая, суровая внешность без обиняков заявляла, что с человеком, который умеет кастрировать быков, лучше не связываться.

— Притормози около клиники, — сказала Шелли своим четким, деловым голосом.

Я подъехал по гравийной дорожке, огибающей их старый фермерский дом, ближе к «клинике» Шелли. Будучи местным ветеринаром, она превратила свой небольшой амбар в офис и клинику.

Ишмаэль держал голову Шарлы у себя на коленях. Сложно было сказать, кто из них претерпевает бóльшую боль. Он был сам не свой — от страха, что причинит Шарле боль, что она скоро умрет, что какая-нибудь выбоина на дороге отправит ее напрямик к райским вратам.

— С ней все будет хорошо, — заверил я Ишмаэля, затем выбрался из машины, бегом обогнул ее и открыл дверцу с его стороны.

— Давай я возьму ее на руки, — сказала мне Шелли.

Потом обратилась к Иши:

— Кстати, я Шелли. А ты, наверное, Ишмаэль.

Иши кивнул.

— Так, Иши. Ты просто сиди смирно, а я возьму ее на руки.

— Она поправится?

— Наверняка, но, чтобы в этом удостовериться, нам надо ее осмотреть.

Шелли бережно подняла поскуливающую Шарлу с сиденья и колен Ишмаэля, после чего поспешила в клинику, где осторожно положила ее на операционный стол.

— Иши, хочешь помочь мне? — спросила Шелли.

Он отпустил мою руку и нерешительно подошел к ней.

— Я хочу, чтобы ты подержал ее голову. Только под челюстью, чтобы она не кусалась.

Иногда от боли собакам становится страшно, но если она будет видеть перед собой знакомое лицо, то ей станет спокойней. Как думаешь, получится у тебя? Просто держи ее голову, а я очищу и перевяжу ее раны. Судя по всему, она потеряла уйму крови, поэтому довольно слаба. Ты сможешь мне?

— Хорошо, — сказал Ишмаэль. Он просунул одну руку под массивную морду Шарлы, а второй стал поглаживать ее шерсть. — Ей станет лучше?

— Надеюсь, что да. Так, а вы, папочка, возьмитесь за ее туловище, чтобы она лежала, не двигаясь, хорошо?

Пока мы с Ишмаэлем держали ее, Шелли очень быстро и осторожно очистила раны и наложила бинты. Шарла вела себя исключительно хорошо.

— Мне бы хотелось на ночь оставить ее у себя, — закончив, сказала Шелли. — Просто, чтобы удостовериться, что обойдется без осложнений.

— Конечно, — ответил я, прикидывая, во сколько оно может мне обойтись.

— Как она умудрилась запутаться в проволоке?

— Не знаю. Раньше с нею такого никогда не бывало.

— Старые собаки обычно таких оплошностей не допускают. Когда ей станет лучше, я проверю ее зрение. Возможно, она видит уже не так хорошо.

— Надеюсь, мы не оторвали тебя от ужина.

— Гвен попозже что-нибудь привезет.

— Если хотите, приезжайте ужинать к нам.

— Спасибо, но нет. Пока я здесь, мне нужно проверить других своих пациентов. Иши, устроить тебе экскурсию?

Он с энтузиазмом кивнул.

Шелли взяла его за руку и отвела на задний двор, где стояло множество клеток с

животными — в основном, с кошками и собаками, но еще здесь была черепаха, птица и козленок, который отказался сосать материнское молоко.

— Вы врач? — спросил Иши, держа бутылочку с молочной смесью так, чтобы козленок мог пить.

— Врач для животных, — сказала она. — Когда наши маленькие друзья болевают, я их лечу.

— Моя мама больна, — сказал Ишмаэль.

— Надеюсь, врач поможет твоей маме поправиться, — мягко ответила Шелли.

— А Шарле нельзя поехать домой вместе с нами?

— Я хочу одну ночь за нею понаблюдать. У нее выдался довольно тяжелый день. Надо убедиться, что у нее все в порядке.

— Она умрет?

— Я так не думаю. Но, Иши, она уже старенькая. Ее сердце сегодня пережило сильный стресс, и она потеряла немало крови. Мне нужно подержать ее под наблюдением.

Он ничего не сказал, словно распутывая смысл ее слов.

— Шарла мой друг, — в конце концов сказал он.

— Да, такого друга надо еще поискать, — согласилась с ним Шелли. — Скорее всего, она пойдет на поправку, но я не уверена. Ей может стать хуже. Так что помолись за нее, хорошо?

— Хорошо.

Пока мы шли обратно к пикапу, я бросил в сторону Шелли вопросительный взгляд. Она пожала плечами, показывая, что дела Шарлы, возможно, не так уж и хороши, и скрестила пальцы, но так, чтобы Иши не видел.

— Насколько все плохо? — вполголоса спросил ее я.

Она пожала плечом.

— До завтра, — проговорил я. — Спасибо, что помогла.

— Да не за что, Хен.

Глава 68

Визит к Саре

Следственный изолятор округа Монро находился в Абердине, который был основан еще до Гражданской войны и когда-то давно, до своего длительного и медленного упадка, считался важным городом региона.

Во вторник, ровно в девять утра, я оказался за столом комнаты посетителей, куда меня посадили ждать Сару. Я понятия не имел, что скажу или захочу ей сказать — если вообще захочу. Я и видеть-то ее не хотел, однако пришел сюда, потому что чувствовал себя обязанным появиться. Я ненавидел себя за подобные мысли, но они были в моей голове, и избавиться от них я не мог.

Стоит вам попасть в лапы правоохранительных органов в штате вроде нашего Миссисипи, можете считать себя конченным человеком — это я знал точно. Что бы вы ни делали или ни пытались делать, отныне они от вас не отвяжутся. Получите обвинение в преступлении — и больше никогда не сможете голосовать. Пропустите явку в суд — и вас начнут забрасывать штрафами. Не заплатите вовремя штраф — и они начнут волшебным образом множиться. Жернова «правосудия» медленно и неумолимо сотрут вас в порошок.

Недавно мы даже попали в общенациональные новости с этим нашим «каналом из школы в тюрьму». Небольшая неосмотрительность, пакетик «травы», сворованная из «Уолмарта» дешевая шмотка — как только вас схватят, считайте, что все. Будете плохо вести себя в школе — вам быстренько приготовят камеру в каком-нибудь учреждении вроде Парчман-Фарм, и не удивляйтесь тому, с какой скоростью вы там окажетесь, а ваше светлое будущее будет в руинах лежать вокруг вас. И за что? За хамство учителю или за курение на детской площадке.

Если, конечно, вы не богаты. Тогда вы сможете нанять себе модного адвоката. Или ваш папочка позвонит своему старому школьному другу, который ныне судья, или законодатель штата, или заместитель шерифа. Или у вашей кожи правильный цвет.

Забавно, как много может решить подмигивание или кивок.

Сара не могла рассчитывать ни на кивки, ни на подмигивания, ни на модного адвоката. У нее теперь был только я и длинный перечень обвинений.

Пока меня одолевали эти слезливые мысли, в комнату привели Сару. Не сказав ни слова, она села напротив меня, а два человека шерифа встали неподалеку.

— Привет, — наконец сказал я.

— Тебе обязательно надо было их вызвать, да? — пробормотала она.

Полицию вызвал Сэм, а не я, но спорить с ней я не стал.

— Полагаю, ты в глубоком дерьме, — сказал я.

Она шумно выдохнула, словно вина за это каким-то образом лежала на мне.

— Шеф Калкинс сказал, ты рассказала ему, кто отец Иши, — начал я.

Она вздохнула, опустила глаза и медленно покивала головой взад-вперед.

— Это правда? — спросил я.

Она долго не отвечала.

— Сара, мне нужно знать.

— Теперь-то какая разница?

— Огромная. Почему ты мне не сказала?

Бледная, нездоровая, она нервно сцепила руки в замок.

— Я бы помог тебе, — сказал я.

— Ты ничего не мог сделать, — возразила она.

— Я бы обратился в полицию.

— Чтобы опозорить нас всех?

— Это папа нас опозорил. Ты могла бы сделать аборт.

Она фыркнула.

— Для случаев, вроде изнасилования и инцеста, делают исключения, — заметил я.

— Думаешь, мама дала бы мне сделать аборт? Я тебя умоляю!

— Ты могла отдать его на усыновление.

— Я хотела.

— Так почему же не отдала?

— Думаешь, мама бы мне разрешила? Она, которая доставала меня своими нравоучениями? Мама не позволила бы отдать его, или убить, или еще что с ним сделать, нет, она настояла бы, чтобы я родила, чтобы потом до скончания века тыкать меня в это носом.

— Я понятия не имел... Как я мог догадаться?

— Ты не виноват, Хен. Я хотела тебе рассказать, но это опозорило бы отца. А мама

меня бы убила.

— Ты не виновата. Ни в чем.

— Нет?

— Тебе было всего лишь тринадцать!

— Все началось на год раньше.

— В двенадцать?

Она кивнула и опустила глаза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Господи боже! — воскликнул я — слишком громко, слишком сердито.

— Я сама во всем виновата.

— Да почему же?

— Я сама ему разрешила. Он сказал, я хорошенькая. Сказал, что мама его больше не любит, и мне стало жалко его, и я... Хен, я не знаю. Он сказал, что я его маленькая принцесса. Я запуталась.

— Запуталась?

— Я любила отца, — призналась она. — Как и ты. Я бы сделала все, о чем бы он только ни попросил. Одно привело к другому... И мне это нравилось. Я думала, это здорово. Поначалу. Считала себя особенной. Мне нравилось, что у нас с отцом есть секрет. Так что не сваливай всю вину на него.

— Но ты была ребенком и мало что понимала.

— Я могла сказать ему «нет».

— Ты серьезно собираешься сидеть тут и придумывать ему оправдания? — сказал я. — После всего, что он с тобой сделал?

— Я не оправдываю его. Просто... Хен, я не знаю. Такая каша сейчас в голове. Я не знаю, какого черта мы с ним творили. Я понимала, что это неправильно, но прекратить не могла. Я не могла ему отказать. И не хотела.

— Любое изнасилование — это неправильно, — сказал я — слишком пафосно, слишком настойчиво. — А изнасилование ребенка... такому вообще нет никаких оправданий. Это попросту извращение.

— Но мне нравилось.

— Как оно могло тебе нравиться?

— Я знала, что ты не поймешь.

Она погрузилась в молчание.

— Ты права, — признал я. — Я правда не понимаю.

— Когда я забеременела, он перестал ко мне приходить. Он больше не хотел ничем со мной заниматься. словно вдруг разлюбил меня.

Мне много чего хотелось сказать, но я придержал язык. Что мне было известно об изнасиловании, или о том, что чувствуешь после него, или почему человеку может прийти в голову это сделать? Я знал, что это неправильно, но не мог объяснить, почему.

— Хен, я не знала... не понимала... что Иши от папы, — после длительного молчания сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ничего не знала о сексе. О... сперме и всем таком прочем. Я не знала, кто был отцом. Я думала, это один парень из школы. Можно подумать, мама когда-нибудь садилась и объясняла мне, как получают дети.

— Откуда ты знаешь, что это не парень из школы?

— Потому что ему я делала только минет. Отец был единственным, кто... ну, ты понял.

Делал *вагинальное проникновение*. Я же не могла обратиться к кому-то с расспросами. Я поняла, кто отец, только когда родила. А потом не знала, что делать. Как твой родной папа может быть отцом твоего же ребенка? Хен, я не могла... я не знала, что делать. Просто не знала, и все.

Мы долго молчали.

— Как он? — в конце концов спросила она.

— Иши? Ему тяжело.

— Я знаю, — признала она. — Я хочу отдать его на усыновление. Просто, чтобы все это закончилось. Надо было сразу так сделать, а не сбегать, но...

Я ничего не сказал.

— Он заслуживает лучшей доли, чем эта семья. Лучшей доли, чем я. Я же знаю, он ни в чем этом не виноват. И я знаю, что он страдает из-за меня, а я не хочу, чтобы он больше страдал.

— Я о нем позабочусь, — сказал я.

— Ты? — Она засмеялась. Взяла и в буквальном смысле засмеялась мне прямо в лицо. — О нет, Хен. Забудь.

— Мы с Сэмом о нем позаботимся.

— Нет. Ты не понял. Я не хочу, чтобы мне вечно напоминали о том, что сделал отец. Я не хочу, чтобы он имел какое-то отношение к нашей семье. Я хочу, чтобы у него была нормальная жизнь. Настоящая жизнь. Как он заслуживает. В хорошей семье.

— Но его семьей будем мы с Сэмом.

— Пара педиков? Ты серьезно?

— Мы так хотим.

— Нет, — твердо сказала она. — Даже не думай.

— Мне не кажется, что у тебя есть какой-либо выбор.

— Я все еще его мать.

— Но я хочу, чтобы он жил у меня. Он моя кровь. Ты не можешь просто взять и отправить его черт знает куда.

— Нет, — качнула она головой. — Это должно прекратиться.

— Давай ты все же подумаешь?

— Почему?

— Мы с Сэмом правда хотим, чтобы он жил вместе с нами. У него будет хорошая жизнь.

— С кем? С тобой?

— Я не так уж и плох. И мы ему нравимся. Нам весело вместе.

— Думаешь, какому-нибудь ребенку захочется иметь вместо родителей парочку педиков? Господи, Хен! Не смей меня. Хватит с него и такой мамы, как я.

— Не знал, что ты такой гомофоб.

— Ты много чего обо мне не знаешь.

— Вроде того, как ты перевозила через границу штата наркотики?

Она закатила глаза.

— Ты вроде бы обвиняемая в расследовании убийства.

— И что?

— Значит, вдобавок ты еще и убийца?
— Не твоего ума дело.
— То есть, да?
— Я ничего не сделала, — развязно сказала она. — И больше мне сказать тебе нечего.
— Ты понимаешь, что какое-то время проведешь за решеткой?
— Может, проведу, а может и нет.
— Как так?
— Я ничего не сделала, но знаю, кто сделал. Копы уже намекают на сделку.
Я нахмурился.
— Значит, это правда?
— Что правда?
— Папу убила ты?
Она засмеялась, но глаза отвела.

Глава 69

Удар правосудия

— Вон он! — провозгласил Ишмаэль.

Пробежав по проходу секции игрушек в «Уолмарте», он остановился, как вкопанный, напротив полка с фигурками Marvel, где между Тором и Халком стоял Капитан Америка из серии Marvel про «Мстителей».

— Можно? — спросил он, повернувшись ко мне с лицом, озаренным радостным возбуждением.

Я кивнул.

Он схватил с полки коробку и, двумя руками держа ее, с обожанием уставился на фигурку в смешной маске, со звездой на груди, полосками на животе и волшебным щитом, необходимым для того, чтобы «противостоять всем атакам и наносить врагам сокрушительный удар правосудия!».

— Сколько он стоит? — спросил я.

— Он дорогой, — тихо и несколько неохотно сказал Ишмаэль.

— У тебя есть пять долларов, — напомнил я.

— А их хватит?

— Ну, он стоит семь долларов и восемьдесят восемь центов.

— О.

Его лицо помрачнело, и на один ужасный момент мне показалось, что он сейчас ударится в слезы.

— Я могу одолжить тебе два доллара и восемьдесят восемь центов, — быстро предложил я.

— Правда?

— А ты вернешь их мне в следующую субботу, когда получишь свои карманные деньги.

— Правда?

— Правда.

Он расплылся в широченной улыбке и крепко прижал коробку с фигуркой к груди.

— Спасибо тебе, дядя Хен! Я его обожаю.

Он сказал это искренне и без тени смущения.

— Хороший мой, нам пора уходить, — сказал я, взяв его за плечо. — Если Сэм застукает нас в «Уолмарте», то нам устроят головомойку. Ты же знаешь, он ненавидит «Уолмарт».

— Почему?

— Долго рассказывать.

— Тут же такие игрушки!

— Я знаю, но Сэму не нравится, когда мы приходим сюда, поэтому нам лучше поскорей улизнуть.

— А как же карандаши? Мне надо раскрасить раскраску.

— Давай поищем их, а потом сразу уйдем.

Тихо, точно преступники, мы крались по проходам, боясь, что кто-нибудь из знакомых увидит нас, что молва об этом тем или иным образом донесется до Сэма. С учетом того, что практически все жители Бенда раз-два в неделю приезжали в «Уолмарт», мы вполне могли наткнуться на кого-то из них, и тогда нам был бы конец.

Разыскивая цветные карандаши, мы прошмыгнули в один из проходов с канцпринадлежностями, а когда свернули в соседний, то увидели там Сэма с корзинкой в руках.

— Дядя Сэм, смотри, что у меня есть! — объявил Ишмаэль и со всех ног побежал к нему, чтобы с гордостью продемонстрировать своего Капитана Америку и уничтожить тем самым все наши шансы на безмолвный побег.

— Здорово, ковбоек, — воскликнул Сэм, потом перевел взгляд с него на меня и нахмурился. — Что это?

— Капитан Америка, — сказал Ишмаэль. — Видишь?

— Он замечательный, но я не ожидал увидеть вас с дядей Хеном у «Уолмарте». Мы же не любим «Уолмарт», разве не так?

Ишмаэль с замешательством на лице посмотрел на меня.

— Мы... — начал я. И сразу умолк. Я попался. Но — как и Сэм. — А что здесь делаешь ты? Я думал, ты больше всех ненавидишь «Уолмарт».

— Ненавижу, но я не поеду за канцтоварами для магазина аж в Тупело.

— Ты мог бы пойти в «Доллар Дженерал».

— Как и вы.

— Мы не нашли в «Доллар Дженерал» Капитана Америку, а вот канцтоваров там завалились.

— Но мне надо было купить пару степлеров.

— Степлеры там тоже есть.

— Когда я в последний раз покупал у них степлеры, они были такими дешевыми, что уже через месяц сломались.

— Ты мог бы съездить в Тупело. Это не так уж и далеко.

Он с обиженным видом поджал губы.

— И часто ты сюда приезжаешь? — спросил я.

— А ты? — отпарировал он.

— Я думал, «Уолмарт» — мировой Сатана. Или что-то вроде того. Я думал, что закупаться здесь — это как пожимать руку дьяволу. Или что-то вроде того.

— Так и есть!

— Тогда что ты здесь делаешь?

— Мне все равно надо было в Эмори по делам. Он был по пути. Это было...

— Удобно?

— Ну...

— И цены здесь низкие, да?

— Ну...

— И ежедневные скидки? Ну, ясно. Мне ходить в «Уолмарт» нельзя, а тебе, значит, можно, потому что это *удобно*. Я понял.

— Ты ведь здесь купил Иши ланчбокс, разве нет?

— Да, — признал я.

— Но мне ты сказал, что купил его в местном магазине игрушек.

— Ну и что?

— И это все, что ты можешь сказать? После того, как соврал?

— Я не соврал, — сказал я. — Я... я просто... окей. Я соврал! Наложил огромную кучу вранья. Потому что не хотел, чтобы ты пилил мою задницу. Вот. Ты доволен?

— Ты сказал плохое слово, — сказал Ишмаэль.

— Вот-вот, — поддакнул Сэм. — Скажи ему, Иши. Он врет да еще говорит плохие слова. Его надо хорошенько отшлепать. Давай.

Ишмаэль шлепнул меня по руке.

— Извини, но твой дядя Сэм меня разозлил.

— Это не оправдание, — сказал Сэм. — Ладно, Иши получил своего Капитана Америку, все хорошо, но если я когда-нибудь увижу, как вы приходите сюда за продуктами вместо того, чтобы покупать их во «Всегда экономь», я так врежу вам пониже спины, что вы у меня улетите на другой конец штата.

— Попробуй, а я посмотрю.

— Думаешь, я не смогу надрать тебе зад?

— Да тебе и младенца не побороть.

— Побороть. Правда ведь, Иши?

Ишмаэль усмехнулся.

— Я думал, ты должен работать, — заметил я перед тем, как уйти. Когда появлялась возможность немного поддеть его, я никогда не мог устоять.

— Я и работаю.

— Покупая канцпринадлежности?

— Кто-то ведь должен их покупать.

— В рабочее время?

— Я, знаешь ли, босс.

— Типичный капиталист.

— Типичный завистливый либеральный болтун.

Я засмеялся.

— Иши, идем. Нам надо вернуться домой и приготовить дяде Сэму ужин. Сам он слишком важный, чтобы готовить. Он ведь *работает*. Видишь, как тяжело? Мы тоже можем чуть-чуть «поработать» — заедем в «Соник» и возьмем шоколадный коктейль. Что скажешь?

Глава 70

Пусть Господь благословит и поддержит тебя

Когда Шелли открыла дверь клиники, я сразу понял, что она обеспокоена.

— Как сегодня наша пациентка? — спросил я, пока мы шли за нею на задний двор.

— Не так хорошо, как мне бы хотелось, — признала Шелли. Она бросила на меня встревоженный взгляд, словно хотела сказать что-то еще, но не могла, потому что нас слушали детские уши.

— О, — сказал я.

— Она очень слаба. Для нее это был тяжелый удар, а ведь она очень немолодая леди.

Шарла лежала в клетке — очень неподвижно и тихо. Когда мы подошли, она немного приподняла голову, словно показывая, что видит нас, и тоненько заскулила.

— Ей лучше? — Ишмаэль испуганно поднял глаза на меня. Своего Капитана Америку он держал крепко, как талисман.

— Не уверен, — мягко ответил я, присев, чтобы посмотреть на нее. — Она очень старая, Иши. Ее сердце работает уже не так хорошо.

— Она умрет?

— Надеюсь, что нет.

— У нее грустный вид.

— Она нехорошо себя чувствует.

Сидя на корточках рядом со мной, Ишмаэль смотрел сквозь тонкие железные прутья на Шарлу, у которой, похоже, были проблемы с дыханием.

— У нее весь день жар, — сказала Шелли. — Она борется, но мне кажется, что силы ее на исходе.

— Ты предлагаешь то, что я думаю? — спросил я, взглянув на нее. — Что пора спать?

Она пожала плечами, но нерешительно, словно говоря *да, скорее всего*.

— Мы ничего не можем для нее сделать?

— Я сделала все, что смогла.

Иши просунул руку сквозь прутья клетки и погладил Шарлу по лапе.

— Смотри, что у меня есть. — Он показал ей Капитана Америку. — Он защищает людей от бандитов. Хочешь с ним поиграть?

Шарла заскулила.

— Помолимся за нее? — спросил я.

Он кивнул.

Я пробормотал что-то о том, чтобы Господь благословил ее, поддержал и помог ей поправиться.

— Мы можем подождать еще одну ночь? — спросил я у Шелли, когда мы ушли со двора.

— Конечно. Но знай, что она страдает.

— Я знаю. Но я не могу... я пока не готов. Может, утром ей станет лучше.

— Ладно, — тихо сказала она. — Но, Хен, еще одну ночь, и не больше. Неправильно продлевать ее муки.

Глава 71

Голосование

— Четырнадцатого октября будет внеочередное голосование, — объявил за обеденным столом Сэм. — По крайней мере, так сказали вчера на собрании городского совета.

— Насчет алкоголя?

— В самую точку. И добропорядочные жители Винегар-Бенда наконец-то...

— ...смогут шататься по улицам пьяными, мочиться по подворотням и бить дома жен? — спросил я.

— Что-то вроде того. И наши продажи могут взлететь до небес.

— Возможно, мы даже сможем открыть филиал «Матерей против вождения в состоянии алкогольного опьянения».

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно?

— Высмеиваешь меня.

— Я не высмеиваю тебя.

— Разрешение торговать алкоголем может здорово повлиять на продажи во «Всегда экономь». Они могут вырасти на 20, 30 процентов. Возможно, к зиме я даже смогу нанять тебя на полный рабочий день и купить вам с Иши по медицинской страховке. Это может стать большим шагом вперед для всего города. Возможно, мы даже начнем вовремя платить по счетам.

— Я знаю.

— Тогда почему ты высмеиваешь меня?

— Ты увлекаешься только теми идеями, которые могут принести тебе деньги. Если что-то приносит доход, значит, оно хорошо. На остальное тебе наплевать.

— Это несправедливо!

— Но это правда, разве не так?

— Все люди действуют исключительно в своих интересах.

— Все-все?

— Да. И в том числе ты. Что-то я не замечал, чтобы ты стриг газоны бесплатно.

— Мне не нравится, что ты все сводишь к коммерции. Как будто суть жизни — только покупать, продавать и получать прибыль.

— Хен, но ведь оно так и есть. Мы же не коммунисты. Извини, что рушу твои воздушные замки, но, будучи просто хорошим парнем, разбогатеть невозможно.

— А что, самое главное в жизни — это разбогатеть?

— С деньгами жить проще.

— Иногда мне хотелось бы верить, что в жизни важны не только они.

— Серьезно, тебе надо прекратить ходить в церковь.

— Уверен, что с алкоголем дела у магазина наладятся.

— Благодарю.

— Я только не уверен, что деньги способны решить любую проблему.

— У нас теперь есть ребенок. Ты посмотри, сколько он ест. Уже третью фасолину доедает. Если он будет продолжать в том же духе, то вполне может слопать и целую дюжину. Знаешь, сколько нам понадобится денег, чтобы прокормить этого маленького монстра?

— Я не маленький монстр, дядя Сэм.

— Ковбоец, а кто же ты? Монстр и есть. Я пытаюсь объяснить твоему дяде, как устроена жизнь.

— А как устроена жизнь? — спросил Ишмаэль.

— Много денег: *хорошо*. Мало денег: *плохо*. Помни об этом, и тебя ждет успех. О, и еще

всегда ходи в чистых трусишках.

— О, — сказал Ишмаэль.

— Много денег значит, что мы сможем купить свой собственный дом и, возможно, еще вертолет.

— Ветролет? — повторил Ишмаэль, и его лицо просветлело.

— И потому жители этого дома проголосуют *за* разрешение продавать алкоголь.

— В целенаправленности тебе не откажешь, — сказал я. — Иши, тебе задали какие-нибудь уроки?

— Если с дробями, то я тебе помогу, — сказал Сэм. — Хен до сих пор не знает, как решать дроби.

— Мне надо написать слова по чипсописанию.

— Ух, этим вредным словам несдобровать, — сказал Сэм.

— По *чистописанию*, — сказал я.

— О, — сказал Ишмаэль. — Я никогда не запомнюсь.

— *Запомню*, — сказал я, поправляя его.

— Запомню что?

— Не *запомнюсь*, хороший мой, а *запомню*.

— О. Я никогда не запомнюсь, как говорить все эти слова.

Сэм рассмеялся.

— Я тебе помогу, — сказал он. — А потом, ковбоец, мы посмотрим кино. Что скажешь?

— Можно мы посмотрим «Стар Трек»?

— Сегодня его не показывают, медвежонок.

— *Медвежонок*? — сказал я.

— Он мой медвежонок. Правда ведь, Иши?

Ишмаэль усмехнулся.

— Я думал, что твоим медвежонком был я, — сказал я.

— Дядя Хен просто ревнует. Жалкий он человечешко.

— Так ты проследишь, чтобы твой *медвежонок* помылся и почистил зубы?

— Обязательно прослежу.

— А мне точно надо помыться? — спросил Ишмаэль.

— Ты же не хочешь пахнуть, как старый пердун, — сказал Сэм. — Что скажут девочки?

— Но я мылся вчера.

— Ты разбиваешь мне сердце.

— Дядя Сэм!

— Медвежонок, мы в этом доме вонючек не любим. Плюс, твоя свистулька отвалится, если ты не будешь держать ее в чистоте, и всем девочкам станет грустно.

— Тебе обязательно так говорить? — спросил я.

— Я просто с ним разговариваю.

— Мисс Кора сказала, я должен стараться лучше, — сказал Ишмаэль.

— В чем именно? — спросил его Сэм.

— Лучшее писать.

— И все?

— Я ненавижу писать.

— Кто такая мисс Кора? — спросил Сэм.

— Он твой ковбоец да еще медвежонок, а ты не знаешь имя его учительницы? — сказал

я.

— Я много работаю.

— А я, типа, нет?

— Ну, ты заботаешься о нем больше, чем я.

— Если ты зовешь кого-то своим медвежонком, то тебе как минимум следует знать, кто его учит.

— Не слушай его, — сказал Сэм Ишмаэлю. — Он просто злится из-за того, что ты мой медвежонский ковбоек. Тебе нравится твоя учительница?

— Она красивая, — сказал Ишмаэль. — Но она на меня разозлилась.

— За что?

— Я сказал, что Грейси моя нигга.

— Ого! — удивленно воскликнул Сэм.

— Что-что ты сказал? — всполошился я.

— Что она моя нигга.

— Иши, нельзя говорить такие слова, — сказал я.

— Но мама всегда говорила, что я ее нигга.

— Иши, нехорошо так говорить. У тебя будут проблемы.

— Мама всегда говорила: «Иди сюда, мой маленький нигга».

— Твоя мама делала плохо.

— Она не говорила его, как плохое.

— Все равно, это нехорошее слово.

Сэм с улыбкой и некоторой растерянностью посмотрел на меня через стол.

— Иши, — промолвил он, — мы знаем, что твоя мама не вкладывала в него плохой смысл, но все-таки оно очень и очень плохое. Это гадкое слово. Поэтому не говори его, ладно?

— Ладно.

— Значит, вы с Грейси стали друзьями?

Он кивнул.

— Как тебе в школе?

— Нормально.

— Только нормально? Разве в школе не весело?

— Весело, но я там не вижу.

— Не видишь что именно? — спросил Сэм.

— Что мисс Кора пишется на доске.

— Почему? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он.

— Кто-то загораживает тебе доску?

— Она мутная. Мисс Кора попросила меня прочитаться, что там написано, а я не смог, и все надо мной засмеялись.

— В каком смысле «мутная»? — продолжил допытываться я.

— Не знаю. Мама говорит, я слепой как болотная крыса.

— Ты видишь вещи нечетко?

— Иногда.

— Надо проверить, не нужны ли ему очки, — сказал мне Сэм.

— Я не стану носить очки, дядя Сэм.

— Ковбоец, нам надо проверить тебя.

— Но я буду выглядеть глупо.

— Нет, медвежонок, не будешь. Ты станешь похож на ученого. Иши Эйнштейн.

— Кто такой Эштен?

— Эйнштейн. Ну ты знаешь. Такой ученый с безумными белыми волосами.

— Я не хочу ходиться в очках, дядя Сэм. Надо мной будут смеяться.

— Не будут, малыш, — сказал Сэм. — А если будут, посылай их ко мне. Если они станут смеяться над моим медвежонком, то дядя Сэм пересчитает их белые зубки и всыплет им так, что они еще долго будут меня вспоминать. Ты мне веришь?

Ишмаэль очень серьезно кивнул.

Глава 72

Похороны Шарлы

— Шарла не выжила, — сказал я.

Настал следующий день, и Ишмаэль только что вернулся из школы домой и переоделся в футболку и шорты. Утром мне позвонила Шелли и сообщила печальную новость.

— Что случилось? — спросил он.

— Иши, она умерла.

— Умерла?

Я кивнул.

Он опустил голову и молча это обдумал.

— Хочешь помочь мне похоронить ее? Я присмотрел место под пеканом, где она любила лежать. Мне кажется, там она будет счастлива. И мы помолимся за нее. Поможешь мне?

Он кивнул.

За нами, пока мы шли, увязалась и Ромни, которая бляяла как-то печально, будто оплакивая потерю друга.

— Смотри за ней, — сказал я Ишмаэлю, когда Ромни побежала за ним.

Он испуганно оглянулся через плечо. Ромни снова забляяла, словно показывая, что да, она понимает, что мы за ней смотрим. Потом ее отвлекла трава на опушке возле пекана, и она, потеряв к нам интерес, остановилась перекусить.

Я вырыл для Шарлы могилу. Шелли положила ее тело в промышленный пластиковый мешок, в котором я и опустил ее на дно ямы. Теперь оставалось только засыпать могилу землей.

Ишмаэль с мрачным лицом осмотрел могилу и лежащий на дне пластиковый мешок. Спустя минуту он сунул в рот большой палец и опустил глаза.

— Все хорошо, малыш. — Я взял его за плечи и притянул поближе к себе.

— Ей будет там больно? — с пальцем во рту спросил он.

— О, нет, — сказал я. — Она ничего больше не чувствует. Ей теперь хорошо. Она будет лежать под своим любимым пеканом, а Ромни будет ее навещать. И мы тоже. Теперь у нее все хорошо.

Он отвернулся от могилы и уставился на мои ноги.

— Все хорошо, — опять сказал я. — Давай прочитаем молитву.

Пока он, не прекращая сосать палец, держался второй рукой за мою рубашку, я

прочитал коротенькую молитву, в которой попросил Господа Бога позаботиться о Шарле и вознаградить ее за то, что она была такой хорошей собакой и замечательным другом.

После того, как мы засыпали могилу землей — после того, как я засыпал ее, пока Иши смотрел на меня в онемелом молчании, — мы пошли в лес, нарвали там фиолетовых и желтых цветов и положили их на могилу.

— Как ты? — по дороге домой спросил я его.

Он пожал плечом.

Глава 73

Зачем отрезают яйца?

— Вы знаете, что в старину люди верили, будто кастрация излечивает чуму? — спросил Ларри, уминая мои спагетти с тефтельками.

— Что такое «кастрация»? — спросил Ишмаэль.

— Кастрация — это когда тебе отрезают яйца, — ответил Ларри.

— Может, не будем об этом? — спросил я. — Мы ужинаем. И нас слушают любопытные уши.

— Я просто ему объясняю, — сказал Ларри.

— А зачем отрезают яйца? — спросил Ишмаэль.

— Низачем, — сказал Сэм. — Твой дядя Ларри шутит.

— Какие там шутки, — горячо возразил Ларри. — Со всей этой эболой и прочим дерьмом, не удивляйтесь, если сюда заявятся врачи из ЦКПЗ (*центры по контролю и профилактике заболеваний США — прим. пер.*) — уже за вашими яйцами. В этом самом доме их три набора. Три по цене одного.

— То есть, у тебя яиц нет? — сказал Сэм.

— Что такое «абола»? — спросил Ишмаэль.

— Мы можем не обсуждать гениталии при нашем ребенке? — спросил я.

— Это просто мужской разговор, — сказал Ларри. — Мы тут все мужчины. Я думал, тебе нравится обсуждать свои яйца.

— Не перед детьми.

— У Иши тоже есть яйца. Да, Иши?

— Ага, — сказал Ишмаэль.

— И мы любим наши яйца, разве не так?

— Ага! — Ишмаэль усмехнулся, понимая, что его дядя Ларри ведет себя очень нехорошо.

— Ларри, ты не мог бы умолкнуть? — спросил я.

— Расслабься, — промычал он с полным ртом. — Сэм, я не знал, что ты живешь с Пэтом Робертсоном. (*известный религиозный деятель, телевизионный проповедник — прим. пер.*)

— Просто следи за своим языком, — сказал Сэм. — Ему всего семь.

— Иши, как тебе школа? — спросил Ларри.

Иши пожал плечом.

— Отстой, да? Но ходить в школу надо, чтобы стать умным, не таким, как твой голодранец-дядя. Ты же не хочешь зарабатывать на жизнь стрижкой газонов?

— Что плохого в стрижке газонов? — спросил я.

— Ну, это же не настоящая работа, ведь так?

— Как ходить в колледж, за который платят твои родители?

— У меня, по крайней мере, есть будущее.

— Я, по крайней мере, сам оплачиваю свои счета, — сказал я.

— Ну, а Иши пойдет в колледж, — сказал Ларри. — И станет врачом. Да, парень?

— Я не хочу быть врачом, — проговорил Ишмаэль.

— А кем ты хочешь быть? — спросил Ларри.

— Фермером. Как дядя Хен.

Я усмехнулся.

— Да зачем тебе становиться фермером? Ты знаешь, сколько болезней переносит домашний скот? А кролики? А цыплята? Парень, ты о птичьем гриппе когда-нибудь слышал? А о коровьем бешенстве? О, ради всего святого, трихинеллезе. В один прекрасный день твой дядя подхватит какую-нибудь шизанутую хворь, и у него вырастет три головы или типа того.

— Наверяд ли, — ответил я.

— Ты не хочешь быть фермером, — твердо заявил Ларри. — Стань лучше политиком.

— Что такое «политик»? — спросил Ишмаэль.

— Политик это человек, который использует свою личность для контроля рождаемости, — сказал я.

— Что такое «рождаемость»?

— Неважно. Не надо тебе становиться политиком. Они говорят правду только тогда, когда называют друг друга ублюдочными лжецами, кем они и являются.

— Избавь нас от этой социалистической белиберды, — сказал Ларри.

— Вот бы мы все могли работать спустя рукава и получать по двести тысяч долларов в год, — сказал я.

— Серьезно, тебе надо прекратить слушать NPR, — сказал Сэм. *(крупнейшее некоммерческое радио в США — прим. пер.)*

— Кстати, — сказал Ларри. — Недавно один тип из моей группы сказал, что у него проблемы с геями.

Ларри был в экспансивном, разговорчивом настроении. Или, как выразился бы Сэм, вусмерть обдолбан.

— И? — сказал я.

— Ну, а я сказал, знаешь, иметь проблемы с геями это все равно, что иметь проблемы с гномами.

— С гномами?

— Да. С гномами! Я сказал, ты прав, у тебя и впрямь есть проблемы. Но не с геями и не с гномами.

Сэм поперхнулся куском чесночного хлеба.

— Мой внутренний ребенок — гном, — сказал Ларри. — Я в этом уверен.

— Может, потому-то интеллектуальные высоты и находятся вне твоей досягаемости, — заметил Сэм. — Ларри, скажи, что ты куришь?

— Ничего я не курю.

— Курить вредно, — сообщил Ишмаэль.

— Особенно «красного мексиканца», — прибавил Сэм. — Или как там вы теперь называете это дерьмо.

— «Техасский чай», — сказал Ларри с усмешкой. — Это бомба! А «красный мекс» — позавчерашний день. Я пошел и купил такие шукувинки «Рэндис»... слышали про них?

Мы не слышали.

— Это такие бумажечки, и у них по всей длине идет проволочка, чтобы можно было скрутить их и держать как пинцетом. Гениально, да?

— И наверняка ты купил их в «Уолмарте», — сказал Сэм.

— В хедшопе в Мемфисе, — сказал Ларри и, наколов очередную тефтельку, забросил ее себе в рот.

— Когда ты в последний раз ел? — спросил Сэм.

— Я просто реально проголодался, — ответил Ларри. — Еще там продавались такие клевые маленькие типа как картриджи. С виду как штука, в которую вставляется электронная сигарета. Сечете, о чем я? Вот только на самом деле ты наполняешь ее своим стаффом. Ну вы меня поняли. И у нее есть такой маленький пестик, с помощью которого забивается стафф. И маленькая батарейка, чтобы поджигать и курить, и я такой, вау, вот это да, я просто не верю своим глазам!

— Ну ты совсем уже, — качая головой, сказал Сэм.

— Я рассказывал вам о том типе из моей группы?

— Нет, — сказал Сэм, и я прямо-таки увидел, как он мысленно закатывает глаза.

— Как-то раз он надел футболку, на которой было написано: «Я не гей, но мой бойфренд — да». А одна девчонка оскорбилась из-за нее и сказала: «Это не смешно, между прочим. Быть геем — грех. Мне не нравится видеть такие надписи на футболках». А он ей такой: «Вообще-то, если б мы жили сто лет назад, ты бы доила коров, взбивала масло и была собственностью своего мужа. И всем было бы наплевать на твое мнение, потому что в те времена женщинам не полагалось напрягать свои хорошенькие головки. Иначе твой папаша продал бы тебя за три козы, ну или еще за что-то, принятое в те времена. Но поскольку теперь у тебя есть права, давай ты не будешь наезжать на людей, которые борются за свои? Можешь пойти и проголосовать за какого-нибудь оголтелого гомофоба, чтобы такие люди, как мы, не могли вступать в брак. Для тебя это будет прогресс».

— А она что ответила? — спросил Сэм.

— «Знаешь, не все вертится вокруг тебя! Тебе обязательно быть настолько политизированным?» А он такой: «А тебе обязательно быть настолько охерительно тупоголовой?»

— Ты сказал плохое слово! — закричал Иши с усмешкой.

— Извини, парень, — сказал Ларри. — Но так он сказал. Потом пришел преподаватель, и им обоим пришлось заткнуться.

— У тебя такая тяжелая жизнь, — заметил я.

— Большинству, знаешь ли, все равно, — продолжил он.

— Насчет чего? — спросил Сэм.

— Насчет однополых браков. Все преодолеем! (*имеется в виду песня протеста We shall overcome, которую часто исполняют на митингах за гражданские права — прим. пер.*) Моим приятелям в колледже, ну, кроме пары дебилов, вообще наплевать. Ну хотите вы пожениться. И что? Кого это должно волновать? В том смысле, что разрешить вам пожениться — это самый быстрый способ добиться того, чтобы вы перестали заниматься своим гейским сексом, потому что, насколько я слышал, как только ты женишься, о сексе можно забыть. Так что на самом деле вы сделаете всем одолжение. Ладно, есть более

важные вещи, о которых стоит переживать. К примеру, футбол. «Оле Мисс» будут играть с «Алабамой» и выбьют дерьмо из этих рожденных в инцесте ублюдков.

— Они не выигрывали у «Алабамы» со времен президента Никсона, — заметил Сэм.

— Никсона? Я думал, со времен Джонсона.

— В общем, очень давно, — сказал Сэм. — Им в жизни не выиграть.

— Я бы не был настолько уверен. С тех пор, как тренером назначили Фриза, они играют очень даже неплохо. И черт, как же мне хочется увидеть, как они нагнут «Алабаму». Накатим волну! (*фанатская кричалка «Алабамы» — прим. пер.*) Господи ты боже мой. Может, лучше просто заткнетесь, уберетесь обратно домой и поженитесь на своих сестрах? Я накачу им волну!

Ишмаэль съел целую тарелку спагетти и две мои тефтельки — очень много еды для такого маленького ребенка.

— Тебе понравились мои спагетти? — спросил я.

Он усмехнулся.

— Да кто готовит спагетти? — спросил Ларри. — Нет, ты точно не итальянец? Почему ты не можешь сделать сэндвичи барбекю, или жареную свинину, или что-нибудь другое, нормальное?

— Спагетти дешевые и сытные, — сказал я.

— Как и моя последняя девушка, — сказал Ларри. — Боже, какие у нее были батоны.

— Ты о Кайле? — спросил Сэм.

— Ты что! У Кайлы титьки были такими маленькими, что ее принимали за парня.

— У тебя кто-то был после Кайлы?

— Сьюзан, — ответил Ларри.

— Сьюзан? — повторил я. — Не Сьюзи? Не Сьюз? А именно *Сьюзан*?

— Ну, так ее звали, и у нее был загон насчет того, чтобы люди называли ее полным именем, а не всякими «Сьюзи». Она терпеть не могла, когда ее звали Сьюзи. Короче. Мне все время хотелось лежать, зарывшись лицом в ее титьки. День и ночь. А самое потрясающее...

— Ларри, пожалуйста — *пожалуйста!* — ты можешь не говорить о частях тела перед моим ребенком? — сказал я.

— Он и мой ребенок тоже, — вставил Сэм.

— Извини, — сказал Ишмаэлю Ларри. — Когда-нибудь ты поймешь. Встретишь свою собственную Сьюзан, и тебе захочется утонуть в ее огромных, упругих...

— Ларри, хватит, — громко прервал его я.

— Парень, за них было не жалко и умереть, — сказал Ишмаэлю Ларри. — В жизни не видел таких мощных арбузов.

— Я люблю арбузы, — сказал Ишмаэль.

— А когда ты станешь немного постарше, то полюбишь и эти арбузы. Поверь.

Я в отчаянии посмотрел через стол, где сидел Сэм.

— Мы можем не говорить о частях тела, а? — спросил Сэм. — Ларри, ну в самом-то деле, если ты собираешься все время накуриваться, то, наверное, тебе не стоит сюда приходить. Нас, знаешь ли, слушают любопытные уши.

— Вы хуже Дебби и ее муженька. Их дети, по-моему, еще даже не знают, что у них есть гениталии. Она называет пенис своего сына «огурчиком». Да кто зовет свой пенис огурчиком? «Ты помыл свой огурчик?» Иисусе! Называйте вещи своими именами. «Ты

помыл свой большой член или как?» А вагину дочери она называет маленьким «пирожком». «Ты помыла свой пирожок?» Гадость какая. Что с ними не так? Просто используйте нормальные слова, да и все.

— Тебе надо с кем-нибудь переспать, — сообщил ему Сэм. — Может тогда ты перестанешь говорить о батонах, огурчиках и пирожках.

— Ребят, у вас есть пиво?

Глава 74

Все псы попадают в рай

— У Шарлы теперь все хорошо? — спросил Ишмаэль.

Примостившись на краю ванны, я мыл ему голову, пока он сидел в окружении гор мыльной пены. Мы с Сэмом обнаружили, что Ишмаэль моется более тщательно, когда с ним кто-то есть, и потому стали сидеть с ним в ванной по очереди.

— Да, — сказал я и сам удивился тому, насколько легко мне далась эта ложь. — Она была хорошей собакой и попала в рай, к другим хорошим собакам, и теперь у нее все замечательно.

— Она была моим другом, — тихо проговорил он.

— Я знаю, хороший мой. Она была и моим другом тоже. И она очень сильно любила тебя.

— Я тоже ее любил, — сказал он. — Она не обижала меня.

— Она была доброй душой.

Пока я ополаскивал ему волосы, он молчал.

Капитан Америка наблюдал за нами, стоя в углу на бортике ванны. Чаще всего они с Ишмаэлем «плавали» во время купания. Сегодня он в одиночестве стоял в стороне.

— Капитан Америка тоже твой друг, — сказал я.

Ишмаэль взял его в руки и, нахмурившись, уставился на разрисованную красным и синим фигурку.

— Куда она делась?

— Кто? — спросил я.

— Шарла.

— Ее больше нет.

— Но куда она делась?

— На небеса.

— Она исчезла?

— Вроде того.

— Значит, мы больше никогда ее не увидим?

— Да. Никогда.

— Как маму?

— Нет. Не как твою маму. Когда твоей маме станет получше, мы пойдем ее повидать.

— Значит, мама не умерла?

— Нет. Почему ты так говоришь?

— Потому что ее больше нет. Я думал, она умерла.

— Нет, моей хорошей. Твоей маме сейчас помогают поправиться. Когда-нибудь скоро мы сходим проведать ее. Хорошо?

Он пожал плечом.

Глава 75

Я не пойду

— Ты пойдешь туда? — спросил Сэм.

Была пятница, дело шло к вечеру, и я стоял за кассой номер два во «Всегда экономь», а Ишмаэль складывал покупки клиентов. Он относился к своим «обязанностям» очень серьезно, и ему, кажется, доставляло удовольствие аккуратно размещать продукты в тонких полиэтиленовых пакетах. До шести вечера оставалось всего ничего. Как и до собрания приходского совета в церкви Святого Спаса.

— Нет, — сказал я.

— Хен, ты должен пойти.

Я ответил, что передумывать не собираюсь.

— Но почему? — спросил Сэм.

— Что бы я им ни сказал, они все равно поступят по-своему.

— Ты должен себя защитить.

— И сказать что? Хочешь, чтобы я встал перед прихожанами моей церкви и поклялся, что, нет, я не имею привычки прятаться по кустам возле детских площадок и приманивать маленьких детей леденцами? Прости, но я пас.

— Если ты не постоишь за себя, то позволишь заправлять шоу им.

— Сэм, они *уже* заправляют шоу. И сделают все, что им вздумается. Мне и так неприятно. Я не собираюсь выставить себя дураком, чтобы все стало еще хуже, чем есть.

— Мне бы хотелось, чтобы ты научился стоять за себя.

— Я не такой, как ты, Сэм.

— Господи, вот уж точно.

Пока мы стояли и вели эту беседу, к моей кассе, толкая тележку, подошла очень беременная мисс Вики и ее дочь Грейси Линн.

— Мама, а можно мне...

— Грейси Линн, я сказала — нет, — рывкнула мисс Вики, пока Сэм шел, чтобы помочь ей выгрузить покупки на ленту.

— Как вы, мисс Вики? — спросил он.

— Жду не дождусь, когда же этот ребенок вылезет, наконец, из моей матки, вот как, Сэм Рейкстро, — измученным голосом сказала она. — Иначе я скоро помру. И у меня есть новость для Бобби Джо — эти его трубочки будут перевязаны. Я больше не собираюсь проходить через это дерьмо.

— Вам ведь осталось совсем чуть-чуть, да? — спросил я, проводя через сканер дюжину баночек с детским питанием, пачку детских салфеток и упаковку подгузников.

— Мальчики, дайте-ка я скажу вам одну вещь. Поблагодарите Господа Бога за то, что у вас нет женских органов. Если б вам довелось походить с чем-то, размером с индейку, внутри, то, я думаю, вы стали бы больше нас уважать.

— Тут, полагаю, вы правы, — с улыбкой ответил Сэм.

— А где ваш сынишка? — спросил я.

— Дома с отцом. Если его папочка полагает, будто с детьми буду сидеть одна я, то его папочке предстоит узнать много нового. Жить с этим мужчиной, словно зубы выдергивать.

Он все: «Мы беременны! Мы беременны!» Но это не у него же... Грейси Линн, отойди от сладостей. Я же сказала — нет. Сколько раз тебе повторять? ...это не у него же индейка в утробе. «Давай заведем еще одного малыша», — сказал он. — «Это будет так здорово. Грейси Линн нужна маленькая сестричка». Так и наорала бы на него. Господи, когда уже наконец придумают способ выращивать детей в треклятых пробирках.

Сэм усмехнулся.

— Сэм Рейкстро, ты считаешь, это смешно? — с вызовом спросила она.

— Я чувствую вашу боль, — сказал он.

— Да ну? Спустя девять месяцев этого ада мне предстоит ехать в больницу, где мне в вагину будут заглядывать все врачи и медсестры в радиусе пятидесяти миль. В ту самую больницу, где, к вашему сведению, меня брили дважды прежде, чем Грейси Линн родилась, потому что ей потребовалось черт знает сколько времени, чтобы появиться на свет.

Грейси Линн, сжав в руке пакетик конфет M&M's, подняла на мать умоляющие глаза.

— Я же сказала — нет. Ты испортишь себе аппетит. Почему бы тебе не помочь своей маме и...

Внезапно мисс Вики умолкла. Ее лицо исказилось от боли.

— Мисс Вики, с вами все хорошо? — встревожился я.

— О, черт, — пробормотала она, схватившись за свой огромный живот. — Черт!

— Мисс Вики? — К ней подбежал Сэм.

— О... — тихо простонала мисс Вики, больше не обращая на нас никакого внимания.

И у нее, пока она стояла там, держась за живот, отошли воды.

— О, боже мой! — покраснев от стыда, воскликнула Вики, пока вода капала и собиралась в лужицу на полу. — Ребенок скоро родится! Вот черт!

— Мама? — встревоженно вскрикнула Грейси Линн.

— Мне нужно присесть.

— Хен, принеси из моего кабинета стул, — распорядился Сэм.

— Нет, отвезите меня в больницу. Я не стану рожать этого ребенка в чертовом магазине!

Я торопливо выбежал из-за кассы.

Глава 76

Он похож на отсталого

— А Иши отсталый? — спросила Грейси, подняв на меня серьезные прищуренные глаза.

— Нет, — сказал я. — Но он слегка тугодум.

— Он похож на отсталого.

— С ним все нормально, — ответил я.

— Он мне нравится, — призналась она. — Но он похож на отсталого.

— О.

— Мисс Кора сказала, он живет с дядей. Вы его дядя?

— Да.

— Значит, он живет с вами?

— Да.

— Но все говорят, что вам нравятся мальчики. Мистер Сэм ваш бойфренд?

— Ну... в общем, да.

— О, — сказала она.

Мы сидели в приемной больницы в Эмори, и время приближалось к полуночи. Отец Грейси ушел в родильную палату помогать жене с родами, оставив нас с Грейси Линн и Ишмаэлем, который забрался на диван и заснул. Сэм бродил где-то по коридорам в поисках автомата с питьем.

— А почему вам нравятся мальчишки? — спросила она.

— Я не знаю.

— А я ненавижу мальчишек. Ну, кроме Иши. Он смешной. Но остальных я ненавижу. Они на все писают. И еще они глупые.

— Они не такие, как девочки, это уж точно. Ты точно не хочешь вздремнуть?

— Мне не хочется спать. — Она с задумчивым видом поджала губы. — Мама сказала, что ребенок размером с индейку. Как его вытащат из нее, не сделав ей больно? Индейки, они же такие большие. Не представляю, что бы я сделала, если бы внутрь меня попала индейка.

— Ей помогут врачи. Плюс, когда женщина рождает ребенка, ее тело немного меняется, чтобы ребенок мог выйти. В общем, все сложно. Ты спрашивала об этом у мамы?

— Она мне не скажет. Папа говорит, что он нашел меня под камнем, когда рыбачил на Томбигби, но это неправда. Почему он меня обманул?

— Когда станешь постарше — поймешь.

— Вы хотите сказать, что я глупая.

— Нет, ты не глупая. Ты очень умная девочка.

— Так откуда появляются дети?

— Спроси свою маму. Она объяснит.

— Она мне не скажет.

— Это сложная тема.

— Вы сами не знаете, да?

— Я немного путаюсь в некоторых деталях.

— У моей мамы течка?

— Что-что?

— Папа говорит, что когда у собаки-девочки течка, то все собаки-мальчишки сбегаются к ней, потому что у нее должны появиться щенята. У мамы тоже должен появиться малыш. Значит, у нее течка.

— Что-то вроде того, — согласился я.

— Надеюсь, у *меня* никогда течки не будет.

— Я тоже.

Глава 77

Мисс Элис говорит все, как есть

Мы услышали в коридоре шаги, и через секунду перед нами предстала свекровь Вики, которая приехала с побережья. Узнав новости, она, судя по всему, в тот же миг бросила все дела и отправилась в путь. На мисс Элис Лэнс был спортивный костюм, ковбойские сапоги, шляпа и макияж, который знавал лучшие времена. Объемная талия и тонкие ноги делали ее похожей на оливку на зубочистке.

— Бабуля! — вскочив на ноги, взвизгнула Грейси Линн.

— О, моя драгоценная девочка! — воскликнула мисс Элис, спеша нам навстречу. —

Твоя мама уже родила?

— Нет, — ответила Грейси. — Мы еще ждем.

— А кто эти привлекательные мужчины? — Мисс Элис оглядела нас с несколько жеманной улыбкой, играющей на губах.

— Это дядя Хен, — объяснила Грейси. — А это мистер Сэм из магазина.

— Мы присматриваем за детьми, — сказал я. — Когда мисс Вики была в магазине, у нее отошли воды.

— Божечки!

— Да! — прибавила Грейси. — Прямо когда дядя Хен нас заценивал.

— Заценивал вас? Маленькую девочку и беременную женщину? Боже! Что вы за человек, мистер Хен?

— Я кассир.

— Да? — сказала она. — Что ж, полагаю кассирам приходится иметь дело с ценами, разве не так?

Она выдала еще одну жеманную, несколько двусмысленную улыбку, и ее глаза засияли весельем.

— А мистер Сэм... в последний раз, когда я вас видела, вы были от горшка два вершка и помогали на кассе в магазине вашего папы. И поглядите, каким вы стали теперь... бог ты мой!

Она наградила его долгим и в каком-то смысле обожающим взглядом.

— Вы напоминаете мне Джимми Стюарта, — сказала она. — Конечно же, в молодости. Боже, что это был за мужчина...

Она надолго задумалась. Ее дыхание стало очень глубоким, губы дрожали, словно она представляла, как Джимми Стюарт ощупывает ее.

— Боже, каким мужчиной он был, — в конце концов с придыханием сказала она. — Глядя на него, вам хотелось... ох, вам хотелось, чтобы он проделал с вами ужасные, но такие приятные вещи. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Думаю, да, — сказал Сэм с улыбкой.

— Таких мужчин встретишь нечасто.

— К сожалению.

— Грех всего в одном шаге от рая, — сказала она. Потом положила руку ему на плечо и через футболку пощупала его бицепс. — Вы такой сильный. И крепкий. Люблю сильных мужчин. И крепких. Чем крепче, тем лучше. Как любезно с вашей стороны было присмотреть за моим маленьким кексиком-шмексиком, мистер Сэм.

— Бабуля! Я не твой кексик-шмексик! — раздраженно воскликнула Грейси Линн.

— Ты всегда будешь моим маленьким кексиком, — сказала мисс Элис. — И это так присуще женщинам Лэнсов — быть в компании красивых мужчин.

— Бабуля!

— Юная леди, но они и впрямь очень привлекательные молодые мужчины. Тебе повезло!

— Я ненавижу мальчишек.

— Дорогая, это ты сейчас так говоришь. Подожди несколько лет. Когда ты поймешь... поймешь, что может сделать мужчина... своим... в общем, тогда, юная леди, ты запоешь по-другому. Но я-то, конечно, обожаю мужчин и потому могу быть необъективна. Люди

говорят, что мой первый муж должен был меня приструнить. Я же предпочитаю думать, что он многому меня научил, а после благородно отпустил на свободу. За что мой второй, третий и четвертый мужья были ему благодарны. *Очень* благодарны, если вы понимаете, что я имею в виду.

Она улыбнулась Сэму — кажется, даже немного выпятив губы.

— Что думаете, мистер Сэм?

— Ну... — сказал Сэм.

— Неужели у вас нет миссис Сэм Рейкстро? — спросила она.

— Ну... — повторил он.

— А вы, мистер Хен, — прибавила она, повернувшись ко мне. — Вы, похоже, относитесь к типу сильных, молчаливых людей. В тихом омуте черти водятся... мне нравятся такие мужчины.

Я улыбнулся.

— Бабуль, дяде Хену нравятся мальчики, — буркнула Грейси.

— Что-что, дорогая?

— У него есть бойфренд.

— Бог ты мой, Грейси Линн! Такие вещи нельзя говорить. Иисусе.

— Бабуля, но это правда. Он сам мне сказал.

Мисс Элис перевела взгляд на меня.

Я пожал плечами, как бы говоря: «И что дальше?».

— То есть вы... боже праведный, я даже не могу сказать это слово. Но почему? Вы же такой симпатичный мужчина.

— Ну... — сказал я.

— Но в вашей жизни точно должна быть особая женщина, — сказала она. — Без такого украшения рядом с собой мужчина неполноценен, разве не так? Что же вы делаете, когда у вас возникают желания и потребности... а желания есть у нас всех, дорогой. И потребности. Как могут двое мужчин...?

— Ну... — вновь проговорил я.

— Боюсь, это я во всем виноват, — сказал Сэм. — Мы с Хеном начали встречаться еще в старшей школе.

— Вы с ним? — сказала она. — Еще в школе? То есть, вы и мистер Хен... вы... вместе?

— Так точно, — гордо ответил Сэм.

— Святые угодники!

— Я же тебе говорила, — сказала Грейси Линн.

— Господи, и что только ты не болтаешь. Твоей маме надо бы вымыть твой рот с мылом.

Мисс Элис бросила взгляд на диван, где спал Ишмаэль.

— Теперь-то я понимаю, что он не ваш, — сообщила она. — Я достаточно пожила, чтобы знать, что своих детей у вас быть не может. В том смысле, что: как? У вас просто нет надлежащего оборудования.

— Он мой племянник, — сказал я. — Мы взяли его к себе.

— Вы так говорите, словно у него нет мамы.

— Ну... — Я не стал продолжать.

— У бедного ребенка нет мамы? — спросила она, прищурившись на меня.

— У нее небольшие проблемы с законом, — сказал я.

— И вы взяли его на свое попечение? Как это мило. Знаете, дорогой, для женщины важно, чтобы у мужчины помимо прочего было доброе, сострадательное, равнодушное сердце, и когда мужчина берет на себя заботу о несчастном, беспомощном малыше... ох, от такого у женщин мурашки бегут, в самом хорошем смысле этого слова.

— Иши отсталый, — выдала Грейси.

— Грейси Линн Лэнс! — сказала мисс Элис. — Леди в такой манере не говорят. Я воспитывала тебя по-другому.

— Но он такой и есть, — строптиво ответила та.

— Даже если и так, — сказала мисс Элис, — говорить подобные вещи невежливо. Запомни, мисс Грейси: людей нельзя оскорблять. А теперь, кто хочет сопроводить пожилую леди в кафе? Я так долго сюда добиралась.

И она кокетливо помахала ресницами.

Глава 78

Она у нас бойкая

— Это девочка. Здоровая девочка, — объявил Бобби Джо Лэнс, влетев в приемную вместе с мисс Элис, которая, тяжело дыша, бежала за ним по пятам. — Надо присесть, а то я вот-вот вырублюсь. В следующий раз попрошу, чтобы эпидуральную анестезию сделали *мне*.

— Как же ты намучился у меня, — засуежилась вокруг него мать. — Солнышко, сядь вот сюда и отдохни.

— Мама!

— Что?

— Я слишком взрослый, чтобы ты звала меня солнышком. Сто раз тебе говорил. Хен, Сэм, спасибо, что приглядели за моей маленькой Грейси. Она у нас бойкая, да? А кто этот парнишка?

Ишмаэль, спрятавшийся за нас, ничего не сказал.

— Мой племянник, — ответил я.

— Это Иши, — сказала Грейси. — У него не все винтики вертятся. Так мама сказала.

— Грейси Линн! — с чувством провозгласила мисс Элис. — Леди не должна так говорить.

— Что? — невинно спросила Грейси. — Он мой друг. Да, Иши?

Ишмаэль усмехнулся.

— Он язык проглотил, — проинформировала нас Грейси.

— Я рад, что с мисс Вики все хорошо, — сказал я Бобби Джо.

— Ну и переволновался же я, — сказал он, вытирая лоб.

— Чего это? — спросила его мать.

— Если б Господь призвал нас к себе прямо сейчас — и Вики с ребенком, и всех... в общем, это было бы как-то неправильно. Малышка так никогда и не выросла бы. Что за жизнь у нее бы была?

— Не говори глупостей, — сказала мисс Элис.

— А Господь может призвать нас в любой момент — с тем, какие сейчас пошли люди. Я не знаю, сколько еще мы будем терпеть этого человека, который сидит в Белом доме. Господу явно надоело посылать к нам своих ангелов. А в Библии говорится: горе питающим сосцами в те дни. Там прямо так и написано, мама.

Я, как мог, изобразил улыбку и, взяв Иши за руку, проговорил:

— Нам лучше поехать домой.

— Ну, я страшно вам благодарен за все, что вы сделали, — сказал Бобби Джо. — Вики сказала, вы позаботились о ней, как надо, чин чинарем. Очень признателен. Вам обоим. Я ваш должник.

Глава 79

Два его папочки

За пятиминутную дорогу домой Ишмаэль снова заснул. Я взял его на руки, унес в спальню и положил на кровать. Сэм снял с него обувь — на нем были его любимые черные кроссовки, — потом накрыл одеялом.

— Пускай спит, бедный ребенок, — проговорил он. — Ему уже давно пора быть в постели.

— Мне тоже, — сказал я.

— Да и мне, — признал Сэм. — Господи, мы прямо как женатая пара. Хорошо хоть, что завтра не в школу. Можно подольше поспать.

Я постоял с минуту, глядя на Ишмаэля. Во сне его лицо стало спокойным. Одеяло, казалось, поглотило его целиком. Он весил не больше сорока фунтов, этот малыш. Такой хрупкий, такой уязвимый. Я убрал темные волосы с его глаз.

— На что ты смотришь? — спросил Сэм.

— Мы правда собираемся это сделать, да?

— Сделать что?

Я поднял глаза на него.

— Сделать что, Хен?

— Стать его родителями. Его «двумя папочками». Совсем как у натуралов. Однажды ты просыпаешься, и твоя женщина оказывается беременна, и внезапно... вот оно, «чудо жизни». Внезапно появляется существо, которому нужно все твое время, внимание и любовь.

— Но это же хорошо. Разве нет?

— Это замечательно, — признал я.

— Ладно. Идем, папочка. Есть еще одно чудо жизни, с которым я хочу тебя познакомить.

Он взял меня за руку, и я позволил увести себя в спальню. Там Сэм закрыл дверь и с улыбкой на губах повернулся ко мне.

— Позволь-ка. — Он взялся за край моей футболки и потянул ее вверх, бережно раздевая меня, а после, улыбаясь, оглядел мое обнаженное тело.

— Сейчас я займусь с тобой любовью, — торжественно пообещал он. — И сделаю так, что ты обрадуешься тому, что ты мужчина. Что ты *мой* мужчина. Ты знаешь, что скоро наша пятнадцатая годовщина? Это была в ночь на Хэллоуин. Ты и я. В твоей старой комнате. Полностью голые. Как парочка кроликов. Кажется, в ту ночь мы занимались этим раз пять.

— Шесть, — сказал я.

— Если б нас застукала твоя мама, она бы убила меня. Но мне было все равно. Настолько я был от тебя без ума. Был и есть.

И в подтверждение он прильнул губами к моим губам.

Глава 80

Семейный день

Утром я нашел Сэма и Ишмаэля на кухне. Они были заняты приготовлением огромного завтрака. На плите поджаривалась в сковороде яичница вместе с толкими ломтиками ветчины, в духовке стояло печенье, а на столе — соус в горшочке и клубника со сливками.

— Почему вы не разбудили меня? — спросил я, торопливо наливая себе чашку кофе. — У меня же дела по хозяйству.

— Красавец, мы уже все сделали сами, — объявил Сэм и, обняв меня, под хихиканье Ишмаэля поцеловал меня в губы. — Правда, Иши? — сказал он. — А ты не поцелуешь своего дядю Хена?

Я наклонился, и Ишмаэль чмокнул меня в щеку.

— Дядя Хен, мы делаем тебе завтрак, — сообщил он. — У нас праздник.

— Малыш, в честь чего?

— Не знаю, — честно признался он.

— В честь нашей семьи, — сказал Сэм. — У нас будет семейный завтрак. А чуть позже мы пойдем рыбачить и плавать, потом вернемся домой и посмотрим, как «Оле Мисс Ребелс» надирают зад «Алабаме». Правда, ковбоец?

— Ага! — с энтузиазмом сказал Ишмаэль.

— И сегодня Иши прыгнет с уступа, да?

— Нетушки, дядя Сэм.

— Ты обещал мне подумать.

— Я не буду прыгаться, дядя Сэм.

— Ну, ты все же подумай, и если решишь согласиться, то мы прыгнем вместе. Знаешь, это же весело. Тебе точно понравится. А потом у нас будет особенный ужин. Верно, ковбоец?

— Мы пойдем в рек-со-ран, — сказал Ишмаэль.

— Да, в мексиканский, и будем обедаться там тако и энчиладой, пока нас не станет тошнить! — добавил Сэм.

— Ага! — со счастливой улыбкой сказал Ишмаэль.

— И угощать буду я, чтобы дядя Хен не волновался, что сколько стоит. Так что твой дядя Хен посадит свой зад за стол и не будет мешать нам, потому что мы голодные мужики. Да, Иши?

— Ага!

— А где мой телефон? — спросил я.

— Что? — сказал Сэм.

— Мой телефон. Где он?

— Не знаю.

— Я всегда оставляю его на столе. Ты это знаешь.

— Не видел его. Сядь и поешь.

— Где мой телефон?

Сэм, который следил за яичницей, повернулся, посмотрел на меня, и на его лице промелькнуло какое-то странное беспокойство.

— Что? — спросил я.

— Просто сядь и поешь.

— Я хочу знать, где мой телефон.

Сэм вздохнул.

— Что? — спросил я.

— Мы можем сначала поесть?

— Сэм, где мой телефон?

— Я положил его на журнальный столик в гостиной. Но пожалуйста, давай мы сначала...

Я пошел в гостиную и схватил телефон.

Там было сообщение от Анны: *Я слышала, что случилось. Очень сочувствую. Позвони.*

Конечно, я понял, что значит ее сообщение и почему Сэм не хотел, чтобы я его прочитал. Приходской совет встретился и решил разобраться с проблемой «практикующего гомосексуалиста», который играет на гитаре во время месс и получает причастие.

Я положил телефон и вздохнул.

Глава 81

Точка зрения сестры Асенсьон

В понедельник утром, подстригая газон у мисс Иды, я увидел, как у обочины остановился фургон церкви Святого Спаса. Оттуда вышла сестра Асенсьон и направилась прямо ко мне.

— Хен, нам на вчерашней мессе тебя не хватало, — сказала она, когда я выключил газонокосилку.

Я ничего не сказал.

— Мне очень жаль, Хен. Правда. Они меня не послушали.

Я не знал, что сказать. Страшась этого разговора и не желая иметь дела с проблемой, я не ответил на три ее телефонных звонка и проигнорировал четыре ее сообщения — как и звонки с сообщениями от нескольких других прихожан. На вчерашнюю мессу я не пошел, потому что на душе у меня было гадко, и я был несколько зол.

— Ты, должно быть, расстроен, — проговорила она.

— Вы тут не виноваты.

— Это моя церковь, — возразила она. — И в моей церкви мы не отворачиваемся от людей, потому что они грешат иначе, чем остальные. Я расстроена, Хен. Ответственность лежит и на мне. Я должна была остановить их, но поскольку я не священник... поскольку я *просто монахиня*... мое слово значит немного. То, что случилось, неправильно, и знай, что я уже поговорила с епископом. Это еще не конец.

Я вытер с лица и шеи пот.

— Есть и хорошие новости. Это был компромисс. Основной их заботой была твоя игра на гитаре, и они согласились, что если тебя отстранят от участия в хоре, то они не будут настаивать на чем-то еще. Не идеально, конечно, но могло быть и хуже. Три голоса против двух, и они почувствовали, что добились хотя бы чего-то.

Я был не в настроении замечать положительные моменты.

— Хен, ну не надо так. Очень многие прихожане огорчены, и у отца Гуэрры сейчас, наверное, разрывается телефон. Мисс Стелла получила то, что хотела, но она не подумала о последствиях.

— О каких, например?

— Члены совета избираются голосованием. И в следующий раз их могут и не избрать.

— О.

— Знаешь, формально она права. Если очень жестко, очень дотошно, бескомпромиссно следовать букве Писания, то она права — и все же она заблуждается, и очень многие это осознают. Святой Отец ведет нас совсем в другом направлении. Мы должны прекратить стучать людям по головам церковной доктриной.

— Я знаю, вы в непрестом положении, — сказал я. — И мне очень жаль. Но прямо сейчас я слишком зол, чтобы мне было не все равно.

— Я знаю, ты злишься, но не отгораживайся от нас.

— У меня есть право следовать своей совести.

— Я напомнила им об этом.

— Любить мужчину, быть верным ему и посвящать ему свою жизнь — это не грех. Печально, что церковь считает иначе, но это не моя проблема, а их.

— Мне ты об этом можешь не говорить.

— Я ведь ничего плохого не сделал.

— Не сделал.

— Но я недостаточно хорош, чтобы во время мессы играть на гитаре.

— Для кого-то — возможно. Но у остальных никаких проблем с этим нет. Хен, не позволяй людям, вроде мисс Стеллы, сломить себя.

— Это неправильно.

— И я надеюсь, что однажды она это поймет.

— Знаете, а может все к лучшему, — сказал я.

— Почему?

— Я не знаю, зачем вообще хожу в церковь. Я же не верю в половину всей этой чепухи.

— Хен, не надо так говорить.

— Иисус был замечательной личностью, но от его последователей меня немного тошнит.

— Его последователи часто ошибаются, но это не должно сбивать тебя с толку. Ты часть нашей семьи. Как и все остальные.

Я тяжело вздохнул.

— Хен, я не собираюсь тебе докучать. Просто держи дверь открытой — это все, о чем я прошу. Хочешь ты этого или нет, но ты — часть нашей семьи. Важная ее часть. Не забывай.

Глава 82

Заправка мистера Хасана

По дороге домой я заехал на заправку «Тексако» на севере Мейн-стрит, чтобы наполнить бак. Кроме «хонды» мистера Хасана, которая стояла возле обочины с наклейкой церкви Святого Спаса на бампере, других машин на станции не было.

По причинам, известным только Всевышнему и саудовским принцам, бензин теперь стоил меньше трех долларов за галлон, и полный бак обошелся мне в двадцать долларов, что было практически чудом.

Я зашел внутрь, чтобы купить местную новостную газету, и обнаружил мистера Хасана, стоящего за прилавком, в крайне встревоженном состоянии.

— Здравствуйте, мистер Хасан, — поздоровался я.

— Как дела, Хен? — вежливо отозвался он.

— Держусь. А как вы?

Он поморщился.

— Что? — обеспокоенно спросил я.

— Ничего, — не поднимая глаз, сказал он.

— Что такое, мистер Хасан?

— Ничего.

Мне показалось странным, что он отказывается смотреть на меня.

— У вас все нормально? — спросил я.

Он тяжело вздохнул и, словно боясь проговориться, крепко сжал губы.

— Что случилось? — не отставал я.

Наконец он повернулся ко мне.

— Идемте, я вам покажу.

Он вышел из-за прилавка, вывел меня наружу и повернул направо, за угол автозаправки.

Там я увидел граффити на стене: «Убирайтесь домой, песчаные ниггеры».

Надпись дополнял коряво изображенный верблюд.

— Я не знаю, что делать, — признался мистер Хасан, опуская лицо, словно ему было стыдно.

— Надо позвонить в полицию, — сказал я.

— Нет, — сказал он.

— Почему?

— Они не смогут помочь.

— Почему нет?

Но он только пожал плечом.

— Почему? — повторил я.

— Здесь есть группа ребят, — сказал он, — которые ходят вместе. Я знаю, что это они.

— Сообщите о них.

— Один из них — Рики.

Рики Калкинс, подумал я. Младший сын шефа Калкинса.

— Это не должно вас останавливать.

— Мне не нужны проблемы. Я просто расстроен, и все.

— Еще бы! У вас есть полное право расстраиваться!

— Я не гражданин. У меня нет прав. Я не американец, как вы.

— Глупости.

— Хен, пожалуйста. Мне не нужны неприятности.

— Нам надо поговорить с сестрой Асенсьон.

— Нет. Пожалуйста. Не надо ничего говорить.

— Извините, мистер Хасан, но иначе нельзя. Это неправильно. Это общественный вандализм, порча собственности и преступление на почве ненависти. Мы обязаны кому-нибудь рассказать.

— Они просто дети, — грустно проговорил он.

— Рики Калкинс и его банда никакие не дети. Они старшекласники.

— Ну, а ведут себя будто дети.

— Они ведут себя как чертовы идиоты. Я схожу к сестре Асенсьон.

— Прошу вас, не надо.

— Извините, но по-другому я не могу. Это неправильно. Нельзя позволять людям заниматься такими вещами.

— Но мне не нужны неприятности.

— Мы проследим, чтобы никаких неприятностей не возникло. — Я поднял только что купленную газету. — И еще я схожу в редакцию и введу их в курс дела. Мы позаботимся о том, чтобы ничего подобного больше не повторилось.

— Но у меня нет гражданства. Только грин-карта.

— Здесь не Афганистан.

Глава 83

Об этом должны прочитать

Когда Марк Фусберг из «Новостей Винегар-Бенда» опубликовал фотографии вандализма на странице своей газеты в фейсбуке, разверзся ад — насколько это было возможно в таком маленьком городишке, как наш.

Шеф Калкинс с помощниками спешно приехал, чтобы расследовать дело. Одновременно с ними прибыл и Фусберг, уведомленный сестрой Асенсьон, которой я позвонил и которая тоже поспешила приехать на автозаправку.

— Серьезно, мне не надо, чтоб вы тут фотографировали, — сказал Фусбергу Калкинс.

Фусберг выдал извиняющуюся улыбку.

— Вы должны позволить нам расследовать дело, — попытался настоять на своем Калкинс.

— Уж извините, шеф, но это новости, и людям захочется быть в курсе дела, — ответил Фусберг, ни капельки не смутившись.

— Он прав, — добавила сестра Асенсьон — словно для того, чтобы развеять любые оставшиеся у шефа сомнения.

Калкинс сжал губы.

Пока мы стояли там, Фусберг снял граффити на айфон и немедленно опубликовал фотографию на странице газеты в фейсбуке под заголовком: «Вандалы разрисовали автозаправку «Тексако» в Бенде. Новые подробности по мере развития ситуации».

По тому, как у всех сразу же зазвонили, затрещали и запикали телефоны, можно было подумать, что Фусберг поднес к баку с бензином горящую спичку.

Не успел Калкинс опросить мистера Хасана, как из Тупело в срочном порядке примчалась съемочная группа с канала WTVA, а следом за ними — группа с WCBI и Колумбуса вместе с репортером и фотографом из «Тупело Дейли Джорнал», не говоря уже о трех из пяти олдерменов и пасторе из Первой Баптистской. Приехал даже мэр Райли. Припарковав свой «ленд круизер» на другой стороне улицы, он направился к нам с таким недовольным выражением на лице, словно не мог поверить в то, что кому-то хватило безрассудства и наглости таким образом причинить ему беспокойство.

Мистер Хасан стоял плечом к плечу с сестрой Асенсьон, и пока он мялся перед камерами и глазами, устремленными на него, сестра высказала мнение, что «графффити такого рода — совсем не то, что представляет из себя Винегар-Бенд».

— Совершенно верно, — прибавил громким, поставленным голосом брат Джо из Первой Баптистской. — Подобные вещи не отражают души, умы и сердца жителей нашего добропорядочного сообщества. Мы, жители Винегар-Бенда, благочестивые люди.

Миролюбивые. Для меня нет никаких сомнений, что это сделали какие-то буяны не из нашего города...

Брата Джо немедленно попросили пояснить, кого именно он имеет в виду — и кто вообще такие эти буяны? — и он предположил — небрежно, спокойно, медовым тоном, отточенным за годы на кафедре, и без тени стыда на пухлом лице за ложь, которую он собирался сказать — что, скорее всего, какие-то хулиганы из Тупело, Старквилля или даже из Алабамы решили опозорить наш бедный маленький городок.

Я печально покачал головой.

— Дни, когда так поступали у нас, давно в прошлом, — заверил своих слушателей брат Джо. Можно было не уточнять, какие именно «дни» имелись в виду.

— Бенд — образцовый город, — продолжил он, — и мы гордимся предпринятыми нами шагами. Я думаю, вы узнаете на себе, что в Бенде всем рады.

— Я бы не была слишком уверена, — сказала сестра Асенсьон.

Фусберг повернулся в ее сторону, точно акула, которая почуяла кровь.

— Ведь буквально на днях приходской совет церкви Святого Спаса уволил одного музыканта за то, что он гей. Предубеждения и фанатизм в нашем сообществе не ушли в прошлое. Конечно, был достигнут огромный прогресс, но нам еще есть над чем поработать.

У брата Джо сделалось такое лицо, словно ему помочились в ботинки.

— Кого-то уволили? — сказал Фусберг.

— Если вы спрашиваете, то наверняка узнаете, о ком идет речь, — ответила сестра Асенсьон.

— Но вы согласны подтвердить это, как случившийся факт?

— Разумеется. Я присутствовала в тот день на собрании. Возможно, вам захочется пообщаться с президентом совета.

— И это...?

— Мисс Стелла Кросс, — сказала, взглянув на меня, сестра Асенсьон. — Она может высказаться по делу намного лучше меня. Как вам известно, именно совет принимает решения за приход.

— Я поговорю с ней, — пообещал Фусберг.

— Что до предположения брата Джо, я не уверена, что нам стоит ссылаться на действия кого-то извне...

— Вы считаете, это был кто-то из местных?

— Дети, кто же еще, — просто сказала она. — Предполагать, что кто-то приехал за этим из Алабамы было бы слегка чересчур.

— Но это совершенно не соответствует духу нашего города, — возразил брат Джо.

Сестра Асенсьон только улыбнулась.

Мистер Хасан, торопясь вернуться за кассовый аппарат, оставил нас стоять у колонок.

Глава 84

Метеоризм Гитлера

— Вы знаете, что Адольф Гитлер страдал от метеоризма? — спросил тем вечером Ларри после того, как влетел к нам на кухню и уселся за обеденный стол.

— Если ты собираешься ужинать с нами, потрудись не опаздывать, — предложил я.

— Я серьезно! — воскликнул Ларри.

— Я тоже.

— В смысле, насчет его метеоризма. Неудивительно, что он был таким гадом. Ходил целый день и пердел. Хен, твои жареные цыплята просто атас. Как жизнь, мужичок? Ребят, у вас есть салфетки?

Сэм передал брату коробку влажных салфеток, которую мы держали на столе исключительно ради него.

— Спасибо, — сказал Ларри. — Господи, я умираю от голода. Короче. Гитлер лечился таблетками, сделанными из стрихнина и белладонны, которые состряпал у себя в мет-лаборатории какой-то шизанутый нацистский врач-шарлатан...

— Не думаю, что в нацистской Германии существовали мет-лаборатории, — заметил Сэм.

— ...и теперь появилась версия, что эти таблетки — фактически, это был яд — и способствовали его «перепадам настроения» в 40-х.

— Гитлер убил миллионы людей, потому что у него были газы? — спросил я.

— Ну да, — сказал Ларри. — Сам посуди, каково это — постоянно пердеть...

Иши хихикнул.

— ...и при этом ты самый могущественный человек на земле, ну или считаешь себя таковым, приговариваешь людей к смерти, строишь концлагеря, и твои штурмовики вторгаются в Россию и Польшу, и, о, прощу прощения, подождите-ка... пф-ф-ф-ф! — Ларри сымитировал неприличный звук пердежа.

Ишмаэль выплюнул на стол полный рот картофельного пюре. Сэм засмеялся.

— Слушай, ну в самом-то деле, — сказал я. — Может, пока мы едим, избавишь нас от шуток про газы?

— Такая шиза! Этот хер принимал...

— Ты сказал плохое слово! — радостно завопил Ишмаэль.

— ...стрихнин с белладонной, и они его не убили. Просто, наверное, некоторые люди слишком злобные, чтобы умереть.

— Ты сказал плохое слово! — повторил Ишмаэль с уже сердитым выражением на лице.

— Извини, парень, но Гитлер был плохим мальчиком, и его наверняка называли словами похуже. А знаете... раз уж мы заговорили о пердеже и дерьме... знаете, что еще я узнал?

— Даже не представляю, — сказал я. — И следи за своим языком. Нас, знаешь ли, слушают любопытные уши.

— После того, как люди смывают за собой в туалете...

— Ты кроме жизнедеятельности организма хоть о чем-нибудь думаешь? — спросил я.

— ...в воздухе остаются кишечные вирусы, и можно заболеть, если вдохнуть их, так что вспомни об этом, когда в следующий раз зайдешь в туалет после того, как кто-то отложит личинку. Заходишь ты и такой — воу! Что за дерьмо? Потому что это и правда дерьмо. Ну, бактериальное.

Ишмаэль засмеялся.

— Все. Проехали, — сказал я.

— Тебя чему вообще учат в твоём «Оле Мисс»? — спросил Сэм.

— На самом деле я прочитал это на фейсбуке. Еще там говорилось об офисных кружках. Ну, вы знаете, как люди оставляют свои кружки по всему офису. В общем, в одной из пяти таких кружек находятся фекальные бактерии и гадость вроде кишечной палочки и бог знает,

чего еще. Чтобы пить из таких кружек, надо быть ненормальным. Люди оставляют на них и частицы своего кала. Господи, это так омерзительно, что от одной только мысли хочется блевануть.

— Очаровательно, — сказал Сэм.

— Предпочитаю быть информированным. Ну ладно. А у вас как дела?

Мы рассказали ему о граффити на стене заправки мистера Хасана.

— Охереть!

— Ты мог бы не выражаться перед моим ребенком? — спросил я.

— Почему это он *твой* ребенок? — спросил Сэм. — Он *мой* ковбоек. Правда ведь,

Иши?

Ишмаэль счастливо кивнул.

— Ребят, вы прямо как пожилая женатая пара, — сказал Ларри. — Уже известно, кто это сделал?

— Скорее всего Рики с друзьями.

— Рики Калкинс? — Обмозговав эту информацию, Ларри издал смешок. — Малыш Рики Калкинс? А дело будет расследовать его важный папочка из полиции?

— Именно так, — сказал я. — Сегодня показывали по WTVA. У Калкинса был такой вид, будто он наступил в коровью лепешку.

— Все это плохо для Бенда, — серьезно проговорил Сэм.

— Еще как, — сказал я.

— Плохо для бизнеса. Не хотелось бы, чтобы нас считали кучкой реднеков.

— Мы сидим на кухне, болтаем о пердеже и фекалиях, и мы не реднеки? — спросил я.

— Это бросило тень на всех нас, — сказал Сэм.

— И еще было очень гадко по отношению к мистеру Хасану.

— Ну, в том числе.

— Это важно, — заметил я.

— Мистера Хасана недолюбливает куча народу, — сказал Ларри, уминая сдобренное маслом картофельное пюре.

— Почему? — спросил я.

— Сам знаешь.

— Нет, не знаю.

— Он «песчаный ниггер».

— Ты мог бы не использовать это выражение в моем доме? — потребовал я.

— Хен, не бесись. Иисусе.

— Ларри, прости, ты мне нравишься, ты Сэмов брат и так далее, но пожалуйста, ради всего святого, ты можешь думать, что говоришь, в присутствии любопытных маленьких ушек?

— О, — пристыженно пробормотал он. — Не слушай меня, мужичок. Я плохой мальчик.

— Ты сказал плохое слово, — заявил Ишмаэль. — Дядя Хен, а что такое «песчаный ниггер»?

— Вот видишь, — сказал я, метнув в сторону Ларри разгневанный взгляд.

— Это нехорошее выражение, Иши, — сказал Сэм своим особым отцовским голосом. — Такие вещи мы в нашем доме не говорим. Окей?

— Почему?

— Потому что они обижают людей. Тебе разве понравилось бы, если бы кто-нибудь обозвал тебя плохим словом?

— Нет.

— Вот и мы не должны поступать так с другими людьми. Это некрасиво.

— Окей.

— Хочешь, чтобы твой дядя Ларри помог тебе с домашней работой? — спросил Ларри.

— Мне надо учить табрицу.

— Что за табрица такая?

— Таблица умножения, — сказал я.

— Я никак ее не запомнюсь, — прибавил он.

— *Не запомню*, — сказал я.

— Не запомнюсь.

— Малыш, правильно говорить «не запомню».

— О.

— Я тебе помогу, — пообещал Ларри.

— Правда?

— Конечно.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— На мизинчиках поклянешься?

— Конечно. Давай. — Ларри оттопырил мизинец. — В детстве мы с твоим дядей Сэмом постоянно клялись на мизинчиках — в основном, потому что боялись, что о наших шалостях проведает мама. А шалили мы часто. Это дядя Сэм научил тебя такой клятве?

Иши кивнул.

Ларри, очень широко ухмыляясь, покосился на Сэма.

— Не вздумай, — предостерег его Сэм.

— Помнишь, когда ты в последний раз заставил меня поклясться на мизинчиках? — спросил Ларри.

— Тебе обязательно снова рассказывать эту историю?

— А что было-то? — спросил я.

— В общем, он пошел в ванную и очень, очень долго оттуда не выходил... потому что играл, так сказать, с одной штучкой, с которой ему нельзя было играть, и он испугался, что мама узнает, и заставил меня поклясться на мизинчиках, что я никому не скажу, что он там делал.

Сэм покраснел от смущения.

— Так с чем он играл? — спросил я, наслаждаясь его дискомфортом.

— Не знаю, не рассмотрел. Эта штучка была такой маленькой, — сказал Ларри.

— Невероятно. Мы вместе так долго, а я ни разу не слышал эту историю, — сказал я.

— Мне было всего тринадцать, — сказал в свое оправдание Сэм.

— Я зашел уже в самом конце, — сказал Ларри. — Он, по-моему, и не заметил меня. Я понятия не имел, что он делает и почему, но у него было такое лицо... господи, он морщился, будто от боли.

— У него до сих пор иногда бывает такое лицо, — вставил я.

— Я подумал, что у него сердечный приступ или что-то типа того. И сказал ему: «Что с тобой?», а он посмотрел на меня такими глазами, словно поверить не мог, что за ним

наблюдали. Даже тогда он был конченным извращенцем.

— Я? Это же ты шнырял по дому и подсматривал за людьми, — возразил Сэм.

— Я хотел писать!

— Мог бы и подождать.

— Но ты так долго не выходил. Теперь-то я понимаю, из-за чего.

— Мы можем не говорить об этом в присутствии моего маленького ковбойца?

— Он краснеет! Боже, его было просто не остановить.

— Ну все! — рявкнул Сэм. — Хватит уже.

— Он наявивал, как перед концом света.

— Можно подумать, ты никогда этим не занимался!

— Но не перед целым же домом!

— Я был в ванной, и дверь была закрыта.

— Черт, надо было позвать соседей и продавать на твоё шоу билеты.

— Ты такой говнюк.

— Я бы с радостью заплатил, — признался я.

— Что ж, — бодро сказал Ларри, — как говорится, горбатого могила исправит, но ненадолго можно выбить дурь палкой. Если она не поможет, так хоть успокоит. Ребят, у вас пиво есть?

Сэм фыркнул.

— А знаешь, как еще говорят? Когда споришь с дураком, убедись, что он не делает то же самое.

Глава 85

Вид с последней скамьи

Я ходил в Святого Спаса всю свою жизнь, в эту старую кирпичную церковь, в колокол которой давно не звонили из страха обвалить колокольню — такой она была старой. Зимой в ней, гордой и величественной в духе сороковых, всегда гуляли холодные сквозняки, а летом стояла жара, как в аду. Приходской совет неустанно напоминал нам о «неимоверных расходах» на содержание кондиционеров.

Она славилась своими великолепными витражами, а развесистый клен во дворе свидетельствовал о том, сколько лун пришло и ушло с ее основания.

Мы с Ишмаэлем прибыли в самый последний момент и сели на самом последнем ряду. Я изо всех сил старался не замечать, что на меня смотрят. Сестра Асенсьон, которая вместе с отцом Гуэррой ждала у дверей начала процессии, подошла ко мне, чтобы в утешение положить руку мне на плечо и предложить натянутую, многострадальческую улыбку.

Сказать она ничего не сказала. Говорить было нечего.

Что поделать. Так получилось.

С моего места на задней скамье открывался хороший обзор на светловолосый затылок мисс Стеллы Кросс. Она сидела рядом с мужем прямо как палка. Ведь, в конце концов, она была столпом общества.

Келли и Анна справились без меня на отлично.

Мне всегда довольно неплохо удавалось не будить спящих псов, но глядя в затылок мисс Стеллы, я становился все злее и злее. Когда пришло время причастия, я взял Иши за руку, и мы тихо выскользнули за дверь. Причащаться в таком разгневанном состоянии казалось

неправильным.

— Ты не пошел на перчастие, — сказал Ишмаэль, пока мы спускались по ступенькам крыльца.

— *Причастие.*

— Ты не пошел на него.

— Не было настроения.

— Почему?

— Не знаю.

— И ты больше не играешься на гитаре.

— Да.

— Почему?

— Сложно сказать.

— Ты больше не хочешь играть?

— Вроде того.

— Почему?

— Долго рассказывать.

— О.

Глава 86

Теперь я все вижу

В четверг вечером мы с Ишмаэлем поехали в Эмори — в «Уолмарт», куда он был записан на прием к окулисту. Жаль, конечно, было расстраивать Сэма, но я не собирался платить непомерные деньги магазинам вроде «Ленз Крафтерс», когда в «Уолмарте» были более разумные цены.

— А после того, как тебе подберут очки, мы пойдем за покупками, — сказал я, когда мы зашли в магазин. — И ты, если захочешь, сможешь потратить свои карманные деньги.

— Правда?

— Скоро Хэллоуин, и нам надо найти тебе хэллоуинский костюм. Кем ты...

— Капитаном Америкой! Можно?

— Конечно.

— Правда?

— А почему нет? Ты будешь отличным Капитаном Америкой.

— Мама никогда не водила меня за конфетами, — сказал он, поджав губы.

— Не волнуйся. Мы обязательно сходим.

— Обещаешь?

— Обещаю, малыш. Насобираем столько конфет, что ты не будешь знать, что с ними делать.

— Скорей бы!

Окулистом оказалась добрая пожилая женщина, которая обследовала его и резюмировала, что это чудо — то, что он в принципе различает хоть что-то, не говоря уже о том, чтобы читать в классе начальной школы с доски.

— Но мы в один момент это исправим, — пообещала она.

— А мне точно надо очки? — спросил Ишмаэль, с несчастным видом повернувшись ко мне.

— Ты должен хорошо видеть.

— Но в школе надо мной будут смеяться.

— Не будут. А если кто и станет смеяться, то из зависти, потому что у них нет таких классных очков, как у тебя.

— Правда?

— Да.

— Я бы порекомендовала вам пластмассовую оправу, — сказала женщина-окулист. — У нас сейчас акция: покупаешь одну пару и вторую получаешь бесплатно. Мистер Генри, у вас есть страховка?

Я ответил, что нет.

— Мы постараемся дать вам максимально низкую цену.

Мы с Ишмаэлем побродили по кабинету, рассматривая оправы, и в конце концов он по какой-то причине остановил выбор на недорогой черной оправе в стиле Бадди Холли, которая придавала ему умный вид и вдобавок делала похожим на восходящую рок-звезду.

— Нравится? — спросил я.

Он оглядел себя в зеркале, повертел головой. Потом поднял глаза на меня и усмехнулся.

По правде говоря, он выглядел очаровательно.

— Мы закажем очки и в течение недели вам позвоним, — сказала женщина-окулист.

— Скажешь «спасибо»? — предложил я Ишмаэлю.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, молодой человек. Слушайся своего папочку, хорошо?

— Он мой младший брат, — признал я.

— О. Ваша мама была слишком занята, чтобы привести его?

— Вроде того, — сказал я.

— Ну что вы за душечка, — сказала она.

Глава 87

Письма редактору

— Вот ведь дерьмо, — сказал из-за стола Сэм. Он читал еженедельные «Новости Винегар-Бенда». Газета пришла еще в среду, но Сэм не разворачивал ее до воскресенья.

— Что там? — спросил я.

— Письма редактору. — Он состроил гримасу. — Целая страница посланий насчет алкоголя. Идиоты они, если хочешь знать мнение.

Он расправил газету и начал читать:

— «У вас есть сын, дочь, внук, внучка, племянник, племянница или другие юные родственники, которых вы любите? Если да, то я умоляю, я заклинаю вас проголосовать против торговли спиртным. Почему? Подумайте, что спиртное сделает с их юными, нежными, драгоценными умами.»

Сэм вздохнул.

— Так что оно делает? — спросил я.

— Притупит их мышление. Сделает безрассудными. Толкнет на поступки, которые в обычном состоянии они бы не совершили. Приведет к катастрофам, которые покалечат, разрушат и уничтожат их драгоценные невинные жизни. Ты разобьешь сердце матери и отцу. Ты станешь позором общества. Ты навлечешь на своих драгоценных родных и на наше

драгоценное богобоязненное сообщество Божий гнев — о, ну что за херня!

— Не выражайся при детях, пожалуйста.

— Ну, мне очень жаль, что нас слушают драгоценные Ишины ушки, но это полная хрень. Такое ощущение, будто писал гребаный второклассник.

— Ты сказал плохое слово! — Иши нахмурился и направил на него осуждающий взгляд.

— Извини, солнышко, просто иногда твой дядя Сэм начинает немного злиться. Если б эти болваны...

— Твои болваны, — заметил я.

— Прошу прощения?

— Они же баптисты.

— Я не баптист.

— Тебя воспитали баптистом, и твои родители до сих пор ходят в их церковь.

— И что?

— Ну, пока эту церковь поддерживают люди вроде твоих мамы с папой...

— Они не поддерживают ее.

— Тогда зачем они туда ходят?

— Это полезно для бизнеса.

— Ясно.

— Если они начнут возмущаться, то в момент потеряют половину клиентов.

— Понятно.

— Вот только не надо тут мне, Генри Гуд.

— Я просто спросил.

— Мы, по крайней мере, не увольняем людей за то, что они геи.

— Что такое «геи»? — спросил Ишмаэль.

— Гей — это мальчик, которому нравятся мальчики, — объяснил Сэм.

— Мне нравятся мальчики, — сказал Ишмаэль.

— Я имел в виду, не по-дружески и так далее.

— О.

— Ты поймешь, когда станешь постарше. Большинству мальчиков нравятся девочки, они хотят встречаться с девочками и жениться на них, но есть и другие мальчики — которые предпочли бы жениться на мальчике.

— О.

— Не маловат он для таких тем? — спросил я.

— Он должен знать, как устроен мир. Правда, Иши?

Ишмаэль очень серьезно кивнул.

— В общем, одни мальчики, когда вырастают, хотят жениться на девочках, а другие мальчики хотят жениться на мальчиках. Вот и все. Ничего такого тут нет. Вот как мы с твоим дядей Хеном.

— Тебе не нравятся девочки?

— Конечно, нравятся, — сказал Сэм, — но жениться на них я не хочу. Я хочу жениться на мальчике.

— Почему?

— Потому что люблю его.

— Почему?

— Ну, потому что одним нравятся девочки, а другим мальчики. Вот и все. Ковбоец, все

люди разные. И это нормально. Нам ведь необязательно быть одинаковыми, согласись?

— А я гей?

— Почему ты спросил?

— Ну, я же тоже люблю дядю Хена. Это значит, я тоже гей?

— О нет, малыш, — с улыбкой ответил Сэм. — Когда ты станешь постарше, то узнаешь о сексе, о поцелуях, о том, как заниматься любовью, и всем таким прочем.

— Фу!

— Противно, да? Но когда ты влюблен, это приятно. Вот погоди, скоро ты вырастешь, встретишь симпатичную девочку, и твое сердце забьется, как птичка, и ты захочешь поцеловать ее...

— Гадость!

— И ты скажешь ей, что она твое солнышко, твоя зайка, твой сладкий цветочек, а она улыбнется, и тебе захочется одного: думать о ней, целоваться с ней, быть с ней, взять ее в жены и завести с ней семью.

— Только не мне, — поклялся Ишмаэль.

— Вот увидишь, ковбоец.

— Ни за что, дядя Сэм. Я не стану целоваться с девчонками.

— И не надо пока. Сейчас тебе еще рано. Но однажды, когда ты станешь постарше, ты поймешь, что я прав. А теперь скажи своему дяде Хену поторопиться с ужином, потому что мы голодные мужики и хотим есть. Да?

— Да, — с энтузиазмом откликнулся он.

— Дайте нам нашу еду, — провозгласил Сэм, хлопая ладонями по столу. — Дайте нам нашу еду!

Ишмаэль тоже принялся колотить по столу.

— О, да заткнитесь вы оба, — сказал я.

Глава 88

Мне нужна правда

В понедельник утром я собрался и поехал в следственный изолятор округа Монро, чтобы нанести визит Саре.

— Они поговаривают о сделке, — с гордостью сообщила мне Сара.

— О сделке?

— Они хотят знать о ребятах, с которыми я ездила в Алабаму. Если я добьюсь сделки, то, возможно, не сяду.

— О.

— Ты разве не рад за меня?

Я представил, как Ишмаэль снова живет со своей матерью, и ничего не ответил.

— Смотрю, ты не в настроении, — сказала она, закатывая глаза.

— Я пришел поговорить насчет Иши.

— А что с ним?

— Сара, мне нужно знать, кто был отцом.

— Я тебе уже говорила.

— Ты намекнула. Но прямо не говорила. Это был папа?

Вздыхнув, она отвернулась и вытерла губы ладонью.

— Мне надо знать, — повторил я.

— Хен, я уже все сказала. И больше обсуждать это не хочу.

— Он правда сделал это, или ты все придумала, чтобы тебе посочувствовали?

На этих словах ее голова быстро развернулась ко мне.

— Посочувствовали? — выплюнула она. — Меня трахал мой папочка, и ты думаешь, я хочу, чтобы мне *посочувствовали*?

— Мне надо знать правду.

— А по нему, что ли, не видно?

— Ты можешь взять и сказать прямо?

— Сказать что?

— От кого он.

— Папа меня изнасиловал. Трахнул меня. Он пришел ко мне в комнату, лег в кровать, задрал мне ночнушку и засунул в мою вагину свой член. Тебе достаточно, Хен, или надо еще? Ты знал, что пенис у папы был всего четыре дюйма длиной? Неудивительно, что мама вечно была в плохом настроении.

— И потому ты убила его?

— У меня есть алиби.

— Калкинс так не считает.

— Да что он знает, этот говнюк?

— Он знает, что у тебя нет алиби.

— Я ничего не делала, так что какая, ко всем чертям, разница?

— Вы с папой поссорились? Ты приходила к ним в дом?

— Прекращай. Не твое это дело.

— Если ты убила папу — мое.

— Это не тебя изнасиловали!

— У нас есть только твое слово и все.

— Этот мудака разрушил мою мудацкую жизнь. Он получил по заслугам.

— Значит, это сделала ты?

Она прикусила язык и уставилась на меня подозрительным взглядом, словно вдруг поняла, что я пытаюсь вынудить ее проболтаться.

— Хватит, Хен. Не твое это дело. Все уже в прошлом.

— Калкинс так не считает.

— Да какая разница, что считает этот ублюдок?

— Дело еще не закрыто.

— Раз так, то пускай найдет гребаного свидетеля.

— Уже нашел.

Она замолчала, в ее глазах появилось сомнение.

— О чем ты болтаешь? — спросила она, когда я не стал продолжать.

— С тобой был Иши. В тот день.

Я ткнул наугад — помня о гильзе и об окровавленной тряпке, которые мы нашли в обувной коробке у Сары в шкафу. Может, это и была та самая пропавшая гильза, о которой рассказывал Калкинс?

Сомнение в ее взгляде сменилось страхом. После долгого молчания она — встревоженная, помрачневшая — поднялась.

— Да пошел ты, Хен, — сказала она. — Иди на хер вместе со всей этой проклятой

семейкой.

— Так вот, насчет сделки, — ровным голосом сказал я.

— Что?

— Калкинс сказал, что если ты не выложишь правду, то сделки не будет.

— Хен, я не стану признаваться в убийстве собственного отца. Я не настолько глупа.

— Ну, значит сядешь в тюрьму.

— Это мы еще поглядим. О, и кстати, спасибо, говна ты кусок, за то, что отсудил у меня опеку над моим гребаным сыном.

Она развернулась и ушла прочь.

Глава 89

Семя сомнения

На улице Калкинс, увидев меня, выбрался из машины.

— Сделал, что я просил? — начал он сразу.

— Попытался.

— Она сказала тебе, кто был отцом?

— Мой отец. Так она говорит.

— Ты сказал, что у меня есть свидетель?

Я кивнул.

— А она?

— Испугалась. По ней было видно. Но вы же знаете, Ишмаэль ничего не запомнил. Ему было тогда всего три.

— Не имеет значения, Хен. Главное, что она верит в то, что у нас есть свидетель. Заронить семя сомнения — это все, что мне нужно.

— Как-то все это неправильно, — сказал я.

— Только не жмись тут мне.

— Она ведь моя сестра.

— А еще она убийца твоего папы. Не забывай это, Хен. Если хочешь оставить того мальчонку себе, делай, что я говорю.

— Тот мальчонка — мой младший брат, и его у меня не отнимут. Я — его единственная родня.

— Хочешь, чтобы я рассказал судье о той ночи, когда я приезжал к вам домой?

Я нахмурился.

— Хен, думаешь, он не заинтересуется тем, что ты сделал?

— Я был расстроен!

— Расстроен? Да ты с катушек слетел.

— Я ничего плохого не сделал.

— Вряд ли судья согласится с тобой. Мы не пишем рапорты о подобных случаях не без причины.

— Чтобы потом было чем шантажировать?

— Если придется, — просто ответил он. — Это секрет. Кому-то ведь надо хранить городские секреты, разве не так? Никогда не знаешь, когда они пригодятся.

— Я ничего плохого той ночью не сделал.

— Вопрос не в том, сделал ли ты что-то плохое. Вопрос в том, вменяем ли ты. И как у

тебя дела со стабильностью и душевным здоровьем. Если ты думаешь, что растить детей можно в любом психическом состоянии, то ты обманываешь себя.

Я молчал.

— Мой рот на замке. Но ты должен мне подсобить. Это все, о чем я прошу. Хен, я не стану сильно давить на тебя. Ты парень хороший. И всегда был таким. Никогда никаких проблем с тобой не было и вряд ли когда-нибудь будет. Но на мне висит нераскрытое дело, и, Богом клянусь, тем способом или иным, с тобой или без тебя, но я докопаюсь до правды. Я твоему папе многим обязан.

Я вздохнул тяжелее, чем собирался.

— Хорошо? — спросил он и в эдаком приятельском духе положил руку мне на плечо.

— Я попытаюсь.

Глава 90

Я не дрессировщик дебилов

— Твое имя попало на Стену Позора, — с улыбкой сказала Дебби, когда в среду днем я заступил на свою смену во «Всегда экономь». — Не ожидала, что они подадут эту историю именно так.

— Я тоже, — признался я.

Она имела в виду статью Марка Фусберга о том, как совет церкви Святого Спасе «уволит» музыканта-гомосексуалиста. Фусберг поместил ее на вторую страницу, где выходила местная «криминальная» хроника. В Бенде ее называли Стеной Позора.

— Марк сказал, ты не хочешь давать комментарии.

— Не хочу.

— Почему?

— А что мне сказать? Умоляю, разрешите мне играть на гитарке на ваших миленьких мессах?

— Хен, ты должен дать им отпор!

— Кому? Всей католической церкви?

— Той ведьме из приходского совета. Мисс Стелле. Так и тянет отсыпать ей пару ласковых, и в следующий раз, когда она положит ребрышки на мою ленту, я, наверное, не сдержусь.

— Это бессмысленно.

— С таким подходом ничего не изменится.

— Дебби, я не дрессировщик дебилов. Нянчиться с ними, пока они преодолевают приступы фанатизма и предрассудков, — с этим, прошу, не ко мне. Да и что ты предлагаешь сказать? «Извините, что вам приходится слушать, как какой-то педик играет на гитаре...»

— Не называй себя так.

— Ну а кто я?

— Ты гей. Есть, знаешь ли, разница. Ты должен с ними бороться.

— Я не первый, кого за это уволили. И не последний.

— Но это неправильно.

— Как будто бы мне там платили.

— Неважно.

— Я правда не хочу это обсуждать.

— Привыкай, приятель. Сегодня все только об этом и говорят. У тебя в нашем городе много друзей и союзников. Ты не заслуживаешь, чтобы с тобой так обращались. Бетси, моя подруга, она заходила недавно... сказала, что они с радостью пригласят тебя играть во Всех Святых в Тупело.

— Это епископальная церковь.

— И что? Суть в том, что не все церкви такие, как твоя.

— «Моя» церковь была очень добра ко мне много лет. Дело не в ней, а в одной женщине, которая посещает ее и, так уж совпало, является президентом совета. Она получила то, что хотела. Что тут сказать? Молодец.

— Она выставила приход кучкой фанатиков. И, кстати, тоже никак не прокомментировала историю Марка. Только подтвердила, что да, совет попросил тебя не играть больше на мессах. Вот бред.

— Меня удивляет, что она не настояла на своем сто лет назад.

— Хен, ты должен бороться.

— Ты знаешь, что я не борец.

— Ну и что? Ты должен расчехлить пистолеты.

— И пасть за правое дело?

— Если придется.

— Дебби, спасибо тебе за заботу, но из-за этой статьи я уже потерял трех клиентов и позволить себе потерять кого-то еще не могу.

— Ты о стрижке газонов?

Я кивнул.

— Что случилось?

— Утром мне позвонили три человека и сказали, что я им больше не нужен. Что уже осень, что у них все нормально, и чтобы я больше не приходил. Обычно я работал у них до самого ноября. Ничего больше они не добавили, но причина ясна.

— Господи, Хен!

— Ну, а если я открою рот — если начну «бороться» и через газету назову мисс Стеллу занудной пиздой, которая страдает от недотраха, — то потеряю еще больше клиентов. А мне нужно думать об Иши. Мисс Стелла уже скандалила в ДСЗ насчет того, что он у меня, и прямо сейчас мне такое дерьмо ни к чему.

— Тебе не могут запретить заботиться о собственном брате.

— Могут. Вполне.

— Полный идиотизм.

— Не то слово.

— Пусть только попробуют. Этот малыш обожает тебя. Если им кажется, что в сиротском приюте ему будет лучше, то, прости мой французский, они полные мудаки.

— Все это замечательно, Дебби, но я гей, и у меня меньше прав, чем у всех остальных.

— Чушь собачья.

— Не чушь, а реальность. Я на своем горьком опыте убедился, что если лезть в кастрюлю с дерьмом, то в итоге именно ты и будешь облизывать ложку.

— Знаю, — сказала она. — Но это неправильно. И жутко несправедливо.

— О том-то и речь, разве нет?

Вы заварили эту кашу, не я

Сразу после пяти, когда Иши, который всю мою смену раскладывал по пакетам продукты, сел за уроки, в магазин заявила мисс Стелла. Выцепив взглядом меня, она направилась напрямиком в нашу сторону.

У работы кассира есть одна отличительная особенность: он не может покинуть свой пост. Я хотел. Уж поверьте.

Дебби за соседней кассой, оглянувшись, нахмурилась.

Ишмаэль — в очках, которые я забрал этим утром, — почувствовав мой дискомфорт, поднял глаза на меня.

— Генри, — сказала мисс Стелла, остановившись около моей кассы и коротко взглянув на Ишмаэля.

Я ничего не ответил.

— Тебе не следовало вот так полоскать грязное белье церкви, — сказала она тихо и резко.

— Прошу прощения?

— Тебе не следовало идти и жаловаться в газету.

— Мисс Стелла, я никуда не ходил.

— Но кто-то же это сделал.

— Ну, да.

— Генри, так вещи не делаются. У нас мы решаем их в частном порядке, а не полощем, как Джерри Спрингер, на публике. *(имеется в виду «Шоу Джерри Спрингера», аналог российского «Пусть говорят» — прим. пер.)*

— А я здесь при чем?

— Это ты рассказал им.

— Не припоминаю такого. Я помню, как Марк Фусберг заехал сюда и попросил прокомментировать эту историю, а я отказался. Конец. Уж не знаю, о чем вы, но в газету ходил кто-то другой.

— После всего, что ты сделал, ты будешь стоять здесь и врать мне в лицо? Совсем стыд потерял, Генри Гуд?

— Я не ходил в газету. И не звонил им. И не просил никого позвонить. Я не имею к этому ни малейшего отношения.

— Они выставили меня круглой душой.

— Может, потому, что вы дура и есть?

— Прошу прощения?

— Не так давно люди, подобные вам, оправдывали цитатами из Писания рабство. Такие люди никогда не меняются, и вы тоже никогда не изменитесь.

— Я просто пытаюсь следовать учению Церкви.

— Рад за вас.

— Я поступила правильно.

— Аминь!

— Не глумись надо мной!

— Если честно, мисс Стелла, я не хочу разговаривать с вами. Так почему бы вам не уйти? Или, не знаю, идите покупайте ваши продукты, или что вы там собираетесь сделать, но только перестаньте меня донимать. Вы заварили эту кашу, не я.

— Такие, как ты, — зло сказала она и наставила на меня трясущийся палец, — всегда тянут за собой вниз и всех остальных.

— Ну, вам-то опускаться недалеко, разве нет? — отпарировал я.

— Ты в точности как мой брат Хойт, — заявила она. — Сколько раз мы возили его в Мемфис на шоковую терапию, чтобы излечить от этой... болезни. Но в итоге он все равно покончил с собой, потому что плевать он хотел на всех, кроме себя. Ему было плевать, что мы любили его и, чтобы спасти его, перепробовали все, что могли. Ему было плевать на то, что он разбил маме сердце. И уж конечно ему было плевать на меня и на все, через что я прошла ради него. И ты точно такой же — тоже со смехом катишься в ад, не замечая, что делаешь сам с собой и со своими родными. Надеюсь, ты прозреешь до того, как будет чересчур поздно.

— Могу сказать то же самое вам.

— Я, в отличие от тебя, не больна.

— Я не болен, мисс Стелла. Я гей. Это не заболевание. И не психическое расстройство. Меня нельзя вылечить шоковой терапией или чем-то еще. Думайте, что хотите, но я не перестану быть геем, потому что таким меня сделал Господь. Если вы этого не понимаете, это ваши проблемы, а не мои.

— Господь не делал тебя таким.

Я молчал.

Она буквально дымилась.

— Ты сам выбрал свой путь, — с нажимом сказала она, тыкая в мою сторону пальцем. — И сам потащил за собой этого невинного мальчика. Такого я у себя в церкви не потерплю. Я не затем жертвовала свое время и деньги, спасая ее, чтобы мою церковь уничтожили такие люди, как ты.

В этот момент появился Сэм. Я узнал его шаги по кафелю пола, пока он бежал через отдел консервированных овощей.

Он взял мисс Стеллу под локоть.

— Мисс Стелла, боюсь, мне придется...

— Убери от меня свои руки, Сэм Рейкстро. Я знакома с твоим отцом, и так он со своими клиентами не обращается.

— Мне придется...

— Не волнуйся, я уйду. И ноги моей больше в этом магазине не будет. — Она развернулась и размашистым шагом ушла.

— Хен, ты в порядке? — спросил Сэм.

Меня колотило.

— Дядя Хен, что случилось? — спросил Ишмаэль. Его голос был полон тревоги.

— Ничего, мой хороший. — Я обнял его, потом чмокнул в макушку.

— И она еще рассуждает о ненормальности. Кто бы говорил, — заметила Дебби.

— То, как она вела себя... это было на грани дискриминации, — сказал Сэм. — Если она придет сюда еще раз, я вызову копов.

— Никого ты не вызовешь, — сказал я.

— Я не стану терпеть такое дерьмо, — заявил он.

— Ей страшно, — проговорил я. — Она даже не обо мне говорила, а о своем брате.

— Я и не знал, что у нее есть брат.

— Я тоже. Но это многое объясняет.

— И что же такое оно объясняет? — спросил Сэм.

— Уверен, если ты хорошенько подумаешь, то догадаешься сам.

Глава 92

Накатим волну

— Так, Иши, вот что тебе надо знать, — сказал Сэм. — Наши — это «Оле Мисс Ребелс». Мы в красной форме и сейчас будем играть с «Алабамой». Они пока что на третьем месте, а мы на первом, потому что мы лучшие. И мы так дадим по их нежным задницам, что они вместе со своей «Накатим волну» улетят за границу штата напрямик в Алабаму, потому что именно так и делают команды номер один. Вопросы есть?

Ишмаэль усмехнулся.

Была суббота, и он вместе с Сэмом сидел на диване. Мы пришли к старшим Рейкстро, чтобы посмотреть там футбол, поскольку у нас самих кабельного не было. «Миссисипи Стэйт» уже в тот день отыграли, но я не был настолько ярким фанатом, чтобы отложить все дела и пойти на них посмотреть.

Для нас это стало чем-то вроде традиции — сидеть с мистером Рейкстро и Ларри и смотреть с ними футбол, пока миссис Рейкстро приносила нам напитки и разные вкусности. Иногда к нам присоединялся и Поли. Но сегодня, к счастью, он нас своим присутствием не почтил. Девочек тоже не было видно.

— «Миссисипи Стэйт» тоже занимает высокое место, — сказал мистер Рейкстро. — Как по мне, они посильней. И они сегодня отлично сыграли — выиграли, разумеется.

— Не слушай моего папу, — предостерег Иши Сэм. — Он ничего не понимает в футболе, потому что он фанат «Миссисипи Стэйт», как и Хен.

— Может, дашь мальцу самому решить, за кого он хочет болеть? — предложил мистер Рейкстро.

— Папа, у нас дома уже есть фанат «Миссисипи Стэйт», и одного нам более, чем достаточно.

— Видимо, Хен знает побольше тебя.

— Погоди, Иши, — с жаром заговорил Сэм. — Когда ты увидишь «Ребелс» в игре, то поймешь, о чем я тебе говорил. Да ты и сам не захочешь быть болельщиком «Стэйт». В смысле, это же стыдно! Болеть за них — словно вляпаться во что-то плохое и потом не иметь возможности эту дрянь отодрать.

Сэм так разрекламировал предстоящий матч, что Ишмаэль был готов взорваться от радостного волнения. Он никогда еще футбол не смотрел, однако был твердо настроен его полюбить — раз уж этот спорт любил его дядя Сэм.

— Ну все, держитесь за задницы, — сказал Сэм, когда игроки выстроились в линию.

Ишмаэль смотрел на пятидесятипятидюймовый экран, который висел на стене между двумя эркерными окнами. Его глаза были большими, как плоски, и он улыбался от уха до уха, пока щурился на экран сквозь линзы своих новых очков.

В гостиную вбежал Ларри и потребовал рассказать, что он успел пропустить.

— Только что началось, — мягко ответил его отец. — Садись, Лар. Сегодня игра с «Алабамой».

— Они не выигрывали у «Алабамы» сто лет, — сказал Ларри.

— И очень вряд ли сделают это сегодня, — сказал мистер Рейкстро.

— Не слушай их, Иши, — горячо заговорил Сэм. — У нас квотербеком Бо Уоллес. Вот подожди и увидишь, что он делает с «Оле Мисс».

— *Бо Уоллес*, — хмыкнув, сказал мистер Рейкстро.

— Он лучше всех, когда ловит кураж, — строптиво заметил Сэм.

— И хуже всех, когда нет. На него нельзя полагаться. Я уже устал повторять, что квотербеком его поставили зря.

— Хью Фриз в него верит.

— Хью Фриз. В момент, когда кто-нибудь предложит ему зарплату побольше, его отсюда как ветром сдует. Ты же знаешь, какие они, эти тренеры.

— Он будет нарасхват, когда «Оле Мисс» выйдет в плейофф.

В гостиную с подносом бутербродов с сыром и ветчиной зашла миссис Рейкстро.

— Ларри, убери ноги со столика, — распорядилась она, прежде чем поставить на столик поднос. — Ты знаешь, сколько за него заплатил твой отец? Ну в самом-то деле.

— Спасибо, дорогая, — сказал мистер Рейкстро.

— Если хотите сказать мне спасибо, то уберите после себя и не шумите. Присцилла пишет доклад. Что-то на тему Шекспира. «Желаю вам приятной жизни с аспидом!»

— Что это было? — нахмурился мистер Рейкстро.

— Шекспир, дорогой. «Осталось только трое порядочных людей, не угодивших на виселицу, да и то один из них ожирел.» Я, знаешь ли, училась в университете. И способна на большее, чем стирать, убираться и надрывать свои титьки над горячей плитой.

— Разумеется, дорогая, — охотно признал мистер Рейкстро.

— Ларри, поставь стакан на подставку, или я с тебя шкуру спущу.

— Извини, мама.

— Хен, Иши, вам что-нибудь принести?

— Нет, но спасибо, — сказал я.

— Иши, дорогой, если тебе станет скучно, то приходи к своей бабуле на кухню. Ты выглядишь таким умным в этих очках. Наверное, когда вырастешь, станешь доктором, да? Я делаю печенье с арахисовым маслом, и мне не помешала бы помощь. В этом доме ее не дождешься, ведь все *очень* заняты, у всех ведь *дела*. Как сказал однажды Поэт: «Ад пуст, все бесы здесь».

— Он был совершенно прав, — сдержанно усмехнувшись, согласился ее супруг.

— Знаете, что я услышал? — сказал Ларри, когда его мать снова удалилась на кухню.

— Что? — заглотив я наживку.

— На тему УПОТ.

— И что это?

— Управление по охране труда.

— И?

— При их нынешней численности понадобится сто тридцать три года на то, чтобы они проинспектировали все компании, находящиеся под их юрисдикцией. Сто тридцать три года! Только вдумайтесь. Смысл беспокоиться о безопасности на рабочем месте, если никто не собирается ее проверять?

— Тебя волнует самая странная хрень, — сказал Сэм.

— Ты сказал плохое слово, — сказал Ишмаэль.

— Стукни его, — сказал я.

Ишмаэль шлепнул его по руке.

— Ай! — воскликнул Сэм и, поморщившись, прижал обиженную руку к груди. — Ты сделал мне больно.

— Неправда.

— Я сейчас заплачу.

— Не будь таким нюней, — сказал я.

— Мне кажется, когда Иши вырастет, он станет боксером. Лучше не злите его. А то он выбьет из вас дерьмо.

— Ты сказал плохое слово!

— Может, прекратишь ругаться перед ребенком? — спросил я.

— Мы просто играем.

— Сэмми, Хен прав, — сказал мистер Рейкстро. — Следи за своим языком.

— Вот-вот, *Сэмми*, — сказал Ларри.

— Отвали, *Лар*, — сказал Сэм.

— Хорошо, *Сэмми*.

— Мальчики, прекратите, — приказал мистер Рейкстро.

— В общем, это напомнило мне еще кое о чем, — продолжил Ларри. — Все эти грузовые контейнеры, которые миллионами попадают в США каждый день... Нам хватает сотрудников, чтобы проверить только один процент. Другими словами, если какой-нибудь террорист захочет переправить в США бомбу, то у нас будет всего один шанс из ста, что контейнер проверят. С ума сойти. Почему бы просто не отправить ядерную бомбу по почте? Тебе нельзя сесть в самолет, пока не снимешь ботинки, потому что в них может прятаться бомба, и пока не отдашь щипчики для ногтей, потому что с их помощью можно устроить ниндзя-атаку на стюардессу, зато тебе можно отправить прямо в гавань Нью-Йорка или еще куда целый контейнер бомб.

— Тебе правда пора завязывать с «техасским чаем», — сказал Сэм.

— Это безумие, — с жаром сказал Ларри.

— Что есть, то есть, — глубокомысленно заметил его отец.

— Но потом я узнал, что одна-единственная бактериальная клетка во влажной среде типа ванной ...

— Боже, ну сколько можно! — в отчаянии провозгласил Сэм.

— ...способна за одну ночь разделиться миллиард раз. Иисусе! Только представьте. Миллиард раз — то есть, когда следующим утром ты придешь в ванную, то будешь плавать в море бактерий. А если там изначально были две клетки, или три клетки, или сто клеток, и они все разделились, а ты потом зашел в ванную? Мерзость какая! И как только вы это выносите?

— Когда-нибудь тебя поставят по главе ЦКЗ, — сказал я. (*имеется в виду Центр по контролю и профилактике заболеваний США — прим. пер.*)

— А эбола! — воскликнул увлеченный своей стихией Ларри. — Господи! Это дерьмо уже в Далласе. Если ситуацию не возьмут под контроль, мы можем прямо сейчас помахать своим задницам ручкой. Даллас не так уж и далеко.

— Мы можем просто посмотреть футбол? — спросил мистер Рейкстро.

— Не исключено, что это последняя наша игра, — мрачно ответил Ларри. — Очень скоро мы будем истекать кровью и, валяясь канавах, тысячамидохнуть, как свиньи. Думаете, больница в Тупело справится с этим?

— А потом начнется зомби-апокалипсис? — улыбаясь, сказал я.

— Вполне может быть.

Отключившись от Ларри, я взглянул на Ишмаэля и Сэма. Иши сидел буквально на самом краю, а Сэм одной рукой его обнимал. Они оба заворожено смотрели в экран.

Надо было отдать Сэму должное — он любил футбол. И не просто любил, а обожал, жил им, боготворил. Летом он с нетерпением ждал, когда же наступит осень, и начнется футбольный сезон. Даже наши субботние поездки на рыбалку уступали дорогу футболу.

Это могло быть только Божественным вмешательством, не иначе, но в тот день, пока мы кричали и все больше шумели перед телевизионным экраном, «Ребелс» и впрямь размазали «Алабаму».

— Ну что, кто здесь мужик? — завопил Сэм, когда четвертая четверть закончилась, и болельщики «Оле Мисс» валом повалили на поле. Он вскочил и сплясал странный маленький танец.

— Вам повезло, — сказал мистер Рейкстро.

— Впереди плейофф, детка! — дерзко дернул головой Сэм. — Иши, что я тебе говорил? «Ребелс» рулят!

— Да, — с энтузиазмом подтвердил Ишмаэль.

— Ты не сможешь с ним жить, — сказал мне мистер Рейкстро, грустно покачав головой.

— Иши, идем. — Я протянул ему руку. — Поможем твоей бабушке с ужином.

Глава 93

Насчет твоего отца

— Как вы там с Сэмом, справляетесь? — спросила меня миссис Рейкстро.

— У нас все нормально, — сказал я.

— Когда в доме ребенок, все становится по-другому. Иногда мне кажется, что мои дети — это лучшее, что я сделала в жизни. А иногда мне хочется их пристрелить. Уж не знаю, что это значит. Иши, будь лапочкой, сходи-ка в кладовку и принеси мне две банки горошка.

Иши ушел в кладовку.

— Он тихоня, да? — сказала она.

— Немного контуженный.

— Понятно, с чего. Но он все равно хороший малыш.

— Он чудесный ребенок.

— Хен, это правда? То, что я слышала?

— Что вы слышали?

Она оторвала взгляд от ингредиентов для запеканки и посмотрела на меня с чем-то, похожим на жалость, в глазах.

— Что? — повторил я.

— Насчет его папы, — просто сказала она.

— Откуда вы это узнали?

— Ну, по-моему, об этом уже знают все. В городишках вроде нашего Бенда не бывает секретов.

Я взял паузу, чтобы это обдумать.

— Твой отец был замечательным человеком, — произнесла она, когда молчание затянулось.

— Я бы так не сказал.

— Это ничего не меняет. Иши в этом не виноват.

Иши принес две банки фасоли.

— Милый, нужен горошек, — сказала миссис Рейкстро. — А это фасоль. Ты не прочитал этикетку?

Он заметно смешался.

— Он у нас читает не очень, — сказал я. — Иши, идем, я тебе помогу.

Глава 94

Ты моя кровь

— Я хочу кое-что тебе рассказать, — сказал я, когда тем же вечером укладывал Ишмаэля в кровать.

Прежде чем забраться под одеяло, он бережно положил очки на дальний край тумбочки, потом, щурясь, спросил:

— Что, дядя Хен?

— Ты спрашивал, кто твой отец.

— Мама сказала, ты знаешь.

— Она была права.

Он внимательно смотрел на меня.

Я вздохнул.

Он молчал.

— Твоим папой был дедушка, — наконец сказал я.

Он никак не отреагировал на эту информацию, видимо, не поняв ее смысл.

— Иши, это значит, что я твой старший брат. У нас обоих один отец.

Он закусил губу.

Я с тяжестью на душе обвел взглядом комнату.

— То, что сделал дедушка, было неправильно. Твоя мама была его дочерью, а такие вещи с дочерьми делать нельзя. Но он сделал. Я не хочу, чтобы ты волновался, малыш, но ты должен знать правду — на случай, если кто-нибудь полезет не в свое дело и начнет тебя донимать.

— Но ты все равно мой дядя?

— Конечно. Был, есть и буду. Но еще я твой брат.

— Я думался, ты брат мамы.

— Верно. Но еще я твой брат.

— О.

Я видел, что он не может это осмыслить, и пожалел, что завел разговор. Сэм настаивал, что ему нужно знать правду, но я не был уверен, в чем ее польза, если ты не можешь ее осознать.

— Иши, суть в том, — сказал я, — что мы семья. Ты моя кровь. И это самое главное. Люди в одной семье заботятся друг о друге. И я буду заботиться о тебе.

— Я останусь с тобой навсегда?

— Мы над этим работаем. Это ведь не только мой дом, но и твой. Он теперь принадлежит нам обоим.

— Правда?

— Это твой дом.

— А как же мама?

— Боюсь, малыш, у твоей мамы проблемы. Ее могут нескоро выпустить из тюрьмы.

— Почему?

— Она сделала то, что нельзя было делать, и поэтому попала в беду. Когда человек делает что-то плохое, то полиция ловит его и сажает в тюрьму. Так уж устроена жизнь.

— А что сделала мама?

— Скажем так, она была плохой девочкой. Тебе не надо об этом переживать.

— А мама любит меня?

— Уверен, что да. Просто у нее сейчас трудные времена.

— Если она меня любит, то почему не приходит меня повидать?

— Она в тюрьме. Оттуда нельзя выходить. Люди сидят там, пока их не отпускают домой. Иногда много лет. А иногда, если человек, к примеру, кого-то убил, его вообще никогда больше не отпускают.

Он молчал, глядя на меня ясным, незамутненным смущением взглядом.

— Знаешь, я тебя очень сильно люблю, — тихо проговорил я.

— Я тоже тебя люблю, дядя Хен.

— У меня никогда не было братика. Я не знаю, что надо делать.

— У меня тоже никогда не было братика.

— Значит, нам придется выяснить это вместе. Ты сможешь мне?

— Да.

— И будешь вести себя хорошо, слушаться своего старшего брата и делать, что я говорю?

— Да.

— А за кого ты будешь болеть: за «Миссисипи Стэйт» или за девчачьих «Оле Мисс Ребелс»?

Он усмехнулся.

— Ну так что? — спросил я.

— Мне нравятся «Ребелс».

— Что-что?

— Дядя Хен, мне нравятся «Ребелс». И дядя Сэм тоже их любит.

— Ах, вот оно что. Раз они нравятся дяде Сэму, значит должны нравиться и тебе...

— У них есть Бо, — сказал он с такой важностью, словно Бо Уоллес в качестве квотербека был каким-то козырем в рукаве.

— А у нас есть Дак Прескотт, — возразил я.

— Но мне нравится Бо.

— Дело твое, но предупреждаю: не приходи ко мне плакать, когда «Ребелс» станут проигрывать, и у вас с дядей Сэмом начнется депрессия.

— Мне и «Догс» тоже нравятся, — признался он.

— Так нельзя. Любить можно только одну команду, а не тех и других.

— Еще мне нравится 'бама.

— Кто?

Ишмаэль усмехнулся.

— Мне нравятся их цвета, — признался он.

— Только не говори своему дяде Сэму, что тебе нравится «Алабама», иначе ты

разобьешь его маленькое сердечко. Есть вещи, малыш, которые мы в нашей семье просто не делаем, и это одна из них. Ладно. Тебе пора спать. Где Капитан?

Он порылся у себя под подушкой и предъявил Капитана Америку.

— А теперь, мой хороший, вам с Капитаном Америкой пора засыпать. Сладких снов.

Я поцеловал его в лоб, и он, прижав к груди Капитана Америку, снова устроился на подушке.

— Я люблю тебя, Иши. И дядя Сэм тоже любит тебя. Очень сильно. Не забывай это хорошо?

— Не забуду.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, дядя Хен.

Глава 95

Другие голоса, другие комнаты

В понедельник утром Сэм ушел на работу, Ишмаэль ушел в школу, а я встал у подножия лестницы и уставился на полумрак на втором этаже с чувством, будто у меня в сердце камень, а в ногах недостаточно сил.

После того, как мамы и папы не стало, я закрыл ход наверх. Там находилась их спальня. Мамина комната для шитья. Папина «телевизионная комната» с огромным, громоздким и очень тяжелым телевизором — то была одна из первых показывающих в цвете модель, доставшаяся ему от родителей. Еще там стоял старый проигрыватель, напольная модель 70-х годов с ящичком сбоку, где хранилась его коллекция музыки на пластинках. Он склонялся в основном к кантри, но слушал и Black Sabbath, Pink Floyd, Fleetwood Mac и прочие группы которые были странным выбором для человека его возраста и положения в жизни. Я вырос на альбоме Fleetwood Mac «Rumours». Папа ставил эту пластинку так часто, что маме грозились разломать ее пополам.

Мама развесила на стенах длинного коридора между спальней и ванной множество фотографий: своих и отца, моих, потом Сары, потом Ишмаэля (их было мало), не говоря уже о своих тетях, дядях, племянниках, племянницах и прочей родне. Шагая по коридору, было невозможно не познакомиться со всеми ключевыми моментами жизни семейства Гудов за прошедшую сотню лет. Дни рождения. Выпускные. Крещения. Портреты у церкви. Первые причастия. Папины армейские фото. Любовно обрамленная фотография дома, где мама росла с тетей Ширли и дядей Тидди, который умер в начале 90-х годов, подавившись во время обеда.

На почетном месте в этом святилище семейной истории висела древняя фотография родителей мамы, снятая в 30-х годах. Дедуля стоял рядом с «фордом» модели «Ти», а бабушка, сияя, сидела на пассажирском сиденье. То была одна из немногих машин, которые в те времена месили грязь на дорогах деревенского Миссисипи, и они ею гордились. Благодаря своим предкам-плантаторам, они еще помнили, что такое богатство и привилегии.

С тяжелым сердцем я поднялся по лестнице.

Не было никакой конкретной объяснимой причины, по которой я после их смерти сюда не ходил. Не хотел, вот и все. Здесь было слишком много воспоминаний. Слишком много мамы, слишком много отца. Слишком много вещей, которые напоминали о них. Проще было

все это блокировать.

Я отодвинул тяжелую штору, которую повесил над входом и которая удерживала тепло внизу, где оно было мне нужно, и закрывала лестничную площадку на втором этаже.

Она была пыльной, немного заплесневелой, пахла старостью и десятилетиями прошедших времен.

Поскольку я закрыл во всех комнатах окна и задернул все шторы, на втором этаже было темно и слегка жутковато.

На полу были следы, оставшиеся после того, как я отправил Сэма искать свидетельство о рождении Ишмаэля.

Остановившись посреди коридора, я оглядел фотографии, окутанные мраком и темнотой. Я знал их наперечет, видел их миллионы раз. Они висели на стенах так долго, что поблекшие вокруг рамок обои сохранили под ними свой цвет.

Мои шаги тянули за собой паутину.

Я встал напротив родительской свадебной фотографии. Мама смотрела в будущее с яркой улыбкой, которая открывала ее кривоватые зубы. Она была молодой, красивой, но невысокой. Папа был на голову выше ее. Теперь мне казалось, что в его глазах есть темнота, которой я раньше не замечал. А может я себе напридумывал.

Он не был похож на человека, способного изнасиловать свою двенадцатилетнюю дочь. Но с другой стороны, а как должны выглядеть подобные люди, если не обычно, как все? У них же нет печати Каина на лбу или рогов.

Я очень долго смотрел на него, унесенный внезапным потоком воспоминаний — о его запахе, виде, манере держаться, звуке голоса, речи — остроумной и очень часто похабной, — тяжелых шагах (моя спальня была прямо под лестницей, и когда он вышел на пенсию, я слышал эти шаги каждую ночь). Я вспомнил его руки у себя на лице и как он называл меня «мальшом». Других ребят отцы называли «ковбоец», «приятель» или «спортсмен», а ко мне отец обращался «мальш», «мой хороший» и «крошка». Я ненавидел, когда он звал меня так — особенно, если рядом были друзья. И только лет в двадцать я понял, что эти прозвища выражали его привязанность к нам. Он называл так только свою жену и детей.

Страховой агент, он был достаточно заурядным и скучным, однако надежным и, похоже, довольным тем, что дала ему жизнь.

Или мне так казалось.

Пока я смотрел на него, на меня вдруг нахлынула ослепляющая, острая ненависть. Мне захотелось врезать по его фотографии кулаком, словно оно могло каким-то образом передать ему то, что я чувствовал.

Сара всегда была хрупкой и маленькой. Будучи на восемь лет старше ее, я всегда над ней возвышался. А надо мной возвышался отец. Каково же ей было, когда такой крупный мужчина ночью пришел в ее спальню? Разве она была в силах отбиться? Что она ощутила, когда его туша нависла над ней в темноте, делая вещи, которые она не могла, наверное, даже понять?

Как ты мог, глядя ему в лицо, думал я.

Как?

То, что он сделал, было не просто большим извращением. Это был мучительный, травматичный, жуткий удар, нанесенный маленькой девочке.

Как такое вообще могло прийти ему в голову?

А смотреть на растущий живот своей маленькой дочки, зная, что отец — это ты...

Почему Сара мне не сказала?

Я прошел по коридору, открыл дверь в спальню родителей. Все осталось в точности, как я запомнил. Два отцовских костюма по-прежнему лежали там, где я бросил их на кровати после попыток решить, в котором его хоронить. Мне было так жалко его — застреленного женой, моей матерью, опозоренного перед всем городом. Я хотел одеть его в лучший костюм, но никак не мог решить, какой из них лучший. В конце концов я сузил выбор до трех, оставил два лежать на кровати и ушел, подумав, что после похорон приду и повешу их в шкаф. Но пришел я только сейчас.

Ко мне вернулся тот день — с внезапной, резкой, болезненной ясностью.

Я сел на кровать, закрыл руками лицо.

Иногда мне казалось, что прошлое висит у меня на шее как жернов, который душит меня и своей непостижимой мерзостью тянет на дно. Как можно было ходить с поднятой головой, когда моя кровь сделала такие ужасные вещи, когда она была заражена какой-то болезнью, безумием, которое в конце концов взорвалось? Как я мог смотреть в зеркало и не видеть глаза отца, мамин нос, и не вспоминать, что они сделали, — и на что был способен я сам? Как я мог смотреть людям в лицо, когда стыд и позор были вписаны в мою ДНК?

Все это время я злился на маму, и моя ярость граничила с каким-то странным озадаченным отращением к тому, что, как до недавних пор я полагал, сотворила она.

Я обвел их комнату взглядом, вздохнул, встал, подошел к окну и раздвинул шторы. На пол лег солнечный свет.

Если Сара в тот день приходила домой... Если отца застрелила она, а не мама...

То почему мама убила себя?

Если дело уже было сделано... если папино тело сидело на стуле, как я и нашел его... если все было кончено... то почему мама не позвонила в полицию, а направила дробовик на себя?

Я знал, почему.

Ну конечно.

Причина могла быть только одна.

Я открыл окно, чтобы впустить свежий воздух, положил ладони на подоконник и заплакал.

Глава 96

Я хочу щенка

Ровно в три тридцать Иши соскочил со ступенек автобуса и, когда тот отъехал, повернулся, чтобы помахать другому мальчику вслед.

У него появился друг.

— Как прошел день, малыш? — спросил я, пока за руку вел его к дому.

— Хорошо, дядя Хен. Я хочу есть!

— Ты всегда хочешь есть.

— Но я по правде хочу.

— Вас в школе разве не кормят?

— Ты готовишь лучшее.

— Лучше.

- Я знаю! Потому мне и нравится.
 - Нет. Я про то, что нет такого слова — лучшее.
 - Я знаю. Но я хочу есть, дядя Хен. Можно печенье?
 - А ты его заслужил?
 - Да.
 - Почему?
 - Потому что мне дали звездочку.
 - Звездочку?
 - За слова. Я написал их все правильно, и мисс Кора дала мне звездочку.
 - Тогда, полагаю, ты заслужил печенье.
 - Суперски!
 - Что значит «суперски»?
 - Не знаю. Дядя Сэм так говорит.
 - Он суперский, да?
 - Я хочу показать ему свою звездочку.
 - Он будет страшно горд за тебя.
- Он помолчал, шурясь на меня сквозь толстые линзы очков.
- Дядя Хен?
 - Да?
 - А у Кейдена есть щенок.
 - О.
 - Можно мне тоже?
 - Щенка?
 - Да.
 - Сначала мне нужно посоветоваться с твоим дядей Сэмом.
 - Ну пожалуйста.
 - Даже не знаю. Щенок требует много внимания. Ты будешь им заниматься?
 - Да.
 - Точно?
 - Да. Ну пожалуйста.
 - Тебе придется делать все самому.
 - Хорошо, дядя Хен. Я обещаюсь.
 - Кормить и поить его.
 - Я буду! Честное слово.
 - И ты будешь должен научить его ходить в туалет во дворе, а не ко мне на ковер.
 - Я знаю. Дядя Хен, ну пожалуйста?
 - Давай поговорим с дядей Сэмом и поглядим, что он скажет.
 - Хорошо.

Он обогнал меня, взбежал по ступенькам крыльца — так легко, словно всегда жил в этом доме, — распахнул парадную дверь и, бросив рюкзак на полу, унесся прямо на кухню. Я улыбнулся.

Глава 97

Ее зовут Бо

После ужина мы погрузились в Сэмов пикап и поехали к Шелли и Гвен.

— Ковбоец, ты точно уверен? — спросил Сэм.

— Я хочу щенка, — объявил Ишмаэль. От предвкушения он был сам не свой.

— Что ж, мисс Шелли сказала, что ей недавно подбросили выводок новорожденных щенят. Она сделала им прививки и все такое и с радостью отдаст тебе одного, но только если ты будешь заниматься им сам.

— Хорошо, дядя Сэм.

— Обещаешь?

— Обещаюсь.

— На мизинчиках поклянешься?

— Клянусь.

Он вытянул палец и поклялся на мизинчиках со своим дядей Сэмом.

— Ловлю на слове, приятель. Не подведи меня.

— Не подведу, дядя Сэм, — очень серьезно пообещал он.

Мы свернули на подъездную дорожку, миновали сам дом и поехали к клинике на заднем дворе, где нас уже ждали Шелли и Гвен.

— Вы только взгляните! Маленькая козявка! — воскликнула Гвен, когда Ишмаэль выпрыгнул из пикапа. — Ты такой красивый в этих очках.

Ишмаэль усмехнулся.

— Твой дядя Хен говорит, ты хочешь щенка. — Шелли присела на корточки и взяла Иши за руки.

Он кивнул.

— Иметь собаку — очень большая ответственность. Ты справишься, если я отдам тебе одного из наших щенков?

Он снова кивнул.

— Ну, тогда вперед.

Шелли взяла его за руку и повела за собой, а мы пошли следом.

— Как ваши дела? — спросила Гвен, обращаясь к нам с Сэмом.

— Просто отлично, — ответил Сэм.

— Никогда не представляла тебя в роли отца, Сэм Рейкстро.

— Я тоже, — сказал он. — Но Иши чудесный ребенок.

— Значит, все получается?

— Помаленьку. Я веселый родитель, а все трудное делает Хен. Что меня абсолютно устраивает.

— Ну еще бы, — сказал я.

— Большой папочка Сэмми, — проговорила Гвен со смешком.

— Иди к папочке! — ухмыльнулся ей Сэм, а она добавила:

— И Наседка Хен в роли мамочки.

— Прекратите, а? — сказал я.

На заднем дворе мы увидели среди прочих питомцев Шелли пятерых коричнево-черных щенят и одного совсем белого — обычных дворняжек, но совершенно очаровательных. Мягких, приятно пахнущих, резвых.

Ишмаэль заворуженно опустил перед клеткой на корточки.

— Им недель шесть, — сказала Шелли, тоже присев. — Они уже начали есть твердую пищу, но ты, чтобы им было попроще, лучше разбавляй ее теплой водой. Какой тебе

нравится?

Ишмаэль просунул ладошку за прутья и захихикал, когда щенки стали лизать ее.

— Этот, — сказал он, показав на щенка с белой шерстью.

— Хочешь с ним поиграть?

— А можно?

— Конечно.

Шелли открыла клетку и достала оттуда щенка.

— Это девочка, — сказала она, показывая Ишмаэлю, как надо держать ее.

Он стоял, весь сияя, пока та тянулась к его лицу языком.

— Что это там у тебя? — изобразил удивление Сэм.

— Мой щенок, — тихо пробормотал Ишмаэль.

— Как ее зовут?

— Бо. Ее зовут Бо.

— Бо? — повторил Сэм.

— Видимо, в честь Бо Уоллеса, — сказал я.

— Бо — хорошее имя, — согласился Сэм. — А она симпатяга.

Ишмаэль поднял глаза на меня и внезапно нахмурился.

— Что?

Он повернулся к Шелли, отдал ей щенка и расплакался.

— Малыш, что такое? — встревожился я.

Он кинулся в мои объятия и разрыдался еще сильнее, пока я, совсем растерявшись, смотрел на него.

— Переволновался немного, наверное, — предположила Шелли. — Готова поспорить, у него впервые появилась собака.

— Что с тобой? — спросил я, снимая его очки, чтобы он мог вытереть слезы. — Что не так?

Он не ответил.

— Эй, ковбоец, — сказал Сэм, садясь на колени. — Ну ты чего?

— Я люблю ее, — сказал он несчастно и оглянулся на своего щенка.

— Ну, тогда поиграй с ней, — предложил Сэм.

— Она правда моя? — спросил он, глядя на нас.

— Ну конечно, — ответил я.

— Я люблю ее.

— Мы знаем, что любишь.

— Мама сказала, я слишком глупый, чтобы у меня был щенок.

— Это неправда, — возразил я.

— Мама сказала, я глупый.

— Хороший мой, ты не глупый. Давай, поиграй с ней. Уверен, она очень рада, что теперь у нее есть такой друг, как ты.

Он сел, и Шелли положила щенка ему в руки.

— О, — вымолвил он, забыв про нас всех. — О, о. — Она положила лапы ему на грудь и лизнула лицо. — Эй! — воскликнул он, улыбаясь.

— Кажется, они друг другу понравились, — произнесла Гвен.

— Будь ласков и осторожен с мисс Бо, — предостерегла его Шелли, внимательно за ним наблюдая. — Она шустрая и может пораниться, так что следи за ней и смотри, чтобы

она не упала, если будешь носить ее на руках.

— Хорошо, — пообещал он и хихикнул, когда Бо лизнула его лицо.

Я стоял и долго смотрел, как они играют.

Сэм взял меня за руку и улыбнулся.

Глава 98

Я люблю больших и сильных мужчин

— С собакой спать он не будет, — твердо заявил я. — А теперь тащи сюда свою задницу, возьми собаку и положи в ее коробку, чтобы она спала в нашей комнате. И смотри не разбуди его, иначе поднимется рев до небес.

— Но они так мило смотрятся вместе, — запротестовал Сэм.

— Гуды много чего себе позволяют, но спать с животными... За эту черту мы никогда не заходим.

— Ты же спишь со мной.

— И посмотрите, куда оно меня привело.

— Все у них будет нормально.

— Она пишет ему на постель, а у меня и так полно стирки. Все, Рейкстро, давай шевелись.

— По крайней мере, теперь понятно, кто у нас в доме главный.

— Вот и не забывайте об этом, мистер.

— Если она все ночь будет скулить и будить меня...

— Не будет. А если будет, дадим ей немного ксанакса. Все. Иди и позаботься об этой собаке, а когда закончишь, возвращайся сюда, унеси меня в спальню и займись со мной любовью.

— Прямо-таки унести?

— Я люблю больших и сильных мужчин.

— Знаю, бэби.

— И тебе, возможно, понадобится дополнительное количество смазки. Ты заезжал в аптеку, чтобы пополнить свои запасы виагры?

— С тобой виагра мне не нужна.

— Я серьезно. Десятиминутные сунул-высунул лишь-бы-отделаться не для меня. Я, знаешь ли, не Макдональдс любви. Как мать нашего малыша, я заслуживаю внимания. И, возможно, кое-каких околососковых манипуляций.

— Околососковых?

— Я хочу, чтобы меня хорошенько объездили — да пожестче. Как считаешь, ты справишься?

— Скоро узнаешь, любовничек, — сказал он с искорками в глазах.

В дверях он остановился и повернулся ко мне.

— Что? — спросил я.

— Ты счастлив.

— Я всегда счастлив.

— Я имею в виду... *по-настоящему*. А ты очень долго не был счастлив по-настоящему, Хен.

— Я и впрямь по-настоящему счастлив.

— Но что изменилось?

— Иши. Он вроде бы успокоился. У него появились друзья. И мне кажется, он нам доверяет. Мне кажется, он приходит в себя.

— Мы знали, что все наладится.

— Да, но видеть это приятно. А когда у него сегодня был маленький срыв, то он первым делом бросился прямо ко мне.

— И потому ты стал счастлив?

— Ну... да. Это значит, он доверяет мне. Понимает, что ему есть к кому обратиться за помощью, что у него есть человек, на которого можно рассчитывать.

— У него есть и я.

— Но ты больше похож на отца. С тобой весело, но ты, если что, обязан быть строгим и устанавливать правила. У него должна быть и мама, и она — это я.

— Никогда так об этом не думал. А ты думаешь, да?

— Естественно, думаю.

— Хен, из тебя получится отличная мама.

— О боже! — сказал я, приложив руку к груди.

— Что?

— Кажется, у меня пришло молоко.

Глава 99

Голосование

— Итак, чем мы сегодня займемся? — спросил Сэм.

Был вторник следующей недели — день долгожданного голосования за торговлю спиртным. Иши сидел за столом и хрустел хлопьями, а Бо, выпрашивая еду, бродила внизу. Она быстро училась, эта собака.

— Пойдем по магазинам и спустим все наши деньги? — спросил я.

— Лучше, — ответил он.

— Будем объедаться чизкейками и арахисовым маслом, пока нас не стошнит?

— Еще лучше.

— Скажем «да» торговле спиртным?

— Бинго!

— С чего ты решил, что я проголосую за?

Я поставил перед ним тарелку омлета с беконом и улыбнулся.

— А вот Иши проголосовал бы за, правда, Иши? — сказал он.

— Что такое «го-со-ловать»? — спросил Ишмаэль.

— Ничего, — сказал я. — Ешь давай. Скоро приедет автобус.

— Ты *пойдешь и проголосуешь*, — сказал Сэм, строго взглянув на меня. — Да?

— А Папа католик?

— Новый? Не знаю. Исходя из того, что он говорит, я удивлюсь, если его не пристрелят.

— Не говори так!

— Людям не нравятся перемены. Секс — это грязно и гадко, и заниматься им можно исключительно в браке, и это не изменится никогда.

— Церковь говорит не только о сексе, — строптиво заметил я.

— Это же не я считаю мастурбацию смертным грехом.

— Что такое «матурация»? — спросил Ишмаэль.

— Ешь, — покраснев, сказал я.

— Зачем ты ешь хлопья, ковбоец? — спросил Сэм.

— Я их люблю!

— Но бекон... Иши, бекон! Как можно воротить нос от бекона? Ты точно южанин?

— Он жирный. И я люблю хлопья-колечки.

— Это я вижу. Скоро ты скажешь, что и жареную курицу тоже не любишь, и твою бабулю хватит удар. Я не знаю ни одного человека, который не любил бы бекон.

— Колечки лучшей.

— Ты точно ничем там не болен?

— Нет, дядя Сэм.

— Если не возражаешь, — сказал я, — нам бы хотелось, чтобы детское ожирение у него наступило как можно позднее.

— Это просто бекон.

— Поджаренный на сковороде, полной жира. Жир это плохо. Да, Иши?

— Жир это фу.

— Хороший мой, ты сделал уроки?

— Не помнюсь.

— *Не помню*, — сказал я с нажимом. — *Не пом-ню*.

— Не помню!

— Благодарю.

— Сделал. Я ему помогал, — сказал Сэм. — Верно, ковбоец?

Ишмаэль улыбнулся.

— Ну так что, Иши, кто твой любимый дядя? Я или Хен?

Он хихикнул.

— Я твой любимый дядя, да? — сказал Сэм.

Иши кивнул.

— Да, но печенье, когда он приходит из школы домой, даю ему я, — сказал я. — А если он выбирает тебя, то, видимо, на обед у нас сегодня будет морковь.

— Нетушки! — завопил Ишмаэль.

— Фасоль?

— Фу!

— Козья колбаса?

— Гадость!

— Значит, кто твой любимый дядя?

Он наградил улыбкой меня.

— Так нечестно, — надулся Сэм.

— Ну, возможно, мы оба можем быть его любимыми дядями. Что думаешь, Иши?

— Окей, — сказал он. — Дядя Хен?

— Да?

— Мне надо пукнуть.

Они с Сэмом захихикали как первоклассники.

— Надеюсь, у тебя не возникнет с этим проблем, — сказал я.

Никогда не доверяйте католикам

— Хен, ты ходил голосовать?

Мисс Ида грузно прошествовала ко мне через двор, на котором теперь местами лежали опавшие листья — верный признак того, что лето закончилось, а зима вышла в путь.

— Еще нет, — сказал я, что было наглым враньем.

— Мы с Гарольдом ходили. Первым делом с утра. Вот уж не думала, что доживу до времен, когда в Бенде будут решать, пьянствовать или нет. И куда только катится этот мир... Хен, ты сходи, проголосуй. Не надо нам, чтобы эти дураки совали в слово Божье свой нос.

Я промолчал.

— Слушай, Хен, — сказала она, бросив на меня любопытствующий взгляд. — А это правда, что написали в газете? Что тебя уволили и все такое?

Я пожал плечами.

— Но там говорится, что ты из этих... из «голубых».

Я вздохнул.

— Ты не «голубой», — заявила она. — Ты просто... Хен. И всегда был просто Хеном. Ты не такой, как они.

— Ну, понимаете...

— Ох, милый. Я *понимаю*. Конечно, я понимаю. Мы все *понимаем*. Мы же не дураки. Но ты не такой, как все эти гомосексуалисты в газетах и активисты, которые маршируют по улицам да носят женские платья. Ты просто... Хен.

— Но мисс Ида, я гей. Потому меня и уволили.

— Ну так знай: ничего тупее я в жизни не слышала. Ты же не женишь людей, как священник или вроде того. Никогда не доверяла этим католикам. Переходи-ка ты в Первую Баптистскую, Хен. Там с тобой будут обращаться, как надо.

— Спасибо.

— Ты слышал про эболу?

— Слышал.

— Боже ты мой! Господь со дня на день заберет нас на небеса. Ты смотри, будь готов.

— Я постараюсь.

— Слушай, Хен. У меня после церковного ужина остался кусок пирога. Ты, как закончишь, заходи в дом и поешь. Не люблю, когда пропадает еда. Он тыквенный, как ты любишь.

— Хорошо, я скоро приду.

— Досадно вышло с этим Хасаном, да?

— Вы о чем?

— О том, что сделали с его автозаправкой.

— О.

— Так, пока нас слушает только забор... мы же знаем, кто это сделал, ведь так?

— Ну, по слухам.

— По слухам! Ну-ну. Этот Рики зашел чересчур далеко. Его папаше следует выдать ему ремня, да так, чтоб сидеть не мог. Ты не подумай, я не говорю, что мне нравятся эти люди. Но говорить и делать — разные вещи. Боже ты мой! Выставил нас всех дураками. Господь, я считаю, сотворил нашу Землю большой, чтобы поместились мы все. Ладно, Хен, не забудь зайти на пирог.

И она вперевалку ушла.

Глава 101

Значит, нет

Во вторник вечером мы собрались у старших Рейкстро и стали ждать результатов голосования за алкоголь. Марк Фусберг, находившийся в мэрии, по мере того, как участки в Бенде подсчитывали свои голоса, отправлял постоянный поток твитов и обновлений в фейсбук. Ларри, сторбившись над ноутбуком, выдавал нам апдейт за апдейтом. Еще у него был открыт сайт «Новостей Винегар-Бенда». Официальное объявление результатов должно было появиться именно там.

— Знаете, что я услышал? — спросил Ларри перед началом шестичасовых новостей.

— Вот честно, Лар, мне все равно, — сказал Сэм.

— Да, но ты сейчас обалдеешь, — сказал Ларри. — Изабелла, королева Испании... знаете, о ком я говорю?

— Не думаю, что мы встречались, — буркнул Сэм.

— Она прожила пятьдесят лет, а мылась за всю свою жизнь только два раза. И все! Королева Испании! Меня чуть не вывернуло наизнанку, когда я узнал. Как можно прожить пятьдесят лет и помыться только два раза? Это какой надо быть долбанутой? От одной только мысли хочется в душ. Ничего противнее в жизни не слышал.

— Может, у богатеев нет времени на личную гигиену, — сказал я, — раз они только и заняты тем, что обирают народ.

Сэм закатил глаза.

— Мальчики, мне бы хотелось посмотреть новости, — спокойно сказал мистер Рейкстро.

— Но, папа, это так мерзко! — воскликнул Ларри. — От нее же наверняка стояла вонь до небес, а кожу покрывал трехдюймовый слой грязи — отмершие клетки, бактерии, вши — одному Богу известно, что там ползало по ее телу.

— Мне жаль ее мужа, — сказал я. — Думаю, она и после родов не мылась. Так и ходила годами, а между ног болтался послед. От нее, наверное, за милю несло.

Выражение отвращения на лице Ларри было бесценно.

— Не провоцируй его, — сказал Сэм.

— Интересно, а зубы она хоть раз чистила? — спросил я.

— Меня сейчас вырвет, — сказал Ларри.

— Да и туалетной бумаги в те времена, вроде, не было, — прибавил я.

Ларри — с лицом белым, как мел, — выскочил в коридор.

— Кажется, мы наконец-то до него добрались, — сказал я Сэму, чем заслужил улыбку.

В гостиную зашла миссис Рейкстро. В руках у нее были две большие пиццы в коробках из «Пицца-плейс».

— Что это с Ларри? — спросила она.

— Вот и я часто задаю себе этот вопрос, — сказал мистер Рейкстро.

— У всех есть, что попить? — Она оглядела нас. — Хен, Иши? Вам что-нибудь принести?

— Ничего не надо, спасибо, — сказал я.

— Оставьте место для салата, — распорядилась она. — И для мороженого. Сделала

утром.

— Дорогая, ты лучше всех, — сказал мистер Рейкстро.

— Уставшая от готовки — вот я какая, — возразила она. — Иши, если заскучаешь с этими олухами, то приходи ко мне, и мы съедим по чашке мороженого. Хочу, чтобы ты первым попробовал мой особый шоколадный сироп.

— Правда? — Он, казалось, поверить не мог, что кто-то может захотеть, чтобы он попробовал особый шоколадный сироп.

— Правда, — ответила миссис Рейкстро. — Когда лакомишься мороженым со своим внуком, оно намного вкусней. Но сначала доешь, дорогой.

— Хорошо, мэм, — сказал он.

— Милый, для тебя я не мэм, — сказала она. — Я твоя бабушка. Так меня и зови.

— Бабушкой?

— Именно так. У тебя ведь нет бабушки, да? Значит, нам надо это исправить. Хен? Тебе что-нибудь принести?

— Нет, спасибо. Не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь, Хен. Я просто хочу, чтобы ты был доволен. Разве не такая мне отведена в жизни роль — следить, чтобы мужчины были довольны? Зачем еще Господь Бог дал мне вагину и пару грудей?

— Дорогая... — проговорил мистер Рейкстро.

— Мне надо выпить, — со вздохом сказала она. — Я не понимаю, как вы можете вот так тут сидеть, когда результат нам известен. Благочестивые души Винегар-Бенда не захотят, чтобы у них был магазин со спиртным за углом. Этого просто можно не ждать. Где-то в другом месте — пожалуйста, хвала Иисусу, но только не здесь. Никак нет!

— Жизнь меняется, мама, — горячо сказал Сэм.

— Милый, только не в Бенде, — сказала она.

— Мы *обязаны* измениться — если хотим вместе со всеми войти в двадцать первый век.

— Меня бы устроило, если бы мы вошли хотя бы в двадцатый, — вставил я.

— Хен, ты слишком циничен, — произнесла миссис Рейкстро. — Но, в общем-то, прав.

— Идут новости, — сказал мистер Рейкстро.

— Участки закроются только в семь, — сказала она.

— Мне все равно хотелось бы посмотреть новости.

— Так, Иши, милый, давай-ка ты сядешь за столик, — сказала она, протягивая ему картонную тарелку с едой. — И смотри, не закапай соусом бабулин ковер, иначе у нее будет инфаркт. Мальчики, присматривайте за ним. Сэм, сколько раз тебе повторять, пожалуйста, ставь стакан на подставку. Такое ощущение, что ты вырос в хлеву. Мальчики, вы что, совсем не слушаете меня? Спасибо, что хоть у девочек есть капля ума. — Она убежала на кухню.

Тут пришел Ларри — он выглядел поуспокившимся, а его лицо и руки были отмыты до красноты — и снова уселся за ноутбук.

— Подумаешь, ну что такое небольшая бактериальная война между друзьями? — невинно сказал я.

— Заткнись, Гуд, — откликнулся он.

Я сидел на полу напротив журнального столика и внимательно следил за тем, чтобы Ишмаэль не уронил пиццу на ковер миссис Рейкстро. Насчет инфаркта она не шутила.

Вскоре после семи Ларри оторвал от ноутбука глаза и объявил:

— Голоса подсчитаны!

— И? — подстегнул его мистер Рейкстро.

— Это все. Фусберг только что в твиттере написал.

— Папа, мы сможем по-настоящему развернуться, — сказал Сэм, — Если мы начнем продавать алкоголь, то можно будет продвигать больше продуктов.

— В точку, сынок, — ответил ему мистер Рейкстро. — А часть прибыли можно инвестировать в магазин. Сделать улучшения. Часть холодильников еле пыхтит. Если заменить их на новые, энергосберегающие, можно сэкономить тьму денег.

— А то я не знаю!

— Ты даже, наверное, наконец-то догонишь нас в Тупело.

— Это вряд ли.

— Ну что? — спросила миссис Рейкстро, глядя на Ларри.

— Мама, я прямо сейчас смотрю сайт. Пока ничего.

— Вам всем прекрасно известно, что закон не пройдет, — сказала она.

В руке у нее теперь был коктейль, и она сидела на диване около мужа.

— Шанс все же есть, — сказал Ларри.

— Ха! — отозвалась она. — Джорджина сказала, что видела, как вокруг участков ходят люди с плакатами. Как поступил бы Иисус? Или какая-то похожая чепуха.

— Это же противозаконно, — заметил я.

— Они должны стоять в пятидесяти футах или вроде того. Суть в том, что жители этого города никогда не проголосуют за алкоголь. Честно говоря, я удивлена, что они продают в аптеках презервативы. А еще больше удивительно то, что в этом городе в принципе занимаются сексом. Это же не по-христиански.

— Дорогая... — сказал мистер Рейкстро.

— Наверное, нам следует вернуться в Средневековье и разрешить церкви опять всем заправлять. Как раньше. Может, вот *тогда* они будут счастливы. — И она, словно для того, чтобы подчеркнуть свою мысль, сделала большой глоток из бокала.

Мистер Рейкстро, который отличался на удивление тугим чувством юмора, произнес:

— Дорогая, ты же не серьезно.

— Естественно, нет, — огрызнулась она. — Но они наверняка только о том и мечтают. Они, похоже, забыли, что мы дрались на войне, чтобы освободиться от всей этой чепухи.

— Дорогая, а что это была за война? — спросил мистер Рейкстро.

— За Независимость, дорогой, — с раздражением сказала она.

— О.

— Мы отделили церковь от государства не без причины.

— Ты совершенно права.

— Не говори со мной таким снисходительным тоном, Джордж. Я, в отличие от тебя, брала курс американской истории. Отцы-основатели не были заинтересованы в теократии. Верующие не должны диктовать нам, что можно, а что нельзя. В том и заключается суть свободы, разве не так?

— Ты рассуждаешь, как коммунисты, — сказал он. — Наверное, думаешь, что церковь надо бы запретить.

— Если бы! Я люблю Господа не меньше других, но его последователи не отличаются особым умом.

Сэм усмехнулся. Мистер Рейкстро нахмурился. Ишмаэль явно не понимал, почему его бабуля расстроена. Он смотрел на нее сквозь толстые стекла очков.

— Ну, коммунистам, по крайней мере, хватило яиц попробовать что-нибудь предпринять, — сказал Ларри. — Надо отдать им должное.

Мистер Рейкстро открыл рот, посмотрел на Ларри, но, похоже, не нашел, что сказать.

— Я думал, результаты уже появились, — сказал Сэм.

— Я обновляю страницу, но он ничего пока что не написал. Подожди пару минут.

Миссис Рейкстро посмотрела на Ишмаэля.

— Иши, вижу, тебе все это наскучило не меньше, чем мне, — сказала она. — Может, съедем по мороженому?

Он радостно улыбнулся и побежал вслед за нею на кухню.

— О, появилось, — драматично сказал Ларри. — Вот черт!

— Что? — спросил Сэм.

Ларри печально покачал головой.

— Мы проиграли?

— Не на много, но Бенд сказал продаже спиртного «нет».

— Ну, хоть Поли порадует, — сказал Сэм. Вид у него был подавленный, мрачный. — Где этот мелкий говнюк?

— У них бдение в церкви, — сказал мистер Рейкстро. — Теперь, видимо, оно перешло в вечеринку.

— Это пойдет им на пользу, — без энтузиазма сказал Сэм.

— Что есть, то есть, — согласился его отец.

Глава 102

Какую часть слова «нет» ты не понял?

В конце октября внезапно похолодало. Большую часть времени я занимался тем, что либо консервировал, либо продавал последнюю волну урожая из огорода. Когда подошел Хэллоуин, мамина кладовая была снова заставлена вареньем, желе, маринованной бамией, фасолью, горохом и всем остальным.

Я не мог объяснить, почему с таким рвением ударился в заготовку припасов. В школе никто бы не назвал меня — гея — парнем, который в будущем станет держать козу и закручивать банки с вареньем, но после смерти родителей это меня увлекло. Сэм говорил, что таким образом я пытаюсь контролировать свою жизнь. Я говорил, что мне нравится работать руками. Истина, вероятно, находилась где-то посередине.

— Я хочу взять с собой Иши, — сказал Сэм в пятницу вечером, пока Иши на полу играл с Бо.

— Ты хочешь взять семилетнего мальчика на охоту? — не веря своим ушам, спросил я.

— Ему понравится. И ему почти восемь.

— Как насчет «нет»?

— О, да ладно тебе!

— Какую часть слова «нет» ты не понял? «Н», что значит «нет»? «Е», то есть «еще раз нет»? Или «Т» — «в третий раз нет»? *Нет*. Три буквы. Видишь? Все просто.

— Но охотиться ходят все.

— Я не хочу, чтобы Иши брал в руки оружие, Сэм. Конец разговора. И если тебе надо спрашивать меня, почему...

Он вздохнул.

— Что такое «охота»? — спросил Ишмаэль.

— Ничего, — сказал я.

— Я всему его научу, — пообещал Сэм.

— Ничему ты его не научишь. Если я когда-нибудь увижу, что он играет с оружием, я сверну твою чертову шею, Сэм Рейкстро, и я не шучу.

— Все мальчишки ходят охотиться.

— Нет.

— Ну пожалуйста.

— Нет.

— Я хочу поехать, — сказал Ишмаэль.

— Нет, не хочешь, — ответил я. — Оружие — это опасно, оно мне не нравится, и я не хочу, чтобы ты с ним играл.

— Он ведь должен когда-нибудь научиться, — заспорил Сэм.

— Когда-нибудь, но не сейчас.

— Тогда с кем мне поехать?

— Возьми Ларри.

— Он больше не охотится.

— Как любой здравомыслящий человек.

— Когда я набью морозилку олениной, ты запоешь по-другому.

Тут он меня подловил.

— Поезжай один, — сказал я.

— Одному скучно. А если я возьму его, но стрелять он не будет?

— Да! — с энтузиазмом сказал Ишмаэль. — Я хочу поехать.

— Нет, — сказал я.

— Дядя Хен, ну пожалуйста.

— Нет.

— Пожалуйста?

— Отпусти его, — сказал Сэм. — Я не дам ему притрагиваться к ружью, но он сможет посидеть рядом со мной, увидеть, как это делается. И ты сам знаешь, что хочешь полную морозилку свежего мяса. В прошлом году мы ели стейки из оленины до самого марта.

Я вздохнул.

— Это значит, он может поехать?

— Я не хочу, чтобы он стрелял из оружия, Сэм.

— Я ему не позволю.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— На мизинчиках поклянешься?

— Клянусь.

Я оглянулся на Ишмаэля, который улыбался от уха до уха. Когда он весь день просидит со своим дядей Сэмом на холоде, дожидаясь в засаде оленя, ему будет не до улыбок.

— О, ну в самом-то деле! — воскликнул я.

— Ты лучше всех, — усмехнулся Сэм.

— Пусть наденет что-нибудь яркое. Оранжевое, — распорядился я. — Если его подстрелит какой-нибудь рожденный в инцесте ублюдок-реднек...

— Никто никого не подстрелит.

— Оранжевое, — повторил я. — Оранжевую шапку, оранжевый жилет, и если бывает оранжевая краска для лица, то и ею намажь его тоже.

— Мы поедem на папину землю, — пообещал Сэм. — Там стоит знак, поэтому никого, кроме нас, там не будет. Люди знают, что на папину землю лучше не заходить.

Бо, заскучав без внимания, твякнула.

— Бо, я поеду охотиться, — объявил ей Ишмаэль. — Хочешь со мной?

Гав!

— Собираешься реднека из него сделать, да? — спросил я у Сэма.

— Он деревенский пацан, Генри Гуд. А чем занимаются деревенские пацаны? Мы рыбачим, стреляем, охотимся, убиваем...

— Не все, Сэм Рейкстро. Не все.

— Хен, твои родители тут не при чем. — Он склонил голову набок и бросил на меня понимающий взгляд.

— Продолжай себя убеждать, — сказал я.

Глава 103

Мама пошла бы на все

В четверг Саре официально предъявили обвинение в соучастии в убийстве драг-дилера в Алабаме. Калкинс, который заехал, чтобы сообщить мне эту новость, стоял теперь на крыльце, одетый для защиты от наступающих холодов в полицейскую куртку.

— Плохи ее дела, Хен.

Я молчал.

— Я думал, мы с тобой заключили сделку, — проговорил он.

— Я пытался.

— Пытайся сильнее.

— Вы же уже взяли ее за убийство.

— За соучастие. Это разные вещи. У меня есть свое дело, которое нужно закрыть, и я закрою его. Но мне надо, чтобы ты с нею поговорил.

Я вздохнул, зябко обхватил свои плечи. Мне было не по себе.

— Ну? — не отставал он.

— Я знаю, почему мама сделала то, что сделала. Почему убила себя.

— И почему?

— Она хотела защитить Сару.

— Поздновато было ее защищать.

— Может быть. А может, и нет.

— Не понимаю.

— Сарина жизнь уже была уничтожена. Стараниями отца. Она была совсем маленькой. Ее жизнь закончилась, когда еще даже толком не началась. И Сара сделала то, что должна была сделать.

— Убив своего отца?

— А вы бы как поступили?

— Убивать своего отца я бы не стал.

— Вы не можете забеременеть. Вы, наверное, не понимаете, каково это. Особенно, если тебе только тринадцать.

Он ничего не сказал.

— Мама, видимо, все поняла и попыталась скрыть это, сделать похожим на убийство с самоубийством. Такое ведь то и дело случается, разве не так?

— Ну...

— Случается. Вы сами знаете, шеф. Старики потихоньку сходят с ума, и в один прекрасный день... оно происходит. Как недавно в Тупело. Убийство и самоубийство. Один тип застрелил дочь и жену. Поругались, наверное, из-за чего-то, он снял с полки ружье, и понеслось. Так бывает. Вот я к чему.

— И?

— Мама любила Сару.

— И что?

— Она пыталась дать Саре шанс. Извиниться за папу. Она думала, что если взять вину за его смерть на себя, то никто ничего не узнает, и у Сары появится шанс, и она не проведет всю жизнь за решеткой.

Калкинс нахмурился.

— Я не говорю, что так правильно, но свою маму я знаю. Я знаю, она думала именно так и сделала именно это. Мама была не из тех, кто сидит и думает, а не убить ли себя. Она просто была не такой. Они с папой, конечно, ругались, но всегда улаживали свои дела. Ради меня и Сары она пошла бы на все. На все вообще. И она это доказала.

— Хен, мне от этого помощи мало.

— Я не стану отбирать шанс, который ей дала мама.

— То есть, ты не будешь мне помогать?

— Больше нет.

Он поджал губы.

Я молчал.

— Хен, ты что, забыл о той ночи?

— Нет, не забыл.

— Мне думается, что информацией такого рода я буду обязан поделиться с судьей.

— Что ж, делайте то, что должны.

— Это сведет к нулю твои шансы оставить того мальчонку себе.

Я дернул плечом.

— Давай-ка ты подумаешь еще раз. И подумаешь хорошенько. Мне надо, чтобы эта девица призналась. Блюсти закон — это мой долг, и я намерен выполнить его до конца. То, что случилось с Сарой, ужасно, но оно не давало ей права отнимать чью-то жизнь. Подумай о своем папе. Ты должен поступить правильно. Ради него.

— А как же Сара?

— Она должна заплатить за содеянное. Уж я за тем прослежу.

— Разве она недостаточно заплатила?

— Это закон будет решать. А не ты и не я.

— Так же как он будет решать, что делать с Рики?

— Прошу прощения?

— Все знают, что сделал ваш сын.

— Он был дома. У него алиби.

— Ясно.

— Поосторожнее, Хен. Не советую тебе сворачивать на эту дорогу.

— Я просто хочу, чтобы все кончилось. Что это изменит, в конце-то концов? Предъявите вы ей обвинение или нет, мои мама с папой мертвы. Их не вернуть. Мы с вами знаем, что было. Разве этого мало? Разве моя семья недостаточно опозорена? Разве мало мы с Иши вынесли бед? Почему нельзя оставить это дело в покое?

— Мы говорим о законе.

— Вы говорите о том, чтобы снова все это вытащить и объявить на весь свет, что мой отец изнасиловал свою дочь, что она от него забеременела, а потом — вот сюрприз! — разозлилась настолько, что убила его. И что? Кого теперь это волнует? Какая разница, кто виноват?

— Огромная.

— Жертва здесь я. И я говорю, что разницы нет.

— Ты не в себе. Да-да, не в себе. Совсем как в ту ночь, когда я приехал к вам...

— Ладно, вперед.

— Прошу прощения?

— Вперед. Можете рассказать судье, что я сделал. Мне все равно. Если вам кажется, что Иши будет лучше в приюте, делайте то, что должны. Но шантажировать себя я вам не дам.

— Ты пожалеешь об этом, — сказал он.

— Возможно, — допустил я. — Но Сара и так достаточно настрадалась, и наказывать ее еще больше я не хочу.

Он зашагал обратно к машине.

Глава 104

Теперь я все понимаю

Во вторник перед Хэллоуином я отправился в следственный изолятор навестить Сару.

Она держалась подавленно. Села напротив меня, опустила глаза, и вид у нее был одновременно и более здоровый, чем раньше, и отчего-то очень больной. Она была слишком бледной. Слишком худой. Слишком чистой и вялой. И усталой. Невероятно усталой.

— Я тут подумал, — тихо заговорил я.

— О?

— У тебя никогда не было шансов.

Она продолжала молчать.

— Мама хотела помочь тебе.

Она пожала плечом.

— Сара, я пытаюсь сказать, что все понял. Жаль, что ты не обратилась ко мне. Я бы помог.

— Я не могла, — не поднимая лица, сказала она.

— Почему?

— Просто не могла, Хен, и все.

— Я бы помог тебе.

Она ничего не ответила. Тяжко вздохнула, словно груз лет давил на нее, потом закрыла руками лицо и заплакала. Из нее будто изливалась вся пережитая за жизнь боль. Мне хотелось обнять, утешить ее, но я знал, что физический контакт с «заклоченными» запрещен.

— Господи! — вырвалось у нее наконец. — Как же я изгадила свою жизнь.

— Это папа изгадил ее, а не ты.

— И зачем только он...

— Я знаю.

— Богом клянусь...

— Я знаю.

На выражение несчастной мольбы у нее на лице было невыносимо смотреть.

— Мы все исправим, — сказал я.

Она подняла глаза на меня.

— Я знаю, что ты сделала, — тихо прибавил я. — И знаю, почему мама сделала то, что сделала. Но другим знать об этом не нужно.

Она облизнула губы.

— Но ты должна сделать для меня одну вещь. — Я наклонился вперед. — Ты должна подписать отказ от родительских прав. Мы с Сэмом заберем Иши к себе. Он моя кровь. Бога ради, он мой младший брат. Я не позволю, чтобы с этой семьей стряслось что-то еще. Мы пойдем в суд, и мне дадут постоянное опекуновство. И ты должна мне помочь.

— И почему?

— Потому что я знаю, — просто ответил я.

— Знаешь что?

— Ты знаешь, что именно, Сара. Ты... знаешь *в точности*... что. Когда мы у тебя убирались, я нашел в шкафу обувную коробку. Думаю, ты знаешь, что там лежит.

Мы долго смотрели друг другу в глаза.

— Прикроешь меня — и я прикрою тебя и буду помалкивать, — добавил я. — Не знаю, выгорит ли твоя сделка, но если тебе предъявят...

— Я уловила суть, Хен.

— Я просто объясняю тебе. Подпиши ту бумагу, и я буду держать рот на замке.

— Я не стану подписывать никакую бумагу. Хочешь поступить со своей родной кровью, как чертов предатель, — дело твое. Все равно ты никогда и ни в чем не мог мне помочь, разве не так?

Она встала и ушла прочь.

Глава 105

Сейчас я тебя поцелую

Пока я ставил ужин на стол, вернулся с работы Сэм. Ишмаэль, одетый в костюм Капитана Америки, который я купил в «Доллар Дженерал», услышал грохот колес и помчался к двери.

— Дядя Сэм, угадай, кем я буду на Хэллоуин?

— Спайдерменом? — изобразил непонятливость Сэм.

— Нет.

— Суперменом?

— Нет.

— Бэтменом?

— Вот еще. Нет.

— Ну, тогда я сдаюсь. На тебе же нет маски, ковбоек.

Ишмаэль надел маску и приосанился.

- О! — Сэм хлопнул себя по лбу. — Ты Капитан Америка. Какой же я дурачок.
- Я буду спасаться людей, дядя Сэм, — заявил Ишмаэль.
- Каких людей?
- Всех, кто в беде.
- Молодчина, ковбоек. Не знаю, что там готовит твой дядя Хен, но пахнет вкусно.
- Я помогал мять картошку, — гордо сказал Ишмаэль.
- А уроки ты сделал?
- Дядя Хен сказал, чтобы я подождался тебя.
- Вот как?
- Мне надо запоминаться слова.
- Да уж, не помешает.

Они зашли на кухню. Сэм шагнул ко мне, широко ухмыльнулся, а потом, не дав мне опомниться, приложился к моим губам в поцелуе.

- Милый, я дома.
- Это я вижу, — ответил я.
- Ты поцеловал его, — хихикнув, сказал Ишмаэль.
- Сейчас я и тебя поцелую, — пообещал Сэм, повернувшись к нему.
- Фу!
- Тебе же нравится делать «фу», разве нет, маленький пердунишка?
- Я не маленький пердунишка, дядя Сэм.
- Ну все, пукалка, я пошел тебя целовать!
- Нетушки!
- Лучше беги, если не хочешь, чтобы твой дядя Сэм смачно чмокнул тебя прямо в губы. Ишмаэль, довольно визжа, унесся в гостиную, а Сэм под тявканье Бо погнался за ним.

Глава 106

Сладость или гадость?

- Идите уже, — произнесла Дебби. — А то он вот-вот выпрыгнет из этого своего костюмчика.
- Ты точно не против? — сказал я.
- Идите. Уже начинает темнеть.
- Спасибо, Дебби.
- Иши, повеселись хорошенько, слышишь меня?
- Да, мэм. — Он надел маску.
- Было шесть часов следующего вечера, и Иши от предвкушения был сам не свой.
- Не ешь слишком много конфет, — строго наказала она. — И прибереги сколько-то для меня.
- Хорошо, — пообещал он.
- Смотри, не забудь. Я ем за двоих, так что моя доля должна быть двойной.
- Мисс Дебби!
- У тебя их будет полно, — заверил его я.
- Можно, мы уже пойдем? — шурясь на меня, спросил он.
- Где твои очки?
- У меня.

— Дай-ка сюда.

Он подал мне очки, и я убрал их в нагрудный карман.

— Ладно, козьявка, идем.

— Дядя Хен, я не козьявка.

— Ты моя маленькая козьявка.

— Развлекайтесь! — крикнула Дебби нам вслед, когда мы пошли.

— Дядя Хен, я не козьявка. Я Капитан Америка.

— Это я вижу.

Мы пошли в дальний конец парковки, где я оставил пикап. Приблизившись, я сбавил шаг, и мои губы сжались.

На моем лобовом стекле краской из баллончика было написано: ПЕДИК.

— Дядя Хен?

— Пойдем лучше пешком. — Я развернул его, надеясь, что он ничего не увидел, что его праздничное веселье не будет испорчено. — До центра недалеко, всего два квартала. Что скажешь?

— Хорошо, дядя Хен.

Словно ища утешения, я взял его за руку. На душе было тошно.

Свободной рукой я достал телефон и позвонил Сэму.

Глава 107

Мне страшно жаль

— Дядя Хен, гляди, сколько конфет, — гордо сказал Ишмаэль, поднимая свое пластмассовое ведерко с конфетами, чтобы я посмотрел.

— Ты постарался на славу, — признал я.

— И они все мои.

— Ты должен поделиться с мисс Дебби. Ты обещал.

— Хорошо.

Мы возвращались во «Всегда экономь» после того, как час бродили по центру, заходя в магазины и церкви. Вокруг моего пикапа на парковке собралась небольшая толпа.

— Давай-ка ты зайдешь внутрь и отдашь мисс Дебби ее конфеты? — предложил я.

Он убежал.

Я не ожидал, что напротив моей машины будет стоять шеф Калкинс. Я просил Сэма не вызывать его.

Тут был и Марк Фусберг, который делал снимки со вспышкой. Он уже успел написать что-то в фейсбук — за последние двадцать минут мне позвонили три человека с вопросом, что за черт происходит. У меня в фейсбуке аккаунта не было. Видимо, у одного во всем Бенде, потому что любая новость облетала город практически моментально.

— Хен, мне страшно жаль, — сказал Калкинс, когда увидел меня.

Да уж конечно, подумал я.

— Есть подозрения, кто мог это сделать? — спросил он.

Я улыбнулся.

Он тоже.

Сэм встал рядом со мной, словно я нуждался в защите.

— Когда вы приехали в город? — спросил Фусберг, и было сложно сказать, берет ли он

у меня интервью или просто интересуется.

— В четыре часа, — ответил я.

— А во сколько обнаружили надпись?

— В шесть. Мы с Иши пошли за конфетами.

— Значит, ее сделали между четырьмя и шестью?

— Должно быть. Ее точно не было на стекле, когда я ехал сюда.

Калкинс следил за нашим с Фусбергом разговором. Когда я повернулся к нему, в моих глазах был вопрос, который задавали себе, наверное, все: *шеф, а где с четырех до шести был ваш сын Рики?*

— Какой позор, — сказал Калкинс. — Порча личного имущества. Не думал, что однажды увижу такое у нас.

— Да, позор, — сказал Фусберг. — Хен, есть мысли, кто мог это сделать?

— Даже не знаю, — ответил я. — Но заправку разрисовали краской такого же цвета.

— Ты прав. И почерк похож.

— Наверное, какие-то заезжие буяны из Алабамы, — прибавил я.

— Наверное, — согласился шеф.

— И как мне теперь ее оттирать?

— Можно попробовать растворителем, — сказал Сэм. — У меня есть немного внутри.

— Хотя... может, я просто возьму и оставлю ее, — сказал я.

— Ты не можешь ездить с этой надписью на стекле, — воскликнул Сэм.

— Почему? Тоже мне, тайна. Все в этом чертовом городе знают, что я «голубой».

Сэм остолбенел.

Калкинс смерил меня хмурым взглядом.

— Если цель была в том, чтобы унижить меня, пусть постараются немного сильнее.

— Не говори ерунды, — сказал Сэм. — Калкинс и его парни проведут расследование.

— Такое же, как на заправке?

Сэм замолчал.

— Все уже забыли о ней, разве нет? Так оно и работает. Не буди спящих псов. И не лезь в кастрюлю с дерьмом, если не хочешь потом облизывать ложку.

— Мы выясним, кто это сделал, — пообещал Калкинс. — Но только если ты подашь заявление, иначе я ничем не сумею помочь.

— Я не стану подавать заявление.

— Хен! — воскликнул Сэм.

— Сэм, какой в этом смысл? Это всего лишь слово.

— Ты должен с ними бороться.

— То же самое апостол Петр сказал Иисусу в Гефсиманском саду.

— Неважно. Ты должен бороться. Нельзя такое спускать.

Я покачал головой и отвернулся.

— Хен, какого черта? — Он схватил меня за руку.

— Я не могу больше бороться, — ответил я.

— Нельзя давать людям поступать так с собой.

— Они будут делать все, что им хочется, Сэм. Я на них повлиять не могу.

— Потому у нас и существует полиция.

— Ну, удачи тебе.

— Мы подадим заявление, — сказал Калкинсу Сэм.

Я только покачал головой.

Глава 108

В том-то и суть

— Я не понимаю тебя, — сказал тем вечером Сэм, когда мы легли. — Серьезно, иногда я просто не понимаю тебя. Вообще.

— Переживешь.

— Засунь свой сарказм знаешь, куда? Ты должен бороться, а не ездить по Бенду с оскорблением на стекле. Да что с тобой, черт побери?

— Ничего. В том-то и суть.

— Какая?

— Со мной все в полном порядке. Не я написал это у себя на стекле. Это сделал кто-то другой. И если он думает, будто его художество опозорит меня, то он ошибается. Пусть хоть весь город увидит. Мне все равно.

— Это унижительно.

— Для города. Не для меня. Это же не я написал.

— Ты спятил.

— Или мне просто теперь наплевать.

— Ты никогда не мог постоять за себя.

— Если бы моим папочкой был преуспевающий бизнесмен, то я, вероятно, вел бы себя по-другому.

— Не пори херню.

— Ладно, держи подкачку. Твои родители не просто так ходят в Первую Баптистскую церковь. Еще туда ходит Калкинс, и его парни, и все, кто имеет в этом городе вес. Свои заботятся о своих. Сэм, ты же знаешь.

— Чушь.

— Продолжай себя убеждать.

— Просто ты трус, который не хочет бороться за свои права.

— Может, у меня есть причины быть трусом.

— Например?

— Знаешь, кто еще ходит в Первую Баптистскую? Правильно. Тот самый судья, который будет решать, можно Иши остаться со мной или нет. Судья, который будет решать, можно ли моему брату жить со своей семьей, или его надо отправить в приют. Если б мы были членами Первой Баптистской, то получили бы разрешение без проблем.

— Ты иногда уж слишком циничен.

— Я говорю то, что есть.

— И я не понимаю, как это связано с твоими планами ездить по Бенду со надписью ПЕДИК на лобовом стекле.

— Сдается мне, что дело с заправкой расследовали бы малость усердней, если бы мистер Хасан оставил ту надпись у всех на виду. Но он ее стер, и привет, теперь никто не помнит, что было. Почему мы должны облегчать этим гаденышам жизнь? Наверное, я и правда на какое-то время оставлю ее на стекле. Напомню добропорядочным жителям Винегар-Бенда, что не все в этом городе такие добропорядочные, какими считают себя.

— И чего ты хочешь этим добиться? Почему не поступить по-нормальному и не подать

заявление, как делают все?

— Заявление против кого?

— Хен, у тебя есть права.

— Которые мало что значат, когда зависишь от тех, кто недолюбливает тебя. Ты знаешь в этом городе еще одного белого человека, который ждет, когда судья вынесет свое частное, субъективное решение о его жизни и о том, может его младший брат жить вместе с ним или нет? Не знаешь? Об этом и речь.

Он с раздражением выдохнул и отвернулся к стене.

Глава 109

Что там наверху?

— Можно мне подняться наверх? — спросил Иши, стоя у подножья лестницы вместе с Бо.

— Конечно, — ответил я.

— А что там?

— Всякие старые вещи. Ванная. Пара спален. Сходи, посмотри.

Он окинул лестницу опасливым взглядом.

Я снял штору с верхней площадки и убрал сложенные на лестнице вещи. Второй этаж отныне открыт — таков был намек.

— Дядя Хен, точно можно? — спросил он.

— Конечно, — сказал я. — Давай, поднимайся. Если какая-нибудь комната наверху тебе приглянется, она будет твоей.

— Правда?

— Да. Там на стенах висят фотографии твоей бабушки. Ты помнишь ее?

Он пожал плечами.

— Сходи, посмотри.

— Можно, я возьму с собой Бо?

— Конечно.

Он осторожно поднялся наверх, то и дело оглядываясь на меня и прижимая к своей груди Бо.

Стоя на кухне и занимаясь ужином, я слышал его шаги по старым, поскрипывающим половицам. Бо радостно гавкала.

Когда Сэм вернулся домой, он пошел сразу на кухню.

— Что происходит? — спросил он с тревогой.

— Ничего.

— Ничего?

Я пожал плечами.

— Ты открыл ход наверх?

Я кивнул.

— Почему?

— А почему бы и нет?

— Там Иши.

— Я знаю.

Он подошел к раковине, где стоял я.

— Все хорошо?

— Все прекрасно, Сэм Рейкстро. Сегодня я все проветрю, а завтра поднимусь туда и приберусь. Если Иши захочет, чтобы его спальня была наверху, то мы ему разрешим.

— Что тебя к этому подтолкнуло?

— Время пришло. Вот и все.

— Что это значит?

— Им больше не ранить меня. Я понял это на днях. Больнее, чем есть, им мне не сделать. Самое страшное я уже пережил, и теперь все идет только на спад.

— Ты серьезно?

Я кивнул.

— Ты переворачиваешь страницу и начинаешь жить?

— Возможно, — ответил я.

— Значит, я получу своего прежнего Хена назад?

— Сэм, он уже никогда не вернется. Но где-то внутри меня есть кто-то, кто очень похож на него. Думаю, им тебе и придется удовлетвориться.

— И я удовлетворюсь, — с улыбкой пообещал он.

— Все. Теперь оставь меня одного. Мне надо готовить.

— Сперва ты должен дать мне чуть-чуть сахарку и разрешить поиграть со своей свистулькой.

— Господи, какой же ты похотливый ублюдок.

Глава 110

Есть вероятность

На ужин я запек курицу. Сэм терпеть не мог это блюдо, я же его обожал. Я положил куриную грудку и овощи — картошку с морковкой — в глубокую сковородку, залил все это водой, добавил немного приправ и на два часа поставил в духовку. Когда я вытащил мясо, оно само соскальзывало с костей, овощи приобрели божественный вкус, а за бульон было не жалко и умереть. Такую еду мама называла простой, честной пищей.

— Иши, нам надо поговорить, — сказал я, когда мы закончили есть.

Он поднял глаза на меня, на его лице появилась тревога.

Я оглянулся на Сэма. Тот ободряюще мне кивнул.

— Иши, возможно, тебе будет трудно это понять, поэтому я хочу, чтобы ты меня выслушал, — произнес я. — Я говорил с той леди из ДСЗ. С мисс Дарлин. Помнишь ее?

Он кивнул.

— Перед Днем благодарения у нас будет судебное слушание.

— Что это?

— Мы придем пообщаться с судьей, и судья скажет, можно тебе остаться у нас или нет.

Он нахмурился.

— Иши, я хочу, чтобы ты кое-что понял. Судья может не захотеть, чтобы ты жил с нами.

— Почему?

— Есть много причин.

— Но мне нравится здесь.

— Знаю. Мы тоже очень хотим, чтобы ты здесь остался, но судья может решить...

— Почему?

— Так просто не объяснишь.

— Я сделал что-то плохое? Я стану лучше.

— Иши, ты здесь не при чем.

— Дядя Хен, я стану лучше. Я обещаю.

— Дело не в тебе, мой хороший.

— Но я не хочу уезжать.

— Иши, послушай своего дядю Хена, — произнес Сэм. — Выслушай, что он должен сказать.

— Но, дядя Сэм...

— Иши, послушай его.

Он вытер глаза и с несчастным видом повернулся ко мне.

— Иши, скорее всего ты останешься с нами, — сказал я. — Окей? Так что не паникуй. Но есть вероятность, что судья может решить, что тебе нужно жить не со мной и твоим дядей Сэмом, а с настоящей семьей. Ну, понимаешь, с мамой и папой. Вероятность совсем небольшая, но я хочу, чтобы ты знал: так может случиться. И если это случится, я хочу, чтобы ты вел себя хорошо, пошел с ними и не создавал каких-либо проблем.

Он уставился на меня, словно не мог поверить в то, что я говорю, и я ощутил, как внутри меня все скрутилось.

— Я просто пытаюсь тебя подготовить...

Он перестал меня слушать.

Он вскочил на ноги и со сдавленным вскриком выбежал вон.

Глава 111

Ты не понимаешь

В воскресенье утром, стоя на церковной парковке, я смотрел, как Ишмаэль уходит в приходской зал, где была воскресная школа, и ощущал себя так же подавленным и побежденным, какими были его поникшие плечи.

Я прислонился к пикапу и задумался, чем занять час до мессы. Обычно я заходил в церковь на репетицию хора. Сейчас об этом не могло быть и речи. Можно было посидеть в классе, где изучали Писание, но в текстах Библии я был не силен.

Пока я неприкаянно стоял на парковке, из боковой двери вышла мисс Стелла. Я смотрел в ее сторону достаточно долго, чтобы узнать, кто идет, а потом отвернулся и притворился, что не увидел ее.

Ее шаги прервались. На секунду.

А потом:

Цок-цок-цок-цок...

— Генри?

Я поднял глаза.

— Что это? — требовательно спросила она — с ужасом и неприязнью одновременно. Ее взгляд был направлен на мое лобовое стекло.

Я пожал плечом.

— Я, разумеется, слышала о случившемся. Но полагала, что к этому времени ты ее стер.

Я промолчал.

— Тебе не кажется, что это несколько непристойно? — спросила она, подойдя к пикапу

и встав напротив меня.

— Что есть, то есть, — негромко ответил я.

— Ты что, не можешь ее оттереть?

— Могу, — сказал я.

— И? — Ее заметно трясло, ее руки дрожали, лицо пылало... Возмущением? Гневом?

Стыдом? — Мы можем помочь тебе, — натянутым голосом сказала она.

— Не стоит беспокоиться.

— Почему нет?

— Знаете, что? — заговорил я, вдруг ощутив внезапное безрассудство. — Недавно я выяснил, что мой племянник на самом деле мой брат. А его отец — его дед. А его мать на самом деле его сестра. Поэтому признаюсь вам честно: на данный момент меня очень небольшое может смутить, и какая-то надпись на лобовом стекле — меньше всего. Вы, вероятно, очень довольны.

— Почему ты так говоришь?

— Люди вроде меня, мисс Стелла, нужны, чтобы выгодно оттенять людей вроде вас.

— Полнейшая чушь.

— Я так не думаю.

— Я не понимаю тебя.

— Хоть в чем-то мы с вами согласны.

— Это позор — видеть такую машину на нашей парковке.

— А еще позорней, наверное, присутствие владельца этой машины и его племянника-тире-младшего-брата внутри самой церкви, но что бы сделал Иисус?

Это ее, кажется, обескуражило.

— Что бы ты там ни надумал себе, Генри Гуд, я не ненавижу тебя. Однако есть правила...

— Сказал фарисей саддукею.

— Я не фарисей.

— В самом деле?

— Любить человека — не значит потворствовать его греховным делам.

— Не припоминаю, чтобы просил вас чему-то потворствовать.

— Ты сделал это нашим общественным делом.

— Я просто стоял и никому не мешал. Вы *сами* ко мне подошли и сделали это дело своим.

— Я не нравлюсь тебе.

— Тут вы правы.

— Я пытаюсь помочь тебе. Жаль, что ты не можешь это понять.

— Помочь чем? Попытками разрушить мою семью и порицанием за любовь к человеку, которому я верен с десятого класса? Это, по-вашему, помощь? Что именно вы мне помогаете делать? Стыдиться себя? Притворяться, будто я не тот, кто я есть, лишь потому, что такие люди, как вы, не могут с этим смириться? Единственный человек, которому вы хотите помочь, — это вы сами.

— Это просто смешно.

— Неужели?

— Естественно, да.

— Забавно, что все наши беседы всегда сводятся к вам.

— И что это значит? — надменно спросила она.

— Речь всегда идет только о вас. О ваших чувствах. О том, что вы считаете правильным или пристойным, или чему по вашему мнению учит церковь, или о вашем отношении ко всему. Обо мне же ни слова. Ни разу. Ни слова о том, почему я такой, какой есть, как я им стал, что со мной происходит, и каково это — проснуться однажды и осознать, что ты не похож на всех остальных. Как по мне, это довольно эгоистично, мисс Стелла. При всей своей сердобольности вы ни разу ни удосужились спросить у меня, что происходит. Не расскажете, почему?

— Речь вовсе не обо мне.

— О вас. И так было всегда.

— Какой бред.

— Некоторые говорят то же самое о гомофобии.

— Я не гомофоб.

— Продолжайте себя убеждать.

— Я видела, что произошло с моим братом. Это я нашла его тело.

— Возможно, он бы не сделал то, что он сделал, будь в его жизни хоть один человек, готовый принять его и любить несмотря ни на что — так, как нужно любить и принимать всех детей.

— Его извращение надо было принять? Таков твой ответ? Принимать извращенцев? Кланяться им и разрешать вытирать о нас ноги? Что еще посоветуешь, Генри? Принять педофилов? Может, мы должны окружить их любовью и похвалить за то, что им нравится совершать насилие над детьми?

— А я-то считал вас образованной женщиной.

Ее ноздри затрепетали, но она промолчала.

— По-вашему, я насилую Сэма? — спросил я. — Так вы считаете, да? Он крупнее меня. Он старше меня. Он совершеннолетний мужчина. Вы считаете, будто наши с ним отношения похожи на те, когда кто-то вроде моего папы приходит в спальню моей младшей сестры и систематически ее трахает, да? Будь оно так, я согласился бы с вами. Но это не так.

— Ты не понимаешь, — сказала она, как-то печально, расстроено качнув головой.

— Нас таких двое.

— Я знаю, что мой брат сделал со мной, и будь я проклята, если позволю тебе поступить так с кем-то еще. Мы только и делаем, что говорим о тебе и твоих правах, но как насчет моих прав? Кто будет говорить за людей вроде меня?

И она, фыркнув, ушла.

Глава 112

Не очень

Тем вечером мне позвонила мисс Бетси, сестра мистера Коттона. Коттон Пикл подхватил пневмонию, и его положили в больницу.

— Хен, тебе лучше приехать, — сказала она. — Он звал тебя, и на сей раз дела его не особенно хороши.

— Он в Гилморе в Эмори?

— Да.

— Уверен, с ним все будет в порядке.

— Хен, он устал. На этот раз все по-другому.

— Буду через двадцать минут.

— Кто это? — спросил Сэм, когда я повесил трубку.

— Мистер Коттон в больнице.

— Тот старик-извращенец, который написал диско-песню?

— Он мой друг. Не называй его так.

— Ну, он ведь такой и есть.

— Я поеду его повидать. Присмотришь за Иши?

— А Папа католик?

— Многие сомневаются.

Оставив Сэма и Иши на попечение «Уолтонов» (*телесериал — прим. пер.*), я отправился в Эмори, где находился Мемориальный госпиталь Гилмора. Когда я увидел мистера Коттона — бледного, изможденного и такого решительно старого, — то понял, что его сестра имела в виду.

Она поднялась на ноги.

— Спасибо, что приехал. Мне кажется, ему осталось недолго.

— Вы в порядке?

— Конечно. Просто это слегка неожиданно. Ты подойди к нему, Хен. Он любит тебя. Всегда говорит, что ты ему будто сын. Подойди к нему.

Я подошел к койке, на которой, вытянувшись, лежал мистер Коттон, и взял его за руку.

Его старческие глаза открылись. Поначалу он, кажется, меня не узнал.

— Ты пришел, — наконец с усилием вымолвил он.

— Как вы, мистер Коттон?

— Не очень, — просто ответил он и сжал мою руку со всей небольшой оставшейся у него силой. — Ты всегда был так добр ко мне, Хен. Хотел бы я, чтобы ты был моим мальчиком.

Я не знал, что сказать.

— У Бетси есть для тебя письмо, — тихо проговорил он.

Он закрыл глаза и пугающе сильно закашлялся. Долгую, наполненную тревогой минуту я смотрел, как мисс Бетси пытается усадить его, чтобы он выплюнул поселившуюся в его легких мокроту. Его кашель был громким, надрывистым, он исторгался словно с самого дна его души. Мисс Бетси с обеспокоенным выражением на лице нажала кнопку вызова медсестры.

Когда та вбежала в палату, я пошел ждать в коридор.

Спустя десять минут Коттон Пикл скончался.

На парковке я, попрощавшись с мисс Бетси, сел в свой пикап и с тяжелым сердцем открыл письмо, которое она мне отдала.

Мой дорогой Хен!

Ты никогда не узнаешь, что значила для меня твоя дружба и доброта, и если ты читаешь это письмо, значит рассказывать об этом тебе уже слишком поздно. Просто знай, что ты всегда занимал в моем сердце особое место. Поправка: ты всегда БУДЕШЬ занимать в моем сердце особое место. Пусть я сейчас и поджариваюсь в аду, но я всегда буду любить тебя и лелеять воспоминания о тебе, нравится это Парню На Небесах или нет.

Хен, я хочу, чтобы ты сделал для меня одну вещь. Дом я оставляю сестре Бетси, но свои песни завещаю тебе. Позаботься о них. Других детей, кроме них, у меня нет, и я бесконечно люблю их и знаю, что с тобой им ничего не грозит. Но следи за кровопийцами-адвокатами. Найди такого, который не облапошит тебя, и мои детки обеспечат тебе приличный доход. Следи за сроками истечения авторских прав. Не позволяй им перейти в общественное достояние.

Но самое главное, Хен, следи за собой. Ты парень хороший. Поверь в себя хоть чуть-чуть. Напиши новую песню. Будь счастлив. И верь.

Надеюсь, ты будешь вспоминать меня с нежностью.

С любовью, твой Коттон Пикл.

Глава 113

Мистера Коттона больше нет

Когда я вернулся, в доме было темно. Я на цыпочках прошел через кухню и коридор и заглянул к Ишмаэлю. Он спал. Осторожно присев к нему на постель, я посмотрел на его лицо в сиянии ночника. Он обнимал Капитана Америку. В коробке возле кровати Бо с надеждой завилась хвостом и уцепилась лапами за картонную стену, которая отделяла ее от свободы. Она хотела выбраться из коробки.

Я взял ее на руки. Она радостно лизнула мое лицо.

— Хен? — прошептал Сэм, босиком зайдя в комнату. — Все хорошо?

— Мистера Коттона больше нет, — сказал я.

— Мне очень жаль.

Я украдкой вытер глаза.

— Ты и впрямь любил этого старика, да? — спросил Сэм.

— Он был моим другом.

— Сочувствую, Хен.

— Он завещал мне права на свои песни.

— На «Я верю в диско»?

— Он написал и много других.

— Ничего себе.

Я рассказал ему о письме, которое написал мистер Коттон.

— Так почему ты сидишь тут? — спросил он.

— Просто хотел повидать Иши.

— С ним все хорошо.

— Знаю.

Он сел на корточки рядом со мной, заглянул мне в лицо.

— Хен, что такое?

Я пожал плечом.

— Давай-ка ты ляжешь в кровать?

Он забрал у меня Бо, посадил ее обратно в коробку. Она расстроено твякнула, но Ишмаэль не проснулся. Сэм взял коробку и унес ее в нашу комнату.

Я поцеловал Иши в лоб.

Глава 114

Меня никогда так не любили

Ноябрь пролетел слишком быстро. Каждый день с Ишмаэлем был словно последний, и мне хотелось запомнить все-все — его простодушную усмешку и кривой зуб, прищуренные глаза и очки рок-звезды. Его запах, который всегда напоминал мне о сене, щенках и струящихся по лесу ручейках. Звук его голоса. То, как я держал его за руку. То, как он смотрел на меня, как называл «дядей Хеном». Его доверие. Его прелесть. Его невинность.

Я хотел, чтобы все это навсегда отпечаталось у меня в голове.

До сих пор, за исключением моей сестры Сары, ребенок меня никогда еще не любил. Но пока мы росли, Сара чаще всего раздражала меня, потому что она была девочкой и не любила то, что нравилось мне. А может, меня раздражало то, что я был обязан сидеть и нянчиться с ней. Я никогда не думал о том, что эти дни будут так мимолетны, что они так быстро пройдут.

Ишмаэль любил так безраздельно, так искренне, так беззаветно, что это пугало. В начале нам было непросто, но в итоге мы с ним срослись. Как и его дядя Сэм, Ишмаэль, казалось, считал, что он заслуживает любви, что любовь — его право, что он не обязан ничем обосновывать эту потребность в любви, в утешении, в ласке. Он вел себя так, словно имел на любовь абсолютное, неоспоримое право.

Которое он, конечно, имел. Но это пугало меня. Что будет с ним, когда мир заявит ему об обратном?

У нас выработался свой распорядок. Утром он уезжал на автобусе в школу. Днем, во время перерыва во «Всегда экономь» — где я теперь работал почти каждый день, поскольку из-за холодов со стрижкой газонов стало покончено, — я его забирал. Пока я обслуживал покупателей, он делал уроки. Потом мы занимались хозяйством. В семь ужинали. В девять, после ванны и сказки на ночь, он засыпал.

Все это время над нашими головами висело приближающееся слушание в суде.

— Что будем делать на День благодарения? — спросил в понедельник Сэм.

— В среду слушание, — заметил я.

— Но мы же все равно пойдем к маме?

— Не уверен, что буду в состоянии куда-то идти, — сказал я.

— Ты перестанешь беспокоиться или нет?

— Ничего не могу с собой сделать.

— Решение судьи можно будет обжаловать.

— Я не стану зря тратить время.

— Хен, ты должен бороться.

— Мне надо, чтобы люди отстали от меня, вот и все.

— Дарлин говорит, что по ее мнению все должно пройти хорошо.

— Рад за нее.

— Ты не сможешь победить, если не будешь бороться.

— Уверен, то же самое говорили Иисусу.

— И что, черт побери, это значит?

— Тебе не понять.

— В среду Фусберг выпускает статью, — сказал он, как будто она была каким-то козырем в рукаве.

— Рад за него.

— Весь Бенд узнает про это дело, так что не сомневайся, судья будет знать, что на него смотрят все.

Я только покачал головой.

Я дал согласие на статью о себе лишь потому, что Дарлин Уилсон сказала, что это может помочь. Фусберг отснял кучу фото. На одних мы с Иши занимались делами по дому, а на других — «как нормальная семья», пояснил он — вместе с Сэмом смотрели телевизор в гостиной. Иши при этом держал Бо на руках.

Я не стал отвечать на вопрос о том, на самом ли деле Ишмаэль был моим братом, и Фусберг сказал, что напишет статью в сочувственном тоне и параллельно раскроет читателям правду. Подытожить статью он собирался вопросом о том, позволит ли «правосудие» нашего округа растить человеку его младшего брата или же нет.

По крайней мере, так он сказал. Фусберг мог пообещать много всего ради статьи.

— Ты должен бороться, — снова произнес Сэм.

— Я и борюсь, — сказал я. — Только по-своему.

Глава 115

Обещай

— У тебя грустный вид, — сказал Ишмаэль.

Он был в кровати, готовился спать.

Я ничего не ответил.

— Дядя Хен, тебе грустно?

— Я просто переживаю, и все.

— Почему?

— Иши, я уже говорил тебе, почему.

Он нахмурился при этом напоминании о том, что, возможно, он больше не сможет жить с нами.

— Почему мне нельзя жить вместе с мамой?

— Малыш, твоя мама в тюрьме. Оттуда ей трудно заботиться о тебе.

— Почему мне нельзя остаться с тобой?

— Судья может решить, что для тебя будет лучше жить в другом месте.

— Но я не хочу уезжать в другие места.

— Знаю.

— Дядя Хен, я хочу остаться с тобой.

— Я знаю. Если случится что-то плохое, то мы просто преодолеем это. И все станет опять хорошо.

— Но я хочу остаться с тобой.

— Иши, я буду часто-часто тебя навещать. Ты навсегда останешься моим младшим братом, и я буду заботиться о тебе, и приходить, и звонить, и мы будем видеться. Не волнуйся.

Он насупился, его лицо было несчастным.

— Вот увидишь, — проговорил я. — Ты переживаешь, я знаю, и это нормально. Мы со всем справимся. Мы же семья. Все будет хорошо.

— Обещаешься?

— Обещаю.

— На мизинчиках поклянешься?

— Клянусь.

Мы сцепились мизинцами.

— А теперь, Иши, я хочу, чтобы ты пообещал кое-что *мне*.

— Что, дядя Хен?

— Если что-то случится... обещаю, что будешь вести себя хорошо. Знаю, тебе будет немного страшно, но мисс Дарлин о тебе позаботится. Она же нравится тебе, да?

Он пожал плечом.

— Обещай, — повторил я.

Но он промолчал.

Глава 116

Ты выглядишь замечательно

— Я выгляжу как идиот, — сказал я, глядя в зеркало. Человек, который оттуда смотрел на меня, был одет в один из костюмов Сэма и явно испытывал большой дискомфорт.

— О, ради всего святого! — сердито воскликнул Сэм, разглаживая перед моего пиджака.

— Все знают, что я зарабатываю на жизнь стрижкой газонов. Я не какой-то банкир с Уолл-стрит.

— И слава богу. Это не значит, что ты не можешь выглядеть хорошо.

— Это не я.

— Хен, давай не сейчас. У нас просто нет времени. Ты выглядишь замечательно, и я больше не желаю слышать твою чепуху.

К нам зашел Ишмаэль, одетый в костюм, который Сэм вчера купил в Тупело. Мне стало трудно дышать. Он выглядел словно маленький ангел. На его вздернутом носике сидели очки в толстой оправе, а ботинки были такими блестящими, что на них было больно смотреть.

— А вот и наш маленький красавчик, — сказал Сэм, наградив его одобрительным взглядом. — Ковбоец, ты сияешь, как новенький пенни.

— Мне надо пописать.

— Будь аккуратнее, — наказал ему Сэм. — Не попади на штаны.

— А можно Бо тоже с нами пойдет?

— Нет, ковбоец. Прости.

— Но вдруг я никогда больше ее не увижу? — спросил он с искаженным болью лицом.

— Увидишь, — пообещал ему Сэм. — Не бойся. Она будет ждать нас, когда мы вернемся домой.

Ишмаэль несчастно нахмурился.

— Все, иди в туалет, — распорядился Сэм. — Нам пора выходить.

Я смотрел на него, и мое сердце разрывалось в груди.

— Мне кажется, я не смогу через это пройти, — пробормотал я.

— Сможешь и пройдешь, Генри Гуд, так что заткнись и делай, что должен.

Он суетился вокруг меня, пока я не стал выглядеть, как человек, который действительно когда-то носил костюм.

— Все это такая херня! — воскликнул я.

— Правда? — спросил Сэм. — То, что мы идем в суд?

— Никто не будет любить этого мальчика так, как мы!

— Верно. Именно это ты и скажешь судье, и если у него в голове есть хоть пара извилин, он быстро это поймет.

— А если нет?

На это Сэм дать ответа не смог.

— Так неправильно, — снова произнес я.

— У нас нет на это времени, — сказал Сэм. — Мне надо дособирать его вещи.

Вчера вечером я попытался помочь ему собрать вещи Иши на случай, если судья решит вернуть его под государственную опеку, но не смог.

Сэм быстрым шагом ушел.

Я стоял перед зеркалом словно в параличе, и мне почему-то казалось, что того, кто оттуда смотрел на меня, я никогда в жизни не знал и вижу впервые.

Глава 117

Веди себя хорошо

Когда мы приехали в суд, Дарлин Уилсон — как было обговорено ранее — взяла Ишмаэля под свою опеку. Она не заходить совсем далеко и требовать, чтобы мы сразу передали ей его вещи, лежащие на заднем сиденье пикапа. Я попытался расценить это, как обнадеживающий знак, но к тому моменту был окончательно не в себе и едва мог связно думать.

— Обычная процедура, — сказала она.

Я присел, чтобы заглянуть Ишмаэлю в глаза.

— Сейчас ты уйдешь с мисс Дарлин. Будь хорошим мальчиком, ладно?

— Я не хочу уходить, дядя Хен, — сказал он.

— Мне очень жаль, малыш. Но ты обещал мне вести себя хорошо.

— Ну пожалуйста. Я стану лучше!

— Я знаю, малыш, и мы будем стараться изо всех сил, и если нам повезет, то судья не станет нас разлучать, и мы поедем домой, и все станет, как раньше. Но сейчас ты должен уйти с мисс Дарлин и быть с ней, пока слушание не закончится. Веди себя хорошо. Договорились?

— Ну пожалуйста, — простонал он.

— Извини, малыш. Просто помни, что мы с твоим дядей Сэмом очень любим тебя и всегда будем любить.

— Пожалуйста, дядя Хен?

— Все. Иди.

Сражаясь со слезами, я встал. Видеть его настолько несчастным было невыносимо.

Мисс Дарлин взяла его за руку и увела. В случае плохого исхода нам должны были разрешить коротко попрощаться. По крайней мере, так проинформировала нас мисс Дарлин.

Почувствовав, что у меня могут отказать ноги, я огляделся, ища, где бы сесть. У входа в зал заседаний стоял шеф Калкинс со своими помощниками. Среди них был и Тим Миллер, который смотрел на меня прямо в упор.

Ко мне подошла сестра Асенсьон. Она обняла меня и сказала что-то о том, что все пройдет хорошо.

Я заметил Джо Гэлланта, который сидел один на дальнем ряду. Перехватив мой взгляд, он ободряюще мне улыбнулся.

Внезапно появился и Фусберг — с фотоаппаратом в руке и бейджиком на груди. Надпись «Пресса» на нем заявляла о его почти божественной важности.

— Где твои родственники? — шепотом спросил я у Сэма. — Они обещали тоже быть здесь.

— Мы пришли раньше времени, — напомнил мне он.

— Они обещали, что будут.

— Скоро придут. Успокойся уже. Ну в самом-то деле!

Но успокоиться я не мог.

— Вдруг Иши захочется в туалет? — спросил я внезапно.

— Дарлин его отведет.

— Но вдруг он расплачется?

— Уверен, она знает, что делать.

— Это неправильно, Сэм.

— Бэби, я и не спорю с тобой.

— Он моя кровь.

— Хен, успокойся. Не устраивай сцен.

— Я ничего не могу с собой сделать.

Он притянул меня ближе к себе, обнимая меня, целуя мой лоб, мои волосы, мой висок, призывая меня перестать. Я позволил себе прислониться к нему и заплакать у него на плече.

— Идем, Хен. Все будет хорошо.

Глава 118

Судья Хузер принимает решение

Достопочтенный судья Норман Хузер был крупным, упитанным человеком с ястребиным взглядом и неизменной улыбкой на мясистых губах, из людей того сорта, которые никогда не надевают дважды одну и ту же пару белья. Что-то в его лице намекало на то, что он будет ухмыляться, потроша и поджаривая вас на костре в какой-нибудь лесной глухомани в духе «У холмов есть глаза». Предварительно изнасиловав вас, когда вы признаете, что, в сущности, не считаете Иисуса своим личным спасителем. Этот обходительный, сладкоречивый, хитрый старик обладал великолепными связями и авторитетом, был добрым христианином и, вне всяких сомнений, хранил столько тайн, сколько шефу полиции Калкинсу не светило узнать за всю его жизнь. Будучи судьей, он мог устранить любые юридические препоны одним взмахом руки, росчерком пера или еще какой ловкостью, а выражение его лица говорило о том, что в таких делах он большой дока. Дом — или, правильней сказать, особняк, — в котором он жил, был тому подтверждением.

Я нервничал и потел, чувствуя, что в костюме выгляжу как дурачок. Как будто никто из присутствующих в зале суда ни разу не видел, как я без рубашки толкаю газонокосилку или стою за кассой в форме «Всегда экономь», пытаюсь объяснить, почему цены на молоко все растут и растут. Я не был столпом общества.

Когда в зал вошла и направилась к своему столу Дарлин Уилсон, я ожидал увидеть, как за ней бредет Ишмаэль, но, конечно, ошибся. С ним, видимо, остался кто-то другой. Она ободряюще улыбнулась мне — «выше нос».

Слушание началось с рекомендаций Дарлин по «делу Ишмаэля Гуда».

— Я не нашла веских причин, — начала она свою подготовленную заранее речь, — согласно которым Ишмаэлю не следует оставаться под опекой своего дяди — и, как недавно выяснилось, старшего брата — мистера Генри Гуда. Мистер Гуд достойный член общества и никогда не имел столкновений с законом. У него есть свой бизнес, и жители Винегар-Бенда хорошо знают его. С учетом того, что он является ближайшим родственником Ишмаэля, для меня очевидно, что в наилучших интересах ребенка будет назначить мистера Гуда его постоянным опекуном.

Судья бесстрастно слушал ее.

— Как вам известно, — продолжала Дарлин, — мать Ишмаэля, Сара Гуд, в настоящее время содержится под охраной и обвиняется в соучастии в убийстве жителя Алабамы. Также ей предъявлены обвинения в хранении запрещенных веществ, хранении оружия и, среди прочего, пренебрежении родительскими обязанностями. Также установлено, что она нарушила испытательный срок.

— Мистер Гуд делит жилье с Сэмом Рейкстро, который также является законопослушным членом этого общества и работает генеральным менеджером в продовольственном магазине, которым владеет его семья. Мистер Рейкстро также хорошо известен жителям города.

— Я нахожу условия проживания Ишмаэля в доме мистера Гуда и мистера Рейкстро более чем приемлемыми. Кроме того, и сам Ишмаэль вполне доволен своим пребыванием там, и я более чем уверена, что мистер Гуд и мистер Рейкстро обеспечат ему наилучший уход. Они уже зачислили его в школу, и учитель Ишмаэля отметила, что за три месяца, проведенные там, его успеваемость и общее состояние заметно улучшились.

— Таким образом, в свете описанных фактов, я рекомендую суду назначить мистера Гуда постоянным опекуном его младшего брата Ишмаэля Гуда, и чтобы опека вступила в силу немедленно.

Она села.

— Насколько я помню, шеф Калкинс тоже просил дать ему слово? — сказал судья.

У меня упало сердце.

Калкинс немедленно встал.

— Да, ваша честь.

— Можете начинать, шеф. — Судья откинулся в кресле и сложил руки на своем большом животе.

Сэм сжал мою руку.

Я опустил глаза. Я надеялся, что Калкинс не станет меня подставлять и не расскажет судье, что как-то раз Сэм вызвал его посреди ночи, потому что я стоял во дворе — голый, пьяный и злой, — палил из дробовика и угрожал покончить с собой. Это бы вскоре после похорон мамы и папы. У меня тогда настолько помутился рассудок, что ничего этого я даже не помнил.

Сэм, нахмурившись, бросил взгляд на меня — видимо, вспоминая ту ночь, которая, без сомнения, навсегда отпечаталась у него в голосе. По его словам, Калкинсу и его помощнику Тиму Миллеру понадобилось около получаса, чтобы уговорить меня передать им ружье. Они согласились не брать меня под арест при условии, что Сэм отведет меня получить «помощь» в психиатрическом центре в Тупело, что он и сделал.

Калкинс коротко взглянул на меня.

— В свете противоречивого характера ситуации я счел необходимым выступить перед этим судом. Ваша честь, некоторые представители общественности сильно обеспокоены характером отношений мистера Гуда и мистера Рейкстро, которые — и они сами вам подтвердят — по своей природе являются сексуальными.

— Я в курсе этого, шеф, — сказал судья.

— Ваша честь, я полагал, что суд должен узнать об опасениях в обществе и, принимая решение, внимательно их рассмотреть. Однако... — Он сделал паузу.

Судья, словно почувствовав, что мы добрались до самого интересного, выпрямил спину.

Калкинс молчал, потирая рот, словно пытаюсь решить, что сказать, и, вне всяких сомнений, вспоминая, как я стоял, пьяный в стельку, в чем мать родила, нес околесицу и, как идиот, размахивал дробовиком.

— Мы вас слушаем, шеф, — напомнил судья.

— В общем, ваша честь, я тоже отношусь к тем людям, у которых отношения мистера Гуда и мистера Рейкстро вызывают тревогу.

— И?

— Ишмаэль — они зовут его Иши — показался мне очень счастливым ребенком. Я признаю, что отношения между Генри и Сэмом несколько необычны, но я не уверен, что они хоть как-то повлияют на их способность стать мальчику хорошими родителями. На самом деле, исходя из того, что я видел сам и слышал от самых разных людей, я пришел к выводу, что веских причин, по которым суд должен отказать Генри в полной опеке, действительно нет. Насколько я знаю, у Ишмаэля очень любящий дом, и он живет в очень благоприятной и дружественной обстановке, где все его потребности принимают в расчет. Как служитель закона, я счел своим долгом высказать свои мысли по этому делу. Меня много раз вызывали в другие дома, ваша честь — как вы помните, я много раз свидетельствовал перед вами...

— Разумеется, шеф.

— ...и меня очень тревожит то, в какой обстановке зачастую растут наши дети. Ваша честь, дети бесценны. И вам прекрасно известно, что мне не нравятся дела, где фигурируют дети, — когда эти дела попадают ко мне на стол. Однако я верю — а точнее, я убежден, — что на счет мистера Генри и мистера Сэма мне беспокоиться незачем. — Сделав паузу, Калкинс опять посмотрел на меня. — Ваша честь, я считаю мистера Гуда достойным молодым человеком. Он каждое воскресенье ходит в церковь и, если можно так выразиться, добропорядочен до мозга костей. Мне бы хотелось, чтобы в протоколе было отмечено, что я целиком и полностью поддерживаю его. — Калкинс вернулся на свое место.

Сэм взглянул на меня и приподнял брови, словно не веря в то, что услышал.

— Кто-нибудь еще хочет выступить? — спросил судья.

Я оглядел зал суда. Никто не сказал ни слова.

Теперь судья Хузер внимательно смотрел на меня.

— Мистер Гуд, если не возражаете, я бы хотел задать вам пару вопросов. Прежде чем принимать решение, мне нужно прояснить пару вещей у себя в голове. Вы не могли бы встать за трибуну? Пристав приведет вас к присяге.

— Хорошо, — сказал я.

— В своем заявлении мисс Дарлин сказала, что у вас есть свой бизнес. По сути, вы зарабатываете на жизнь стрижкой газонов, все верно?

— Да, ваша честь. Именно так.

— И еще вы работаете неполный рабочий день в продовольственном магазине?

— Да, ваша честь.

— Мистер Гуд, вы бы назвали себя состоятельным человеком?

— Ну... нет.

— Вам известно, что ребенок может потребовать немалых расходов?

— Да, я уже догадался.

— И вы не против этих расходов?

— Я сделаю все возможное, ваша честь.

— Мистер Гуд, вы понимаете, что многие глубоко обеспокоены вашими отношениями с мистером Рейкстро?

Я кивнул.

— Это, по сути, гомосексуальные отношения, да?

— Да, — прошептал я.

— Вы полагаете, что растить ребенка в подобной среде — это хорошая мысль?

Я нервно вытер лицо.

— Я понимаю, люди обеспокоены, — начал я, — но я сделаю все, что в моих силах, чтобы растить Иши как надо. Я не богат, ваша честь. Я даже колледжа не закончил. Но я люблю своего племянника — своего брата, — очень сильно люблю и буду счастлив дать ему дом — такой дом, какого у него не было никогда. Я хочу, чтобы он знал, что его любят, и что у него всегда буду я и его дядя Сэм. По-моему, после всего, через что он прошел, ваша честь, он заслуживает чуточку счастья.

— Но вы полагаете, что растить ребенка в таком доме, как ваш, пойдет этому ребенку на пользу?

— Если б я так не думал, меня бы здесь не было. Мой дом не лучше и не хуже других. Если честно, я никогда не проявлял особого интереса к интимной жизни родителей и сомневаюсь, что Иши будет интересоваться моей. Я не понимаю, при чем здесь все это.

— Я не цепляюсь к вам, мистер Гуд. Я лишь указываю на то, что люди обеспокоены, и что, возможно, вам захочется тщательнее это обдумать. Насколько мне известно, недавно ваш автомобиль был разрисован вандалами?

— Да, это так.

— Характер любых взрослых отношений, которые вы желаете завести, это ваше личное дело, мистер Гуд, и суд очень хорошо это осознает. Однако отношения, которые вы заводите, говорят о вас очень многое — как и в случае с любым другим человеком. Они говорят о том, кто вы, как личность, и какие решения будете принимать. Насколько я понимаю, вы состоите в крепких отношениях с мистером Рейкстро вот уже четыре года. Все верно?

— Да, сэр.

— Вы бы назвали свои отношения с мистером Рейкстро стабильными?

— Я люблю Сэма. С десятого класса. Так что я бы назвал их очень крепкими и очень стабильными.

— В ваши намерения входит и дальше оставаться с мистером Рейкстро?

— Сэр, как только легализуют однополые браки, мы первыми постучимся к вам в дверь. Судья улыбнулся — на миг.

— Мистер Гуд, как давно вы являетесь гомосексуалистом?

— Я не вижу, какая тут связь, — ошетинился я.

— Моя точка зрения станет понятна через минуту, мистер Гуд. Не могли бы вы сделать мне одолжение и ответить на этот вопрос?

— Кажется, мне было двенадцать, когда я осознал, что я гей.

— Двенадцать лет? В самом деле?

— Да.

— Значит, вы считаете себя гомосексуалистом с двенадцати лет?

— Да.

— И с тех пор вы не передумали?

Со стороны шефа Калкинса и его подручных послышался смех.

— Нет, сэр, не передумал.

— И не ожидаете, что это случится когда-либо в будущем?

— С чего бы?

— Именно к тому я и веду, мистер Гуд. У вас есть полностью сформированное мнение по этому вопросу и есть четкая цель. Это хорошо. Это демонстрирует суду, что вы выбрали гомосексуальный стиль жизни не случайно, не поневоле, а напротив, совершенно осознанно. И вы не боитесь стоять перед судом и прямо о том говорить. Я хочу, чтобы этот факт особо отметили в протоколе.

Я ничего не ответил на эту словесную эквилибристику.

— Еще один вопрос, если можно.

— Хорошо.

— Каков характер ваших отношений с мистером Рейкстро?

— Сэр, я не вполне понимаю, о чем вы.

— Расскажите немного о вашем партнере.

Я оглянулся на Сэма. Тот улыбнулся.

— Я люблю Сэма. Вот, по сути, и все, ваша честь. Ни больше, ни меньше. Мне все равно, что о нас говорят или насколько не одобряют, пишут ли слово «педик» на лобовом стекле моего пикапа или выгоняют меня из церковного хора. В Библии рассказывается о Давиде и Ионафане, о том, как душа Давида переплелась с душой Ионафана, о том, как они любили друг друга. Вот, в общем, и все. Боюсь, это несколько скучно.

— А как мистер Рейкстро относится к присутствию в доме ребенка?

— Он любит Иши. Мы оба любим его. Каким-то образом он превратил нас в семью. В смысле, мы с Сэмом всегда были семьей, но теперь она словно бы настоящая. Я не знаю, как объяснить. Нам так здорово с Иши, и я не представляю наш дом без него. Ваша честь, до того, как мы взяли Иши к себе, у него никогда не было велосипеда. Он никогда не праздновал Хэллоуин. У него никогда не было даже собаки, а теперь она у него есть. Мы старались делать все, что могли, чтобы он был с нами счастлив и чувствовал себя частью нашей семьи. Когда я думаю, что Иши могут отослать... в детский дом... или в другую семью... — Я замолчал.

При мысли о том, что этот упитанный человек в чине судьи обладает достаточной властью, чтобы отнять Ишмаэля и отослать его неизвестно куда, у меня защипало в глазах. Я дал себе слово не плакать, но сдерживаться больше не мог.

— Пожалуйста, не забирайте его. — Я поднял глаза и посмотрел на судью, нарушив тем самым еще одно данное себе обещание: не умолять. — Ваша честь, он проблемный ребенок. Он никому не будет нужен так сильно, как нам. И он моя кровь. Он хороший малыш. Не наказывайте его из-за меня.

— Ваши опасения будут учтены, мистер Гуд, — с некоторым официозом пообещал судья. — Я бы хотел объявить перерыв и поговорить с Ишмаэлем наедине. В час мы опять

соберемся, и я объявлю, что решил.

Мы встали, и судья покинул зал заседаний.

Глава 119

Что мне теперь говорить друзьям?

— Ну? Что решили? — спросила меня тетя Ширли, как только мы вышли из зала суда.

Она стояла у нас на пути — колосс, а не женщина — и жаждала услышать ответ.

Я только и смог, что уставиться на нее. Ей-то какая разница, каким будет исход?

— Хен? — не отступалась она.

— Тетя Ширли, если позволите... — Сэм положил поперек моей груди руку, словно щитом закрывая меня от нее.

— Я, кажется, не к тебе обращалась, — огрызнулась она.

Я огляделся вокруг и увидел, что сестра Асенсьон поднялась на ноги, а Калкинс с помощниками встали маленькой группой слева от нас.

— Он пока ничего не решил, — наконец сказал я. — И это вас не касается.

— Меня касается все, что происходит в том доме, — гневно заявила она. — Кажется, ты забыл, что мой папочка не отдавал твоей матери ни землю, ни дом. Ими владеет моя семья. Ты имеешь право там жить, но не больше. Папочка не был настолько тупоголовым, чтобы отдать свою собственность Гудам. И он был прав насчет твоего отца. Позорище! Я всегда подозревала, что с ним что-то неладно. Что мне теперь говорить друзьям о том, что сотворил твой отец?

Я тяжело вздохнул и покачал головой.

— Ей-богу, Хен, лучше бы ты выехал из того дома и перестал позорить нашу семью.

— Тетя Ширли, достаточно, — с нажимом произнес Сэм.

— Достаточно будет, когда я так решу. Ясно, Сэм Рейкстро? — Она развернулась и размашистым шагом ушла.

— Когда-нибудь я так влеплю этой женщине, что с нее осыплется макияж, — пообещал Сэм.

— Хен, ты в порядке? — спросила сестра Асенсьон.

Я снова вздохнул.

— Судья захотел поговорить с Иши, — ответил Сэм. — Так что его решения придется подождать.

— Как все прошло? — спросила она.

— По-моему, хорошо, — сказал Сэм.

Я пошел к выходу. Мне нужен был воздух, пространство, чтобы я мог вздохнуть, нужно было уйти от людей. На улице я переместился к уединенной зоне курения за деревьями на углу.

За мной последовал Калкинс.

— Что ж, Хен, — сказал он. И умолк.

— Вы удивили меня своим заявлением, — признался я наконец.

— Ты неплохой малый, Хен.

— Все равно.

— Я подумал, ты заслужил перерыв.

— О. Что ж, спасибо.

— Да и мне бы он тоже не помешал. Имей это в виду, хорошо?

Я кивнул.

Глава 120

Так что случилось?

— Все получится, Хен, — сказала сестра Асенсьон, когда мы сели на скамье за дверьми зала суда.

— Но почему он захотел поговорить с Иши? — спросил я.

— Уверена, это обычная процедура.

— Который час?

— Две минуты с тех пор, как ты задавал мне этот вопрос.

— Я никогда не умел ждать.

— Осталось всего полчаса. Потерпи.

— Меня, кажется, начинает подташнивать.

— Еще бы. Но я даже не сомневаюсь: судья осознает, что Ишмаэль должен остаться с тобой. Вы с Сэмом любите его до безумия, а любовь — это единственное, что ему по-настоящему нужно.

Ларри, который разговаривал со своей матерью, подошел и сел рядом с нами.

— Ты помнишь сестру Асенсьон? — спросил я.

— Конечно, помню. — Ларри протянул руку. — Я слышал, Хузер был в ярости.

— О?

— Из-за газетной статьи. Ты читал ее?

— Еще нет, — признал я.

— Неплохая, кстати, статейка. Но старик Хузер не особенно ее оценил.

— От кого ты это услышал?

— Ну, ты знаешь. Ходит молва.

— Что его разозлило?

— Хен, с тем же успехом можно было сделать в его сторону предупредительный выстрел. Он теперь знает, что все в Бенде наблюдают за ним и ждут, какое он примет решение. Ты почитай ту статью, почитай. Фусберг изложил эту мысль достаточно четко.

— Что ты имеешь в виду?

— Все знают, что Иши твой родной брат, и что ты хочешь растить его сам. Это не трудно понять. Плюс всем известно, что вы с Сэмом хорошие парни. Вы живете в Бенде всю жизнь. Если судья отправит Иши в приют...

— Хен, я же говорила тебе, — сказала сестра Асенсьон.

— Иши, наверное, уже сходит с ума, — сказал я, гадая, где он сейчас и как себя чувствует.

— Ничего, — сказала сестра. — Он выдержит. Он стойкий маленький мальчик.

— Вы ведь придете на День благодарения к нам? — спросил Ларри.

— Если у меня будет за что быть благодарным, то да.

— Будет, — сказал он, потом шлепнул меня по руке. — О, Хен! Угадай, что я услышал?

— Даже не представляю.

— Ты знаешь, что человек за свою жизнь в среднем проводит в туалете три года?

Сестра Асенсьон рассмеялась.

— Да-да, — с энтузиазмом подтвердил он. — Три года! Прямо как тюремное заключение. Поздравляю, вы родились. О, и кстати, вам предстоит три года просидеть на толчке. Ладно тебе, это же классика.

— Ларри, ну в самом-то деле, — проговорил я.

Глава 121

Касательно Ишмаэля Гуда

Когда мы, наконец, снова заполнили зал суда, у меня внутри все болезненно сжалось, словно кто-то скрутил мои внутренности гигантской рукой. До прихода судьи пришлось подождать еще с десятков минут. Все это время я смотрел на дверь сбоку, откуда в прошлый раз появилась Дарлин, надеясь увидеть, как она открывается, увидеть за ней Ишмаэля, улыбку Дарлин.

Но когда дверь открылась, Дарлин вышла одна. На меня она не смотрела.

Сразу после появился судья, и пристав приказал нам всем встать.

После того, как мы опять сели, судья снова принялся просматривать свои документы. Я нервно ерзал на стуле, гадая, что происходит и почему он так долго.

— Я пришел к предварительному заключению, — произнес он наконец и, сделав паузу, покосился на нас. — Я обеспокоен рядом обстоятельств этого дела, и для меня совершенно не очевидно, как действовать дальше. Посему я оставляю Ишмаэля под государственной опекой до тех пор, пока не будет принято окончательное решение. На этом все.

— Всем встать! — внезапно распорядился пристав.

Мы быстро поднялись на ноги — чтобы увидеть, как судья уходит в свой кабинет.

Я был в замешательстве. Почему-то я думал, что судья Хузер вернется, что он, вероятно, ушел за какими-то дополнительными документами или за чем-то еще.

Сэм взял меня за руку.

— То есть — и все? — не веря в происходящее, сказал я.

Сэм вздохнул.

Дарлин сложила свои документы и, убрав их в портфель, подошла к нам.

— И все? — повторил я, по-прежнему не совсем понимая, что происходит.

— Генри, мне нужно забрать его вещи.

— Зачем?

— Не усложняй, — предостерег меня Сэм, сжав мою руку.

— Вам дадут попрощаться, — сказала Дарлин. — Но не затягивайте, Генри, договорились? Так будет лучше. Иначе ему станет совсем тяжело.

— Прощаться? — кое-как вымолвил я.

— Да, — сказала Дарлин. — Он должен поехать со мной.

— Но куда вы его повезете?

— Генри, пожалуйста, — мягко проговорила она.

— Но вы не можете его увезти. Вы просто не можете...

Взгляд ее глаз говорил об обратном.

— А посещения? Мне разрешат к нему приходиться?

— Все эти вопросы мы обсудим потом, — сказала она.

— Я принесу его вещи, — произнес Сэм. — Встретимся в холле.

Она ничего не ответила и вышла за дверь.

— Сэм? — сказал я.

— Бэби, мне жаль. Очень жаль.

Глава 122

Вырван из моей жизни

— Дядя Хен, нет! — кричал Ишмаэль. — Я хочу остаться с тобой! Дядя Хен, ну пожалуйста? Я ничего плохого не сделал.

— Прости, мой хороший, — сказал я, мягко пытаюсь высвободиться.

— Нет, дядя Хен. Ну пожалуйста! Вот увидишь, я стану лучше. Я обещаю! Я стану лучше!

— Сейчас ты должен пойти с мисс Дарлин и вести себя хорошо. Ладно? Я приду повидать тебя, как только смогу.

— Дядя Хен, извини меня, — в отчаянии вскрикнул он. — Ну пожалуйста!

— Все. Иди, — с кровоточащим сердцем произнес я.

Он схватил Сэма за штанину.

— Дядя Сэм? Дядя Сэм, ну пожалуйста! Я стану лучше.

Сэм, присев, крепко обнял его.

— Дядя Сэм, ну пожалуйста, — простонал Ишмаэль. — Не прогоняйте меня.

— Ш-ш, ковбоец, послушай, — тихо заговорил ему на ухо Сэм. — Все будет хорошо, но сейчас ты должен пойти с мисс Дарлин. Она какое-то время будет присматривать за тобой, а мы пока со всем разберемся. Но ты ничего плохого не сделал, так что не надо так говорить. Просто иди и будь хорошим мальчиком, хорошо?

— Нет, дядя Сэм. Нет!

— Ковбоец, так надо. Помнишь, ты обещал? Твой дядя Хен любит тебя, и я тоже. Мы оба сильно-сильно любим тебя. Веди себя хорошо, ладно? Очень скоро мы придем тебя повидать.

Из Ишмаэля рвались мучительные всхлипы. Дарлин Уилсон взяла его за руку.

— Это неправильно, — сказал я, когда его увели. Мне становилось все труднее дышать, все трудней думать.

Рядом со мной встала сестра Асенсьон.

— Все, Хен, идем домой, — сказал Сэм, взяв меня за руку.

— Но это неправильно. Так нельзя поступать.

— Хен, не устраивай сцену.

— Не устраивать сцену? Думаешь, мне не насрать, что эти ублюдки думают обо мне? Сестра, скажите ему. Это неправильно!

— Хен, пожалуйста, — тихо промолвил Сэм.

— Но это неправильно. Сестра, скажите ему.

— Не надо, — приказал Сэм. Он взял меня за руку и увел за собой на стоянку.

Там, остановившись на полпути, я смотрел, как Дарлин усаживает плачущего Ишмаэля на заднее сиденье своей машины и пристегивает его, как они уезжают. Потом вытер глаза и почувствовал, как что-то во мне умирает.

— Сэм, за что? — спросил я. — Чем я так провинился?

Глава 123

Оглушительная тишина

На следующее утро, сделав дела по хозяйству, я пошел в комнату Ишмаэля и сел к нему на кровать. Я провел ладонью по его покрывалу, взял оставленную им пижаму Капитана Америки, подумал, что надо бы встать, подойти к шкафу и проверить, положил ли Сэм вторую пижаму в его чемодан, но почему-то не смог. Я положил пижаму к себе на колени. Она была мягкой, легкой, почти эфемерной — призрак одежды или идея о ней. Призрак одежды мальчика-призрака, поглощенного миром, которого я не понимал.

Очень долго я сидел там, не думая, не понимая, зачем, безо всяких причин. Мне просто было необходимо посидеть у него на постели, словно это каким-то образом могло вернуть Иши ко мне.

Сэм очень ответственно подошел к сбору вещей. Исчезли и Капитан Америка, и Супермен, равно как фотография его матери и «Остров сокровищ». Будет ли Дарлин читать ему? Сыщется ли хоть один человек, чтобы ему почитать, в том заведении или учреждении, куда его поместят? Вспомнит ли он, как дядя Сэм каждый вечер приходил к нему и читал эту книгу? Попытается ли — и не сможет — прочесть ее сам?

Дом, казалось, кричал безмолвием и пустотой.

Не знаю, сколько я там просидел, но в какой-то момент я поднялся на ноги, вышел из его спальни и добрал до подножия лестницы. Потом поднял взгляд вверх. На стенах висели мамины фотографии, и ноги привели меня к семейному фото, снятому в универмаге «Сирс». На нем мне было двенадцать. Сара, еще малышка, сидела на коленях у мамы. Папа стоял рядом с ними с одной стороны, я стоял, улыбаясь, с другой.

Счастливая семья. Мама. Папа. Двое детей. Домик в деревне. Приличная школа. *Все как надо*, говорили глаза с фотографии. *У меня, у тебя, у нас всех все нормально, как у людей.*

Меня охватил какой-то опасный сорт ярости. Я сжал правую руку в кулак и, ударив по стеклу фотографии, с удовлетворением услышал звон раскалывающегося стекла, которое посыпалось на пол. Это было приятно — чувствовать боль в кулаке, видеть кровь от порезов.

Следующим висел портрет папы, снятый в дни, когда он служил во Вьетнаме. Мама поместила его в дорогую позолоченную рамку.

Во внезапном приступе ярости я схватил фотографию и ударил ею о стену.

Я бил по стене до тех пор, пока разбивать стало нечего.

Потом сел на осколки стекла и обломки, опустил в ладони лицо и заплакал.

Глава 124

Значит, это зима

Бенд стал коричневым, желтым и красным — листва опадала и, собираясь в огромные кучи, покрывала дворы и тротуары, словно пытаясь спрятать все ошибки ушедшего лета.

Наступила зима.

Ежась на холоде, я сгребал листья на своем просторном дворе — для большинства своих клиентов я эту работу уже проделал. Ромни бродила поблизости и, расстроено бляя, выискивала оставшиеся травинки. Бо грызла веточку, которую дуб уронил на мой двор. Она с каждым днем подрастала, и холод был ей нипочем.

До Рождества осталось двенадцать дней. Я никак не мог решить, что купить Сэму, не мог заставить себя пойти в магазин, у меня не было энергии ни на что. Елка до сих пор

лежала на чердаке, где ей скорее всего и предстояло остаться.

Во мне поселилась какая-то холодная тьма.

Услышав тархтение школьного автобуса, я замер с граблями в руках. Сесил через окно помахал мне рукой и проехал мимо — на сей раз не остановившись, чтобы выпустить Иши.

Я тоже ему помахал.

Потом зашел назад в дом, подумал было, не достать ли из холодильника курицу, чтобы до ужина она разморозилась, но вместо этого пошел в спальню и лег.

Глава 125

Ты в порядке?

— Хен?

Когда я открыл глаза, в комнате было темно, а рядом с кроватью стоял уже одевшийся на работу Сэм. Видимо, я проспал весь вечер и всю ночь напролет.

Он снова потряс меня за плечо.

— Хен? Ты должен встать. У тебя дела по хозяйству, а мне пора уходить. Иисусе, да что с тобой? Нельзя же проспать всю свою жизнь.

Я перекатился на спину, хмуро взглянул на него.

— Хен, ты в порядке?

Я не ответил.

— Мне пора на работу. Увидимся вечером. Хорошо?

Я кивнул, свесил ноги с постели и с удивлением увидел, что полностью одет.

— Ты так долго спал, — сказал Сэм. — С тобой все нормально?

— Я устал, — сказал я.

На его лице распространилось знакомое выражение беспокойства.

— Тебе надо кому-нибудь показаться, — сказал он.

— Угу.

— Я серьезно.

— Я в норме.

— Вчера за тебя дела сделал я, но сегодня давай займись ими сам. Ты же знаешь, я терпеть не могу доить твою долбанную козу. Хен, ты должен взять себя в руки. Я не собираюсь снова проходить через это дерьмо. Понимаешь меня? Я не смогу.

— Тогда брось меня на хер, и все.

— Это не выход.

— Тогда просто уйди.

— Господи! Ну как с тобой говорить?

— Боже, ты когда-нибудь замолчишь? Господи Иисусе!

— Я запишу тебя к врачу.

— Просто отстань от меня. Ни к какому ебаному врачу я не пойду.

— Тебе нужна помощь.

— Мне нужен Иши, Сэм. Только он. А не таблетки и не беседа с гребаным мудаком, которому на меня положить. Мне надо, чтобы Иши вернулся, и если тебе сложно это понять, то отъебись.

— Ты не один страдаешь, — сердито ответил он. — Я тоже переживаю, но откуда тебе это знать, ведь ты даже на пять минут не можешь вытащить голову из своей жопы.

— О, так значит хуже всех тут тебе? Ах, бедняжечка! Бедненький, бедненький Сэм. Как же ему тяжело жить со мной. Все! Иди нахер и делай что хочешь, мне наплевать.

Не сказав больше ни слова, он ушел на работу, оставив после себя сердитое эхо шагов по голым деревянным полам.

Я встал, пошел в спальню Иши. Сел на его кровать, огляделся, чувствуя, как пустота с тишиной поглощают меня. Потом взял в руки его подушку и поднес ее к носу, надеясь уловить то, как он пах — маленьким мальчиком, щенками, сеном и летом. Но даже его запах исчез.

Я свернулся калачиком у него на постели, закрыл глаза и снова заснул.

Глава 126

Ты опоздал

— Ты опоздал, — заявила Дэбби, когда днем я пришел во «Всегда экономь».

— Извини.

— Ну и что нам делать с тобой, Генри Гуд?

— Я не знаю.

— Присмотришь за второй кассой? Мне надо пописать. Я беременна, Хен. Беременным часто хочется в туалет.

— Конечно. Иди. Извини.

— Мне надо было пописать еще минут двадцать назад, но кое-чья задница не удосужилась вовремя прийти на работу.

— Я же уже извинился.

— Знаю, но, господи, тебе надо взять себя в руки.

— Я знаю.

Дэбби подбоченилась. Она теперь была на шестом месяце, и ее живот уже начал заметно выдаваться вперед.

— Так ты справишься? — спросила она, обеспокоенно поджав губы.

Я раздраженно махнул рукой.

— Иди уже, а?

Когда Дэбби ушла, к моей кассе подкатила тележку мисс Ида.

— Хен, ты где пропадал? — спросила она, выгружая продукты на ленту.

— Да так, — сказал я.

— У нас ветка обломилась во время бури. Грохотало будто в аду. Чуть козырек над задней дверью не сорвало.

— Я обо всем позабочусь, — пообещал я.

— Ее надо бы отпилить.

— Я принесу бензопилу.

— Хорошо хоть на дорожку не рухнула. У вас появилась моя любимая ветчина. Без нее Рождество не Рождество. Говорят, в «Уолмартсе» она подешевле, но ехать за ней аж до самого Эмори... Лучше бы и у нас построили «Уолмартс». В газете писали, на следующем собрании городского совета будет публичное слушание.

— Да, — сказал я.

Сэм пытался собрать группу людей, которые пришли бы туда и озвучили свой протест. Собрание было назначено на третий четверг месяца — то есть, за неделю до Рождества.

— Как ты, Хен?

— Нормально, мисс Ида.

— Сказать по правде, не похоже на то.

— Наверное, просто немного устал.

— Это позор, что случилось. И что теперь будет? Его отдадут в другую семью?

— Я не знаю.

— Неправильно это. Он же твой младший брат.

Я ничего не сказал.

— Лично я виню во всем Марка Фусберга из газеты. Вечно он мутит воду, боже ты мой! Вот зачем надо было сочинять статью про тебя? Бросать судье вызов? Так не я одна думаю. Всем известно, что судьи вольны поступать по своему усмотрению. На них нельзя давить общественным мнением. Они должны делать то, что им кажется правильным.

Я никак не прокомментировал эту расхожую мудрость, поскольку был сыт по горло всей этой чепухой.

— Ты знаешь, где он сейчас? — спросила она.

Я понятия не имел и так и ответил. Я спрашивал мисс Дарлин, можно ли его навестить, но мне ответили, что лучше дождаться «завершения» дела. Что бы это ни значило.

— Он вроде бы неплохой мальчуган, — продолжала мисс Ида. — И в школе у него получалось. Так сказала мисс Кора. Конечно, он не самый острый ножик в наборе, зато старательный, благослови его Бог.

— Если вы не против, мисс Ида, я предпочел бы об этом не говорить.

— Конечно, Хен. Извини. Я просто подумала... — Она замолчала.

Я отчаянно пытался не расстроиться еще больше, но люди, которые изо дня в день проходили через мою кассу, всегда чувствовали, что обязаны что-то сказать. Я устал их выслушивать.

— Хорошего дня, — сказал я, когда она толкнула свою тележку к двери.

Вернулась мисс Дебби.

— Хен, ты нужен Сэму в подсобке. Уж не знаю, что ты с ним сделал, но настроение у него сегодня паршивое. Поговорил бы ты с ним.

— Хорошо.

— Ты в порядке?

— Почему все задают мне этот вопрос?

— Мы беспокоимся, вот и все.

— Я не в порядке, но жизнь продолжается.

— Тебе его не хватает, я знаю.

— А толку-то.

— Не надо так говорить.

— Ты сама начала.

— Шанс еще есть.

— Ну конечно.

— Судья Хузер еще не принял окончательного решения, и он не сможет откладывать его бесконечно. Сэм очень уверен в этом своем адвокате. Они все исправят, Хен, вот увидишь.

Сэм нанял своего старого друга из «Оле Мисс», Майкла Раглэнда, который теперь работал в Джексоне адвокатом. Раглэнд довольно ясно дал нам понять, что наша единственная надежда — Сарин отказ от родительских прав. Если она не подпишет его,

чертов судья будет волен поступить, как ему вздумается.

— Поимей хоть немного веры, — сказала Дэбби.

— *Вера*. Ага, именно она мне сейчас и нужна.

— Ладно, иди, — сказала она. — Ты нужен Сэму. Постарайся не разозлить его еще сильнее, чем есть.

Глава 127

Этому не бывать

— Мне нужно, чтобы ты меня поддержал, — сказал Сэм за ужином.

— Я приду.

— Но ты наш сотрудник. Будет гораздо веселее, если ты встанешь и выскажешь свое мнение, расскажешь, как перемены заденут лично тебя.

— Я уже миллион раз повторял, что не стану выступать перед мэром.

— Ради меня?

— Нет.

— Ну пожалуйста.

— Умоляй сколько влезет. Этому не бывать.

— Надо, чтобы выступил хотя бы один мой кассир.

— О, господи! Думаешь, этих ублюдков заботят мои мысли или моя судьба?

— Почему нет?

— Угадай.

— Нам надо бороться.

— Ты все твердишь про борьбу, но посмотри, куда она меня привела.

— Речь сейчас не об Иши!

— Я не сказал ни слова об Иши.

— Ты только и занят тем, что переживаешь о нем.

— О, ну прости. Может, подашь на меня в суд?

— Тебе обязательно насчет всего быть такой сукой?

— Сэм, я стараюсь, как только могу. Если этого мало, то я не знаю, что еще мне сказать.

А то, что ты давишь на меня, нисколько не помогает.

— Я не давлю на тебя. Я волнуюсь. Это разные вещи. Ты должен...

— Хоть бы люди перестали указывать мне, что я должен делать. Что ты, блядь, знаешь об этом?

— Я знаю, что люблю этого малыша. Как и ты. И тоже переживаю.

— Сэм, он мой единственный оставшийся родной человек.

— Вот тут ты не прав. У тебя есть и я — был и буду всегда. И я отказываюсь соглашаться с тем, что он твой единственный родной человек. То, что по закону мы не женаты, еще не значит, что мы не семья.

Я ничего не ответил.

Глава 128

Хотелось бы

Приехав на следующий день в магазин кормов в Абердине, я купил для Ромни четыре

тюка сена и два больших мешка зерна, надеясь, что этого хватит на большую часть зимы, и думая, что, вероятно, не хватит. На большее у меня не было денег.

Еще надо было позаботиться о цыплятах. Теперь, когда пришли холода, хищники в поисках пищи стали подбираться все ближе к человеческому жилью. Надо было купить для клеток новый брезент, который защищал бы их если не от холода, то хотя бы от ветра.

Мне нравилось в магазине кормов. Здесь так уютно пахло амбарами с сеном, солнечным светом, люцерной, коровами. Тут продавалось столько всего, что я хотел бы купить. Суперкормушки для клеток с моими кроликами и дозатор корма для Бо. Туда можно было засыпать целую коробку собачьей еды, и тогда на пару недель у меня стало бы меньше мороки. На одной из стен висело несколько седел, а под ними стояли в ряд сапоги для верховой езды. Раньше я часто засматривался на тачку в глубине магазина. С нею мне было бы сильно легче что-либо перевозить. Но у меня не было денег на что-то помимо самых необходимых вещей.

— Хен, ты еще держишь козу? — спросил мистер Фрэнк из-за кассы.

— Да, — сказал я.

— Как она? Еще не разорила тебя?

— Пока нет.

— Их молоко — полезная вещь. Это я знаю. Не думал завести еще несколько и продавать малышней? Обеспечил бы себе приличный доход. Я знаю парня, который продает молодняк на аукционах. Очень неплохой способ подзаработать.

— О.

— Если заинтересовало, вот его телефон.

— Конечно, — сказал я. — Спасибо.

— Скажешь ему, что ты от меня. — Мистер Фрэнк подал мне номер.

— Хорошо.

— Слушай, Хен...

— Да?

— Что-то я не вижу того пацаненка, которого ты всегда приводил.

— Его поместили под государственную опеку.

— Вот как?

— Угу.

— Он твой младший брат. Так написали в газете.

— Угу.

— Я ходил с твоим отцом в одну школу, Хен. Так что грустно было обо всем этом узнать.

— Угу.

— Как по мне, ему должны разрешить остаться с тобой.

— Хотелось бы, — согласился с ним я.

Глава 129

Лишь позови

Позже в тот день, пока я расставлял на полках новые упаковки хлопьев, в проходе появилась с тележкой сестра Асенсьон.

— Здравствуй, Хен, — сказала она.

— Здравствуйте.

— Давно тебя не было видно.

— Я знаю.

— Мы соскучились по тебе.

— Извините.

— Не надо. Тебе не за что извиняться.

— Я знаю.

Она внимательно наблюдала за мной, пока я пытался найти, что сказать, чем заполнить тишину и пустоту.

— Как ты?

— Нормально.

— Миссия Миссисипи устраивает в церкви рождественское чаепитие. В эту субботу, вечером. Ты придешь?

— Я не знаю.

— Ты всегда приходил.

— У меня не самое праздничное настроение.

— Без тебя все будет не так.

Я промолчал.

— Сэм сказал, что он нанял адвоката, и что за неделю до Рождества будет новое слушание об опеке.

— Угу.

— Судья примет решение.

— Видимо, да.

— К Рождеству Иши может быть дома.

Я опустил глаза вниз.

— Я понимаю, ты не хочешь себя обнадеживать, но все получится. Я это знаю.

Я, стыдясь своих слез, вытер глаза.

— Верь, все получится. — Она обняла меня за плечо. — Сэм сказал, что его знакомый очень талантливый адвокат, и судья понимает, что ему придется предоставить очень веские доводы, чтобы отказать тебе в опеке над братом.

— Я знаю, — ответил я.

— Ну же, Хен, — ласково проговорила она. — Все будет хорошо. Вот увидишь.

— Откуда вы знаете?

— Знаю, и все, — сказала она. — У меня есть предчувствие. И кроме того, связи на небесах — уж если я на что-то настроюсь, то непременно добьюсь. Меня там ценят достаточно высоко. Всего-то и надо, что щелкнуть пальцами и...

— Вы просто пытаетесь быть со мной вежливой.

— Я пытаюсь удержать тебя в строю до победы. Я не дам тебе сдаться. У нас так не делается.

— Я стараюсь.

— Мы молимся за тебя. Сестра Лурдес читает новенну. По-моему, она не делала этого с начала семидесятых. Я к тому, что мы дергаем за все ниточки. И я говорю о нас всех. Вот бы ты тоже пришел на мессу и разрешил нам помолиться вместе с тобой. Все наладится. Подожди и увидишь.

Глава 130

Я не предполагал

— Что ты делаешь? — спросил Сэм, зайдя вечером после работы в комнату Иши. Он посмотрел на меня и нахмурился.

Я перестелил на кровати Иши белье, переставил по-новому мебель, вытер пыль, пытаюсь подготовить комнату к его возвращению. Слушание было назначено на следующий четверг.

— Готовлюсь, — ответил я.

— О?

— Хочу, чтобы у Иши стало просторнее. Надо убрать часть вещей. Я хочу, чтобы все было красиво и чисто. Я хочу, чтобы он был счастлив здесь. Чтобы у него было все необходимое, Сэм. Понимаешь?

Он с тревогой смотрел на меня.

— Сэм, он должен вернуться. Должен, и все. Если он не вернется... я не могу даже думать об этом. Совсем не могу. Если он... Он должен вернуться, Сэм. Ты понимаешь?

Он кивнул.

— Это неправильно. Он должен быть здесь. Здесь его дом, его место. Его семья. Никто не будет любить его так, как мы. Сэм, он моя кровь. Почему моя кровь не со мной? Чем я плох?

— Все наладится.

— Он должен вернуться, Сэм. Понимаешь? Поэтому мы должны подготовиться. Я хочу, чтобы все было идеально. Чтобы везде была чистота. Чтобы никто не смотрел на нас косо и ничего не говорил обо мне, или о нашем доме, или что мы живем в грязи, или что мы просто пара неотесанных голодранцев, или что с нами что-то не так. Я не потерплю этого, Сэм. Ты понимаешь? Не потерплю.

— Хен, с тобой все хорошо?

— Пусть люди оставят меня в покое.

— Тебе надо с кем-нибудь поговорить.

— Не надо мне ни с кем говорить. Мне надо, чтобы Иши вернулся. Со мной все нормально. Мне надо, чтобы люди отъеблись от меня и дали мне жить своей жизнью.

Сэм взялся за мои плечи.

— Хен, ты в порядке?

— Мне его не хватает, — прошептал я.

— Бэби, я знаю.

— Я не понимаю, что, черт, со мной не так.

— С тобой все в порядке.

— Я с ума схожу, Сэм.

— Знаю.

— Он должен вернуться. Он вернется ведь, да?

— Адвокат, в целом, в этом уверен.

— Но мне надо знать точно. Точно. Понимаешь меня? Я же хороший человек. И ничего плохого не сделал. Я этого не заслужил.

— Не заслужил.

— Это неправильно.

— Нет.

— Почему это происходит со мной? Сэм? Что я делал не так? Скажи! Неужели я настолько плохой?

— Ты все делал так. Просто у судьи есть полное право делать все, что он хочет, независимо от того, хорошо это или нет.

— Но ведь он мой младший брат.

— Не волнуйся. Мы со всем разберемся. Вот увидишь, бэби. Я обещаю.

— Правда?

— Да. Если судья не даст нам опеку, то мы продолжим бороться. И вообще, мой друг-адвокат серьезно взялся за Сару с тем, чтобы она подписала отказ от родительских прав. Стоит ей подписать его — и все сразу закончится, так что не надо сдаваться. Мы справимся.

— Ты рассказал ему про ту гильзу?

— Конечно, и если Сара не хочет, чтобы он отдал улики полиции, она подпишет чертов отказ и перестанет изматывать нас. У нее есть время подумать, и она подпишет его.

— Ты не можешь знать это наверняка.

— Я знаю людей, и знаю, что до нее скоро дойдет, что если она не подпишет отказ, то дела ее будут плохи.

— Мне надо, чтобы Иши вернулся домой. Ты меня понимаешь? Я больше так не могу.

— Знаю, бэби, — сказал Сэм, обнимая меня. — Я знаю.

— Сэм, это невыносимо.

— Я знаю.

— Мне надо, чтобы он вернулся домой.

— Ш-ш.

— После того, как мамы с папой не стало... после того, как Сара ушла... Сэм, я больше так не могу.

— Ш-ш, бэби.

— Сэм, я не могу.

— Ш-ш.

— Ты должен помочь мне. — Я оттолкнул его. — Во всем доме должна быть чистота. Везде. Наверху, внизу, в спальнях, в ванной, на кухне. Я заглянул в духовку... Сэм, ее тоже надо отмыть. Я хочу, чтобы все было безупречно. Без единого пятнышка. Надо поснимать и выстирать шторы. Знаешь, когда их в последний раз...

— Хен, пожалуйста...

— И почини перила на крыльце. Я тут подумал, что надо бы его перекрасить, чтобы стало покрасивей...

— Хен...

— И мне не нравится, что собака везде оставляет шерсть. Я не потерплю этого в своем доме, Сэм. Ты слышишь меня? Я не потерплю, чтобы люди болтали гадости обо мне, или о нашем доме, или о нашем «образе жизни», или о чем-то еще. Я ничего плохого не сделал! Да, я живу достаточно скромно, и у меня нет кучи денег, но это не значит, что я плохой человек. Лишь потому, что я...

— Хен, пожалуйста. Сядь.

— Я не хочу, чтобы эти ублюдки смотрели на меня свысока...

— Хен...

— Да, я зарабатываю на жизнь стрижкой газонов. И что? Еще я работаю в чертовом продуктовом. Я много работаю, Сэм. Я не доктор, не адвокат, не индейский вождь, но, Сэм,

я работаю не покладая рук, и я дам Иши все, что понадобится, все, чего никогда не было у меня. Я... я... о, господи, Сэм, ну за что? Дьявол их всех заberi!

— Сядь. — Он довел меня до кровати и заставил сесть. Потом обнял за плечи и притянул к себе. — Перестань. Все наладится, бэби, я обещаю. Все будет хорошо. Вот увидишь. Но ты должен перестать себя изводить. Ничего плохого нет ни в тебе, ни в нашем доме, ни в нас, ни в том, как мы живем. Мы обычные люди. Как все. Судья это поймет. Все закончится хорошо. Вот увидишь, Хен. Честное слово.

— Ты так думаешь? Ты правда так думаешь, Сэм?

— Да, бэби.

— О... блядь, Сэм. Блядь! Блядь, блядь, блядь...

— Ш-ш, Хен. Все хорошо. Перестань.

— Сэм, но за что?

— Ш-ш.

— Мне его не хватает.

— Бэби, мне тоже.

— Как думаешь, как он там?

— Уверен, с ним все хорошо.

— Как думаешь, он скучает по нам?

— Конечно, скучает.

— Я не хотел причинять ему боль. Я не хотел...

— Хен, пожалуйста. Не изводи себя.

— Я люблю его, Сэм. И я не хотел причинять ему боль. Не надо было обещать ему, что он сможет остаться у нас. Зря я его обнадежил. Почему я всегда и все порчу? Что со мной, Сэм?

— Все наладится, бэби. Вот увидишь. Я обещаю.

— Правда?

— Да.

— И ты не бросишь меня?

— Никогда.

— И никогда от меня не устанешь?

— Хен, пожалуйста. Перестань.

— И...

— Хен...

— Прости меня за все, Сэм. Прости.

— Ш-ш.

Он притянул меня ближе к себе, и я положил голову ему на плечо.

— Ш-ш, ш-ш, — ласково шептал он.

Глава 131

Я никогда вас не прощу

В воскресенье утром я оделся и поехал на мессу.

Я зашел в церковь на пять минут позже начала и сел в самом конце. Я не хотел, чтобы меня кто-то заметил. Я просто хотел... утешения. Чего-то знакомого. Обнадеживающего. Услышать слова, увидеть привычные ритуалы. Я посещал мессу всю свою жизнь, и что-то в

ней утешало меня. Успокаивало. Дарило уверенность, что все будет хорошо.

Я поднял глаза на Иисуса, висевшего на большом распятии над алтарем. Каким-то непостижимым образом ему все удалось. Он смог переступить через распятие, через смерть, через очевидное поражение, через бессмысленность и жестокость того, что с ним сделали. Он нашел способ превратить поражение в победу.

Я был, конечно, не в одной лиге с Иисусом. И даже не в одной с ним вселенной. Однако его победа и то, что в итоге его враги оказались повержены, отчего-то обнадеживало меня.

Но сегодня, вместо того, чтобы найти утешение, я сидел, сгорбившись, на последнем ряду, тихо плакал и думал о том, что Ишмаэль должен сидеть на этой скамье рядом со мной. Он пропустил собрание молодежной группы. Дети праздновали адвент, готовились к Рождеству. Он должен был быть здесь вместе со мной, принимать участие в мессе, делать то, чем занимался в его возрасте я. Он должен был заводить друзей, узнавать больше о вере, сближаться со своей церковной семьей. Узнавать их, пока они узнают его самого. Находить свое место в головоломке веры, семьи, общества, жизни.

К концу мессы, когда все начали приветствовать соседей и обмениваться «поцелуями мира», я тихо выскользнул в холл, чтобы никто не увидел мое состояние и то, что я плачу.

Я подошел к дверям и стал смотреть за окно — на улицу, на затянутое тучами небо, — думая, что постою здесь до конца, а потом получу причастие и сразу уйду, чтобы не пришлось ни с кем разговаривать.

Позади открылась дверь в холл.

— Хен?

Ко мне с распростертыми руками вышла сестра Асенсьон.

— Почему ты стоишь тут один? — спросила она.

Я пожал плечом.

— Пожалуйста, заходи, — сказала она. — Пожалуйста, Хен.

Я покачал головой.

Дверь снова открылась, и появилась Келли. Потом Анна, за ней еще несколько человек, и через минуту у меня создалось впечатление, что весь приход разом решил не дать мне потихому ускользнуть.

Вышла даже мисс Стелла, и в момент, когда я увидел ее, что-то у меня в крови закипело.

— Вы! — Я наставил на нее палец.

— Генри, мне жаль...

— Иши должен быть сейчас здесь, но его нет. Из-за вас!

— Генри, я теперь понимаю...

— За что? — прервал ее я, мой голос был полон отчаянного недоумения, язык говорил на автопилоте, гнев переливался за край. Мне было нужно напасть на кого-то, кого-нибудь обвинить, наказать. — Иши должен быть здесь со мной. Он должен быть частью этой церкви, частью этой семьи, этого общества, но вы...

— Генри, я была неправа. Теперь я это знаю.

— Хен, — обеспокоенно произнесла Анна, — идет месса. Тебе правда не стоит...

— Нет, стóит, — твердо сказала сестра Асенсьон. — Когда мы обмениваемся поцелуями мира, то показываем своему соседу, что прощаем его. Как Иисус простил нас. Сейчас для них идеальный момент со всем разобраться. Мисс Стелла, расскажите ему.

— Рассказать мне о чем? — потребовал я.

Мисс Стелла облизнула губы, потом расправила плечи.

— Генри, я была неправа, — сказала она. Было видно, чего ей стоило это признание, как тяжело оно ей далось. — Я ошибалась насчет тебя. Я думала, ты — как мой брат, и если б ты знал, что мой брат сделал со мной... ты бы не захотел, чтобы кто-то еще поступил так с ребенком. Генри, я знаю тебя. Я знаю, ты неплохой человек, и я знаю, ты бы не пожелал такого ребенку. Я думала, что вы все... все *ваши*... гомосексуалисты... я думала, что вы все такие, каким был мой брат. Что вы занимаетесь... всяким с детьми. Но теперь я знаю, что ошибалась. Генри, я совершила ужаснейшую ошибку. И я не могу вернуться назад и все отменить.

Я не хотел ее слушать. Я не хотел пытаться понять ее точку зрения. Мне было плевать на ее причины, мысли и оправдания. Я хотел наброситься на нее, ранить ее, причинить боль, пустить кровь.

— Я никогда вас не прощу, — поклялся я.

— Простишь, — сразу сказала сестра Асенсьон. — Со временем, Хен. Ты простишь.

— Это она разлучает семьи, не я.

— Она совершила ошибку, и в какой-то момент вам двоим надо будет присесть, поговорить, простить друг друга и начать все с новой страницы. Я знаю, прямо сейчас ты не станешь этого делать, и это нормально. Просто оставь дверь открытой.

— Генри, я отозвала свои показания по твоему делу, — сказала мисс Стелла. — Судья Хузер живет через улицу от меня. Я пошла к нему и сказала, что ошибалась. Генри, я не рассчитываю, что ты простишь меня прямо сейчас, но я хочу, чтобы ты знал, что я попыталась исправить свою ошибку. Пожалуйста, попытайся простить меня.

Гнев, который с такой быстротой и силой заполонил меня, начал стихать, и я, придя в себя, понял, что месса еще не закончилась, и что сейчас не время, да и не место продолжать затеянный мной разговор. Я выставил себя дураком.

— Давайте вернемся внутрь, — сказала сестра Асенсьон. — Хен, пожалуйста, и ты тоже. Ты часть этой церкви и часть этой семьи, и мы знаем, что тебе больно, и хотим поддержать тебя. Ведь мы должны помогать друг другу. В хорошие времена или в плохие — неважно. Всегда. Ты зайдешь?

Я стоял и был не в силах пошевелиться, не в силах заговорить.

— Идем, — сказала Анна и взяла меня за руку.

Глава 132

Это правда?

Позже, пока я, стоя в церковном холле, наливал себе кофе, ко мне подошла мисс Джейн Стэтлер.

— Хен, это правда? — спросила она, крепко установив трость между ног.

— Что правда, мисс Джейн?

— Что ты гомосексуалист. А ты думал, о чем я?

— Ну...

— Ну тогда благослови тебя Бог, и это все, что я имею сказать. Как по мне, миру бы не помешало еще немного гомосексуалистов. Один стрижет меня много лет. Серьезно, нам такие люди нужны.

— Что ж, спасибо, мисс Джейн.

— А то развелось нынче всяких *стилистов*! Да я бы им ослиную гриву не доверила

подравнять, не то что волосы человека. А эти девицы, разгуливающие с челками до самых носов... идиотки, Хен, честное слово. Мир заполнили одни идиоты. Сколько их пересидело у меня за партами в школе, не сосчитать. Если уж в мире есть место для идиотов, то найдется место и для тебя, и для всех остальных гомосексуалистов, которые хотят жениться и заводить детей. Все лучше, чем ездить в Мемфис в бар с голыми титьками. Разве я не права? Это, конечно, просто мое личное мнение, и если захочешь получше понять, что я имею в виду, то когда-нибудь я расскажу тебе историю своей младшей сестры Си Си. Она была замечательной женщиной, и я ни слова в ее адрес не потерплю. Господь не создает плохих людей. Разве я ошибаюсь, Хен?

— Нет, мэм.

— И ты, Хен, не плохой человек. Если хочешь знать мое мнение — а оно никого больше не интересует, потому что я старая, и у меня с Четвертого июля не шевелилось в кишках, — но если ты меня спросишь, то я скажу, что тебе надо вернуть сюда свою тощую задницу и снова играть на мессах. Без тебя все не так, Богом клянусь, и я не знаю и знать не хочу, почему тебя выгнали, но думаю, что кое с кем в этой церкви следует хорошенько поговорить. Так, а где теперь твой мальчуган?

Я опустил глаза и ничего не ответил.

— Не переживай, — непререкаемым тоном сказала она. — Если Господь послал тебе испытание, он же и проведет тебя через него. Если, конечно, речь не о каком-нибудь жирном богатом ублюдке и игольном ушке, потому что жирным ублюдкам через игольное ушко не пройти, и это ясно, как день. Кто это там? Вдова Руби? Прошу прощения, Хен.

И мисс Джейн торопливо ушла.

Глава 133

Я должен жить дальше

— Что мы здесь делаем? — спросил Сэм.

— Просто идем со мной.

Я вышел и побрел между надгробными плитами, пока не нашел могилу мамы и папы. Сэм молча встал рядом со мной. Через минуту он взял меня за руку.

— Я никогда их не навещал, — сказал я, глядя на двойное надгробие. — Должно быть, это тетя Ширли заказала плиту, потому что я этого не помню.

— Ради твоей матери она взяла все хлопоты на себя, — напомнил мне Сэм. — Помнишь? Ты отказался, потому что был зол.

Я кивнул. Потом долгую минуту смотрел на надгробие и могилы.

— Хен, что мы здесь делаем? Холодно, и нам надо быть дома, готовиться к возвращению Иши. Завтра слушание.

— Я и готовлюсь.

— О?

— Мне надо сказать маме и папе, что я больше не могу таскать их с собой. Я должен жить дальше. У меня теперь есть и другие дела. Я не хочу, чтобы они думали, будто мне стало на них наплевать, потому что это неправда. И вместе с тем правда. Бессмыслица, да?

— Нет, почему.

— Ты поговорил с адвокатом про усыновление? О том, чтобы усыновить ребенка за пределами штата?

— Хен, ты же знаешь, что да.

— Значит, вернем мы Иши назад или нет, мы усыновим ребенка? Да? Мы станем семьей?

— Если ты этого хочешь — конечно, но сначала мы вернем Иши.

— Я совершил с ним ошибку. Пообещал то, что не мог ему дать. Но я больше не повторю ее.

— Никаких ошибок ты с ним не совершил. Разве можно было предугадать, что случится?

— Я причинил ему боль.

— Неправда.

— Я не должен был давать Иши надежду. Я не должен был обещать, что он сможет остаться у нас.

— Мы вернем его, поэтому заканчивай так говорить. Хен, дико холодно. Зачем мы сюда приехали, черт побери?

— Мне надо сказать маме и папе, чтобы они убрались к дьяволу из моей жизни. Пусть убиваются на хер, и все. Хватит преследовать меня каждый день. Мне жалко их. Правда жалко. Не хочу показаться грубым, но я в том, что они сотворили, не виноват.

— Никто никогда и не обвинял тебя.

— Я хочу, чтобы они оставили меня в покое. Не могу я больше этого выносить, и у меня больше нет слез их оплакивать. Я устал. Очень устал.

— Я знаю.

— Просто пусть оставят меня в покое, и все.

— Так и будет.

— Я больше не хочу о них думать. Я попросил сестру Асенсьон, чтобы она попросила отца Гуэрру отслужить мессу за упокой их душ, но это максимум, что я могу для них сделать. Я хочу, чтобы все закончилось прямо сейчас. Пусть оставят меня в покое. Я хочу жить своей жизнью, заниматься тем, чем хочу. Как думаешь, они поймут меня?

— Уверен, что да.

Мы надолго замолкли.

— Ну? — наконец спросил Сэм.

— Мне надо сделать еще одну вещь, а потом можно будет уйти. Посмотри, никто не идет?

— Мы здесь одни.

— Следи все равно.

— Зачем?

— Затем, что я хочу помочиться на папочкину могилу.

— Хен!

— Он заслужил это. И мне потом станет легче.

— Ты не станешь этого делать!

— Смотри.

Пока он не успел остановить меня, я расстегнул джинсы, взялся за член и выпустил струйку мочи.

— Господи, Хен! — сокрушенно воскликнул Сэм.

— Извини, но я хотел это сделать очень, очень давно.

Стоя там с членом в руке, я впервые за несколько лет испытал небывалое чувство

свободы. Вместе с мочой, лившейся на могилу отца, с моих плеч словно стекал тяжелый груз.

— Я не верю своим глазам, — пробормотал Сэм.

— Мама меня понимает.

— Ну а я — нет. Все. Теперь мы можем уйти?

Глава 134

Судьбоносное заседание

На следующее утро, когда мы на двадцать минут раньше приехали в суд, меня поразило то, сколько нас ждало людей. Среди них была сестра Асенсьон с сестрой Лурдес, а также Анна, Келли и еще несколько прихожан. Родители Сэма — в сопровождении Присциллы, Ларри и Мэри Бет — приехали еще раньше нас. Пришел Джо Гэллант с подружкой. Шелли на утро закрыла клинику и теперь стояла здесь рука об руку с Гвен. Они помахали нам, когда мы подошли.

Наблюдал за всем этим, конечно, Марк Фусберг, который рыскал вокруг с фотоаппаратом и сотовым телефоном и снимал всех подряд.

Неподалеку стоял Калкинс с тремя своими людьми.

При виде толпы я слегка испугался. Сэм взял меня за руку, ободряюще улыбнулся. Я, в целом, не нервничал, как в прошлый раз. Я был зол. Невероятно, неопишимо зол. И был готов выплеснуть эту злость на ублюдка-судью.

— Покажи им там, Хен, — сказала Гвен, когда мы с Сэмом дошли до двойных дверей зала суда. — И помни — мы за тебя.

Я кивнул.

Майкл Раглэнд, знакомый адвокат Сэма, встретил нас у дверей и завел внутрь. Мы прошли вперед и заняли наши места.

— Сара подписала отказ? — сразу же спросил его Сэм.

Раглэнд покачал головой.

— Ты же обещал убедить ее!

— Сэм, я пытался. Как только мог. Но она упрямая. Думает, вы блефуете.

— И что нам теперь делать?

— Если судья не передаст вам опеку, мы обсудим несколько вариантов. Нам необходимо, чтобы Сара подписала отказ — как только она это сделает, все сразу закончится, и станет неважно, что считает судья.

— Ты же обещал мне помочь.

— Сэм, я стараюсь. Утром я еще раз съездил к ней в изолятор, объяснил всю важность этой бумаги и на случай, если она передумает, оставил ей форму. На данный момент ничего больше сделать нельзя.

— Она разве не понимает, что мы можем отдать улики полиции, и ее посадят за непредумышленное убийство?

— Она думает, это блеф.

— Господи, твоя сестра меня доконает, — сердито пробормотал Сэм, взглянув на меня.

Мимо прошел шеф Калкинс со своими людьми. Калкинс наградил Раглэнда долгим взглядом, выражение его лица было непроницаемо.

— Говорить буду я, — сказал Раглэнд своим глубоким, хорошо поставленным голосом, когда Калкинс ушел. Он напоминал мне одного красноречивого типа из телевизора, но кого

именно, я вспомнить не мог. — Судья предоставит решение, мы предоставим ответ, и на этом все. Поняли?

Мы с Сэмом кивнули.

— Только без неожиданностей, — добавил он, выглянув из-за Сэма, чтобы посмотреть на меня.

— Буду нем, — пообещал я.

— Смотри, не забудь, — ответил он непререкаемым тоном.

Спустя несколько тревожных минут из боковой двери вышла Дарлин Уилсон. Подойдя к своему месту, она, сделав паузу, обернулась и улыбнулась нам. Потом так же внезапно появился судья, и пристав сказал, чтобы мы встали.

— Доброе утро, — добродушно проговорил судья, усаживаясь в свое кресло и перебирая бумаги.

Мы тоже промямлили «доброе утро» в ответ.

— В деле касательно Ишмаэля Гуда решение принято, — сказал он.

Потом сделал паузу и уставился на меня — казалось, на вечность, но на самом деле, конечно, прошло не больше пары секунд. Я старался не ерзать, но его взгляд выводил из себя.

— Я считаю, — продолжил он наконец, — что в свете сложившихся обстоятельств Ишмаэлю Гуду не следует...

Его прервал помощник шерифа, который с какой-то бумагой в руке вбежал в зал суда.

— Что это? — спросил Хузер с раздраженным выражением на лице.

— Это из следственного изолятора, ваша честь, — ответил тот. — Сказали доставить как можно скорей.

Хузер взял у него бумагу, положил на стол перед собой, разгладил ее.

Сэм, подняв бровь, взглянул на меня — с нервозностью и надеждой одновременно.

— Что это? — прошептал я.

— Может, Сара подписала отказ...

Меня будто ударило током. Неужели она передумала? Неужели она поняла, что я на самом деле готов послать ее к черту и передать шефу Калкинсу ту обувную коробку с гильзой и окровавленной тряпкой внутри? Мой желудок болезненно сжался, и я вцепился в Сэмову руку.

Боже, пожалуйста. Ну пожалуйста...

— Что ж, — сказал Хузер, оторвав взгляд от бумаги. — То, что я вижу перед собой, является отказом от родительских прав на Ишмаэля Гуда, подписанным Сарой Гуд. Таким образом, это дело больше не требует судебного разбирательства, и постоянным опекуном вышеупомянутого ребенка становится Генри Гуд. Мисс Дарлин, вы не могли бы привести ребенка в зал заседаний?

— Да, ваша честь, — сказала она и скрылась за боковой дверью.

— Что происходит? — шепотом спросил я у Сэма.

— Они ведут Иши.

— Что?

— Сара все подписала, и теперь необходимости в слушании нет. Они приведут его прямо сейчас.

— Правда? — спросил я, слишком ошеломленный для того, чтобы осмыслить, что происходит. Дожидаясь, когда вернется Дарлин, я едва мог дышать.

Когда дверь после бесконечной минуты снова открылась, первым из нее вышел Иши. Увидев меня, он на секунду застыл. Потом вскрикнул:

— Дядя Хен! — И помчался ко мне.

Сердце чуть не выскочило у меня из груди. Я встал со стула и, упав на колени, поймал его, обнял и крепко сжал. Его присутствие внезапно заполонило меня всего — его запах, его хрупкое тельце, мягкость кожи, его радость и счастье, прищуренные глаза и очки рок-звезды.

Это был мой Иши.

Наконец-то.

— Дядя Хен! — воскликнул мне на ухо он, и его руки крепко обвили меня вокруг моей шеи. — О, дядя Хен.

— Иши, все теперь хорошо, — прошептал я. — Ох, малыш, все хорошо.

— Ну здравствуй, ковбоек, — сказал, присев с нами, Сэм.

— Дядя Сэм! — всхлипнул он.

Мы все прямо там и тогда обнялись. Я начал плакать. Иши тоже заплакал. На грани слез был, кажется, даже Сэм.

— Всем встать! — распорядился пристав, когда судья поднялся на ноги.

Глава 135

Ты же Гуд, верно?

Я вынес Иши из зала суда. Он был уже слишком большой, чтобы носить его на руках, но я не хотел отпускать его, так что усадил себе на бедро, а Сэм открыл перед нами двери.

Нас встретили возгласы радости.

Эмоции настолько захлестывали меня, что пришлось вместе с Иши сесть на скамейку, чтобы вытереть слезы и попытаться взять себя в руки.

— А вот и моя маленькая козявка! — воскликнула Гвен.

— Я не козявка, мисс Гвен! — сказал Ишмаэль.

— Еще какая козявка, — ответила Гвен. — Иши, у нас для тебя есть подарок. Немного попозже мы завезем его к вам домой. Ты как, ничего?

Он улыбнулся.

— Твой дядя Хен жутко беспокоился за тебя, но я сказала ему, что с тобой все будет в порядке. Ты же Гуд, верно?

Иши кивнул.

— Твой дядя Хен заботился о Бо за тебя, — прибавила Шелли. — Уверена, ей не терпится поскорее увидеть тебя.

— С Бо все хорошо, дядя Хен?

— Хороший мой, с ней все прекрасно.

— Ты кормился ее? Каждый день?

— Малыш, ты же знаешь, что да. Она так соскучилась по тебе.

— Я по ней тоже. Дядя Хен, думаешь, она помнит меня?

— Ну конечно же помнит.

— Хен, я так счастлива за тебя, — сказала, вытирая глаза платком, сестра Асенсьон. — Как дела, Иши? Мы соскучились по тебе.

— Дядя Хен плачет, — сказал Ишмаэль, с тревогой взглянув на меня.

Он был прав: я уже всхлипывал.

— Просто я так счастлив видеть тебя, вот и все. — Я вновь крепко обнял его и поцеловал в макушку.

— Давай, ковбоец, — сказал Сэм, потянувшись к нему. — Сходим к бабуле. Помнишь свою бабулю? Дедуля тоже хочет увидеть тебя, и дядя Ларри.

Сэм забрал его у меня, а я закрыл руками лицо и заплакал.

Сестра Асенсьон обняла меня за плечо.

— Я же тебе говорила, — прошептала она мне на ухо. — Пришлось подключить тяжелую артиллерию, чтобы это случилось. Так что знай, Генри Гуд, ты мой должник.

Глава 136

Я хочу, чтобы наш дом стал настоящим домом

— Ну что, мама-медведица? — сказал тем вечером Сэм, глядя на меня с другого края постели.

Я улыбнулся.

Иши спал между нами, его тельце утопало в пижаме Капитана Америки, бледное личико было расслабленным, умиротворенным.

— Сэм, прости меня за все, — тихо произнес я.

— Тебе не за что просить прощения, Генри Гуд. Отныне и навсегда — нас теперь трое. Окей?

Я кивнул. Потом воскликнул:

— Вот черт! Уже почти Рождество, а мы ничего не сделали. Даже не поставили елку. Нельзя же провести наше первое Рождество без елки.

— Значит, мы поставим ее завтра. Не переживай.

— Это будет лучшее в истории Рождество, и я хочу, чтобы все было идеально. Я ведь даже не придумал, что ему подарить. Ну что я за дядя такой?

— Самый лучший, — ответил он.

— Ты так думаешь?

— Я так знаю.

— Нет, ты правда так думаешь?

— Ну конечно.

— Ты тоже неплох.

— Что ж, рад, что ты наконец-то заметил!

Я опустил взгляд на Иши. Просто не смог удержаться. Я то и дело посматривал на него, словно боясь, что кто-то придет и вновь украдет его.

— Сэм, правда. Прости за все, — сказал я. — Без твоей помощи я бы не справился, и я не знаю, как отблагодарить тебя.

— О, ты знаешь, — сказал, улыбаясь, Сэм. — Ты *в точности* знаешь, как это сделать.

— Ты когда-нибудь думаешь не о сексе?

— Я же не виноват, что ты такой сексуальный зверюга. Ну... так что скажешь?

— Сэм, я устал. Очень, очень устал.

— Что? То есть, теперь, когда дома ребенок, сексом заниматься больше нельзя?

— Тебя устроит, если я скажу, что люблю тебя и считаю, что ты бесподобен?

— Возможно, — ответил он и, дотянувшись, коснулся моей руки. — Но потом ты мне все возместишь.

- Ты же знаешь, что возьмешь, шлюшка ты похотливая.
- Обожаю, когда ты сквернословишь.
- У нас будет отличное Рождество, правда ведь?
- Самое лучшее.
- Так что ему подарить?
- Давай решим завтра. Сэмстер тоже немного устал.
- Хорошо. Я люблю тебя, Сэм.
- Я тоже люблю тебя, Хен.

Глава 137

Ты единственный, кто поймет

- Что это? — спросил Сэм, когда я поставил стул перед рождественской елкой и с гитарой в руках сел на него.
 - Твой подарок на Рождество, Сэм Рейкстро, — сказал я.
 - Ты будешь петь для меня?
 - Я написал для тебя песню.
 - Правда? Ого. Самое время.
 - Дядя Хен будет петься? — спросил Ишмаэль, оторвавшись от набора с железной дорогой.
 - Ковбоец, иди сюда, — сказал Сэм. — Давай послушаем твоего дядю Сэма. Он сочинил песню.
 - Суперски! — объявил Ишмаэль, радостно забираясь к нему на колени.
 - Она получилась слегка грустноватой, — сказал я, — но это начало. Верно?
 - Еще как, черт побери, — сказал Сэм.
 - Да, — согласился Иши. — Еще как, черт побери, дядя Хен.
 - Не говори плохих слов, — одернул его Сэм.
 - Но ты сказал его первым!
 - Да, сказал. Ну все, тише, давай слушать, как Хен поет.
- Я закончил настраиваться.
- В общем, начало такое.
- Я сыграл вступительные аккорды.

*Когда я не могу петь,
Ты слушаешь тишину
А когда не могу говорить,
Ты произносишь слова за меня
Ведь ты понимаешь меня,
Как никто
И никогда ничего не просишь взамен
И я бы солгал,
Если б сказал, что понимаю,
Почему ты так добр ко мне...*

Ведь иногда я теряюсь в собственных мыслях

*И не знаю, что хочу там найти
Иногда я сбиваюсь с пути
И отталкиваю тебя*

*Но когда я оказываюсь в темноте,
Ты зажигаешь мне свет
А когда мне становится страшно,
Ты берешь меня за руку
Ведь ты понимаешь меня,
Как никто
И никогда ничего не просишь взамен
И я бы солгал,
Если б сказал, что понимаю,
Почему ты так добр ко мне...*

Закончив, я поднял глаза. Сэм смотрел на меня, и в уголках его глаз были слезы. Я не планировал, чтобы он заплакал. Я лишь хотел поведать ему о своих чувствах. — Сэм, я думаю, ты единственный человек во всем мире, кто поймет ее, так что эта песня твоя.

Сэм встал, подошел ко мне и поцеловал меня в макушку.

— Я люблю тебя, Генри Гуд. Никогда об этом не забывай. — Он снова поцеловал мою голову.

— Так, только не целуй меня туда, — сказал я. — Я тебе не собака.

Он крепко поцеловал меня в губы.

— Фу! — завопил Ишмаэль.

— Сейчас я покажу тебе «фу», — пообещал Сэм, поворачиваясь к нему.

Ишмаэль взвизгнул и побежал, а Сэм погнался за ним.

Эпилог

Днем — вместе с Иши, закутанным, как снеговик — я поехал в окружной изолятор навестить Сару. Иши нарисовал для нее рождественскую открытку, а в качестве подарка выбрал во «Всегда экономь» коробку конфет. Он с гордостью заплатил за нее своими карманными деньгами, радостно просияв, когда Дебби звякнула кассой и дала ему сдачу.

— Она теперь выздоровелась? — спросил Иши, пока мы шли по парковке.

— Думаю, да, — сказал я.

— А она меня вспомнится?

— Хороший мой, ну конечно она вспомнит тебя.

— Она останется там навсегда?

— Боюсь, довольно надолго. Скоро ее, наверное, отправят в другое место, но ничего, мы все равно сможем ее навещать.

Мы прождали в «семейной комнате» по ощущению небольшую вечность. Поскольку пришло Рождество, персонал пребывал в хорошем настроении, но все же атмосфера была подавленной, словно в тюрьме Рождеству не полагалось быть чересчур праздничным.

В конце концов к нашему столу привели Сару.

— Мама? — тихо произнес Ишмаэль.

— Привет, Иши. — Она неуверенно улыбнулась.

Ишмаэль посмотрел на меня.

— Давай, — сказал я. — Обними свою маму.

Ишмаэль робко подошел к матери и обнял ее. Сара взглянула поверх его головы на меня. Ее глаза были полны печали.

— Он принес тебе открытку и подарок, — сказал я.

Она села за стол, прочитала открытку, открыла коробку конфет. И разрыдалась.

— Мама?

— Иши, все хорошо. — Я взял его за руку. — Она немного разволновалась, но все в порядке. Просто ей тяжело.

Сара сидела и плакала, закрывшись руками, почти пять минут.

— Если хочешь, мы можем уйти, — сказал я.

— Нет, — сказала она. — Извините. Хен... просто я так обо всем сожалею. Я сейчас. — Она отчаянно пыталась взять себя в руки.

— Я хотел поблагодарить тебя за то, что ты подписала бумаги, — сказал я. — И еще хотел, чтобы ты знала, что тебе можно больше не волноваться об Иши. С ним все будет хорошо. Когда будешь готова, сообщи, и я приведу его повидать тебя.

Ничего не ответив, она молча утерла глаза.

— Ну, мы пойдем. — Я встал на ноги.

— Хен, я подписала их не ради тебя, — сказала она и подняла взгляд на меня.

Я ждал продолжения.

— Я хочу, чтобы все закончилось, — сказала она и кивнула, словно в подтверждение своих слов. — Прямо сейчас. Я уже рассказала все Калкинсу. На прошлой неделе. Так лучше всего. Пусть вся правда выйдет наружу. Я не могу больше лгать.

— Я рад это слышать.

— Нет, ты не рад. Ты ведь знаешь, что я сделала. Я отняла у тебя маму и папу. Но я не хотела их отнимать. Просто в тот день я так разозлилась... я... будто сошла с ума. Но я знаю, что ничего не закончится до тех пор, пока не выйдет наружу, и я просто хотела сказать, прости меня, Хен. Прости за то, что я тебе сделала. За то, что сделала папе. За то, через чье тебя провела. Наверное, ты меня ненавидишь.

— Я не ненавижу тебя, и ты не обязана извиняться.

— Нет, обязана, — сказала она, крутнув головой. — Я поняла, что обязана все сделать правильно. Только так мне станет лучше.

— Я думаю, у тебя все наладится, Сара.

— Ты правда так думаешь?

— Да, — сказал я. — Ты хорошая, Сара. Просто... на какое-то время сбилась с дороги. Но твоей вины в этом нет. И я знаю, что ты найдешь путь назад. Ты же Гуд, разве нет?

Она выдала еле заметный намек на улыбку.

— Наше время подходит к концу. Иши, поцелуй свою маму. Нам пора уходить.

Ишмаэль поцеловал Сару в щеку, а она обняла его и долго держала, зарывшись в его волосы носом, сжимая его, не желая его отпускать.

— Скажешь «пока»? — предложил я.

— Пока, мама, — сказал он тоненьким голоском.

— Пока, малыш, — сказала она.

- Пока, Сара, — сказал я.
- Хен, спасибо тебе.
- Скоро увидимся.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net